

Е.М. П Р И М А К О В

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

в 10-ти томах

Торгово-промышленная палата
Российской Федерации

Издание собрания сочинений Е.М. Примакова осуществлено при поддержке следующих лиц и организаций:

- Публичное акционерное общество «Сбербанк России»,
Президент-Председатель Правления — Греф Герман Оскарович;
- Усманов Алишер Бурханович — основатель Благотворительного фонда «Искусство, наука и спорт»;
- «Уральская горно-металлургическая компания», генеральный директор — Козицын Андрей Анатольевич;
- Публичное акционерное общество «Трубная Metallургическая Компания», председатель Совета директоров — Пумпянский Дмитрий Александрович;
- Акционерное общество «ЕВРОЦЕМЕНТ груп», президент — Скороход Михаил Анатольевич;
- Акционерное общество «Негосударственный Пенсионный Фонд “Торгово-промышленный пенсионный фонд”», президент фонда — Рошак Александр Валерьевич;
- Открытое акционерное общество «РТИ», генеральный директор — Боев Сергей Федотович;
- Открытое акционерное общество «Центр международной торговли», генеральный директор — Страшко Владимир Петрович;
- Закрытое акционерное общество «Экспоцентр», генеральный директор — Беднов Сергей Сергеевич.

Редакционный совет:

В.И. Матвиенко, сопредседатель

С.Е. Нарышкин, сопредседатель

С.Н. Катyrин, заместитель сопредседателей

Члены совета:

В.П. Андросов

Р.С. Гринберг

А.А. Дынкин

С.В. Лавров

В.А. Садовничий

В.Е. Форттов

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
в 10-ти томах

Том 2
ИСТОРИЯ ОДНОГО
СГОВОРА
ВОЙНА, КОТОРОЙ
МОГЛО НЕ БЫТЬ

Москва
2016

УДК 35.08:005.96

ББК 66.033.141.3

П76

Рабочая группа

(составление, введение, предисловия, комментарии, указатели,
биобиблиографические материалы):

А.М. Рыбаков (руководитель)

Г.А. Бордюгов

В.Л. Малькевич

И.Л. Митрофанов

И.Б. Примакова

А.И. Шкирандо

Научно-вспомогательная работа выполнена
в Научно-исследовательском центре
Ассоциации исследователей российского общества
(НИЦ АИРО-XXI).

Отв. за подготовку тома – *Д.Г. Коробков*

Художественное оформление, дизайн – *С.П. Щербина*

Примаков Е.М.

П76 Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 2: История одного
сговора: ближневосточная политика США в 70-е – начале 80-х годов.
Война, которой могло не быть. – М.: Издательство ТПП РФ; Изда-
тельство «Российская газета», 2016. – 608 с. – ISBN 978-5-91022-314-5.

Во второй том Собрания сочинений Е.М. Примакова вошли книги
«История одного сговора: ближневосточная политика США в 70-е –
начале 80-х годов» (1985) и «Война, которой могло не быть» (1991).
Первая работа посвящена анализу предпосылок и последствий Кэмп-
Дэвидских соглашений 1978 года и рассмотрению ключевых момен-
тов ближневосточной политики США в 1970–1980-е годы. Вторая ра-
бота представляет собой хронологическое описание развития собы-
тий в ходе войны в Персидском заливе 1990–1991 годов.

УДК 35.08:005.96

ББК 66.033.141.3

© Примакова И.Б., 2016

© ТПП РФ, 2016

© ЗАО Издательство «Российская газета», 2016

© Рабочая группа проекта, 2016

ISBN 978-5-91022-314-5

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ..... 11

ИСТОРИЯ ОДНОГО СГОВОРА: БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА США В 70-е – НАЧАЛЕ 80-х ГОДОВ

ОТ АВТОРА..... 15

ВВЕДЕНИЕ..... 17

Часть первая

КАК ЭТО СТАЛО ВОЗМОЖНЫМ

Глава 1

ЕГИПЕТ ПОД ВЛАСТЬЮ САДАТА

I. Сразу после смерти Насера..... 21

II. Новые акценты во внешней политике Египта.

Психологический облик Садата 29

III. Секретный канал связи с Вашингтоном 41

IV. Логика соглашательства с США – путь
к антисоветизму 47

V. Война 1973 г.: политическая изнанка 60

VI. Шаг за шагом от всеобъемлющего
урегулирования 80

VII. «Челночная дипломатия» в интересах
США и Израиля..... 91

VIII. Экономика «открытых дверей»..... 97

IX. Бесславный конец Садата 109

Глава 2

**НАИБОЛЕЕ ПОДХОДЯЩАЯ ФИГУРА В ИЗРАИЛЕ
ДЛЯ СГОВОРА – БЕГИН**

I. Идеологическая платформа Бегина
и политическое наследие 118

II. Иерархия экспансионистских целей 127

III. «Израильский ядерный вариант» 139

Глава 3
ОТХОД США ОТ РАЗРЯДКИ – БЛАГОПРИЯТНОЕ
УСЛОВИЕ КЭМП-ДЭВИДСКОГО СГОВОРА

- I. Новые акценты в стратегических построениях США 160
- II. Милитаризация ближневосточной политики США: мифы и причины 171
- III. «Закономерности» ужесточения подходов США к ближневосточному конфликту 178

Часть вторая
КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО

Глава 4
САДАТ В ИЕРУСАЛИМЕ

- I. Израиль: выход на садаатовский Египет 194
- II. Роль США: последние штрихи подготовки 207
- III. Поездка в Иерусалим – поворот от всеобъемлющего урегулирования..... 213
- IV. Формула по Западному берегу реки Иордан: отказ от вывода войск 232

Глава 5
СДЕЛКА В КЭМП-ДЭВИДЕ

- I. Для чего нужны были «Рамки мира» 242
- II. Фактическое принятие израильской платформы 250

Часть третья
К ЧЕМУ ЭТО ПРИВЕЛО

Глава 6
ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ РЕКИ ИОРДАН И СЕКТОР
ГАЗА: УКРЕПЛЕНИЕ ИЗРАИЛЬСКОГО
КОНТРОЛЯ

- I. Ползучая аннексия..... 263
- II. Препятствие на пути экспансии – Организация освобождения Палестины 275

Глава 7

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ЛИВАНЕ

I. Подготовка агрессии	300
II. Выбор времени – ставка на раскол арабского мира	310
III. Вторжение в Ливан. Координация действий Израиля и США	322
IV. Анализ голосования в ООН, или как Вашингтон помог агрессору.....	340
V. Цели «миссии Хабиба»	346
VI. Кровавый погром в Бейруте.....	353
VII. Следующий этап американской «игры»	361
ПОСЛЕСЛОВИЕ	396

ВОЙНА, КОТОРОЙ МОГЛО НЕ БЫТЬ

Альтернатива существовала	405
Хельсинки: определение общего подхода.....	412
Немного истории	416
По пути в Ирак.....	424
Багдадские страсти.....	431
Прямой разговор	435
От разовой поездки – к миссии	442
Тревоги Западной Европы	449
В США не все просто	454
А «железной леди» все ясно.....	461
Снова на Ближний Восток.....	464
В Багдаде без изменений?	474
На земле Саудовской Аравии	481
Опять в США, но по другому случаю.....	488
И все-таки война.....	491
Военный Багдад: начало прозрения?	498

«План Горбачева»	506
Последний акт драмы	516
Раздумья после дороги	524
К арабо-израильскому урегулированию: новые реалии	528
Фактор нефти	540
И в конце концов – советско-американские отношения.....	544

ПРИЛОЖЕНИЯ

Примечания	561
Именной комментарий	566
Именной указатель	592
Географический указатель.....	599
Список сокращений	605

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во второй том Собрания сочинений Е.М. Примакова вошли книги «История одного сговора: ближневосточная политика США в 70-е – начале 80-х годов», выпущенная «Издательством политической литературы» в 1985 году (тираж 150000 экземпляров), и «Война, которой могло не быть», выпущенная издательством «Новости» в 1991 году (тираж 25000 экземпляров).

Основной темой книги «История одного сговора» является подписание Израилем и Египтом Кэмп-Дэвидских соглашений 1978 года. В работе подробно рассматриваются предпосылки и последствия этого события, приводятся психологические портреты премьер-министра Израиля Менахема Бегина и президента Египта Анвара Садата, анализируется роль, сыгранная Соединенными Штатами Америки в развитии израильско-египетских отношений. Сам автор называет свой труд продолжением книги «Анатомия ближневосточного конфликта» (1978), публикуемой в первом томе Собрания сочинений.

Работа «Война, которой могло не быть» представляет собой хронологическое описание развития событий в ходе войны в Персидском заливе – от вторжения иракских войск в Кувейт 2 августа 1990 года до операции многонациональных сил «Буря в пустыне» в январе–феврале 1991 года. Поскольку в описываемый период Е.М. Примаков, как личный представитель президента СССР М.С. Горбачева, сам являлся участником переговоров с западными лидерами и иракскими руководителями,

данное сочинение имеет отчасти мемуарный характер. Название книги повторяет основной тезис автора, согласно которому можно было избежать масштабного вооруженного конфликта и добиться вывода иракских войск из Кувейта политическим путем.

Книга «История одного сговора» печатается в данном томе с незначительными сокращениями. Книга «Война, которой могло не быть» повторяет оригинальное сочинение Е.М. Примакова в полном объеме. Ссылки и пояснения, которые дает автор, помечены звездочками и даются в конце страницы. В Приложении к тому даются подготовленные Рабочей группой проекта Примечания, Именной комментарий, Именной и Географический указатели, Список сокращений.

ИСТОРИЯ ОДНОГО СГОВОРА

**Ближневосточная политика США
в 70-е – начале 80-х годов**

ОТ АВТОРА

Книга о внутренних пружинах кэмп-дэвидского соглашения, об обстоятельствах и условиях, которые способствовали его осуществлению, о его последствиях есть в то же время книга о политике Соединенных Штатов Америки на Ближнем Востоке в 70-х – начале 80-х гг.

Подготовка к сепаратномуговору Египта с Израилем была начата Соединенными Штатами сразу же после смерти выдающегося руководителя Египта, общепризнанного лидера в арабском мире Г.А. Насера. Лишь в результате тех изменений, которые произошли в Египте после смерти Насера, удалось вовлечь эту страну в сделку, которая имела негативные последствия для арабского мира, для всей обстановки на Ближнем Востоке.

К сделке – «обмену» захваченного Израилем в 1967 г. Синая на сохранение за Израилем контроля над тоже захваченными в 1967 г. территориями Западного берега реки Иордан и сектора Газа – вела политика и пришедшего к власти в Тель-Авиве блока «Ликуд», возглавлявшегося Бегинном.

Но ни Садат, пришедший к власти в Египте после смерти Насера, ни Бегин сами по себе не могли бы привести дело к кэмп-дэвидскомуговору, если бы не активная линия пробивающих к нему путь Соединенных Штатов.

При этом Вашингтон не просто подтягивал две страны друг к другу, как писала об этом западная буржуазная печать. В действительности по мере продвижения к сепаратной сделке Египет становился все ближе к позиции

Израиля, который по-прежнему исходил из своих экспансионистских интересов. Что же касается Соединенных Штатов, то Кэмп-Дэвид обеспечивал и их гегемонистские интересы, главным образом в военно-политической области.

Автор книги стремился показать всю эту реально существующую картину, обычно прикрытую или вообще скрытую за покрывалом лицемерных рассуждений американских политиков о мире, безопасности, стабилизации обстановки на Ближнем Востоке.

В 1978 г. увидела свет книга того же автора «Анатомия ближневосточного конфликта», в которой была сделана попытка вскрыть корни, показать внутренние пружины развития ближневосточного конфликта. В определенной степени новая книга «История одного сговора», предлагаемая вниманию читателя, является продолжением предыдущей.

Автор благодарит всех товарищей, которые помогли ему добрыми советами в написании этой книги.

ВВЕДЕНИЕ

26 марта 1979 г. в два часа дня по вашингтонскому времени на лужайке перед Белым домом в присутствии нескольких сот гостей и многочисленных корреспондентов премьер-министр Израиля М. Бегин и президент Египта А. Садат подписали текст египетско-израильского договора. Вместе с ними на специально сколоченной платформе, к которой были прикованы зрочки теле-, кино- и фотокамер, находился полноправный участник кэмп-дэвидского сговора президент США Дж. Картер. Раздались аплодисменты. Последовали высокопарные, на этот раз немногословные речи – все уже успели выговориться накануне. На этом церемония закончилась.

Она была подготовлена целой серией событий: сначала состоялся сенсационный вояж президента Садата в Иерусалим в ноябре 1977 г. Это был неожиданный визит для всех тех, кто справедливо считал Египет неотъемлемой, органичной частью арабского мира и одним из главных участников борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии 1967 г. Очень немногие, буквально единицы, были посвящены в тайную подготовку поездки Садата, проходившую при участии Соединенных Штатов, и в то же время не единицы, а сотни миллионов людей были осведомлены о позиции остальных арабских стран и палестинского движения сопротивления, настаивавших, чтобы Садат не предпринимал сепаратные, несогласованные шаги и не ослаблял тем самым позиции

борцов против экспансионизма Израиля. Тем не менее визит состоялся. За ним последовал в сентябре 1978 г. в загородной резиденции президента США Кэмп-Дэвиде тройственный сговор, наметивший контуры египетско-израильской сделки.

Накануне подписания договора между Израилем и Египтом, когда нужно было окончательно выкрутить руки партнерам, упиравшимся по некоторым второстепенным вопросам или делавшим вид, что они упираются, на авансцену снова выступили Соединенные Штаты. На Западе широко публиковалась фотография Джимми Картера в день его возвращения из «сенсационной» ближневосточной поездки. Выйдя на трап самолета, он, как Иисус Христос, распростер руки и со слезами на глазах провозгласил, что египетско-израильский договор будет подписан.

Если даже абстрагироваться от рекламной артистичности, столь присущей многим американским президентам, то это «явление Картера народу» все-таки было символичным. Президент США, а не кто-нибудь другой, после посещения Египта и Израиля привез с собой договор между этими странами. Ни у кого не должно было быть никаких сомнений в том, что инициатором, организатором и автором договора фактически были американские политики. Подпись США в виде «свидетеля», позже появившаяся под документом, была лишь данью установленной юридической формальности.

Кэмп-дэвидский сговор был самой яркой иллюстрацией американского подхода, рассчитанного на заключение серии сепаратных, оторванных друг от друга соглашений на Ближнем Востоке. Ставка при этом была сделана на разобщение арабского мира, ликвидацию общего арабского фронта противостояния израильскому экспансионизму. Модель сепаратной сделки была с самого начала заложена в кэмп-дэвидском сговоре, а затем

в израильско-ливанском соглашении и в так называемой «инициативе Рейгана».

И отнюдь не случайно вместо широко обещанных Соединенными Штатами «разрядки» на Ближнем Востоке, «умиротворения», «продвижения по пути мира» вслед за оформлением кэмп-дэвидской сделки последовали события, которые прямо противоречили американским посулам.

Кэмп-дэвидский сговор был конкретно нацелен на то, чтобы вывести из конфронтации с Израилем, исключить из борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии 1967 г. сильную в военном отношении, самую большую по населению и экономическим возможностям арабскую страну – Египет. А после того как появилась подпись Садата под египетско-израильским сепаратным договором, Израиль – этого следовало ожидать – ужесточил экспансионистскую линию по всем направлениям своей политики.

После кэмп-дэвидского сговора были приняты решения кнессета, разрешающие без всяких ограничений создавать израильские поселения на оккупированных в 1967 г. землях.

После кэмп-дэвидского сговора был окончательно сформулирован категорический отказ Израиля согласиться на создание палестинского национального государства на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа и вести переговоры с Организацией освобождения Палестины, которую все арабские страны и большинство других государств мира признают единственным законным представителем арабского палестинского народа.

После Кэмп-Дэвида кнессет вопреки резолюциям ООН, международному праву, мировому общественному мнению принял «закон» о «вечной» столице Израиля в «неразделенном» Иерусалиме, что означало юридическое оформление аннексии восточной части этого города, захваченной Израилем в 1967 г.

После Кэмп-Дэвида Израиль, грубо попирая все нормы международного права, нанес удар по сооружаемому для использования в мирных целях ядерному реактору вблизи Багдада.

После Кэмп-Дэвида израильский парламент принял решение о распространении израильской юрисдикции на захваченные в 1967 г. Голанские высоты, что означало аннексию этой оккупированной сирийской территории.

Наконец, после кэмп-дэвидского сговора было совершено варварское нападение Израиля на Ливан, обрушившее геноцид на палестинцев и ливанское население.

Ко всему этому привел Кэмп-Дэвид.

Если мир в 80-х годах все еще продолжает сталкиваться с опаснейшими проявлениями ближневосточного конфликта, если этот конфликт порождает все новые трагедии, охватывающие целые народы – палестинский, затем ливанский, если его ликвидация не приближается, а, напротив, удаляется, то это происходит потому, что политика США поставила запруды на пути всеобъемлющего урегулирования, отвела воды по идущему в сторону от него кэмп-дэвидскому ответвлению.

Часть первая

КАК ЭТО СТАЛО ВОЗМОЖНЫМ

Глава 1 ЕГИПЕТ ПОД ВЛАСТЬЮ САДАТА

I. Сразу после смерти Насера

Сама возможность кэмп-дэвидской сделки была прежде всего связана с теми изменениями, которые произошли в Египте.

Совершенно ясно, что сделка не могла бы быть осуществлена при Г.А. Насере. Кредо этого выдающегося государственного деятеля было выражено в его выступлении в Каирском университете 25 апреля 1968 г. «Проблема ликвидации последствий израильской агрессии вовсе не сводится к выводу израильских войск только с Синая, – сказал Г.А. Насер. – Если бы дело было только в этом, то результата можно было бы добиться завтра же путем уступок. Я повторяю, поймите, если бы только нужно было освободить Синай, то все это было бы легко. Но ведь речь идет о нашей судьбе, о судьбе арабов. Для того чтобы освободить Синай, надо принять американско-израильские условия, отдать на съедение Израилю Иерусалим, За-

падный берег Иордана и другие арабские земли... Проблема не в Синае, она намного шире и глубже. Она заключается в том: быть нам или не быть. Проблема ликвидации последствий агрессии гораздо больше, нежели освобождение Синая: останемся ли мы независимым, суверенным государством или попадем в сферу влияния?! Вопрос заключается не только в необходимости решения ближневосточной проблемы. Дело в том, как и сколь честно она будет решена. Честное решение проблемы – это наше достоинство, наше будущее, наша судьба»*.

Конечно, человек с такими взглядами, стоявший во главе Египта и практически определявший его курс, не мог стать партнером США и Израиля в сделке, которая как раз и предусматривала возвращение Египту Синая в обмен на сохранение под израильской властью других оккупированных арабских территорий.

28 сентября 1970 г. Г.А. Насер умер. Сказались переутомление, перенапряжение в работе. Много горечи и переживаний доставили президенту братоубийственные иордано-палестинские вооруженные столкновения. Массу душевных сил отдал Насер подготовке и осуществлению соглашения, покончившего с кровопролитием в Иордании, – буквально накануне его смерти в Каире был подписан соответствующий документ.

И все-таки существует версия, согласно которой не было предпринято всех необходимых мер, чтобы предотвратить смерть Насера. Египетский публицист Гали Шукри в книге «Египет: портрет президента, 1971–1981» пишет: «Мы, например, знаем, что Советы дали президенту [Насеру. – *Е.П.*] мобильную реанимационную установку, оснащенную наисовременнейшей в мире медицинской техникой. Она должна была как тень следовать повсюду за президентом. Где была эта установка, когда

* *Насер Г.А.* Проблемы египетской революции. Избранные речи и выступления. 1952–1970 гг. – М.: Международные отношения, 1979. – С. 194.

президент находился в аэропорту [Г.А. Насер почувствовал себя плохо при проводах эмира Кувейта в каирском аэропорту. – *Е.П.*]? Почему она не была немедленно приведена в действие, как только его привезли домой? И после первого осмотра, когда был поставлен диагноз тромбоза? Еще оставалось два с половиной часа, а, возможно, и больше, в течение которых медицина не сделала ничего, что должна была сделать, когда на карту оказалась поставленной жизнь главы государства? Кто несет ответственность за это?..»

«Один из наиболее современных методов убийства, – продолжает Г. Шукри, – когда убийца не испытывает необходимости непосредственно лишать жизни свою жертву. Знать о мельчайших деталях состояния здоровья президента и создавать условия, сначала нарушающие это состояние, а затем приводящие к смерти, – все это вполне возможно. Так или иначе, но серьезные вопросы о последних часах президента остались пока без ответа. По меньшей мере мы можем сказать на сей счет, что эти последние часы демонстрируют “серьезную халатность” и даже вызывают предположение, что президенту позволили умереть»*.

Итак, 28 сентября 1970 г. в президентское кресло в Египте вместо умершего Г.А. Насера сел Анвар Садат. Это было обусловлено конституцией: в момент смерти Насера Садат был вице-президентом. Конечно, тогда мало кто акцентировал внимание на том, что Садат в течение трех с лишним последних месяцев не принимался Насером и даже формально не выполнял большинства своих функций. В Каире циркулировало объяснение такой опалы Садата, об этом говорили доверительно и лица, занимающие довольно высокие посты: Насеру пожаловались на Садата, жена которого настоятельно хотела

* *Shoukri Gh. Egypt: Portrait of a President, 1971–1981: The Counter-Revolution in Egypt, Sadat's road to Jerusalem. – London: Zed Press, 1981. – P. 47–48.*

купить приглянувшийся ей особняк в Каире; в ответ на отказ хозяина продать дом Садат наложил на него секвестр. Все это произошло, когда Насер находился за пределами Египта и Садат выполнял его обязанности.

Вместе с тем можно утверждать, что были более весомые и, скорее всего, принципиальные причины недовольства или, точнее, недоверия Насера к Садату.

Однако опала не привела к решению о замене Садата на его вице-президентском посту, и в результате он «унаследовал» президентство. Многие считали это временным явлением. Были и такие – в том числе достаточно серьезные наблюдатели, – которые определяли возможный срок нахождения Садата на посту президента всего в несколько месяцев. Для подобных выводов, казалось, были серьезные основания. Садат стал президентом, но реальная власть – армия, министерство внутренних дел, разведка, Арабский социалистический союз (АСС), секретная организация «Авангард социалистов» внутри АСС – все это оставалось на первых порах не под контролем Садата. Но лишь на первых порах. Прогнозы в отношении «промежуточности» фигуры Садата, около которого находились те, в чьих руках в ту пору была сосредоточена реальная власть, – Али Сабри, Шаарауи Гомаа, генерал Фавзи, Сами Шараф и другие, – не оправдались. Сказался такой феномен, как традиционное, еще со времен фараонов, преклонение в Египте перед лицом, занимающим высшее положение в иерархии государственной власти. Безусловно, сыграла свою роль и личность самого Садата. Он оказался неплохим тактиком, целеустремленным и хитрым политиком.

Свой конфликт с так называемыми «центрами силы» Садат осуществлял в условиях, когда на каждого оппозиционного деятеля – военного министра, министра внутренних дел, начальника специальных служб и т. д. – было уже заведено «дело» и в их окружение насаждены люди,

которые втайне сотрудничали с новым президентом. Садат установил тесный контакт с начальником президентской охраны – командиром республиканской гвардии. Он переиграл своих противников и в момент кризиса. Когда те, уповая на свою значимость в государстве и стремясь привести Садата к послушанию, подали коллективно в отставку и разошлись по своим домам отдохнуть – стоял жаркий каирский май, – президентская охрана без всякого труда арестовала их всех. Ключевые министерства сразу же перешли под контроль лояльных Садату людей. С этого момента – с 14 мая 1971 г. – Анвар Садат стал, по сути дела, единолично править страной. В Египте была установлена его личная диктатура.

Государственный переворот, фактически осуществленный Садатом 14 мая, принципиально облегчал проведение американской линии в Египте. Соединенные Штаты, действуя различными средствами и методами, стали стремиться обеспечить свое влияние на Садата, а затем поставить его под свой контроль, что автоматически означало контроль США над египетской внешней политикой.

Между тем – и этого не могли не заметить в Вашингтоне – Садат с самого же начала своего президентства стал проявлять склонность к соглашательству в вопросах ближневосточного урегулирования и, что было еще важнее для Вашингтона, к постепенному ослаблению тесных и многосторонних при Насере связей Египта с Советским Союзом.

Еще в первой половине ноября 1970 г. Каир для встречи с Садатом посетил руководитель разведки Саудовской Аравии Камель Адхам – доверенное лицо саудовского короля Фейсала. Адхам сказал президенту о том, что «американцев весьма тревожит» «присутствие русских в Египте». Садат ответил ему, что он прекратит это «присутствие», как только осуществится первая фаза отвода израильских войск с Синая. «Камель Адхам спро-

сил президента Садата, может ли он передать это американцам, и президент сказал, что может»*.

В США, судя по всему, высоко ценили сведения, поступающие к ним от К. Адхама. В книге «Осень гнева» один из самых информированных людей на Ближнем Востоке, сначала близкий человек к Насеру, а затем, в первые годы президентства Садата, его доверенное лицо, М. Хейкал писал: «Американцы знали, что К. Адхам, ведомство которого действовало в тесной координации с ЦРУ, в то же время был тесно связан с Садатом, что их дружба началась в первые дни исламской конференции¹ и упрочилась (это обращает на себя внимание) в ходе войны в Йемене, когда Египет и Саудовская Аравия поддерживали разные противоборствующие стороны². Действительно, связи между этими двумя людьми оказались настолько тесными, что газета “Washington Post” на одной из первых полос номера от 24 февраля 1977 г. сообщила, что К. Адхам в 60-х годах “обеспечивал Садату постоянные доходы”. Этот факт приводился в числе многих других в связи с большой утечкой секретной информации, последовавшей после “уотергейтского дела” и рассекречивания документов американских спецслужб... Как бы там ни было, но, когда Садат стал президентом Египта, К. Адхам был в числе первых, посетивших его в новом качестве, а затем он чаще бывал у Садата, чем другие»**.

Да и сам Садат целенаправленно передавал через Адхама американцам намеки, а иногда и точные данные о своих намерениях.

О настроениях Садата руководители США могли судить и по отдельным акцентам в его публичных выступлениях. Конечно, особенно первые речи и интервью Садата пестрели фразами «о продолжении линии Насера»,

* *Heikal M. The Road to Ramadan.* – London: Collins, 1975. – P. 120.

** *Heikal M. Autumn of Fury. The Assassination of Sadat.* – London: André Deutsch, 1983. – P. 43.

«о благодарности в адрес Советского Союза», «о неприимиримости египетской позиции в отношении сионизма и империализма», «о долге защищать интересы всей арабской нации» и т. д. и т. п. Однако уже в этих первых заявлениях присутствовали нотки, свидетельствующие о предрасположенности, а затем и о готовности Садата к «игре» с США.

В этой связи могут быть приведены следующие места из выступлений Садата, которые – в этом нет никакого сомнения – внимательно анализировались американскими политиками и сыграли свою роль в принятии Белым домом, Госдепартаментом и ЦРУ решения вступить в контакт с Садатом.

28 декабря 1970 г., то есть через три месяца после того, как Садат сел в президентское кресло, он заявил в интервью газете «The New York Times», что Израиль должен вернуть Объединенной Арабской Республике все захваченные у нее во время «шестидневной войны»³ в июне 1967 г. земли (речь шла именно о египетских территориях, оккупированных Израилем, и ни о каких других арабских землях). И в этом случае, объявил Садат, ОАР «признает Израиль в качестве независимого государства, как это определено резолюциями Совета Безопасности ООН, а также будет приветствовать гарантии со стороны США, СССР, Англии и Франции в отношении всех ближневосточных границ, включая границы Израиля».

Через несколько дней в интервью У. Кронкайту, которое было передано по американскому телевидению 7–8 января 1971 г., Садат сказал: «Прежде всего хочу заверить вас в одном – я полностью готов и предрасположен к мирному урегулированию». В том же интервью Садат подчеркнул: «Я не завишу ни от каких советских гарантий», «наша политика делается в Каире нами и никогда – другими странами». Контекст этих в общем справедливых заявлений (против которых, если взять их изолиро-

ванно, трудно возразить) не оставлял сомнений в том, что Садат подавал «сигнал» Соединенным Штатам – пусть первый, нечеткий, робкий, но все же «сигнал».

Выступая в американской телевизионной передаче «Лицом к нации» 10 января, Садат сделал уже следующий шаг: приглашение к прямому диалогу с высшими должностными лицами США. Он заметил: «Египтяне – эмоциональные люди. Если бы президент Никсон персонально приехал на похороны Насера, это бы произвело колоссальное впечатление на наш народ». В том же интервью Садат продемонстрировал свою предрасположенность к сепаратным действиям, очертив тот круг вопросов, по которым смог бы сманеврировать даже вопреки общеарабским интересам. Он подчеркнул: «Конечно, палестинская проблема – также и моя проблема, но первое, что нужно сделать, – ликвидировать последствия агрессии 1967 года... Это означает, что мы должны вернуться к границам 4 июня 1967 г. Это не удовлетворит палестинцев, они имеют все права не быть удовлетворенными, они даже имеют право обвинить меня и атаковать меня», – цинично добавил Садат, вместе с тем отмечая, что реакция палестинцев его не остановит.

Одновременно Садат показал в программе «Лицом к нации», что он не рассматривает в качестве непреодолимого препятствия для своего широкого маневра сохранение особых американско-израильских отношений, даже, как он признал, направленных против арабов. Констатируя этот факт, Садат добавил: «Я не имею ничего против США». И, конечно, главным «сигналом» для американцев было выдвинутое Садатом 4 февраля 1971 г. предложение об открытии Суэцкого канала в условиях «прекращения враждебности», некоторого отвода израильских войск к востоку от канала, но фактически без всякой связи с решением вопроса о прекращении израильской оккупации всех остальных арабских территорий, захваченных в 1967 г.

II. Новые акценты во внешней политике Египта. Психологический облик Садата

«Когда я проявил инициативу в феврале, – сказал Садат, – США ее громко приветствовали. Я заявил тогда Вашингтону, что это – действительная проверка намерений каждой из сторон, и Вашингтон ответил мне, что моя инициатива обеспечила американской дипломатии возможность продемонстрировать свою эффективность. Как говорили, выход из тупика наконец был найден»*.

Эти слова Садата не оставляют сомнений в том, что его «инициатива» по поводу открытия канала была сориентирована на то, чтобы непосредственно втянуть Соединенные Штаты в процесс решения, более того, сделать их ключевой фигурой в этом процессе.

Выдвигая свою инициативу, Садат сразу же передал американцам через пользовавшегося в тот момент его доверием главного редактора газеты «Аль-Ахрам» М.Х. Хейкала, что предложение об открытии канала «не обязано внушению со стороны русских». «Президент надеялся, что его предложения найдут позитивный отклик американцев»**, – комментировал инициативу Садата от 4 февраля 1971 г. М.Х. Хейкал.

Такая надежда была отнюдь не беспочвенной. Тем более что американцев не нужно было уверять в том, что предложения Садата от 4 февраля – не «русского происхождения». Они знали, что их впервые высказал министр обороны Израиля Моше Даян, причем Садат не просто пришел к тем же идеям параллельно с Даяном, а умышленно принял на вооружение его формулу. Г. Кис-

* Newsweek. – 13.11.1971. – P. 15.

** Heikal M. The Road to Ramadan. – P. 116.

синджер приводит в своих мемуарах любопытные детали: во-первых, он сам в беседе с премьер-министром Израиля Голдой Меир еще 25 октября 1970 г. высказал свое позитивное отношение к «формуле Даяна», предусматривающей частичный отвод израильских войск от канала в качестве шага, обуславливающего открытие Суэцкого канала для судоходства; во-вторых, «один египетский генерал 11 января [1971 г. – *Е.П.*] вошел в контакт с главой американской миссии в Каире и, говоря от имени Садата, проявил интерес к предложению Даяна, а уже затем Садат сделал его достоянием гласности в своей речи 4 февраля»*.

Предложение Садата об открытии Суэцкого канала было связано с его решением продлить состояние прекращения огня в зоне Суэцкого канала. Не полемизируя с этим по существу, – в продлении состояния прекращения огня был определен резон – остановимся на садатовской аргументации, которой 23 марта 1971 г. президент «в доверительном порядке» поделился с высшим офицерским составом египетской армии. Объясняя мотивы своего решения продлить состояние прекращения огня, Садат сообщил им, что Египет предпринимает дипломатическую инициативу с целью «изолировать Израиль от международного сообщества». В этой связи Садат упомянул США, Англию, ЕЭС, Испанию и Иран**.

Сближению с Западом была призвана служить и та публичная аргументация, которой Садат постоянно сопровождал свое предложение об открытии Суэцкого канала. В парламентском комитете Арабского социалистического союза 10 мая 1971 г. он сказал: «Инициатива была скалькулирована таким образом, чтобы показать мою добрую волю в отношении Западной Европы и других пользователей каналом».

* *Kissinger H.* White House Years. – Boston: Little Brown & Co, 1979.

** *Shazly S.* The Crossing of Suez. The October War (1973). – London: Third World Centre for Research, 1980. – P. 65.

В этом выступлении Садат уже откровенно заявил и о намерении реально развивать связи с Соединенными Штатами по проблеме ближневосточного урегулирования: «Некоторые люди задают вопрос в отношении наших контактов с США. Было бы глупо не пойти на это, так как США – одна из главных сил, и если мы будем ее игнорировать, то это означает просто прятать голову под страусиное крыло».

У Соединенных Штатов к тому времени появились серьезные основания рассчитывать на благоприятные перспективы развития отношений с новым египетским лидером. Вашингтоном могли быть приняты во внимание по крайней мере три обстоятельства:

- действия Садата с целью избавиться от своих радикальных политических соперников, стремящихся продолжать линию покойного президента Насера;

- обозначившееся стремление Садата «дистанцироваться» от Советского Союза, опустить отношения с ним на более низкий по сравнению с насеровским временем уровень;

- процессы в экономике Египта, которые свидетельствовали о готовности Садата отказаться от преобладающего влияния государства в экономическом развитии, от антикапиталистических мер Насера, национальной ориентации египетской экономики, взять курс на привлечение иностранного капитала, на создание дополнительных стимулов для развития частного сектора, безудержного обогащения так называемой неоконспрадорской египетской буржуазии – одним словом, курс на экономику «открытых дверей».

Американские политики не могли не принимать в расчет и психологические особенности Садата, специфику его политического прошлого.

Диапазон деятельности Садата до революции 1952 г. был чрезвычайно широк. Одну из ее основополагающих черт представляла собой неразборчивость в средствах.

Еще до войны, выступая против английского колониального влияния в Египте, Садат превозносил гитлеровскую Германию. Дело было, очевидно, не только в том, что он, рассматривая Германию в качестве противника Англии, которая господствовала в формально независимом Египте, желал победы врагу своего врага. Садату импонировали лозунги нацистов, их «стиль» деятельности. Он и внешне хотел быть похожим на германского офицера. Будучи молодым лейтенантом, Садат сделал соответствующую прическу, приобрел на каирской улице Сулейман-паша монокль и трость, с которой прогуливался по городу.

Во время Второй мировой войны Садат начал сотрудничество с немецкой разведкой. Он был намерен передавать в штаб-квартиру генерала Роммеля сведения о дислокации британских войск. Именно за это, а не за революционную деятельность Садат был посажен в тюрьму. Кстати, он никогда сам не стеснялся темных страниц своей жизни. Уже будучи президентом Египта, Садат рассказал обо всем этом в «Автобиографии». «Мое восхищение германским милитаризмом, – писал Садат, – не поддается описанию. А если бы я и попытался описать это, то не нашел бы в арабском языке достаточно слов, чтобы выразить свое огромное восхищение и глубину своей любви. Гитлер поразил меня, а еще до него меня поразил немецкий военный дух. Когда Роммель повел наступление в Западной пустыне, очищая ее от англичан, он одновременно начал завоевывать и мое сердце. Он завладел моим сердцем, моими мечтами, открыл меня...»*

Устойчивость садатовских симпатий в отношении нацистской Германии проявилась в том, что, став президентом, он ввел новую парадную форму для генераль-

* *Sadat A. In Search of Identity. An Autobiography. – New York: Harper & Row, 1978. – P. 13, 21, 33, 34.*

ского состава египетской армии, чрезвычайно напоминающую обмундирование «третьего рейха».

Эгоизм, стремление просматривать все совершенные и еще не совершенные действия через призму своих честолюбивых целей установления собственной неограниченной власти – вот что, возможно, в наибольшей степени характеризовало Садата как политика. Страницы многих книг обошел эпизод с Садатом накануне египетской революции. Когда уже был назван час восстания, в самый критический момент вечером 22 июля 1952 г. Садат пошел со своей семьей в кинотеатр на поздний сеанс с несколькими фильмами. В результате скандала, затеянного членами семьи Садата с другими посетителями кинотеатра, все оказались в полицейском участке, где был составлен протокол, удостоверяющий их нахождение в полиции после полуночи 23 июля. Не пытался ли Садат создать себе алиби на случай неудачи восстания, назначенного на этот день?

Все это не помешало Садату, которого не было среди его друзей в час X, стать после победы «свободных офицеров» именно тем лицом, кто зачитал по каирскому радио подготовленную Г.А. Насером декларацию о победе революции⁴.

Садат до революции был связан с «мусульманскими братьями»⁵, а затем рьяно участвовал в их преследовании. И это произошло не потому, что он размежевался с ними идеологически и политически.

Беспринципность Садата проявилась и в том, что, заняв пост президента, он вскоре начал – сперва мимолетно, полунамеками, а затем в полный голос – прославлять свою персону как якобы истинного организатора нелегальной группы «Свободные офицеры», даже не просто ближайшего сторонника Насера, а лица, якобы имеющего большие, чем у Насера, заслуги в подготовке египетской революции.

Между тем М.Х. Хейкал следующим образом характеризует степень причастности Садата к организации

«Свободные офицеры», да и те мотивы, по которым его привлекли в движение: «В конце 1951 г. [!] Садат был официально приглашен стать членом движения “Свободные офицеры”. Почти все лица в руководстве, за исключением Насера, были противниками его включения. Они знали подноготную Садата – его опереточную игру с немцами, членство в “железной гвардии”^{*} и целование рук короля Фарука в мечети Хусейна^{**}». По словам Хейкала, главной причиной, которая привела к согласию принять Садата в организацию «Свободные офицеры», было желание использовать его тесные связи с дворцом «для информации организации» о том, что там происходит, и, может быть, для дезинформации дворца о «свободных офицерах»^{***}.

Не оставалось секретом и стремление Садата к личной наживе. С прямого поощрения Садата, ставшего президентом, в его непосредственном окружении буйным цветом расцвели стяжательство, взяточничество, антизаконные махинации. Во всем этом принимали участие его брат и другие ближайшие родственники.

Вместе с тем психологический портрет Садата был бы далеко не полным, если не сказать о его решительности, о подчас демонстрировавшемся тактическом искусстве. Он, очевидно, не был по-настоящему умным человеком, умеющим видеть связь между событиями, явлениями, заглядывать вперед, оценивать во всей сложности по-

* Группа египетских офицеров провозгласила себя «железной гвардией», поклявшись любыми путями и способами защитить от англичан «честь» и «права» короля Фарука. Во главе «железной гвардии», в которую вступил Садат, стоял любимец короля военный хирург Юсуф Рашад.

** По совету Ю. Рашада, ставшего наставником Садата, во время пятничной молитвы в январе 1950 года в мечети Хусейна в Каире Садат бросился к королю и поцеловал ему руку, умоляя вернуть его в армию (Садат был отчислен из армии в связи с арестом и осуждением за связь с немцами).

*** *Heikal M. The Autumn of Fury.* – P. 27.

следствия той или иной акции. Но он, безусловно, являлся ловким деятелем, хитрым «житейской» хитростью, накопившейся за годы частой смены профессии, рода занятий – актера, журналиста, офицера, боевика-террориста, а затем, после революции 1952 г., государственного деятеля, не показывающего собственного лица, предпочитающего не обнаруживать свои симпатии и антипатии и, уж во всяком случае, никогда не перечашего Насеру. В то же время это был человек явно авантюрного толка, часто действующий импульсивно, без продуманных, взвешенных политических решений.

Сочетание недостаточной мудрости с остро развитой хитростью, помноженное на откровенную беспринципность и гипертрофированное тщеславие, порождало серьезные опасности, проистекавшие из деятельности Садата на посту практически единоличного правителя страны. Одновременно комплекс таких качеств Садата делал фигуру посленасеровского египетского лидера чрезвычайно перспективной с точки зрения американских планов на Ближнем Востоке.

Все вместе взятое – и оценка личности Садата, и анализ его первых выступлений, и информация из саудовских источников – определило решение США принять «сигналы», начавшие поступать от нового египетского президента. Сперва состоялся косвенный контакт – государственный секретарь Роджерс встретился с египетским министром иностранных дел Махмудом Риядом. Затем в начале мая 1971 г. Роджерс прибыл в Каир для встречи с самим Садатом.

Между прочим, сразу же после этого визита, как уже говорилось, и были арестованы политические деятели, которые хотели продолжения линии президента Насера. Некоторые считают, что эти аресты были осуществлены Садатом как жест, призванный помочь «развернуть» американцев лицом к Египту. Трудно целиком согласиться с таким мнением. Очевидно, к арестам привела

логика внутренней борьбы в Египте, но в то же время совершенно ясно и то, что устранение политических противников-насеристов было необходимо Садату и для того, чтобы иметь «свободу рук» в деле реализации результатов первых в качестве президента своих контактов с американцами.

Приехавшему в Каир Роджерсу Садат разъяснил свою позицию по урегулированию ближневосточного конфликта. Одновременно беседа носила характер зондажа возможностей генеральной переориентации политики Египта. Не случайно Садат по своей инициативе ввел в беседу с Роджерсом тему советско-египетских отношений. Отдавая себе полный отчет в стремлении США к ухудшению этих отношений, Садат даже упрекнул Роджерса в том, что он не поднимает вопроса «о советском присутствии в Египте». Такой прямой призыв к обсуждению темы, в которой американцы были чрезвычайно заинтересованы, безусловно, импонировал Роджерсу. Уже зная через К. Адхама о настроениях президента Египта, госсекретарь США обретал уникальную возможность получить подтверждение информации руководителя саудовской разведки от самого Садата, причем не прилагая к этому никаких усилий*.

Начавшееся по инициативе Садата обсуждение привело к совершенно определенной договоренности. «Я обещал Биллу [Роджерсу. – *Е.П.*], что после отвода израильских войск на первом этапе советские специалисты покинут Египет, – подчеркнул Садат в интервью старшему редактору “Newsweek” А. де Борчгрейву. – Тогда же, сказал я, мы восстановим полностью дипломатические отношения с США»**.

Уже накануне визита Роджерса Садат в конфиденциальном порядке обменялся посланиями с президентом

* Newsweek. – 13.11.1971. – Р. 16.

** Там же. – Р. 17.

США Никсоном. В написанном от руки письме Садата высказывались надежды на «американскую вовлеченность» в урегулирование, содержались и упреки в адрес политики США. Но, быть может, самое главное заключалось в той части письма, которая должна была по замыслу Садата способствовать росту доверия к нему со стороны американского президента: Садат, по сути дела, просил не возражать против предоставления советскому флоту права захода в некоторые египетские порты*.

К этому моменту – естественно, не все факты тогда были известны, многие проявились в будущем – обозначилось стремление нового египетского лидера проводить политику, которая одной стороной уже разворачивалась в сторону США, а другой по-прежнему еще была обращена к Советскому Союзу. Садат пока не начинал полной переориентации на Вашингтон. Его сдерживали, очевидно, два момента: Советский Союз пока был единственным и незаменимым поставщиком вооружений для Египта, а условия для капитулянтского сговора с США еще явно не созрели; несмотря на жесты Садата, США и не пытались, как несбыточно мечтал египетский лидер, оказать эффективное воздействие на Израиль, чтобы снять накал экспансионизма с израильской политики и перевести ее на рельсы компромисса.

4 февраля 1971 г., то есть именно в тот день, когда Садат объявил о своем намерении в одностороннем порядке открыть Суэцкий канал⁶ – жест в сторону Вашингтона, – он направил послание советскому руководству, в котором говорилось о необходимости дать отпор «бесчестному союзу врагов прогресса, свободы и мира»*. Послание было передано через Ш. Гомаа. Тот представлялся Садатом как «друг и коллега, которому я полностью дове-

* Там же. – Р. 16.

* *Heikal M. Sphinx and Commissar: The Rise and Fall of Soviet Influence in the Middle East.* – London: Collins, 1978. – Р. 228.

ряю». Еще одно проявление крайнего лицемерия Садата: через три месяца Ш. Гомаа оказался за решеткой!

В марте месяце Садат, судя по воспоминаниям М. Хейкала, сообщил советским руководителям, что информировал американцев о готовности восстановить с ними дипломатические отношения, если те «сдвинут позицию Израиля с мертвой точки», но ни словом не обмолвился о переданном Вашингтону через К. Адхама обязательстве отказаться от советского персонала и военных советников уже на первом этапе отвода израильских сил от Суэцкого канала*.

Садат шел все дальше в своей игре. В новом послании советскому руководству он предлагал закрепить советско-египетские отношения путем заключения договора между двумя странами**. В дальнейшем же Садат, а также его сообщники нередко говорили о том, что Советский Союз якобы «навязал» Египту договор с целью «стабилизировать свои отношения с Каиром», в условиях отстранения и ареста в мае 1971 г. группы деятелей, известных своими симпатиями к СССР***. Инициатива, проявленная самим Садатом по вопросу о договоре, еще задолго до ареста А. Сабри, Ш. Гомаа, С. Шарафа и других, не оставляет камня на камне от этих спекуляций.

Другое дело, что после подписания советско-египетского Договора о дружбе и сотрудничестве Садат сделал все, чтобы конфиденциально довести до сведения американцев свое намерение продолжать с ними игру.

Вскоре после подписания договора⁷, в июне 1971 г., мне довелось быть в Каире. Вместе с руководителем корпункта советского телевидения и радио, прекрасным журналистом и скромным, обаятельным человеком, безвременно умершим В.Д. Кудрявцевым мы встретились и беседовали с одним видным американским корреспон-

* Там же. – Р. 230.

** Там же. – Р. 236.

*** *Sadat A. In Search of Identity.* – Р. 225.

дентом. В пылу откровения тот рассказал о состоявшемся разговоре Садата с Бергусом, представлявшим американские интересы в Каире. Садат просил Бергуса передать президенту Никсону, что он не отойдет от курса «выравнивания» своих отношений с США и договор, подписанный с Советским Союзом, не будет для него препятствием в этом деле.

Тогда сообщение американского журналиста выглядело во многом неправдоподобным, кое-кто даже подумывал, не является ли оно целенаправленной дезинформацией со стороны американцев, – не все было легко сразу распознать и не во все было легко сразу поверить. Но через полгода после этого в интервью А. де Борчгрейву, опубликованном в журнале «Newsweek», Садат уже сам поведал о том, что довел до сведения Никсона свое стремление идти навстречу США и после подписания советско-египетского договора. Касаясь беседы с главой египетского отдела Госдепартамента США М. Стернером, прибывшим в Каир в июле (в том числе, а может быть, главным образом для того, чтобы разведать настроения президента Египта в связи с подписанием договора), Садат сказал в этом интервью: «Никсон хотел знать, изменил ли Договор о дружбе и сотрудничестве между Египтом и СССР каким-то образом нашу позицию, как она была сформулирована в последней беседе с Б. Роджерсом. Нет, – ответил я». По словам Садата, второй вопрос президента США «заключался в том, по-прежнему ли я обещаю восстановить дипломатические отношения с Соединенными Штатами после первого этапа отвода израильских войск. Да, ответил я. Третий вопрос: по-прежнему ли я намереваюсь отправить советский военный персонал домой после первого этапа отвода израильских войск. Я сказал: да».

Получив такие заверения, Стернер обещал Садату, что сообщит об этом в телеграмме Никсону и тот незамедлительно начнет играть активную роль в египетско-из-

райльском урегулировании. Действительно, в Израиль был направлен заместитель госсекретаря США Дж. Сиско. Однако, как и следовало ожидать, за этим не последовало никаких радикальных сдвигов ни в позиции США, ни в позиции Израйля.

Совершенно ясно, что основной задачей американской политики в тот период была изоляция Египта от Советского Союза, выключение Египта из рядов арабских стран, несомненно, способных создать общий фронт борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии 1967 г. США делали некоторые жесты в сторону Египта, чтобы облегчить решение названной выше задачи, но такие жесты оставались простой демонстрацией, не имели и не могли иметь реальных результатов в виде изменения позиции самих США или Израйля.

Садат начал испытывать беспокойство в связи с тем, что его игра с американцами могла закончиться полным провалом – ведь он очень многое поставил «на карту». Не получив от Госдепартамента даже информации о переговорах Сиско в Израиле, Садат в октябре 1971 г. решил нанести еще один визит в Москву.

«Я всегда говорю своему народу, – заявил Садат во время переговоров в Москве, – что вы стояли рядом с нами как искренние друзья в часы невзгод. Я тоже считаю, что цель империалистических держав – вбить клин между нами и Советским Союзом. Это на пользу лишь Америке и сионизму. Я убежден, что Америка преследует три цели, и в этом она выступает рука об руку с Израилем. Во-первых, они хотят добиться ликвидации советского присутствия в регионе и создать трения между Советским Союзом и арабами. Во-вторых, они стремятся изолировать Египет, так как его народ продемонстрировал, что может построить современную страну, а они хотят, чтобы мы оставались отсталой африканской страной, не более развитой, чем Габон. В-третьих, они хотят ликвидировать все прогрессивные режимы в арабском

мире, что будет легко сделать, если Египет окажется изолированным»*. Так заявлял Садат. Как будто не было с его стороны заверения американцам о готовности «дистанцироваться» от Советского Союза. Как будто он вдруг прозрел и понял, куда ведет начатая им игра с Соединенными Штатами.

Советский Союз делал все от него зависящее, чтобы удержать Садата от действий, которые могли привести и, как показывает история, в конце концов привели к предательству интересов египетского и других арабских народов. Садату говорилось об опасности попасться на политические приманки. Предложения США, адресованные Садату, были расценены как скрытый метод вбить клин между Египтом и его друзьями. Было обращено внимание и на активизацию правых элементов в самом Египте с целью разрушить добрые отношения между двумя странами.

Садат соглашался со всем услышанным. Но по возвращении в Египет он продолжил курс на сближение с США.

III. Секретный канал связи с Вашингтоном

К этому моменту Садата уже перестала устраивать ситуация, когда его прямая связь с Вашингтоном осуществлялась по линии: министерство иностранных дел Египта – Госдепартамент США. В Каире укреплялось впечатление – оно было не бесосновательным, – что важные решения по внешнеполитическим вопросам стали приниматься не в американском Госдепартаменте, а перешли в руки советника президента по национальной безопасности

* *Heikal M. Sphinx and Commissar.* – P. 242.

Генри Киссинджера. «Положение Киссинджера давало ему власть над ЦРУ, и в результате был открыт канал связи между ЦРУ и тогдашним руководителем египетской разведки генералом Исмаилом»*, – пишет М.Х. Хейкал.

Однако все началось опять с того же К. Адхама, а точнее, с организации пока полупрямой связи Садата с Киссинджером через саудовцев. Со знанием дела об этом пишет в книге «Осень гнева» М.Х. Хейкал, показывая непосредственную, личную причастность Садата к созданию этого первого постоянного секретного канала связи.

Садат, по словам Хейкала, неправильно интерпретировал его статьи с критикой в адрес политики СССР как показатель «вражды к Советскому Союзу», что и послужило основой сделанного предложения. «Сейчас происходит революция в средствах связи, – сказал Адхам Хейкалу. – Ты единственный человек, пользующийся доверием президента, и он попросил поговорить с тобой. Президент желает установить прямую связь через аппаратуру, которую можно было бы разместить в твоём и моём домах, и мы стали бы выполнять роль канала связи между двумя большими людьми». Адхам добавил, что «это исключительно секретное дело».

Хейкал пишет, что он отказался, так как знал о тесных связях между американским ЦРУ и саудовской разведкой.

Через несколько дней Хейкал решил «перепроверить» ссылку саудовца на Садата и сказал президенту, что «удивлен и смущен» сделанным ему предложением. Садат ограничился лишь словами: «Ничего, лучше забудь об этом».

Однако спустя несколько недель министр обороны Египта генерал Садек сообщил Хейкалу, что вооруженные силы запеленговали передатчик, работающий где-то в районе Гизы, где находился дом Садата. «Я ничего не ответил ему, – пишет Хейкал, – но понял, что нашелся

* *Heikal M. Sphinx and Commissar.* – P. 245.

кто-то другой, взявшийся за осуществление связи между президентом и королем Фейсалом. Причем этот “другой” работает из дома Садата. Позже эта линия связи была переведена во дворец Абдин – в Управление по делам информации при президенте»*.

Через некоторое время и Садата, и США, очевидно, перестал удовлетворять полупрямой канал связи через саудовцев. По свидетельству Хейкала, осенью 1971 г. произошло открытие секретного канала связи через разведки непосредственно между Садатом и Белым домом.

По этому вопросу имеются разночтения. Г. Киссинджер в своих мемуарах «Годы в Белом доме» пишет, что секретный канал был установлен 5 апреля 1972 г., когда «один высокопоставленный египетский офицер» сообщил американскому представителю в Каире, что, «по мнению его правительства, весьма желательна связь на президентском уровне в обход обоих министерств иностранных дел»**. Но есть основания все-таки считать, что канал «ЦРУ – египетская разведка» начал действовать раньше, осенью 1971 г., и в его открытии большую «техническую роль» сыграло так называемое «дело Рандопуло» в Египте.

Рандопуло – египетский гражданин греческого происхождения – был управляющим большим национализированным в 1961 г. винодельческим хозяйством в местечке Джанаклис. Оно было расположено как раз у военного аэродрома. ЦРУ завербовало Рандопуло, и он стал регулярно передавать американскому резиденту данные о современной советской военно-воздушной технике. Связь с Рандопуло осуществлялась через мисс Свейн Харрис – секретаря отдела виз американского консульства.

В сентябре 1971 г., после того как были перехвачены три письма Рандопуло, написанные невидимыми черни-

* *Heikal M. Autumn of Fury.* – P. 44–45.

** *Kissinger H. White House Years.* – P. 1293.

лами, он и Свейн были арестованы египетскими властями. США немедленно оказали нажим на Египет с целью освобождения американской подданной С. Харрис. В результате руководитель египетских спецслужб генерал Исмаил встретился «с имеющим дипломатическое прикрытие работником миссии, представляющей американские интересы, – резидентом ЦРУ в Каире Юджином Троном, который был несомненно известен ему»*.

После возвращения к себе в офис Трон написал абсолютно откровенное письмо Исмаилу, в котором, в частности, говорилось: «Я хочу, чтобы все поняли – Египет не является целью этой шпионской операции. Как вы знаете, Соединенные Штаты и Советский Союз вовлечены в глобальную конфронтацию... Мы шпионим за ними, а не за вами».

В итоге дело так и не дошло до процесса – Рандопуло скончался в тюрьме от сердечного приступа, а Свейн Харрис через несколько месяцев была освобождена. Однако «в одном отношении дело Рандопуло было особенно значимым: оно показало способность к работе тех “других каналов” связи между Египтом и Соединенными Штатами, которые должны были стать чрезвычайно важными – канала от президента Садата к египетской разведке, затем к ЦРУ и от него к американскому Национальному совету безопасности и Киссинджеру. Именно для того чтобы держать этот канал открытым, президент Садат в конце концов согласился освободить мисс Харрис»**, – пишет М.Х. Хейкал.

Характерно, что некоторые авторы относят фактическое начало секретных контактов Садата с американским руководством на еще более ранний период. В книге «Дом Сауда» Д. Холден и Р. Джонс, например, пишут: «В своих мемуарах доктор Киссинджер, тогдашний специальный

* *Heikal M. The Road to Ramadan.* – P. 149.

** Там же. – P. 152.

помощник президента по национальной безопасности, вводит в заблуждение... Выбранный Садатом посредник [между ним и американским руководством. – *Е.П.*] Адхам начал свою активность за 15 месяцев до той даты, которую назвал Киссинджер»*.

Ответ на вопрос о времени установления секретного канала связи между Садатом и Белым домом – не простая дань требованию точности при изложении событий. Тот факт, что секретный канал, проложенный через египетскую разведку и ЦРУ, уже действовал в 1971 г., помогает четче представить истинную позицию Садата, очищенную от шелухи его пропагандистских выступлений, определить ту основу, на которой начал развиваться процесс «подтягивания» Садата к американской политике на Ближнем Востоке. Такая основа была создана трансформацией курса Садата от всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта к сепаратному египетско-израильскому решению.

О намерениях президента кардинально изменить в этом смысле политику Египта, судя по всему, мало кто был осведомлен, в том числе в его непосредственном окружении. Собственно, даже после поездки в Иерусалим в 1977 г. Садат продолжал категорически отрицать свое намерение подписать сепаратное соглашение с Израилем. Постепенное столкновение с действительностью всех тех, кто не был посвящен в садатовские планы, как известно, стало причиной серии отставок, главным образом среди лиц, непосредственно отвечавших за проведение внешнеполитического курса Египта. Один из тех, кто позже понял все и подал в отставку, был министр иностранных дел Египта Махмуд Рияд. Однако во время встречи в Госдепартаменте США в конце сентября 1971 г. он еще хотел верить, что предложение Садата об открытии Суэцкого канала⁸ при ограниченном отводе израильских

* *Holden D., Johns R. The House of Saud. – London: Sidgwick and Jackson, 1982. – P. 292–293.*

войск является «первой фазой по пути к общему урегулированию в соответствии с резолюцией № 242 Совета Безопасности ООН». Более того, Рияд хотел получить от Роджерса и присутствующих на беседе Сиско, Атертона, Стернера ответы на вопросы: как долго будет длиться эта «промежуточная стадия», отделяющая открытие Суэцкого канала от выработки графика дальнейшего отвода израильских войск? Какая роль при этом будет принадлежать ООН? И так далее и тому подобное. Роджерс сказал, что он «подавлен» высказываниями Рияда. Вторивший ему Сиско охарактеризовал настойчивое желание М. Рияда связать открытие канала с определенным, конкретным продвижением по пути всеобщего урегулирования как попытку «получить или все, или ничего».

Характерно, что после неудачи переговоров с М. Риядом Роджерс в качестве руководителя Государственного департамента направил послание лично Садату. В этом послании он пытался дискредитировать Рияда. Роджерс надеялся на успех – он хорошо помнил о фразе, брошенной Садатом во время их встречи в мае 1971 г.: «Когда я выступал с предложением об открытии канала, все было против меня, даже Махмуд Рияд»*.

Оценив результаты визита Рияда и ознакомившись с посланием Роджерса, Садат все еще продолжал от случая к случаю говорить о промежуточном решении как части общего. Однако важнее было другое – Рияд оказался отстраненным от активного участия в ближневосточном урегулировании. Та же участь, кстати, постигла и Роджерса, который, несмотря на превалировавшее в его поведении непротивление израильской политике, слыл в конечном счете одним из сторонников метода общего урегулирования.

После сентябрьской встречи Роджерса и Рияда обмен мнениями начал осуществляться между Киссинджером и советником Садата по вопросам национальной безопасно-

* *Holden D., Johns R. The House of Saud. – P. 154.*

сти Хафезом Исмаилом, иными словами, между Киссинджером и самим Садатом. Секретный канал заработал, и Садат, безусловно, стал больше осведомлен об истинных намерениях и планах американской стороны. О них пишет в своих мемуарах Г. Киссинджер. Пожалуй, стоит на этом остановиться подробнее, так как следует создать представление о тех реальных американских подходах к ближневосточному конфликту, в связи с которыми Садат принимал свои решения, в том числе в области отношений с Советским Союзом и в вопросах подготовки Октябрьской войны 1973 года⁹.

IV. Логика соглашательства с США – путь к антисоветизму

Киссинджер пишет, что президент Никсон попросил его вмешаться в дела на Ближнем Востоке, так как опасался кризиса в этом районе в год президентских выборов в США. Подступив к ближневосточной проблеме, Киссинджер выбрал, по его словам, тактику втягивания Советского Союза «в долгие неопределенные переговоры», иными словами, он признавал, что практически начал осуществлять курс «ни войны, ни мира» на Ближнем Востоке.

Не случайно, что с переходом ответственности за разработку и осуществление ближневосточной политики США от Роджерса к Киссинджеру произошел отход Вашингтона даже от самой идеи всеобъемлющего урегулирования на Ближнем Востоке. «В декабре 1971 г., – пишет Киссинджер, – Никсон совершил шаг, с которого начался мой оперативный контроль над ближневосточной дипломатией».

Что это был за шаг? В декабре премьер-министр Израиля Меир нанесла визит президенту Никсону. «Оба

лидера пришли к взаимопониманию по решающим вопросам стратегии и тактики: поиск путей к широкому урегулированию предполагалось на время приостановить... Вместо этого нужно было вновь приложить усилия, направленные на заключение временного соглашения с Египтом»*.

Иными словами, США полностью солидаризировались с Израилем, категорически возражавшим против общего соглашения, которое неизбежно предусматривало бы вывод израильских войск с захваченных в 1967 г. арабских территорий. США сориентировались на поиски сепаратного израильско-египетского соглашения, по сути дела противопоставляемого всеобъемлющему урегулированию.

Таковыми идеями Киссинджер руководствовался и во время начатых по инициативе американской стороны бесед о положении на Ближнем Востоке сначала с послом СССР в США А.Ф. Добрыниным, а затем с министром иностранных дел Советского Союза А.А. Громыко – в Москве в апреле 1972 г. при подготовке встречи на высшем уровне в мае и в США, куда А.А. Громыко прибыл на ежегодную сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Киссинджер признает в своих мемуарах, что министр иностранных дел и посол СССР в США настаивали на всеобъемлющем урегулировании и осудили так называемый принцип частичного решения.

Садат, несомненно, был осведомлен обо всем этом. Собственно, сам Киссинджер пишет о регулярной передаче египетскому президенту по установленному секретному каналу подробных сведений о беседах с представителями Советского Союза. Именно в таких условиях Садат вполне сознательно и сделал свой выбор в пользу частичного решения ближневосточного конфликта.

* *Kissinger H. White House Years. – P. 1289.*

Уже в начале 1972 г. он информировал американцев о согласии на их интерпретацию так называемого частичного соглашения. Сведения об этом тоже можно почерпнуть из мемуаров Киссинджера. Полемизируя с пропагандистской версией Садата, будто он отвергает принцип частичного урегулирования, – на эту тему Садат распространялся и во время своих визитов в Москву и при беседах с советскими руководителями в Каире – Киссинджер пишет в своих мемуарах: «Нам-то было виднее»*.

Итак, в конце 1971 – начале 1972 г. постепенно создавалась почва для сближения и единства взглядов Садата и Киссинджера по вопросам стратегии и тактики в отношении ближневосточного кризиса. Происходило «сцепление» подчас разнородных интересов Израиля, США и Садата.

Израиль стремился сохранить территории, оккупированные в 1967 г., и поэтому категорически выступал против всеобъемлющего урегулирования, фактически стоял за продолжение ситуации «ни войны, ни мира», полагая, что ему со временем удастся решить проблему аннексии захваченных территорий или большей их части. Для стабилизации сложившегося после войны 1967 г. положения Израилю нужно было взломать арабский фронт, вывести из активной конфронтации с Израилем хотя бы одну арабскую страну, участвовавшую в войне 1967 г. Лучшим выбором для Израиля в этом плане мог бы стать Египет – не только сильная в военном отношении арабская страна, но и успешно проводившая во времена Насера «войну на истощение» израильской армии в зоне Суэцкого канала.

США при Никсоне уповали на то, что состояние «ни войны, ни мира» поможет их попыткам «ослабить советские позиции в регионе». Соединенные Штаты стремились исключить всеобъемлющее урегулирование и потому,

* Там же. – Р. 1300.

что оно могло повредить их главному «клиенту» на Ближнем Востоке – Израилю. Для сохранения положения «ни войны, ни мира» Г. Киссинджеру было необходимо вывести из активного противостояния израильскому экспансионизму Египет.

Садат со своей стороны все больше учитывал израильскую и американскую заинтересованность в выходе Египта из активной конфронтации с Израилем при отсутствии всеобъемлющего политического решения по урегулированию ближневосточного конфликта. Главным направлением его тактики в таких условиях стало использование этой заинтересованности для возвращения Египту захваченного у него в «шестидневной войне» 1967 г. Синайского полуострова в условиях игнорирования проблемы освобождения других оккупированных арабских земель.

М. Хейкал и некоторые другие авторы писали о стремлении Садата заставить Израиль согласиться на всеобъемлющее урегулирование, цитируя его многочисленные заявления о «решающем годе» – сначала 1971-м, затем 1972-м, потом 1973-м. Конечно, идея о «несбыточности всеобъемлющего урегулирования» и, более того, «невыгодности» для Египта добиваться его совместно с другими арабскими странами, используя максимальные средства, может быть, еще не полностью завладела умом Садата в 1971 г. Было еще далеко до осени 1977 г., когда, почувствовав реальность Женевской конференции, Садат вылетел в Иерусалим. Но уже в конце 1971 – начале 1972 г. Садат, безусловно, начал переориентироваться на частичное соглашение с Израилем. Возможно, даже вероятно, что на первых порах он все еще считал частичное соглашение шагом к дальнейшим подобным соглашениям Израиля с другими арабскими странами и с палестинцами. Но факт остается фактом: уже на грани 1971–1972 гг. Садат внутренне отказался от жесткой привязки идеи своего частичного соглашения ко всеобъемлющему урегулированию ближневосточного конфликта.

Без понимания этого трудно, вернее сказать, невозможно разобраться в «хитросплетениях» его политики – и в отношении Советского Союза, и по вопросу об Октябрьской войне 1973 г., и в связи с киссинджеровской дипломатией, приведшей к двум разъединениям египетской и израильской армий на Синае, и в отношении подготовки и осуществления кэмп-дэвидской сделки.

Похожую цепочку событий выстраивает и сам Киссинджер, считая, что движение Садата к кэмп-дэвидской сделке началось еще в 1971 г. Сетую на то, что понимание «важности» первых шагов Садата (предложение от 4 февраля 1971 г. об открытии Суэцкого канала), «к сожалению, все-таки было затруднено» для США из-за нахождения советских военных специалистов в Египте и тем, «что Садат подписал договор о дружбе с Москвой», Киссинджер вместе с тем утверждает: «Садат рассматривал шаги, предпринятые им в феврале 1971 г., как начало своего трудного, долгого и необычного пути... Вариант концепции временного соглашения позже нашел отражение в соглашениях о разъединении сил после войны 1973 г.; через восемь лет проявилось желание Садата подписать мирный [сепаратный. – *Е.П.*] договор с Израилем»*.

Что касается американской политики или, вернее, перспективы ее изменения, на что рассчитывал Садат, то Киссинджер на эту тему высказался вполне определенно. «Моя стратегия не изменилась, – пишет он. – До тех пор, пока какое-либо из арабских государств не проявило желания отойти от Советов или пока Советы не были готовы отказаться от арабской программы-максимум, не было и причины для изменения нашей политики»**.

Осведомленность Садата об этом, несомненно, наложила конкретный отпечаток на его внешнеполитические акции. Многие наблюдатели, например, писали, что для

* *Kissinger H. White House Years. – P. 1279–1280.*

** *Kissinger H. White House Years. – P. 1291.*

них было совершенно неожиданным последовавшее вскоре за открытием секретного канала связи между Садатом и Киссинджером решение египетского президента прекратить миссию советских военных советников в Египте. Тем более, что сам Садат и другие египетские руководители неоднократно подчеркивали свою заинтересованность не только в продолжении, но даже в расширении этой миссии. Так, например, известно, что в ходе советско-египетских переговоров, состоявшихся в октябре 1970 г., когда в Каир на похороны Г.А. Насера прибыла советская делегация, Садат сказал: «Как исполняющий обязанности президента республики я хочу заявить следующее: мы настойчиво просим об оставлении в стране советского военного персонала. На основании желания и воли нашего народа, вооруженных сил, руководства Арабского социалистического союза и правительства я буду просить даже об увеличении этого персонала»*.

Характерно, что и Киссинджер объявил о своем «удивлении» решением Садата прекратить миссию советских военных советников в Египте, но, естественно, по другой причине: Садат предварительно не вступил в политический торг с США, чтобы получить за свое решение сполна от американцев. Однако дело в том, что, принимая это решение, Садат уже знал – и от Роджерса, и от саудовцев, и из информации, получаемой от Киссинджера, – о степени заинтересованности США в антисоветских действиях Египта и с полным основанием рассчитывал на соответствующую плату за услугу американцам. К тому же, Садат уже дал в свое время обещание США и через саудовцев, и непосредственно Роджерсу, что он пойдет на прекращение миссии советских военных специалистов уже на первом этапе отвода израильских войск от канала. Хотя отвода на тот момент так и не про-

* См.: Правда. – 19.02.1977.

изошло, Садат решил, что это не должно его останавливать.

Существует версия, усиленно распространявшаяся самим Садатом, а также его биографами, некоторыми египетскими и американскими публицистами, западными государственными деятелями, согласно которой решение о прекращении миссии советских военных специалистов в Египте (приглашенных в страну президентом Насером для помощи в подъеме боеспособности египетской армии, отбивающей атаки Израиля) было якобы вызвано недовольством практикой сотрудничества с СССР в военной области, Садат, дескать, «был раздражен» тем, что получал с запозданием или не получал вооружений, необходимых ему для военных действий с целью освобождения арабских земель. Такая «аргументация» не выдерживает никакого сопоставления с фактами.

Известно, что впервые Садат поведал некоторым своим сотрудникам о решении прекратить миссию советских военных специалистов в Египте в начале июля 1972 г. Судя по всему, он вынашивал подобную мысль еще раньше. Между тем Садат дважды был в Москве – и в феврале, и в апреле. В разговоре с М. Хейкалом он выражал полное удовлетворение результатом февральского визита. Что же касается апрельского визита, то последовавшее после возвращения Садата на родину его послание Л.И. Брежневу имело своей непосредственной целью, по словам Хейкала, «в письменной форме дать высокую оценку ситуации».

Правда, 5 апреля 1972 г., лишь за неделю до этого послания, высокопоставленный египетский офицер конфиденциально сообщил американскому официальному лицу в Каире о приглашении Киссинджеру посетить Египет. В случае невозможности, сказал он, в Вашингтон может выехать Хафез Исмаил. Однако это еще непосредственно не отразилось тогда и не могло отразиться на советско-египетских отношениях.

В мае в Каире побывал министр обороны СССР А.А. Гречко. В июне визит в Москву нанес военный министр Египта генерал Садек. 15 июня Садек представил Садату доклад о своих переговорах. «Что произошло в голове президента между этой датой и 6 июля, когда было вынесено решение об отказе от советских экспертов, никогда не будет известно с определенностью, если президент не предложит своей собственной версии, – писал М. Хейкал. – Говоря со мной через несколько дней после события, он сказал, что за месяц до этого чувствовал себя несчастливым: что-то назревало в задней части его мозга, а он сам все еще не мог точно определить что. Но даже после изучения всех документов и разговоров со всеми теми, кто был непосредственно вовлечен в это дело, я все еще не в состоянии точно решить для себя, что спустило курок президентского решения»*.

Хейкал отмечает, что существовали определенные шероховатости в советско-египетских отношениях, в том числе и в вопросах сотрудничества в военной области. Но вину за них несла не советская сторона. М. Хейкал в книге «Путь к Рамадану» пишет: «Египетские требования всякий раз менялись в зависимости от того, как изменялся план штурма, находившийся в постоянной ревизии, а иногда эти требования были чрезмерными... Египетское планирование [военное. – *Е.П.*] усложнялось сочетанием отчаяния с надеждой – намечаемая атака снималась с повестки дня, а ее планы продолжали разрабатываться. Вместе с тем мы были нетерпеливыми... Было также опасение с советской стороны, что Египет может броситься в одну из глупых военных авантур в попытке оправдать лозунг “решающего года”»**.

Октябрьская война 1973 г. наилучшим образом продемонстрировала, насколько беспочвенными были саатовские обвинения в адрес СССР и насколько фальшивы-

* *Heikal M. The Road to Ramadan.* – P. 169.

** Там же. – P. 167–168.

ми были «объяснения» и «оправдания» его собственных действий, направленных против советско-египетской дружбы. Начальник генерального штаба египетских вооруженных сил во время войны генерал Шазли заявил: «В битве наше вооружение было на 100 % советским. Мы не можем забыть все то, что сделал для нас Советский Союз до и после сражения. До Октябрьской войны Советский Союз вооружил арабские страны, которые не могли бы без этого бороться за свои права»*.

Сам Садат громко и не раз признавал во время и сразу после Октябрьской войны высокое качество полученного из Советского Союза вооружения, благодарил за «воздушный мост», незамедлительно установленный Советским Союзом для снабжения египетской армии запчастями и боеприпасами. Садат в тот момент не мог сказать ничего иного, ибо война обнажила истину, и у всех все оказалось на глазах.

О действиях самого Садата во время Октябрьской войны, о тех планах, которые он с ней связывал, речь пойдет дальше. Здесь же мы лишь хотим подчеркнуть, что отход Садата от дружбы и сотрудничества с СССР произошел не в результате противоречий в области поставок вооружений из Советского Союза, а в связи с тем, что, приняв решение, направленное на частичное урегулирование при полном игнорировании интересов других арабских стран и палестинцев, Садат не мог рассчитывать на поддержку СССР. Более того, продолжающаяся дружба и сотрудничество с Советским Союзом неизбежно мешали бы его беспринципной в отношении других арабских стран игре с Соединенными Штатами. А Садат все больше и больше говорил о том, что ключ от политического решения находится у США.

Собственно, Садат и сам опроверг свое же «объяснение» причин начатых им действий против дружбы и со-

* Ас-Сафир. – 22.08.1974.

трудничества с СССР. Он, по сути дела, признался, что вообще не было никакой связи этих действий с «разногласиями» в области поставок советских вооружений в первой половине 1972 г. Вскоре после прекращения миссии советских военных специалистов в Египте Садат провел конфиденциальный брифинг, на который была приглашена небольшая группа главных редакторов каирских газет и журналов. Он сообщил на этой встрече, что еще в декабре 1971 г. решил сделать, как было им сказано, «паузу» в отношениях Египта с Советским Союзом. Садат добавил, что задержался с этим, отложив принятие соответствующих мер до советско-американской встречи на высшем уровне, которая состоялась в Москве в мае 1972 г. Хотя можно утверждать, что к этим мерам он был давно готов и лишь ждал предлога для их осуществления.

«Пауза» в отношениях с СССР была задумана Садатом в качестве важной части той схемы, которую он стал вынашивать вскоре после прихода к власти. Эта умозрительная схема основывалась на убежденности Садата в том, что Соединенные Штаты могут при определенных обстоятельствах поставить на один уровень свои отношения с Израилем и отношения с Египтом, а быть может, даже отдать предпочтение Египту, который на деле докажет, насколько важно США иметь в его лице надежную опору своей политики в арабском мире. Садат делал все, чтобы доказать Вашингтону ведущую роль и исключительное место Египта в арабском мире, и по-своему возмущался, когда Соединенные Штаты, постепенно прибирая к рукам Египет, безусловно и однозначно сохраняли полностью приоритетное значение своих отношений с Израилем. В конце концов стало ясно, что Садат не добьется своих целей, даже пойдя на открытый разрыв с СССР. Его ждало полное фиаско, так как изначальные расчеты в отношении возможности радикальных изменений в политике США на Ближнем Востоке оказались иллюзией. Но в 1972 г. до этого садатовского фиаско

было еще далеко, и он продолжал свои честолюбивые попытки вырваться вперед в роли «главного партнера» США в районе.

За день до приема посла СССР В.М. Виноградова, которого Садат информировал о принятом решении в отношении советских военных специалистов, по словам президента, он получил сообщение американцев, в котором говорилось: «Вы можете снять напряжение и делать все, что посчитаете нужным, но помните, что ключ от решения у нас». Во время того же секретного совещания с журналистами Садат упомянул и о том, что прямо накануне решения о советских военных специалистах в Каир – так уж случилось! – прибыл из Вашингтона и министр обороны Саудовской Аравии принц Султан. В Каире в это время находился и Камель Адхам...*

А теперь предоставим слово Г. Киссинджеру. Он пишет, что «ждать последующих шагов Садата пришлось недолго». 20 июля помощник президента США по вопросам национальной безопасности получил доклад о том, что накануне начальник египетской разведки обратился к американскому представителю, отвечающему за секретный канал связи. Египтянин предложил конфиденциальную встречу на высшем уровне между двумя странами. Но в качестве прелюдии к ней, по мнению Садата, американцы должны были бы выступить с новыми инициативами. Определялось и их направление: Садат опять повторял о своей заинтересованности во временном соглашении о Суэцком канале.

Таким образом, сделав антисоветский жест, Садат ожидал реальной платы за него со стороны американцев. Но те не торопились публично поддержать Садата. Чувствуя, что логика антисоветизма все глубже затягивает Садата в сети, расставленные США, Киссинджер ответил, что не исключает двустороннюю встречу, но без всяких предварительных новых инициатив и только для выяс-

* *Heikal M. The Road to Ramadan. – P. 172–174.*

нения того, что может быть реально достигнуто. Иными словами, США с самого начала вводили в свои переговоры с Египтом ограничительный элемент в виде израильской позиции или попросту подтягивали Египет к этой позиции. Вся следующая практика подтвердила это.

Садат дал свое согласие на введенное американцами ограничение, и состоялась предварительная договоренность о конфиденциальной встрече Киссинджера с советником по национальной безопасности президента Египта Хафезом Исмаилом. Особый канал связи продолжал интенсивно использоваться.

Может быть, стоит воспользоваться случаем и сказать несколько слов о характере посланий Садата, передаваемых в Белый дом. Антисоветская экзальтация президента Садата в этих секретных посланиях достигла таких масштабов, что он, например, просил Соединенные Штаты повлиять на Израиль, который своими действиями против Ливана «может заставить другие арабские страны обратиться за советской военной помощью»*. И в это же время Садат в своих публичных выступлениях называл Советский Союз «другом»!

В феврале 1973 г. в Вашингтон вылетел Хафез Исмаил. Его визит делился на две части. Одна часть – открытая, с блицами фоторепортеров, «юпитерами» телевидения и кино – включала в себя посещение Белого дома, беседу с президентом Никсоном. Киссинджер в Белом доме появился в это время лишь на несколько минут, чтобы не создавать впечатления, что он, а не Госдепартамент ведет «ближневосточную проблему». Другая часть визита Х. Исмаила была сугубо секретной. Он тайно трижды встречался с Киссинджером в доме президента компании «Пепси-Кола» Дональда Кендалла в Коннектикуте.

Кендалл был личным другом Никсона. Но не только это свидетельствовало о том, что президент полностью

* *Kissinger H. White House Years.* – P. 1299.

одобрил деятельность Киссинджера в обход Госдепартамента, шефом которого в то время тот еще не был. Встретившись с Х. Исмаилом, Никсон сказал ему (конечно, уже после того, как Овальный зал Белого дома покинули представители прессы, телевидения и радио), что он выступает за сохранение секретного канала связи между США и Египтом, о котором, дескать, ничего не будет знать Израиль, и предлагает говорить с Киссинджером так, будто египтяне говорят непосредственно с самим президентом*.

Разыгрывая низкопробную комедию, Никсон при этих словах повернулся к протоколирующему беседу генералу Скоукрофту – помощнику Киссинджера в Совете национальной безопасности – и попросил его прекратить запись. Египтяне должны были поверить в абсолютную секретность ремарки президента. Между тем «уотергейтское дело», как теперь уже всем известно, выявило практику Белого дома, когда все то, что говорил президент США, секретно записывалось на пленку.

Позже, комментируя итоги визита Х. Исмаила в США, Садат заявил в интервью ливанскому журналу «Аль-Хавадис», что американцы очень деликатно дали понять о дилемме: либо Египет согласится с тем, что он уже побежден и примет условия Израиля, либо он должен «действовать в выгодном для США направлении»**.

Садат выбрал последнее...

Через несколько лет мне довелось участвовать в «дартмутской встрече» – это регулярные симпозиумы, которые в течение многих лет совместно проводят представители советской и американской общественности и деловых кругов. На этот раз встреча состоялась в Прибалтике, в Юрмале. В ней принимал участие и президент компании «Пепси-Кола» Д. Кендалл. Во время поездки на экскурсию мы сидели рядом в автобусе, и я спросил

* *Heikal M. The Road to Ramadan.* – P. 202–203.

** *Shoukri Gh. Egypt: Portrait of a President.* – P. 209.

Кендалла, правда ли, что в его доме состоялись тайные переговоры между советниками по вопросам национальной безопасности египетского и американского президентов.

«Откуда вам это известно?» – тревожно спросил Кендалл. Я решил разыграть его и несколько минут тянул с ответом. Но когда взгляды Кендалла в мою сторону стали выражать уже нескрываемое подозрение, я сказал, что вычитал все это из только что вышедшей книги Хейкала, подаренной автором. Мне показалось, что все самые сильные в английском языке выражения были употреблены президентом компании «Пепси-Кола» в адрес египетского публициста, который первым вынес «на публику» некоторые моменты секретных египетско-американских отношений накануне войны 1973 г.

Хейкал во многом не хотел дальше демонстрации своей уникальной осведомленности, появившейся в результате тесных отношений с Садатом и его окружением в первые годы президентства. Некоторые его выводы, особенно в отношении советской политики, грешат отсутствием глубины, другие попросту неправильны. Отдельные стороны происходивших процессов М. Хейкал замалчивает. Однако нужно отдать должное этому яркому по своему дарованию журналисту, который в годы, последовавшие за его разрывом с Садатом, стал в своих материалах высказываться гораздо объективнее, в том числе и по вопросу о роли СССР на Ближнем Востоке.

V. Война 1973 г.: политическая изнанка

В декабре 1975 г. доктор экономических наук И.П. Беляев и автор этих строк были приняты Садатом. Накануне в Каире нам вручили медали лауреатов международной

премии им. Г.А. Насера – тогда их еще присуждали за вклад в развитие советско-арабской дружбы. Мы были отмечены этой наградой за книгу «Египет: время президента Насера», и Садат изъявил желание встретиться с нами. Вместе с известным прогрессивным журналистом аль-Холи, который долгое время был главным редактором, пожалуй, самого солидного в Каире ежемесячника «Ат-Талиа», мы прибыли в загородную резиденцию президента на Барраже. Во время работы в Египте в качестве корреспондентов «Правды» И.П. Беляев, а потом и я уже встречались с Садатом, и это предрасположило к неформальной беседе. Она длилась почти три часа, большую часть которых составил монолог Садата – сумбурный, с чередованием «объяснений» своих позиций в ответ на наши замечания, рассказов о том, как его армия (он так и говорил: «моя армия», «мои солдаты», «мои танки» и даже: «у меня единственная мечта – стать отцом моей нации») выполнила свои задачи в войне 1973 г., необоснованных обвинений в адрес СССР, с чем мы, естественно, резко спорили, попыток создать впечатление, что он «по-прежнему, как и во время Насера, душой и сердцем привязан к Советскому Союзу». Садат даже предложил создать «специальный комитет для восстановления дружбы и сотрудничества Египта с Советским Союзом». Мы ответили ему, что такие функции выполняются нашим посольством в Египте.

Один из эпизодов беседы с Садатом в наибольшей степени врезался в память. Рассказывая о войне, он нарисовал следующую картину ее последних дней – я воспроизвожу его слова почти со стенографической точностью:

– Фронт представлял собой «слоеный пирог», – говорил Садат. – Моя третья армия была окружена израильскими войсками на Синае. В свою очередь египетскими войсками были окружены танки генерала Шарона, прорвавшиеся на западный берег Суэцкого канала. Их связывали с ос-

новными израильскими силами шестикилометровый «коридор» и несколько понтонов через канал. Мои генералы оказывали на меня давление, требуя перерезать «коридор» и ударить по плацдарму Арика Шарона. Все было для этого – двойной перевес в стволах артиллерии и танках. Но в это время в Египет прибыл Генри Киссинджер. Он сидел здесь, в этом самом доме, там, где вы сидите сейчас. Генри сказал мне: «Господин президент, если советское оружие одержит победу над американским, то Пентагон этого никогда не простит, и наша “игра” с вами будет кончена».

– Какая «игра»? – в один голос спросили мы с Беляевым. Садат, уйдя от ответа, перешел на другую тему...

В тот день Садат нам больше ничего не сказал о своей беседе с Киссинджером. Но он подробно поведал об этом своему доверенному в то время лицу Хейкалу, который воспроизводит садатовский рассказ в книге «Осень гнева».

По словам Садата, при встрече с ним Киссинджер начал доставать из папки какие-то бумаги. Его прервал Садат:

– Что вы делаете? Вы думаете, я буду спорить по поводу линии прекращения огня 22 октября или разъединения сил? Нет, доктор Киссинджер. Вы человек стратегического мышления – я человек стратегического мышления, и я хочу говорить с вами на стратегическом уровне.

«Затем, – рассказал Садат Хейкалу, – я стал говорить с Киссинджером о вещах, о которых он даже не мечтал от меня услышать». Садат заявил государственному секретарю США, что он «кончает с Советским Союзом». Удивленный Киссинджер услышал, что Садат расценивает СССР как «своего противника». Далее Садат поведал Киссинджеру, что Египет ведет свою последнюю битву с Израилем, а затем резюмировал: «Мир на Ближнем Востоке должен быть организован и контролируем Соединенными Штатами»*.

* *Heikal M. Autumn of Fury.* – P. 67.

Нет сомнения, что после такой беседы с государственным секретарем США у Садата были все основания все-речь думать об «игре» с Соединенными Штатами, о чем он проговорился в беседе с И.П. Беляевым и мной.

Не прошло и нескольких дней после нашей беседы с Садатом, как нам довелось побывать в Иордании у короля Хусейна. Он пригласил нас на неофициальный завтрак, на котором присутствовали иорданский премьер-министр Зайд Рифаи и советник посольства СССР Р.В. Ющук. Король хорошо умеет поддерживать непринужденную беседу. Вообще это умный, образованный человек, который в тяжелейших условиях противодействия Израилю проводил свой государственный корабль между многочисленных опасных рифов. Конечно, не во всем и не каждый раз мы согласны с политикой Хусейна, но нужно отдать должное таким личным его качествам, как прозорливость и мужество.

Это была тоже не первая встреча с королем. Скванности не чувствовалось еще и потому, что З. Рифаи, несмотря на выдерживаемую им «дистанцию» от Хусейна, был его товарищем по колледжу и их, судя по всему, объединяли дружеские чувства. Беседа вскоре перешла на египетскую тему, и мы рассказали о своем разговоре с Садатом.

– Нисколько не сомневаюсь, – заметил иорданский король, – что «игра» действительно имела место. Когда-нибудь ее контуры станут известны истории.

– Вспоминаю свое посещение Каира за шестнадцать месяцев до начала войны, – вступил в беседу премьер-министр З. Рифаи. Я тогда приехал к Садату, чтобы восстановить дипломатические отношения, прерванные за год до этого египетской стороной. Садат разоткровенничался и сообщил, что у него существует секретный контакт с Киссинджером. Потом Садат поделился своей идеей о «размораживании» конфликта с Израилем. «Это можно сделать, – сказал он, – с помощью ограниченной

акции, нацеленной на захват небольшого плацдарма на восточном берегу канала. После этого я могу сесть за стол переговоров». – «Да, но такая акция может стоить огромных потерь, уничтожения цвета египетской армии», – заметил З. Рифаи Садату. «Масштабы потерь, – ответил Садат, – можно сократить политическими средствами».

Итак, в 1972–1973 гг. Садат интенсивно готовился к войне против Израиля. Но к какой войне? Некоторый свет на ее характер проливает Хейкал, рассказывая о крупных расхождениях Садата с военным министром Садеком. «Они имели фундаментальные разногласия по поводу того, как должна вестись битва, – пишет М. Хейкал. – Генерал Садек, все еще тесно связанный с планами “Гранит” [первоначальный план освобождения захваченных Израилем арабских территорий был разработан при президенте Насере под кодовым названием “Гранит”, потом появились модификации плана – “Гранит-2” и “Гранит-3”. – *Е.П.*], не был уверен в возможности ведения ограниченной войны в то время, как президент считал, что она принесет большие политические дивиденды»*.

24 октября 1972 г, в каирском доме президента в Гизе состоялось совещание верховного совета вооруженных сил Египта. В нем приняли участие 16 высших египетских военачальников. Садат однозначно выступил в пользу ограниченной войны, приведя свой излюбленный аргумент: если удастся освободить от израильтян только 10 миллиметров территории восточного берега Суэцкого канала, то это невероятно усилит позиции египетского президента на соответствующих дипломатических переговорах. Большинство генералов во главе с военным министром Садеком скептически отнеслись к возможности удержать войну в ограниченных рамках.

* *Heikal M. The Road to Ramadan. – P. 180.*

Через два дня секретарь президента посетил генерала Садека в его доме и передал ему послание, в котором Садат «принимал» отставку военного министра, хотя тот о ней и не просил*.

Я встречался с генералом Садеком и до назначения его военным министром – мы жили в одном доме в Замалике, когда я был корреспондентом «Правды» в Каире, и после его вынужденной отставки, во время моего приезда в Каир уже в 1975 г. Садек совершенно твердо был убежден, что Садату делались какие-то политические намеки, а возможно, и давались гарантии «локализации» той операции, которая получила, в отличие от «Гранита», кодовое наименование «Бадр».

Между тем Садат совершенно очевидно не говорил своим союзникам, особенно Сирии, которая вместе с Египтом вступила в битву в октябре 1973 г., о сугубо ограниченных планах войны и о тех конкретных политических задачах, которые она была призвана решить.

Интересное свидетельство на этот счет принадлежит бывшему начальнику генерального штаба египетской армии С. Шазли, который рассказал об одном из своих разговоров с министром обороны Египта генералом Исмаилом Али, пришедшим на смену Садеку. Разговор состоялся в апреле 1973 г. Военный министр согласно указанию Садата поручил Шазли вернуться к плану «Гранит-2». «В конце концов он [И. Али. – *Е.П.*] признал правду, – пишет Шазли. – Это была политическая инсрукция. Президент Садат находился в контакте с сирийским правительством. Было совершенно ясно: если сирийцы поймут, что наши планы ограничены выходом на линию в пределах 10-мильной зоны к востоку от канала, они не начнут войну вместе с нами... В итоге Исмаил предложил решение. Он приказал мне подготовить отдельно от плана форсирования канала другой план раз-

* Там же. – Р. 181.

вития нашего наступления до перевалов. “Детали этого плана послужат тому, чтобы удовлетворить сирийцев”, – сказал он. Но тут же добавил, что этот план никогда не будет претворен в жизнь, разве что при наиболее благоприятных обстоятельствах... Я был повержен этим двуличием. Но я был обязан подчиниться и сохранять этот секрет»*.

И, конечно, особый интерес на сей счет представляет мнение президента Сирии Хафеза Асада. Во время встречи с президентом Сирийской Арабской Республики 2 июня 1983 г. в Дамаске я задал Х. Асаду вопрос о том, что он думает об идеях Садата, связанных с Октябрьской войной 1973 г. Хафез Асад сказал:

– У нас была предварительная договоренность с Садатом честно действовать вместе. Разумеется, он не информировал нас о своих подлинных целях, то есть о том, что он задумал войну лишь как средство сдвинуть ситуацию с «мертвой точки» и вступить в переговоры.

Мы в Сирии понимали, что конечным результатом войны должно быть политическое урегулирование на основе решений Совета Безопасности ООН. Однако планы свои мы строили на том, что к моменту вмешательства ООН нам удастся на обоих фронтах освободить территории, оккупированные Израилем в 1967 г. Поэтому планы военных действий на Голанских высотах разрабатывались на этой основе, то есть речь шла о том, что сирийская армия должна дойти до конца Голанских высот.

– Информировал ли вас Садат о планах ведения войны на своем фронте, – спросил я Х. Асада. – Происходило ли согласование планов?

– С Садатом, – ответил президент Сирии, – у нас была договоренность о том, что сирийские и египетские войска выступят одновременно. Предусматривалось, что египетские войска, дойдя до перевалов на Синае, сделают

* *Shazly S. The Crossing of Suez.* – P. 30–31.

там «оперативную паузу», а сирийские войска будут продолжать наступление на Голанских высотах. Такая «пауза» в районе перевалов была объективно необходимой, так как можно было предвидеть, что египетская армия понесет значительные потери и будет нуждаться в пополнении людьми, оружием, боеприпасами. Однако договоренность с Садатом предусматривала, что после этой «паузы» египетская армия продолжит наступление до границы с Израилем. Все военные действия на обоих фронтах по плану были синхронизированы, имелась даже секретная договоренность о том, что египетские ВВС нанесут бомбовые удары по объектам на территории Израйля.

– А как получилось на самом деле?

– В действительности, – ответил президент Асад, – все было по-другому. Военные действия начались 6 октября на основе совместного плана, и Сирия неизменно его придерживалась. Садат же, судя по всему, действовал на основе собственного сценария, не обращая внимания на достигнутые договоренности. Так, после форсирования Суэцкого канала египетские войска начали сразу окапываться. Даян уже 8 октября заявил, что положение на западном фронте стабилизировалось. Это позволило Израйлю перебросить основную массу своих войска на сирийский фронт. Мы могли бы выдержать этот натиск даже ценой потери каких-то территорий, если бы египетское наступление впоследствии было продолжено, так как в этом случае израильтяне вновь были бы вынуждены перебросить свои войска на западный фронт. На деле, однако, этого не случилось. Поэтому основной израильский удар пришелся по сирийским войскам. В первые 4–5 дней войны израильтяне осуществляли в среднем около тысячи самолетовылетов в день на сирийском фронте и во много раз меньше на египетском, причем на сирийском фронте это были боевые вылеты, сопровождавшиеся воздушными схватками и бомбометанием, а на

египетском фронте вылеты израильских ВВС носили в основном разведывательный характер. Правда, спустя 4–5 дней после начала войны воздушные бои стали происходить и на западном направлении, но главный удар по-прежнему был сосредоточен против Сирии, хотя само количество самолетовылетов сократилось из-за потерь, понесенных израильскими ВВС.

– Эти примеры, – продолжал Х. Асад, – говорят о том, что Садат был неискренен с вами, осуществлял с Сирией «худший способ сотрудничества». Я полагаю, что его действия могут быть объяснены наличием предварительного сговора – не обязательно напрямую с Израилем, но, возможно, через США. Мы, например, просили Садата, согласно совместному плану, направить египетские ВВС для нанесения бомбовых ударов по военно-промышленным объектам на территории Израиля. В ответ он призвал нас связаться с Ираком, у которого, мол, могут найтись самолеты для реализации этих целей. У египтян были резервные силы, которые по плану должны были быть задействованы в определенные сроки. Прошло два дня, сроки были нарушены, мы слали Садату телеграмму за телеграммой с просьбами выполнить договоренность в этом вопросе, но он не отвечал.

– Мы не знали и о политических контактах Садата, которые он вел на протяжении войны, – сказал Асад. – Для Сирии была неожиданной поступившая от него телеграмма о том, что он обратился в Совет Безопасности ООН с просьбой о прекращении огня. Садат мотивировал это тем, что он решил кончить войну, поскольку, дескать, в военные действия на стороне Израиля вступили США, а против них он воевать не может. В ответной телеграмме я просил не прекращать военных действий, подчеркнув, что у Сирии есть возможность закрыть прорыв в районе Голанских высот и нанести серьезные контрудары. Садат не ответил на эту телеграмму и дал в одностороннем порядке согласие на прекращение огня,

в то время как на сирийском фронте военные действия продолжались. Обнаружив, что Сирия не согласилась с прекращением огня, Садат позвонил мне по телефону и пытался убедить в необходимости такого шага. При этом он утверждал, что прекращение огня предусматривает американские гарантии освобождения территорий, оккупированных Израилем в 1967 г. Этот разговор состоялся 22 октября.

Беседа с президентом Х. Асадом воспроизводится дословно.

Все, что было сказано выше, делает закономерным вопрос: не существовало ли на каком-то этапе взаимопонимание между Садатом, Киссинджером, а быть может, еще и кем-нибудь из израильского руководства о возможности и даже желательности ограниченных, не широких, какими они стали в итоге, когда сыграла свою превалирующую роль логика вооруженных действий, а лимитированных военных акций со стороны Египта?

Прежде всего, очевидно, нужно сказать, что никто не предполагает «классического сговора», когда партнеры садятся за один стол или делают это сначала на двусторонней основе, скажем, Египет – США, США – Израиль, а потом все объединяют в одно соглашение. Гораздо правдоподобнее другой вариант: каждый из трех партнеров индивидуально, сам по себе, нащупывает сферу совпадающих интересов. На 1973 г. такая сфера включала в себя сепаратное израильско-египетское урегулирование, которое могло сорвать подготовку всеобъемлющего урегулирования, вывести Египет из дальнейшей борьбы даже ценой возвращения ему захваченных земель на Синае, породить этим раскол в арабском мире (который, как могли совершенно правильно представлять в Вашингтоне и Тель-Авиве, после изоляции Египта резко ослаблялся на значительное время), позволить попытаться сократить влияние Советского Союза на Ближнем Востоке. Средством обеспечения таких многообещаю-

щих и для Вашингтона, и для Тель-Авива сепаратных политических решений Египта могло быть только одно – как говорил сам Садат, хоть «десятикилометровый» успех египетских вооруженных сил при форсировании Суэцкого канала. Вот почему можно считать, что не только Садат, но и Киссинджер, и даже Меир, каждый по-своему, или хотели такого сугубо ограниченного успеха, или решили не противиться ему.

Ну а когда героизм египетских и сирийских солдат, вооруженных первоклассным оружием советского производства, стал «угрожать перспективой» куда большего военного успеха арабов, нежели «сугубо ограниченный», «надежно локализованный», тогда переполошились и тот же Киссинджер, и та же Меир, и вся американская администрация, и все израильское руководство.

Версия есть версия – ни больше ни меньше, поэтому следует опять обратиться к фактам.

Накануне начала военных действий, 2 октября в 8:30 вечера, Садат собрал Национальный совет безопасности, куда кроме него входили два вице-президента, два помощника президента, заместители премьер-министра (Садат сам занимал пост премьера), военный министр, генеральный директор специальных служб, начальник военной разведки. Садат решил сообщить им всем (некоторые уже знали об этом раньше) о предполагаемом «на днях» начале военных действий. Ему был задан вопрос, какого сорта сражение он намерен вести. Садат ответил – «ограниченное»*.

Через два дня, 4 октября, в Израиле состоялось почти аналогичное совещание, на котором присутствовали Меир, Бар-Лев, Даян, Перес, Галили, начальник генерального штаба Элазар, начальник военной разведки Зейра и другие. Совещанию были доложены данные о том, что Египет концентрирует войска и, судя по всему, готовится

* *Heikal M. The Road to Ramadan.* – P. 25.

к форсированию канала. Общим мнением было: «Нас ждет не тотальная война».

Описывая реакцию Киссинджера в тот момент, когда ему сообщили о неизбежности начала в течение ближайших часов войны на Ближнем Востоке, его биографы брата Кэлб подчеркивают, что госсекретарь США был озабочен тем, чтобы Израиль не нанес «превентивного удара». По словам Кэлбов, он сказал об этом министру иностранных дел Израиля Эбану*, несколько раз повторил это же поверенному в делах Израиля в США Шалеву. «Предупреждение Киссинджера не было новым, – пишут Кэлбы, – это был постоянный рефрен в течение месяцев»**.

Мотив такого призыва к израильтянам был отнюдь не пацифистским. Как отмечают Кэлбы, государственный секретарь США руководствовался тем, что «превентивные действия» настроят против Тель-Авива международную общественность и тем самым затруднят меры США в поддержку Израиля.

Вопрос о нанесении или ненанесении «превентивного удара» Израилем никогда не рассматривался госсекретарем США через призму возможности или невозможности окончательной израильской победы в вооруженном конфликте. В своих мемуарах Киссинджер не оставляет и тени сомнения в отношении того, что считал Израиль в военном отношении многократно сильнее арабских стран и не сомневался в его победе в случае вооруженного столкновения с арабами. В таких условиях, выступая против израильских «превентивных действий», Киссинджер попросту полагал, что они могли бы нарушить создаваемую им «гипотетическую» схему: размораживание конфликта путем крайне ограниченной, локализованной, скорее символической акции Садата – амери-

* *Kalb M., Kalb B. Kissinger.* – Boston and Toronto: Little, Brown & Co., 1974. – P. 459.

** Там же. – P. 460.

канский контроль над ситуацией – безболезненное для Израиля создание престижных условий для Садата, чтобы тот смог согласиться на переговоры, сориентированные на сепаратную договоренность с Тель-Авивом. Это полностью отвечало интересам и Израиля.

Знал ли госсекретарь США, взявший за две недели до Октябрьской войны 1973 г. в свои руки все бразды правления внешней политикой Соединенных Штатов, или он только догадывался о реальном характере и заданных масштабах той военной акции, которую предполагал осуществить Садат? Ответ на поставленный вопрос позволяет расширить рамки анализа, подойти к проблеме согласованности в той или иной форме и степени планов ограниченной войны Садата с планами Киссинджера, направленными на организацию одностороннего вмешательства США в процесс урегулирования как в своих интересах, так и в интересах израильского «клиента».

В мемуарах госсекретаря США признает, что Садат лишь руководствовался идеей подготовки переговоров, не помышляя о настоящем военном успехе над Израилем, и в то же время отрицает, что кто-либо «заблаговременно понимал мысли Садата, направленные не на территориальный выигрыш, а на то, чтобы породить кризис, который мог бы изменить замороженные позиции сторон и тем самым открыть путь к переговорам»*.

Второе утверждение Киссинджера выглядит несостоятельным. Собственно, он сам его и опровергает в своих воспоминаниях. «Садат, – пишет Г. Киссинджер, – знал из двух секретных встреч в начале 1973 г. между его советником по национальной безопасности Хафезом Исмаилом и мною, что мы имели намерение вступить в дипломатическое урегулирование ближневосточного конфликта. Но при этом он должен был вынести два за-

* *Kissinger H. Years of Upheaval.* – Boston and Toronto: Little, Brown & Co., 1982. – P. 460.

ключения: первое – что полная арабская программа о всеобщем выводе израильских войск недостижима, и второе – что немедленное решение [речь, естественно, идет о сепаратном для Египта решении. – *Е.П.*] не может быть принято Египтом, пока создается впечатление, что он делает это с позиции слабости. Таким образом, Садат вступил в войну не для того, чтобы овладеть территориями, а для того, чтобы восстановить в Египте чувство самоуважения и через это увеличить свою дипломатическую гибкость». Следовательно, Киссинджер не скрывает, что эти два вывода были внедрены в сознание Садата американцами во время тайных встреч с его представителем незадолго до войны. В то же время Киссинджер подчеркивает – и это тоже характерно, – что «Сирия сражалась за гораздо более обычные цели: она просто хотела вернуть оккупированные территории и, как минимум, заставить Израиль понести жертвы»*.

По словам Хейкала, много лет спустя, в марте 1982 г., он встретился в Лондоне с Камелем Адхамом. Вспоминая события, предшествовавшие Октябрьской войне 1973 г., К. Адхам рассказал о своем доверительном разговоре с руководителем ближневосточной службы ЦРУ, утверждавшим, что «в условиях, когда Израиль демонстрировал признаки возрастающего упрямства, американцы были бы не прочь сами несколько подогреть ситуацию. 23 сентября Дэвид Рокфеллер, встретившись с Садатом, передал ему тот же сигнал: небольшой подогрев – как раз то, что надо»**.

Все вышесказанное объясняет не только нерасположенность США к «превентивным израильским действиям» в начале октября 1973 г., но и характер донесений американской разведки перед началом войны. В этих донесениях рассматривалась возможность сугубо огра-

* Там же.

** *Heikal M. Autumn of Fury.* – P. 49–50.

ниченных по своим масштабам, локальных военных акций со стороны Египта. Очевидно, руководители американской разведки оказались под влиянием как секретных контактов с Садатом, так и киссинджеровской «логики», изложенной им откровенно 15 мая 1973 г. на заседании созданной при Белом доме «Вашингтонской группы специальных действий». Там он поставил задачу, в том числе и перед американскими спецслужбами, изучить «то, что сможет сделать Египет, различные формы израильской реакции и дипломатические проблемы, которые из всего этого возникнут», иными словами, «пути возможного использования кризиса для дипломатического движения, если оно такое, как этого хочет США, или возвращения к положению статус-кво, если будет сочтено это желательным»*.

Таким образом, речь шла о планах США по контролированию или управлению кризисной стадией конфликта на Ближнем Востоке в интересах американской политики. Но и этого мало. Речь шла о контролируемом со стороны США и в американских интересах «втягивании» ближневосточного конфликта в очередную кризисную стадию.

Вышесказанное объясняет поведение США и в первые дни войны, пока они еще не почувствовали, насколько угрожающими события объективно стали для израильской армии. США запаздывали вначале с открытием «воздушного моста» для переброски Израилю вооружения и запасных частей. Однако после 12 октября «мост» заработал, и США безудержно стали поставлять Израилю в большом количестве оружие и боеприпасы. В критический момент, как только появилась реальная опасность того, что под удар могут быть поставлены экспансионистские цели Израиля, сработала «стратегическая пружина», и США без всяких колебаний начали

* *Kissinger H. Years of Upheaval.* – P. 462.

осуществлять широкую операцию помощи Тель-Авиву. С этого момента американская политика совершенно откровенно вобрала в себя два элемента: безоговорочную поддержку Израиля с целью обеспечить ему военный успех над арабами плюс подтягивание Египта к США с помощью отдельных жестов в сторону Египта, призванных продемонстрировать заинтересованность Вашингтона в том, чтобы война не нанесла ущерба престижу Садата.

Но вернемся к событиям самой войны, начатой в октябре 1973 г. Обратимся к воспоминаниям начальника генерального штаба египетских вооруженных сил генерала С. Шазли: «Так много книг написано о конфликте 1973 г. Почему же так много фактов все еще не предано гласности? Почему так много из того, что написано, искажено последовавшими интерпретациями? Одна из причин, конечно, недостаточное знание предмета со стороны части авторов. Но имеется и более глубокая причина. Ведется умышленная кампания с целью скрыть то, что действительно произошло во время этой войны. В качестве непосредственного примера – почему следующие вопросы все еще ждут своего ответа?

Первый: почему египетские вооруженные силы после их успешного форсирования Суэцкого канала не развили своего наступления на восточном направлении и немедленно не вышли к Синайским перевалам?

Второй: являются ли правдой настойчивые слухи о том, что египетское высшее командование ожидало проникновения противника на западном направлении через канал в районе Деверсуара [прорыв израильских танков и захват плацдарма на западном берегу канала. – *Е.П.*] – именно там, где оно и произошло, и подготовило план ликвидации прорыва? Я теперь свидетельствую о том, что так и было. Почему в таком случае египтяне не осуществили их заранее спланированную контратаку?

Третий: почему вместо этого египетские силы разрешили проникновению противника на западном направ-

лении развиваться день ото дня? Ответ заключается в том, что на наши планы в отношении израильских действий [в районе Деверсуара. – *Е.П.*] постоянно накладывалось вето политиками, особенно президентом Садатом и военным министром генералом Ахмедом Исмаилом Али.

Четвертый: кто несет ответственность за окружение египетской третьей армии? Опять солдаты или политики?

Пятый: насколько это окружение повлияло на результаты войны, главным образом не военные, а политические и главным образом не для Египта, а для всего арабского мира?

Я всегда ожидал лжи от наших противников. Но ложь, идущая от нашего собственного руководства?!»*

В задачу автора этой книги не входит разбор военных операций Октябрьской войны 1973 г. Здесь лишь приводится мнение начальника генерального штаба египетских вооруженных сил во время войны, который в силу своего служебного положения обладал уникальной и достаточно достоверной информацией и, очевидно, имел основания задать эти вопросы. Кстати, многие из них в той или иной форме были повторены компетентными военными специалистами различной национальности – участниками международного симпозиума на тему Октябрьской войны, состоявшегося в Каире через два года после ее окончания.

Безусловно, война октября 1973 г. вошла славной страницей в историю борьбы арабских стран против захватнической политики Израиля. Героизм египетских и сирийских солдат, вооруженных первоклассным оружием, большие, беспрецедентные для Израиля потери, особенно в танках и самолетах, крушение израильской военной доктрины, согласно которой Израиль считал, что на вечные времена обладает возможностью выбирать время, место и определять масштабы военных акций

* *Shazly S. The Crossing of Suez. – P. 9–10.*

против арабских государств, – все это имело место, было в действительности. Но наряду со всем этим было и политическое маневрирование президента Садата – своекорыстное, во многом направляемое Соединенными Штатами. Это маневрирование снизило тот эффект, который мог бы получить Египет в результате войны, превращало ее в предпосылку тройственного американско-израильско-египетского политического сговора.

Бесспорно, Садат отдавал предпочтение этому маневрированию, которое не только сыграло свою роль в возникновении идеи Октябрьской войны, но и во многом диктовало поведение президента Египта во время военных действий. «События показали, что цели Анвара Садата в войне были главным образом политические и дипломатические», – к такому выводу пришел и сменивший Г. Киссинджера на посту государственного секретаря США Сайрус Вэнс*.

Сам Киссинджер в своих воспоминаниях тоже подтверждает этот вывод. Он пишет, что Садат активизировал секретный канал связи с Вашингтоном вскоре после начала войны. («Для контраста, – упоминает госсекретарь США, – мы в течение войны не имели ни одной попытки прямого контакта из Сирии».) Вне зависимости от содержания послания Садата, переданного через каналы разведки, сам этот факт, по признанию Киссинджера, имел большое значение для американцев. «Тон послания был дружественным». И, может быть, самое главное – американцы сразу же отдали должное тому, что секретные контакты с ними, на которые вопреки всему пошел Садат, «были для него достаточно рискованным делом». Киссинджер принял во внимание и то, что Садат «сразу же не мог предложить уступки, так как опасался, что это выведет Сирию из совместной борьбы или приведет к

* *Vance C. Hard Choices. Critical Years in America's Foreign Policy.* – New York: Simon and Schuster, 1983. – P. 161.

тому, что Советский Союз ослабит поддержку». Судя по всему, американцы «с пониманием» отнеслись к этому, так как были «обнадежены» Садатом и предвидели конечный результат. «Если мы понимали Садата и войну правильно, – пишет Г. Киссинджер, – то могли прийти к выводу, что трещина между египетскими военными позициями и политическими целями неизбежно расширится, и рано или поздно это приведет к политическим переговорам»*.

Американцы осознавали, что «Садат ищет диалога» и «не было дня во время войны без контакта с Каиром» – этого «странного, по словам Киссинджера, диалога между страной, ведущей войну с американским союзником, и Соединенными Штатами, чье оружие мешало осуществлению провозглашенных египетских целей». Во время этого «странного диалога» США, например, получили обещание Садата сделать все (по свидетельству Киссинджера, Садат сдержал свое слово), чтобы открытие «воздушного моста» США, по которому широким потоком потекло вооружение в Израиль в довольно критический момент для его армии, не породило антиамериканской кампании или антиамериканских действий в Египте. По секретному каналу 23 октября Садат просил Никсона «эффективно вмешаться, даже, если нужно, с применением силы», чтобы гарантировать прекращение огня на Ближнем Востоке**.

Между тем это произошло уже тогда, когда в результате половинчатых, а подчас и некомпетентных, как показывает генерал Шазли, египетских решений третья армия оказалась окруженной на Синае. «Фактически с 23 октября, – пишет Шазли, – третья армия стала залогом в руках Израиля и Г. Киссинджера. Ее судьба оказалась тесно связанной с требованиями Израиля и США, с од-

* *Kissinger H. Years of Upheaval.* – P. 574.

** Там же.

ной стороны, и готовностью Садата их принимать – с другой... Борьба переместилась с полей сражения в политическую область, и человеком, в чьих руках был кусок хлеба для третьей армии, стал Г. Киссинджер. Он хорошо знал это, как знал и то, что А. Садат понимает роль госсекретаря США. Однако Г. Киссинджер постоянно напоминал об этом президенту Египта, чтобы добиться от него еще большей покладистости и уступчивости»*.

Используя колоссальные трудности, создавшиеся со снабжением окруженной на Синае третьей египетской армии, Киссинджер маневрировал для того, чтобы, с одной стороны, не дать «несвоевременно» снять осаду с этой армии, а с другой стороны, «не пережать», не рисковать продолжением переориентации Садата на США.

Один из ультиматумов, которые с учетом положения третьей армии начали провозглашать американцы, заключался в требовании покончить с нефтяным эмбарго, которое во время Октябрьской войны успешно использовалось арабскими государствами против Соединенных Штатов, поддерживающих Израиль, и некоторых других западноевропейских сторонников Тель-Авива. Вопрос об отмене эмбарго был прямо поставлен США перед Садатом. Когда Садат в свою очередь обратился с просьбой к арабским государствам отменить нефтяные ограничения, США почувствовали, что они близки к тому, чтобы полностью «приручить» Садата, окончательно сделать его послушной фигурой, принимающей активное участие в политической игре Вашингтона, и не случайно, что после начала организованных американцами египетско-израильских переговоров на 101-м километре¹⁰ от Каира Киссинджер пришел к выводу: «Египет начал двигаться в нашем направлении, создавая таким образом даже для радикальных режимов побудительный мотив заняться переоценкой своей политики [естественно, Кис-

* *Shazly S. The Crossing of Suez.* – P. 11.

синджер мечтал, чтобы за Садатом последовали другие арабские страны, но в этом вопросе США тогда ждало фиаско. – Е.П.]». Садат давал совершенно ясные сигналы о своих намерениях изменить курс – никакое другое объяснение не могло проистекать из его дисциплинированного, сдержанного, дальновидного ведения дел. «И все это было достигнуто, – добавляет цинично Киссинджер, – когда мы стояли рядом с нашими израильскими друзьями во время войны, предотвращая их изоляцию в хаотичной дипломатии по вопросу о прекращении огня»*.

VI. Шаг за шагом от всеобъемлющего урегулирования

22 октября 1973 г. Советом Безопасности ООН была принята резолюция № 338 о прекращении огня на Ближнем Востоке. Характерной ее особенностью стала увязка прекращения военных действий с началом пути политического урегулирования. В резолюции содержался призыв незамедлительно приступить к подготовке Женевской конференции, которая была призвана решить весь комплекс вопросов, относящихся к урегулированию ближневосточного конфликта, и установить справедливый прочный мир в этом районе¹¹.

Принятию резолюции предшествовали беседы государственного секретаря США Киссинджера с советским руководством в Москве. Соединенные Штаты тогда согласились с подходом, который не соответствовал ранее осуществлявшейся ими практике, однако отвечал реальной обстановке и предусматривал вполне естественные действия, направленные на ликвидацию всего многолетнего кровавого конфликта на Ближнем Востоке.

* *Kissinger H. Years of Upheaval.* – P. 612.

Резолюция ООН, которая непосредственно увязывала выход из кризисной стадии ближневосточного конфликта со вступлением в стадию его политического урегулирования, принималась впервые. Для такого поворота надели благоприятные условия. Они прежде всего отражали крах военно-политической доктрины Израиля, полную несостоятельность которой показала Октябрьская война 1973 г. На развитии международной обстановки благоприятно сказывались процессы разрядки, заинтересованность в ней, в том числе и реалистически мыслящих деятелей в Соединенных Штатах.

Израиль пытался сорвать линию, обозначенную в проекте резолюции. Представитель Израиля просил отложить созыв Совета Безопасности ООН, мотивируя это тем, что не имеет инструкций из своего центра; заседание Совета Безопасности действительно переносилось на несколько часов, которые использовались израильским командованием для того, чтобы улучшить свои военные позиции. Когда было открыто заседание, то представитель Израиля потребовал слова для демагогической речи, которая служила опять тому же – затяжке времени. Ему субъективно или объективно способствовали и некоторые другие представители. Но все это уже была «буря в стакане воды».

Израиль стремился сорвать резолюцию № 338 де-факто, продолжая военные действия после ее принятия, пытаясь пробиться в Суэц, полностью заблокировать все линии связи с третьей египетской армией. Потребовалось решительное вмешательство Советского Союза и еще одна резолюция Совета Безопасности ООН для того, чтобы прекратить израильскую военную активность против Египта.

Позиция Соединенных Штатов в таких условиях выглядела внешне «двойственно», а на самом деле однозначно произраильски, даже в том случае, когда она и не совпадала полностью с позицией Израиля. С одной сто-

роны, США делали все, чтобы затянуть опять созыв Совета Безопасности ООН – таким образом Израиль получал время для попыток перерезать единственный южный путь снабжения блокированной на Суэце третьей египетской армии. С другой, Киссинджер начал оказывать сугубо ограниченное и чисто словесное давление на израильского посла в Вашингтоне С. Диница, с тем чтобы израильтяне «не переусердствовали» в отношении третьей армии. «Было ясно, – писал позже госсекретарь США, – что, если бы мы позволили это, конфронтация с Советами стала бы неизбежной. Ушли бы в небытие также все надежды на новые отношения с Египтом вместе со всеми перспективами переговоров»*.

Но что самое главное – сразу же после принятия резолюции Совета Безопасности ООН № 338 США начали вновь пытаться отделить вопрос о прекращении огня от процесса всеобъемлющего урегулирования.

Из Москвы Киссинджер вылетел в Израиль. Израильское население было обескуражено результатами войны 1973 г. «Восстанавливая свои силы после ошеломляющей атаки арабов, Израиль чувствовал себя как бы парализованным», – пишет Г. Киссинджер. Наглядные перемены проявились во внешности, в осанке, в манере поведения и премьер-министра Израиля Голды Меир: она была уже совсем не тем лидером, который столь уверенно, даже задиристо, заявлял Никсону несколькими месяцами ранее: «Наши дела никогда не шли столь хорошо».

Совершенно очевидно, что в такой ситуации американская политика служила не для того, чтобы использовать надлом израильских экспансионистских амбиций в интересах справедливого урегулирования ближневосточного конфликта, не для того, чтобы склонить эту страну ко всеобъемлющему урегулированию, элементами которого должны были стать вывод израильских войск со

* *Kissinger H. Years of Upheaval. – P. 576.*

всех оккупированных территорий, предоставление права палестинцам на самоопределение, признание права на безопасность всех государств и народов района, включая и Израиль, с соответствующими гарантиями этого права, а для решения задачи укрепления израильского союзника, восстановления его возможностей сохранить результаты агрессии 1967 г.

Прежде всего, с этой целью нужно было успокоить израильское руководство, развеять его тревоги и волнения по поводу того, что США могут повести дело к общему решению, которое неизбежно заставит Израиль отказаться от оккупированных в 1967 г. арабских земель.

Киссинджер этому и посвятил свои беседы с Г. Меир и другими израильскими руководителями. И он давал им свои заверения, уже зная, что у США появилось широкое поле для маневрирования в результате позиции, занятой Садатом.

Можно считать, что Садат значительно облегчил отход Соединенных Штатов от резолюции Совета Безопасности № 338, проект которой был совместно выработан Советским Союзом и Соединенными Штатами. Государственный секретарь США пишет, что, будучи в Москве, он получил из Вашингтона послание Х. Исмаила, переданное по секретному каналу связи (естественно, он ничего не сказал об этом советским руководителям). Советник Садата по вопросам национальной безопасности «впервые определенно утверждал, что Садат хотел бы отделить прекращение огня от всеобщего урегулирования»*. Следовательно, направляясь в Израиль, Киссинджер уже имел обнадеживающую весть из Каира и мог прийти к выводу о совпадении точек зрения по вопросу о дальнейших шагах в сторону сепаратного решения во всех углах создаваемого им «треугольника» – Вашингтоне, Тель-Авиве и Каире.

* *Kissinger H. Years of Upheaval.* – P. 638.

А затем Киссинджер направился в Египет. Садату был предложен план из шести пунктов. Пять из них относились к вопросу о прекращении огня и дислокации противостоящих друг другу сил. Лишь один пункт из шести имел отношение к урегулированию. Но какому? В этом пункте говорилось, что переговоры между сторонами начнутся немедленно для решения вопроса о возвращении к позициям на 22 октября в рамках соглашения о разъединении сил под наблюдением ООН.

Такая формулировка, естественно, не имела ничего общего со всеобъемлющим урегулированием. Собственно, сам Садат, по словам Киссинджера, сказал ему со всей определенностью, что у него две цели: вернуть «мою территорию», иными словами, восстановить границу 1967 г. на Синае и заключить мир*. После такого садатовского заявления государственному секретарю США было нетрудно действовать. В результате план из шести пунктов был принят Садатом, несмотря на то что он даже в вопросах «локального» решения был хуже, чем резолюция Совета Безопасности ООН № 338: обязательность возвращения на линию 22 октября подменялась обязательностью дискуссии по этому вопросу.

Во время пребывания в Каире Киссинджер вел разговор о Женевской конференции. Описание этого разговора в мемуарах Киссинджера достойно полного воспроизведения, так как тот поставил все точки над «i», показал, как США с помощью Садата отошли от московской договоренности об использовании накопленного к тому моменту на Ближнем Востоке потенциала всеобъемлющего урегулирования. США приняли курс Израиля, обеспечивая выгодные тому сепаратные решения, а Садат поплелся у них в хвосте.

В этом же описании, по сути дела, показывается – хочет того Киссинджер или нет – и линия Советского Союза,

* Там же.

направленная на ликвидацию последствий израильской агрессии 1967 г. и установление справедливого мира на Ближнем Востоке.

Итак, обратимся к мемуарам госсекретаря США. «Утром в четверг 8 ноября, – пишет он, – Фахми [министр иностранных дел Египта. – *Е.П.*] и я встретились для обсуждения планов Женевской мирной конференции и определения, что имелось в виду под фразой о ее проведении “под соответствующей эгидой” – эта формула являлась частью договоренности, которая была достигнута в Москве 24 октября. Москва не испытывала никаких сомнений, сопровождая для Садата предложения о прекращении огня аргументом о том, что советская роль в конференции будет соответствующей гарантией давления на Соединенные Штаты и Израиль. Но теперь Египет сместил акцент на Соединенные Штаты и переключился от всеобъемлющего подхода к подходу «шаг за шагом». В таких условиях большая советская роль явно выглядела как менее желательная, может быть даже опасная, так как Москва могла стать защитником радикальных решений и таким образом сыграть против того, что задумал достичь для себя Садат. Поэтому и Египет, и Соединенные Штаты занялись поисками средства, препятствующего превращению «эгиды» в советское вето»*.

Когда читаешь мемуары Киссинджера, то удивляешься, с какой циничностью он повествует о некоторых своих дипломатических мероприятиях, которые в свое время расцвечивались и преподносились им как достижения, призванные ускорить развитие в сторону общего политического урегулирования. «Женевская конференция, – пишет Киссинджер, не оставляя никаких сомнений в истинных целях и намерениях США, – была средством собрать в одну упряжку все заинтересованные стороны для одного символического акта и посредством этого сделать

* *Kissinger H. Years of Upheaval. – P. 645.*

так, чтобы каждый мог проводить сепаратный курс, хотя бы на некоторое время. Было сложно и собрать такую большую встречу, и после этого держать ее в бездейственном состоянии, в то время как дипломатия возвратится к двусторонним каналам»*.

Таким образом, Женевская конференция с самого же начала рассматривалась США даже не просто как вынужденный шаг, но и как маневр, отвлекающий от того, что уже варилось в американской кухне совместно с Израилем и Садатом. А для того, чтобы Женевская конференция сыграла такую роль, нужно было выхолостить ее содержание, что Соединенные Штаты и пытались сделать.

Министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, выступая на Женевской конференции 21 декабря 1973 года, провозгласил необходимость ликвидировать последствия израильской агрессии путем ухода Израиля со всех захваченных в 1967 году арабских территорий и обеспечить законные права арабского народа Палестины. Одновременно подчеркивалась необходимость обеспечить признание суверенитета, территориальной ценности, политической независимости всех государств Ближнего Востока, включая и Израиль, их права жить в мире. Таким образом определялись рамки, в которых могли бы быть приняты решения в интересах всех стран и народов этого района.

Киссинджер описывает, как он в своем выступлении на открытии Женевской конференции – «чтобы никто не смог бы потом сказать, что я не заявлял публично, в чем состоит наша стратегия» – подчеркнул необходимость разъединения войск и «реалистических переговоров между самими участниками совещания», иными словами, Израиль – каждая арабская страна в отдельности. С Египтом у США была соответствующая договоренность заранее. Поэтому Киссинджер пишет, что выступление еги-

* Там же. – Р. 747.

петского министра иностранных дел Фахми на открытии Женевской конференции было выдержано в резких тонах лишь потому, что оно было «ориентировано в определенной степени на Сирию», которая не соглашалась участвовать в конференции. После таких пропагандистских заявлений Египет, по словам Киссинджера, «мог заняться проблемой разъединения войск – вопросом, который Фахми, между прочим, не затронул в своей речи»*.

Так столкнулись две линии: одна – последовательная линия Советского Союза, направленная на то, чтобы привести район Ближнего Востока к справедливому и стабильному мирному урегулированию в интересах всех народов; другая – линия Соединенных Штатов, смысл которой заключался в том, чтобы обеспечить возможность Израилю сохранить арабские территории, захваченные в 1967 году, при одновременном усилении американских позиций в арабском мире. Достижению этой двуединой цели была признана служить дипломатия «шаг за шагом». Эта американская дипломатия пробивала путь к кэмп-дэвидскому сговору.

Оправдывая свой курс, американские должностные лица зачастую говорят и пишут, что, дескать, не было в тот момент, да и вообще нет условий для всеобъемлющего урегулирования на Ближнем Востоке. Поэтому будто бы и пришлось двигаться по пути частичных решений, которые неизбежно приобрели характер сепаратных. Более того, сторонники таких отдельных сепаратных шагов обвиняли и не перестают обвинять Советский Союз в том, что он «пренебрегает» поэтапными мерами, якобы хочет «или всего, или ничего». Такие «аргументы» и обвинения полностью не соответствуют действительности.

Во-первых, Советский Союз, утверждая необходимость всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта, никогда не выступал против поэтапных

* *Kissinger H. Years of Upheaval. – P. 796–797.*

мер с целью достижения такого урегулирования. Но осуществление этих решений по этапам обусловлено именно тем, что они укладываются в общее русло полного урегулирования. Если определено это русло, если имеется в виду ликвидация последствий израильской агрессии 1967 года в качестве главной цели, то тогда можно было бы идти к этой цели по этапам. Однако такому методу Соединенные Штаты противопоставили частичные – не поэтапные, а именно частичные, изолированные сепаратные решения.

Во-вторых, Советский Союз всегда исходил и исходит из того, что частичные решения не приближают, а, напротив, отдаляют всеобъемлющее урегулирование. С учетом конкретной характеристики конфликта, когда Израиль противостоит не одной, а многим арабским странам и палестинскому движению сопротивления, частичные, сепаратные акты выстраиваются, так сказать, не вертикально, постепенно приближая всеобъемлющее решение, а горизонтально. И это не концентрирует, а, наоборот, расплывает общий потенциал урегулирования, так как по мере совершения сепаратных сделок ослабевают стороны, противостоящая Израилю, и одновременно ослабевают «побудительные мотивы» Израиля к всестороннему урегулированию; таким образом, сокращается действие факторов, работающих в направлении всеобъемлющего справедливого решения.

В-третьих, Советский Союз всегда исходил из того, что имеется реальная возможность всеобъемлющего решения ближневосточного конфликта в интересах всех народов, населяющих этот район. Конечно, так называемый потенциал политического урегулирования на Ближнем Востоке не является неизменной величиной. Он относительно повысился, как уже говорилось выше, после того как Октябрьская война 1973 г. показала полную несостоятельность и историческую недолговечность израильской военной доктрины, исходящей из незыбле-

мости «извечного» силового превосходства Израиля над арабскими государствами и палестинским движением сопротивления.

Начавшаяся в 1982 г. «пятая» ближневосточная война, выразившаяся в агрессии Израиля в Ливане¹², показала возросшую способность палестинцев и ливанских национально-патриотических сил к вооруженному сопротивлению, резко обострившиеся озабоченность и тревогу в мире в связи с израильской агрессивностью и экспансионизмом, абсолютное сужение возможностей Израиля использовать в своих интересах мировое общественное мнение и тем более манипулировать им.

В-четвертых, препятствием для всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта была и остается политика США, подталкивающая Израиль к экстремистской позиции. Поддержка Соединенными Штатами израильской экспансионистской линии и в самом Ливане, и на Западном берегу реки Иордан, и в секторе Газа, и в отношении Голанских высот, и Иерусалима снижает потенциал всеобъемлющего урегулирования, может затруднить его осуществление политическими средствами.

В Соединенных Штатах нередко говорят, что давление на Израиль «непродуктивно», более того, оно вызывает «обратные последствия». Такие разговоры носят, мягко говоря, спекулятивный характер. Ведь ни разу за всю историю ближневосточного конфликта Соединенные Штаты не оказывали реального давления на Израиль, скажем, в форме отказа от поставок вооружения или экономической помощи. Между тем израильское руководство полностью опирается в своей экспансии и экстремизме на такую американскую помощь. Как можно в таких условиях априорно и притом серьезно говорить о «непродуктивности» давления на Израиль с целью заставить его выполнить резолюции ООН и ликвидировать последствия совершенных им в 1967 г. и 1982 г. агрессий.

Пожалуй, лишь однажды за время после «шестидневной войны» США подошли к черте, за которой могло

начаться реальное давление на Израиль, и его руководство достаточно быстро спасовало. Как известно, в 1978 г. Израиль предпринял оккупацию юга Ливана до реки Литани, причем исходя на этот раз не из израильско-американских, а только из своих собственных побуждений, стремясь установить свой контроль над частью ливанской территории. Когда США почувствовали, что это грозит срывом их масштабной игры в арабском мире, помощник президента США по вопросам национальной безопасности Бжезинский получил указание от президента предупредить Израиль: в случае, если его войска не будут немедленно выведены, то США прекратят поставки вооружения Тель-Авиву. Такого предупреждения – не в виде разыгранного заранее спектакля, как происходило время от времени, а сделанного в достаточно категоричной форме – на этот раз было достаточно, чтобы Израиль в течение нескольких часов вывел свои войска из Ливана.

Характерны также и слова премьер-министра Великобритании Хита, сказанные госсекретарю США в 1973 г. после Октябрьской войны и содержащие ретроспективную оценку американской политики за все предшествующие годы. Как заметил Хит, «за последние шесть лет – со времени войны 1967 г. – США имели полную возможность заставить Израиль пойти на переговоры, но они ничего не сделали»*.

Итак, Соединенные Штаты использовали факт созыва Женевской конференции практически только для того, чтобы осуществлять свою политику «шаг за шагом». И не случайно, что в результате этого Женевская конференция начала буксовать, ее работа не получила продолжения – второй ее этап так и не состоялся.

Совершенно ясно, что, не будь саатовского сближения с США при отдаленности Египта от Советского Союза,

* *Kissinger H. Years of Upheaval.* – P. 720.

Вашингтону не удалось бы осуществить свою линию, направленную на срыв достижения всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта. Уже при первой личной встрече Киссинджера с Садатом президент Египта ясно дал понять госсекретарю США, что он рассматривает контакт с ним как важный этап переориентации политики Египта в сторону Соединенных Штатов. При второй встрече, которая произошла вскоре, в декабре 1973 г., Садат был вообще предельно откровенен. Вот как описывает разговор с ним Киссинджер: «Когда представители прессы и сотрудники охраны ушли, Садат приступил к беседе, сидя на низком диване у стены против меня. Беседа продолжалась и за обедом, когда в комнату вкатили обеденный столик. Не затрагивая всех сложностей, связанных с мирной конференцией, Садат изложил свои взгляды в отношении будущего. Он испытывает чувство глубокого недоверия к Советскому Союзу».

И это говорилось в тот момент, когда в посланиях советским руководителям и в своих публичных выступлениях Садат распилился в дружеских чувствах к СССР, благодарил за поддержку и помощь Египту.

VII. «Челночная дипломатия» в интересах США и Израиля

Характерно, что, начиная политику «шаг за шагом», Соединенные Штаты непосредственно связывали ее с предоставлением беспрецедентной по своим масштабам военной помощи Израилю. Дело было даже не в покрытии потерь Израиля – на эти цели США предоставили ему вооружение на 1 миллиард долларов во время войны, – речь шла о решении с согласия Конгресса предоставить Израилю на военные нужды дополнительно к этому 2,2 миллиарда долларов.

«Я абсолютно не понимаю срочности осуществления этого именно в настоящий момент, – заявил в комиссии по иностранным делам американского Сената 13 декабря 1973 г. ее председатель Фулбрайт. – Если мирные усилия потерпят крах и мы пойдем по другому пути, то я ничего не смогу сделать по этому поводу. Это выйдет уже из компетенции и лично моей, и этой комиссии, превратившись, по моему суждению, в чисто военный вопрос. Но сегодня перед нами дипломатическая ситуация, а именно за нее несут ответственность и данная комиссия, и Государственный департамент. Я бы желал поддержать их и не хотел бы предпринимать что-либо способное усложнить или сделать невозможным достижение урегулирования на мирной конференции»*. Одновременно сенатор Фулбрайт высказал сомнение в целесообразности предоставления Израилю вооружения на такую огромную сумму по существу – с точки зрения соотношения его сил с арабскими государствами. «Представляется, что у нас нет веры в Женевскую конференцию и мы вооружаем Израиль до такого уровня, когда ему не придется что-либо делать на конференции...»** Эти слова также принадлежат Фулбрайту, который произнес их, отвечая на заявления представителя администрации, заместителя министра обороны Клементса, председателя объединенного комитета начальников штабов адмирала Мурера, заместителя государственного секретаря Раша и других, в один голос отстаивавших правительственную линию. Но, несмотря на серьезную критику и в Конгрессе, и со стороны союзников США, линия на массированное вооружение Израиля в качестве основы политики «шаг за шагом» была осуществлена.

Опираясь на предоставленную Израилю огромную военную помощь, Соединенные Штаты Америки начали

* Hearings before the Committee on Foreign Relations / United States Senate 93rd Congress. – Washington, 1973. – P. 33.

** Там же. – P. 42.

активную подготовку к осуществлению первого разъединения египетских и израильских войск на Синае.

Сейчас, при ретроспективном взгляде на события, сопутствующие этому первому разъединению египетских и израильских войск, конечно, можно сделать вывод о том, что США фактически относились к этому соглашению как к изолированному явлению, а не части общего процесса. Однако в то время США пытались нейтрализовать реакцию со стороны Советского Союза, выступавшего против сепаратных решений, и заявляли, что разъединение-де лишь первый шаг, за которым последуют другие. Приступила к работе Женевская конференция, что могло создать благоприятный климат для перманентности начатого процесса. Учитывая и тот факт, что только что кончились военные действия, а израильские и египетские войска стояли друг перед другом, первое соглашение о разъединении войск было поддержано Советским Союзом.

Но уже тогда Советский Союз предупреждал Египет о необходимости бороться против изолированности этого соглашения, за то, чтобы оно стало отправной точкой следующих решений, ведущих к всеобъемлющему урегулированию. Например, в коммюнике о пребывании в СССР министра иностранных дел АРЕ (21–24 января 1974 г.) было внесено следующее положение: «...договоренность о разъединении войск имеет положительное значение, принимая во внимание, что вслед за ней следует радикальное урегулирование на Ближнем Востоке на основе полного осуществления... решений Совета Безопасности...»*

Однако американская политика пробивала путь не к такому соглашению.

В создавшихся условиях Советский Союз настойчиво повел борьбу за скорейшее возобновление работы Женевской конференции, безотлагательное решение всего

* Правда. – 25.01.1974.

комплекса проблем политического урегулирования ближневосточного конфликта. Одновременно СССР уделил большое внимание подготовке к соглашению о разъединении войск между Сирией и Израилем. Добиваться такого разъединения были все основания. После разъединения войск на Синае в случае возобновления военных действий Сирия могла стать единственной страной, противостоящей Израилю в вооруженном конфликте. Участие Египта в этих вооруженных действиях было бы затруднено, если практически не исключено.

Активность Советского Союза, его помощь делу подготовки решения по разъединению войск на Голанских высотах служили и тому, чтобы максимально улучшить условия такого соглашения для арабской стороны. После нескольких поездок на Ближний Восток министра иностранных дел СССР А.А. Громыко и его встреч с государственным секретарем США 5 июня 1974 г. в Женеве были подписаны итоговые документы, определявшие порядок и время разъединения сирийских и израильских войск, а также вывода израильских войск с части оккупированной ими сирийской территории. Эти документы предусматривали освобождение территории общей площадью 663 км², захваченной Израилем в 1967 г.

Есть все основания считать, что условия разъединения сирийских и израильских войск, которые в общем носили компромиссный для того момента характер и поэтому оказались приемлемыми для Сирии, были отработаны не в результате, а во многом вопреки американской политической активности. Хотя внешне дело обстояло так – во всяком случае американцы его так представляли, – будто это соглашение о разъединении войск было тоже достигнуто в результате «челночной дипломатии» Киссинджера. Действительно, государственный секретарь США в течение трех недель попеременно посещал Дамаск, Тель-Авив с заездами в столицы некоторых других арабских стран. Но если Израиль согласился во многом отойти от первоначально высказанных Тель-Авивом аб-

солютно неприемлемых для Сирии предложений – чтобы отвод израильских войск не происходил с территории Голанских высот, оккупированной Израилем в 1967 г., – то это произошло не в последнюю очередь из-за активной роли СССР, косвенно воздействующего и на «челночную дипломатию» Киссинджера. Нежелание Израйля сойти с этих крайне экстремистских позиций могло привести к тому, пишет Киссинджер, что американское посредничество «потерпит крах в самый неблагоприятный момент – когда Громько все еще будет находиться в этом районе, Помпиду направится в Москву, наши союзники начнут европейско-арабский диалог, а министрам нефти арабских стран еще только предстоит встретиться для решения вопроса об эмбарго»*.

Действуя не в «вакууме», Киссинджер был вынужден в ряде случаев просить израильтян «умерить свой пыл». Тем более что он в конечном итоге боролся не только за интересы США, но и за собственные интересы Израйля. 16 декабря 1973 г. Киссинджер, находясь в Иерусалиме, следующим образом описал свою «генеральную стратегию» израильскому руководству (цитируется по книге израильского журналиста М. Голана, который получил стенографические отчеты о беседах Киссинджера в Израйле и вопреки желанию израильского руководства предал их гласности, преодолев, естественно, серьезнейшее сопротивление на своем пути): «Киссинджер объяснил, что цель переговоров о разъединении войск заключается в том, чтобы обойти необходимость вести переговоры о границах и окончательном урегулировании. Успех переговоров [о разъединении. – *Е.П.*] привел бы также и к другому достижению – отмене нефтяного эмбарго. В то же время это положило бы конец изоляции Израйля, уменьшив давление на него главным образом со стороны западноевропейских государств и Японии. Никто в Израйле не должен иметь даже мимолетных со-

* *Kissinger H. Years of Upheaval. – P. 905.*

мнений, предупредил Киссинджер, в том, что провал переговоров о разъединении разрушит плотину, сдерживающую давление на Израиль, оказываемое на этот раз в пользу не частичного отхода, а полного отхода к границам 4 июня 1967 года»*.

Сирийские руководители, само собой понятно, не слышали этих слов от государственного секретаря США, но в Израиле он мог говорить по этому вопросу совершенно откровенно.

Одновременно Киссинджер стал пытаться оказать давление на Дамаск, с тем чтобы подтянуть его к приемлемой для Израиля позиции. Он не скрывает, что старался сделать это с помощью теперь уже близкого ему человека – Садата. Во время бесконечных разъездов между Сирией и Израилем государственный секретарь США несколько раз заезжал в Каир, где договаривался с Садатом о направлении египетских эмиссаров в сирийскую столицу, чтобы оказать воздействие на Дамаск. Этого не удалось сделать потому, что Сирия занимала принципиальную позицию и опиралась на помощь и поддержку Советского Союза.

Однако Женевская конференция из-за позиции Израиля, поддержанного Соединенными Штатами, не возобновила свою работу. Дипломатия США стала усиленно добиваться второго частичного соглашения Израиля с Египтом.

4 сентября 1975 г. Египет и Израиль подписали новое соглашение, в котором были зафиксированы некоторый отвод израильских войск, переход к египтянам значительной части двух перевалов – Митла и Гиди, расширение буферной зоны ООН и создание на перевалах службы раннего оповещения с американским персоналом. По этому соглашению Египет получил также нефтепромыслы Абу-Рудайс, которые, по свидетельству многих экс-

* *Golan M. The Secret Conversations of Henry Kissinger. – New York: Quadrangle, 1976. – P. 152.*

пертов, хищнически эксплуатировались Израилем в период оккупации. В то же время Египет взял на себя обязательство пропускать через Суэцкий канал в Израиль невоенные грузы.

По новому соглашению Египет вернул себе лишь небольшую часть территории Синая, более 90 % ее оставалось оккупированной Израилем. Вместе с тем соглашение о вторичном разъединении войск внесло новый элемент в ближневосточную ситуацию: Соединенные Штаты в одностороннем порядке разместили свой персонал на Синае, практически получив возможность просматривать и прослушивать всю территорию Египта.

С учетом изменения соотношения сил, проявившегося в октябре 1973 г., Израиль получал более чем благоприятные для себя условия с военной точки зрения. Переход перевалов в руки Египта был во многом номинальным. На перевале Гиди израильтяне сохранили важную в стратегическом отношении возвышенность по северному параметру и некоторые господствующие над местностью холмы, лишь слегка изогнув свою линию к западу между перевалами. Вместе с тем при продолжающейся оккупации арабских, в том числе и египетских, земель Израиль обезопасил себя с помощью американской станции раннего предупреждения от всяких «неожиданностей» со стороны сильной в военном отношении арабской страны – Египта, который уже тогда практически оказался нейтрализованным на неопределенно длительный срок.

VIII. Экономика «открытых дверей»

Показ сложившихся «египетских условий» и их роли для сделки в Кэмп-Дэвиде был бы неполным без рассмотрения мер, предпринятых Садатом в социально-экономической

области. Эти меры призваны были заложить долговременную базу саатовской власти и создать механизм для ее воспроизводства. США полностью солидаризировались с ними и даже инспирировали эти меры именно в силу их ожидаемых политических последствий, а не только потому, что они открывали большие возможности для деятельности американского капитала в Египте. Хотя и такая деятельность сама по себе тоже обещала определенные политические результаты – стабилизацию влияния США в этой арабской стране.

Можно, очевидно, говорить о следующих главных направлениях «реформаторской» деятельности Садата в экономической области:

- децентрализация народного хозяйства;
- превращение египетской экономики в открытую для деятельности иностранного частнопредпринимательского капитала;
- поощрение частного сектора.

Как известно, при президенте Насере были осуществлены египтизация иностранной собственности, а затем и национализация всей иностранной и египетской крупной, а также преобладающей части средней собственности. В руках государства оказалось до 80 % средств производства в промышленности, вся кредитно-банковская система, весь транспорт. Государство взяло в свои руки внешнюю торговлю и стало контролировать значительную часть внутренней. Народное хозяйство страны было практически закрыто для деятельности иностранного капитала. Полностью «запретной зоной» для него были объявлены важнейшие сферы экономики, например кредитно-банковская система, вся, за исключением нефти, добывающая промышленность. Присутствие иностранного капитала было разрешено разве только в виде нескольких концессий на разведку нефти и буквально единиц смешанных компаний с преобладанием египетского государственного участия.

В результате всех этих мер, принятых при Насере, в том числе и тех, которые имели антикапиталистическую направленность (1961–1964 гг.) и прекращали процесс концентрации и централизации капитала в промышленности, кредитно-банковском деле, на транспорте, государство в Египте стало самым крупным предпринимателем и фактически доминировало во всей экономической жизни страны.

Это, несомненно, сказалось на социальной структуре египетского общества. Крупная и в значительной части средняя буржуазия были ликвидированы как предпринимательские социальные прослойки. В то же время аграрные реформы во многом изменили ситуацию в деревне, размывая полуфеодалные отношения и объективно подталкивая земельных собственников к капиталистическому методу хозяйствования. Мелкая буржуазия укрепилась в сельском хозяйстве и сохранилась в торговле.

После египетской революции 1952 г. было сделано очень многое для развития страны, укрепления ее суверенитета, улучшения условий жизни народа. Трудящиеся, несомненно, выигрывали от реформ – высокими темпами развивалась экономика, рос уровень жизни, – хотя в деревне главный выигрыш получили зажиточные крестьяне и середняки.

Вместе с тем сказались, особенно в последний период жизни Насера, после 1965 г., объективные противоречия развития Египта, взявшего ориентацию на социализм. Дали знать о себе и некоторые субъективные ошибки руководства. Однако главное – и это помогло выстоять режиму Насера после военного поражения в 1967 г. – заключалось в том, что была сохранена централизация. Государственный сектор по-прежнему был основным не только потому, что контролировал экономическую жизнь в целом, но и потому, что имел наиболее благоприятные (естественно, через приливы и отливы, что во

многим диктовалось положением, сложившимся после «шестидневной войны») перспективы на будущее.

Ведя «войну на истощение» в зоне Суэцкого канала и готовя операцию по освобождению захваченных Израилем земель, президент Насер использовал многие рычаги, которые были призваны создать на данный момент стабильность тыла, в том числе некоторое поощрение частного сектора. Считалось, что после урегулирования ближневосточного конфликта положение можно будет выровнять. Но Насер никогда не отказывался от централизации, не открывал двери перед иностранным капиталом, не денационализировал принадлежащие государству предприятия, не развивал частный сектор как антипод государственному. Насер неоднократно подчеркивал, что упор на госсектор нужен и для того, чтобы успешно подготовить военные действия, призванные привести к ликвидации последствий израильской агрессии 1967 г.

Садат же стал осуществлять принципиально иную экономическую политику. Первые законы, свидетельствовавшие об этом, были опубликованы в сентябре 1971 г. Иностранный и арабский (из других стран) капитал получал возможность свободного движения как в Египет, так и из страны, что гарантировалось египетским государством, взявшим на себя обязательство не конфисковать и не национализировать иностранную собственность. Иностранцам было возвращено право на владение землей. Одновременно фактически отменялась государственная монополия на внешнюю торговлю. С экспорта и импорта снимались ограничения, накладываемые централизованным планированием, сводом правил сотрудничества с иностранным капиталом, условиями регулирования цен, правилами выбора продукции для экспортных и импортных операций в связи с ситуацией на внутреннем рынке.

Затем последовал трехлетний перерыв, но вот в 1974 г. наступление на устои насеровской экономической поли-

тики снова приняло широкие масштабы. В 1974 г. был издан закон № 43, по которому предоставлялись многочисленные привилегии арабским и иностранным коммерческим и инвестиционным банкам, чьи штаб-квартиры находятся за рубежом. В отношении их инвестиционных проектов вводились условия, которые напоминали периоды, когда иностранные компании пользовались в колониях или полуколониях правами экстерриториальности. Недвижимость, в которую вкладывали капиталы иностранные банки, теперь уже не могла быть отчуждена ни при каких обстоятельствах – если в 1971 г. иностранные компании гарантировались от конфискации и национализации, то теперь им гарантировали навечно и владение недвижимостью, в том числе землей. Компаниям, образованным в Египте иностранным капиталом, разрешалось самим или через третьих лиц ввозить все: и сырье, и машины, и оборудование, и транспортные средства – даже без предварительного обращения к властям за разрешением. Прибыли таких компаний освобождались от всех налогов. Эти компании выводились из-под действия законодательства, согласно которому рабочие представители должны включаться в административные советы. На них не распространялись права профсоюзных организаций.

Словом, иностранному капиталу – и западному, и из арабских стран, преимущественно нефтедобывающих – предоставлялась полная свобода рук. Иностранному капиталу разрешалось оперировать повсюду – в промышленности, в том числе в добывающих отраслях, энергетике, строительстве, туристской «индустрии», на транспорте, в банковской системе и страховом деле, мелиорации и орошении земель. В Египте были созданы такие условия для иностранного капитала, каких не было даже в Саудовской Аравии в период бесконтрольной деятельности «Арамко»⁴³ или в Иране при шахе.

Другая грань экономического законодательства 1974 г. – это создание смешанных компаний и свободных зон на территории Египта. Разрешалось, в частности, создавать смешанные египетско-иностраннные инвестиционные и коммерческие банки. Один из известных египетских экономистов, д-р Фуад Мурси, так резюмировал суть и последствия этого законодательства: «Направление, принятое при “открытии” экономики, вполне отчетливо. Это – свобода рук для иностранных монополий вкладывать частный капитал – и иностранный, и арабский. Все, что раньше было запрещено, теперь разрешается. “Открытие” экономики означает разрешение частному капиталу развиваться без всяких ограничений и горизонтально и вертикально. Это относится и к местному капиталу, которому разрешено развиваться, укрупняться, срачиваться с иностранным капиталом. В конце концов, это – разрешение иностранному капиталу восстановить свои позиции силы как раз в сердце египетской экономики»*.

За законом № 43 последовали и другие. Но прежде чем раскрыть их содержание, остановимся на вопросе: что общего и в чем разница между первым шагом Садата в направлении «либерализации» экономики Египта, предпринятым в 1971 г., и последовавшим шагом, сделанным в 1974 г.

Свои первые меры против насеровской экономической системы в 1971 г. Садат включил в так называемую «революцию исправления». Кое-кто даже думал – особенно в то время, – что Садат действительно хочет лишь выправить перегибы, а в основном не собирается активно рушить то экономическое здание, которое было воздвигнуто в начале 60-х годов. Может быть, поэтому Фуад Мурси датировал политику «открытия» (по-арабски: «инфитах») египетской экономики для иностранного

* Ат-Талиа. – 1975. – № 10.

капитала 1974 г., последовавшим за Октябрьской войной*. Между тем политика «открытых дверей» началась раньше, в 1971 г., а законами 1974 г. была широко развита.

Однако между этими законами – 1971 и 1974 гг. – все-таки есть разница. И она определяется не только тем, что вторые были уже значительно более радикальными, чем первые. Дело в том, что в 1971 г. Садат принимал законы, «либерализирующие» экономику Египта для иностранного капитала, инициативно. Одна из основных целей заключалась в том, чтобы создать соответствующую социальную опору его режиму. «Фактически эту новую социальную группу, чье рождение было провозглашено законом о капиталовложениях [1971 г. – *Е.П.*], просто-напросто образовали биржевые маклеры, комиссионеры, управляющие и агенты иностранных и арабских банковских монополий, посредники в экспортно-импортной торговле»**, – пишет Гали Шукри. Действительно, экономическое законодательство 1971 г. целиком и полностью было обращено к сфере деятельности иностранного капитала и связанных с этой деятельностью операций местных посредников. Именно в рамках этой сферы Садат и стремился найти внутреннюю базу, адекватную той внешней политике, которая в то время закладывалась.

Меры Садата имели также и «демонстрационный эффект» – они должны были, очевидно, показать и американцам и израильтянам, что он переориентируется, отходит от линии на подготовку жесткой конфронтации с целью добиться ликвидации последствий израильской агрессии. И этот очередной «сигнал» Садата опять был принят США и Израилем. М.Х. Хейкал цитирует свой разговор с Д. Рокфеллером, который утверждал: «Израильские лидеры согласились с тем, что отношение Садата к своей стране – конструктивное. Они могут видеть, что появляются лучшие шансы окончания статуса войны

* Там же.

** *Shoukri Gh.* Egypt: Portrait of a President. – P. 75.

[с Египтом. – *Е.П.*], если Садату помогут [естественно, США. – *Е.П.*] по-настоящему реконструировать свою страну»*.

«Говорить о войне, что предполагало военную экономику, а фактически поворачивать к либеральной экономике – в этом было реальное противоречие»**, – писал Г. Шукри. «Разобравшись» в смысле этого противоречия, США в 1974 г. оказали определенное давление на Садата с целью расширения действий в сторону экономики «открытых дверей». Закон № 43, о котором говорилось выше, был принят в Египте под прямым нажимом президента США Никсона. Дело, конечно, не в том, что Садата надо было переламывать, заставляя действовать иначе, чем он намечал сам. Однако США определенно выступили за ускорение, углубление и стабилизацию тех процессов, которые были начаты в Египте по инициативе Садата в 1971 г.

Президент Никсон посетил Каир в июне 1974 г. В конце его визита была опубликована декларация, провозглашающая принципы отношений и сотрудничества между Египтом и Соединенными Штатами. Наряду с политическими статьями декларация включала в себя пункт о том, что «две страны должны интенсифицировать свои консультации, укрепить сотрудничество в области экономики, науки, техники, туризма и сделать шаги навстречу миру». Египетский и американский министры иностранных дел должны были провести консультации с целью осуществления «совместных программ», которые включали в себя сотрудничество в деле атомной энергетики при «безусловных гарантиях» того, что реактор в Египте не будет использован в военных целях, в углублении Суэцкого канала, расширении американских частных инвестиций в египетскую экономику. Ставился даже вопрос о создании совместного египетско-американского

* *Heikal M. Autumn of Fury.* – P. 88.

** *Shoukri Gh. Egypt: Portrait of a President.* – P. 74.

экономического совета, состоящего из представителей частных секторов двух стран. США брали на себя обязательство и по государственной линии предоставить Египту помощь на его экономическое развитие, однако основной удар был сделан, с одной стороны, на то, чтобы активизировать частнопредпринимательскую деятельность США в Египте, а с другой, активизировать египетский частный капитал как контрагента американских монополий*.

Приезд Никсона последовал за подписанием египетско-израильского соглашения на 101-м километре от Каира. Садат уже сумел убедить американских партнеров в своих намерениях продвигаться по пути к частичному урегулированию с Израилем. Визит Никсона и появившиеся в результате него документы открывали новый этап в египетско-американских отношениях, распространяя «сотрудничество», точнее сказать, американскую активность в Египте на экономическую область. Но американцам нужны были соответствующие условия для этого и долговременные гарантии, способные обеспечить экспансию частного монополистического капитала США в Египет. Эти условия, равно как и гарантии, появились в виде закона № 43, подписанного Садатом 9 июня 1974 г., то есть накануне приезда Никсона в Каир.

Затем последовали и другие законы, которые стимулировали деятельность местного капитала, главным образом в сфере обращения. Закон № 118 от 1975 г., опубликованный как раз в момент второго разъединения войск на Синае, полностью ликвидировал контроль государства над внешней торговлей – он давал теперь уже и египетскому частному сектору право беспрепятственного импорта всего – станков, машин, сырья. Законом № 97 ликвидировался контроль египетского центрального банка над деятельностью иностранных банков в стране. Такой контроль существовал не только во времена Насера,

* Аль-Ахрам. – 15.07.1974.

но и еще при Фаруке, в дореволюционную пору. Закон разрешал любому лицу иметь в любом количестве иностранную валюту без необходимости заявлять о ее происхождении. Иными словами, создавался безбрежный простор для спекулятивной, темной деятельности паразитической части общества, связанной с иностранным капиталом и черным рынком.

Закон № 111, изданный в 1975 г., пожалуй, является одним из наиболее существенных на пути ликвидации централизованной экономики в Египте. Под видом «реорганизации» государственного сектора он ликвидировал генеральные организации, которые руководили национализированными компаниями – через них осуществлялось бюджетное финансирование, спускались плановые задания, осуществлялся контроль над производственной и сбытовой деятельностью. Ликвидация генеральных организаций была увязана с идеей покупки частными компаниями акций государственных предприятий. Видный египетский экономист, бывший министр финансов страны Али Гретли писал: «Расширение преимуществ, гарантированных иностранному и частному секторам, приведет к увеличению прибылей импортно-экспортного сектора от сделок с недвижимостью и маклерских комиссионных, а также тех доходов, которые пресса называет “паразитическими”... Нет никакого сомнения, что резкое увеличение иностранного и частного секторов сделает задачу планирования значительно более трудной, чем в прошлом, так как большая часть организованной активности будет полностью вне планирования»*.

А. Гретли сказал слишком мягко. Реприватизация государственного сектора, перевод оставшихся национализированных предприятий на чисто коммерческие рельсы, снятие всех видов контроля за деятельностью иностран-

* *Shoukri Gh. Egypt: Portrait of a President. – P. 394.*

ного капитала, в том числе оперирующего в кредитно-банковской сфере, ликвидация государственного контроля над внешней торговлей – все это перечеркнуло саму возможность централизованного планирования, даже ограниченного по своим функциям, привязало экономику Египта к иностранному монополистическому капиталу, а внутри страны дало все преимущества непроизводительному местному предпринимательству, ориентирующемуся главным образом на обслуживание иностранного капитала либо на использование своих связей с ним в операциях на черном рынке.

При президенте Мубараке были опубликованы данные, согласно которым за садатовское правление внешняя задолженность Египта увеличилась в 10 раз, достигнув астрономической цифры в 26 миллиардов долларов*. Политика «инфитаха» вместе с тем практически дала чрезвычайно мало для развития производительных сил страны. Никакой аналогии не было и быть не могло с периодом, когда Египет с помощью СССР создал такие гиганты индустрии, как Асуанский комплекс, Хелуанский металлургический комбинат и др. По официальным данным, за время «инфитаха» в Египте было создано 512 промышленных и торговых предприятий лишь с 28 тысячами занятых лиц. Эти предприятия экспортировали в год продуктов на сумму 2,4 млн египетских фунтов, а импортировали товары общей стоимостью 550 млн египетских фунтов в год, из которых половину составляли оборудование и материалы для производства, а другую половину – потребительские товары для продажи.

Политика «открытых дверей» привела к резкому росту инфляции. С 1972 по 1977 г. цены в Египте возросли на 120 % при практически неизменной заработной плате рабочих и служащих. Вместе с тем богатели паразитические элементы, становившиеся настоящими хозяевами

* Heikal M. Autumn of Fury. – P. 78, 86.

страны. Уже после гибели Садата выяснились масштабы процесса обогащения этого паразитического слоя, к которому принадлежали и ближайшие родственники президента. Брат Садата попал в тюрьму. В коррупции были обвинены и другие близкие к Садату люди.

Если в 1975 г., то есть сразу же вслед за «второй волной» «инфитаха», по словам генерального секретаря Арабского социалистического союза, в Египте было 500 семейств миллионеров, как он выразился, 500 «жирных котов», то в 1981 г. их насчитывалось уже 17 тысяч. В это же время, то есть в 1981 г., – эти цифры были приведены в египетском парламенте – 5 миллионов семей имели в виде ежемесячного дохода сумму меньшую, чем эквивалент 30 долларов*.

Борясь против естественного возмущения египетского народа проводимой им внутриэкономической и внешней политикой, Садат стал закручивать гайки. За участие в демонстрациях, стачках и в нелегальных организациях вводилось наказание – пожизненные каторжные работы. Начались аресты.

16 октября 1976 г. представитель Международного валютного фонда в Каире П. Дики направил секретный меморандум египетскому министру экономики, озаглавленный «Некоторые мысли об экономической реформе». Эти мысли можно было суммировать в двух предложениях: девальвировать египетский фунт и решительно уменьшить субсидии правительства, выплачиваемые в течение многих лет для поддержки относительно низких цен на рис, сахар, топливо и некоторые другие предметы первой необходимости. Вслед за «изучением» этих предложений последовало решение правительства Египта от 17 января 1977 г. поднять цены на 25 жизненно важных товаров. 18 января десятки тысяч возмущенных египтян вышли на улицы Каира и Александрии, вскоре массовые демонстрации начались и в других городах страны.

* *Heikal M. Autumn of Fury.* – P. 87.

Садат был повержен случившимся. Быстро улетучивался его образ «героя Октябрьской войны». Это все произошло в то время, когда в США к власти пришел Дж. Картер – новый для Садата человек, к тому же выступавший во время своей предвыборной кампании с критикой частичных мер урегулирования и «челночной дипломатии» Киссинджера. С Никсоном у Садата, как он любил говорить, были отличные отношения, глубокое «взаимопонимание». С Фордом Садата сблизил Киссинджер. Однако и Никсон, и Форд один за другим сошли с политической арены.

Неуверенность в своих силах всегда подталкивала Садата, как пишет Хейкал, «если не к полету фантазии, то во всяком случае к полету в неизвестность. Существует прямая связь между “хлебным бунтом” в январе 1977 г. и визитом Садата в Иерусалим в ноябре»*.

IX. Бесславный конец Садата

За полтора года до этого «полета в неизвестность» Садат перешагнул еще через одно препятствие, стоявшее на пути сепаратной сделки, в итоге которой в жертву были принесены интересы других арабских стран: 14 марта 1976 г. по его предложению Народным собранием АРЕ было принято решение прекратить действие советско-египетского Договора о дружбе и сотрудничестве, заключенного в 1971 г.

Это был закономерный результат всей деятельности Садата в предшествовавший период, о которой подробно говорилось выше. В заявлении ТАСС подчеркивалось: «Предпринятая президентом Египта акция является но-

* Там же. – Р. 93.

вым проявлением недружественной в отношении Советского Союза политики, которую он на деле проводил уже в течение длительного времени. Это – юридическое оформление того положения, когда действие Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и АРЕ в результате такой политики было фактически парализовано»*.

Садат остался глух к предостережениям, с которыми выступили многие арабские деятели, о том, что изоляция Египта от СССР послужит лишь израильскому экспансионизму и имперским целям политики Соединенных Штатов Америки. Он продолжал ухудшать отношения с Советским Союзом.

Порвав с СССР и подтянув страну к Вашингтону, Садат сделал еще две внешнеполитические ставки: он приступил к активным поискам прямого контакта с Израилем – на это его интенсивно подталкивали США – и поставил перед собой задачу компенсировать потерю союзников и партнеров в арабском мире, что неизбежно предполагала перспектива прямых переговоров с Израилем в условиях категорического отказа его руководства от прекращения оккупации арабских территорий. Не без подталкивания и на этот раз со стороны США Садат выбрал в качестве «компенсирующего партнера» шахский Иран. Последовали его встречи с шахом, которые переросли в интимную дружбу, закончившуюся, как известно, тем, что свергнутый монарх в конце концов получил приют в Каире¹⁴. Но, как казалось в то время, шах еще довольно прочно сидел на престоле, и США уповали на то, что в случае «нормализации» отношений Садата с Израилем и развития отношений Садата с шахом можно будет постепенно вести дело к треугольным очертаниям их новой опоры на Ближнем Востоке.

Что касается Израиля, то Садат сориентировался на контакты с руководством правящей тогда в Израиле

* Правда. – 16.03.1976.

Партии труда. Секретные встречи проходили главным образом в Нью-Йорке между представителями Египта и Израиля в ООН. Одновременно начались контакты через Марокко – они в 1976 г. еще носили «технический», а не политический характер и осуществлялись по линии египетской и израильской спецслужб. Очевидно, Садата не очень устраивал глава израильского правительства Рабин. Причина этого, может быть, вскрывается следующей записью в дневнике президента США Дж. Картера. Эта же запись, датированная 7 марта 1977 г., показывает активные попытки США помочь сближению египетского лидера с израильскими руководителями. Описывая свою встречу в Белом доме с премьер-министром Израиля Рабином, Картер приводит такие подробности: «Когда он поднялся со мной наверх и мы остались вдвоем, я спросил его, хочет ли Израиль, чтобы я что-нибудь сделал во время моих встреч с арабскими лидерами, и есть ли, например, нечто специфическое, что я мог бы предложить Садату. Он никак не прореагировал»*.

Большой энтузиазм у Садата и, должно быть, у американцев вызвал Перес, сменивший Рабина на посту председателя Партии труда и готовый стать премьер-министром в случае победы блока «Маарах»¹⁵ на выборах. Когда этого не случилось, Садат вначале был обескуражен, а затем, опять-таки, подталкиваемый США, начал нащупывать возможность контактов с новым премьер-министром Израиля Бегином. И снова пишет в своих мемуарах президент США Картер, на этот раз о приеме в Белом доме уже нового премьер-министра Израиля Бегина: «Мы поднялись наверх в Белом доме и имели долгую и откровенную беседу на основе полной конфиденциальности. Он обещал быть готовым к обсуждению противоречивых вопросов и заявил, что имеет

* *Carter J. Keeping Faith. Memoirs of a President.* – New York: Bantam Books, 1982. – P. 280.

зачаточные планы прямых встреч с Садатом»*. Это заявление было не только инспирировано, но и решительно поддержано американским президентом.

Так готовился трамплин для прыжка Садата в объятия Израиля...

Через четыре года после визита в Иерусалим и через два года после заключения сепаратного египетско-израильского договора Садат был убит.

6 октября 1981 года президент Садат в фельдмаршальской форме, только что полученной от лучшего портного из Лондона, в окружении вице-президента, военного министра, командующих родами войск, религиозных деятелей и иностранных дипломатов принимал парад египетской армии в честь очередной годовщины Октябрьской войны 1973 г. Мимо трибуны проходили вереницы военных машин. Вдруг одна из них, что шла в колонне, наиболее близкой к трибуне, резко остановилась. В этот момент взоры принимавших парад были обращены в небо, над головами пронеслись истребители-перехватчики египетских ВВС, может быть, поэтому сразу не обратили внимания на застрявшую перед трибуной автомашину, которую стали обтекать другие тягачи с орудиями.

Между тем из нее выпрыгнули три человека – офицер и два солдата, которые бросились к трибуне, стреляя на ходу и бросая гранаты. Один солдат остался в машине и вел прицельный огонь из нее. Десятки пуль впились в тело Садата. Офицер, руководивший группой боевиков, двадцатичетырехлетний Халед Исламбули был членом одной из наиболее радикальных мусульманских организаций «Такфируа Хиджра». Позже он скажет, что решение убить Садата созрело окончательно после того, как 3 сентября 1981 г. президентом были арестованы все те в Египте, кто выступал против его деятельности – во

* Там же. – Р. 291.

внешнем плане капитулянтской, во внутреннем – шокирующей беспрецедентную коррупцию. Среди арестованных были руководители многих исламских организаций.

Получив задание убить Садата, Халед Исламбули взял в свой экипаж трех лиц, якобы вызванных специально для участия в параде. Он объяснил их появление тем, что вновь прибывшие выполняют «функции безопасности». У этих трех, как и у Исламбули, оказалось оружие с боевыми патронами и гранаты, в то время как по строжайшему указанию командования египетской армии все патроны, снаряды, мины, гранаты должны были быть изъяты у участников парада. Исламбули было легко обойти это указание, так как контроль за его осуществлением в своем подразделении он возложил на тех же трех солдат. Водитель машины и весь остальной экипаж не были посвящены в подготовку операции. Исламбули приказал водителю остановиться, угрожая ему пистолетом.

Охрана Садата в течение первой минуты была полностью парализована. Именно в эти первые полминуты все было кончено.

Экраны телевизоров, страницы многих газет, журналов, а теперь уже и книг обошел вопрос – было ли убийство Садата плодом широкого заговора, или это дело рук небольшой группки мусульманских фанатиков? Сторонники первой версии использовали следующие аргументы в поддержку своей позиции:

1. Исламбули был известен в армии как фанатик-мусульманин. Египетские власти достаточно хорошо были осведомлены о его остро враждебном отношении к Садату, который, по его словам, «предает ислам». Наконец, брат Исламбули был среди арестованных Садатом. И тем не менее, вопреки сопротивлению самого Исламбули, который хотел провести 6 октября (парад совпал с религиозным праздником) в молитвах со своей семьей, старший командир его буквально заставил участвовать в параде. После согласия Исламбули, выраженного словами:

«Как будет угодно Аллаху», он получил приказ от руководителя нелегальной ячейки убить Садата во время парада.

2. Как-то слишком просто получилось с заменой трех солдат из подразделения Исламбули на трех заговорщиков; версия о том, что они посланы «сверху» для принятия дополнительных мер безопасности, никого не насторожила: между тем в части были те, кто действительно отвечал за вопросы безопасности и не мог не знать, что прибывшие не являются их коллегами.

3. Исламбули дал специальные пропуска (откуда он их взял?) своим трем сообщникам, и те до парада произвели рекогносцировку местности, где им предстояло действовать. Между тем место парада, по утверждению египетских газет, самым тщательным образом охранялось уже за длительный срок до события.

4. Руководителем заговора с целью убить Садата, как выяснилось, был полковник Зумр, еще за два месяца до события работавший в египетской военной разведке, а затем ушедший в подполье. В этой связи ссылаются на то, что меры по его сыску были далеко не самыми интенсивными, а ведь было ясно, что он представляет серьезную угрозу для Садата.

5. Американцы, как известно, создали службу безопасности Садата. Они взяли на себя подготовку специального подразделения, выполняющего эти функции, и оснащение его наисовременнейшим оборудованием на сумму в 20 млн долларов*. Однако во время парада это подразделение находилось в 60–70 метрах от места, где сидел Садат.

Такая неподготовленность охраны породила подозрения, и некоторые наблюдатели в Египте стали даже говорить о том, что в условиях, когда американцы через свою разведывательную систему отлично осведомлены о развитии обстановки в стране, вряд ли заговор мог не

* *Heikal M. Autumn of Fury.* – P. 260.

попасть в сферу их внимания. Есть и такие, кто в этой связи выдвинул предположения, что американцы могли подумать: «Мавр сделал свое дело – мавр может удалиться». Более того, по мнению некоторых, Садат перестал устраивать США, так как полностью скомпрометировал себя и стал настолько одиозной политической фигурой, что Вашингтону трудно было надеяться на успех Садата в сколачивании прокэмпдэвидской платформы в арабском мире. События начала 1977 г. показали США, что Садат стал крайне непопулярным и в самом Египте. Были, правда, и такие, которые опровергали эти доводы, считая, что американцы не могли бы пойти на такой риск, так как не имели гарантий контроля над положением в Египте после Садата.

Убийство Садата сопровождалось выступлениями против его режима в ряде городов Египта.

Судя по всему, США опасались, что антиправительственное движение распространится в Египте еще шире. Иначе чем можно было объяснить тот факт, что на следующий день после похорон Садата администрация США сделала достоянием гласности планы «демонстративного» полета в Египет эскадрильи бомбардировщиков Б-52 с дозаправкой в воздухе и предстоящих вблизи Каира совместных американско-египетских маневров? Несомненно, объявление об этих действиях делалось не без цели запугать антисадатовские силы в Египте.

Таким образом, версия о значительно более широком, чем это было вскрыто во время судебного процесса, заговоре в Египте с целью убить Садата имела и имеет своих довольно многочисленных сторонников. Однако, предоставляя истории ответить окончательно на вопрос о том, был ли это заговор изолированной группы мусульманских фанатиков, или Садат пал в результате куда более разветвленной операции, здесь можно констатировать со всей определенностью: всей своей политикой, в том числе, естественно, подготовкой и участием в кэмп-дэвидской сделке, Садат вызвал недовольство не

только других арабских стран, но и значительной части населения Египта. Его старания подогреть чисто египетский национализм, искусственно противопоставляя его национализму арабскому, не увенчались успехом.

На этом моменте следует остановиться несколько подробнее. Безусловно, Египет является частью арабского мира, а египтяне считают себя арабами. Вместе с тем здесь чрезвычайно развито чувство гордости за свое далекое прошлое: за много десятков веков до того, как в VII в. в Египет пришли с Аравийского полуострова несколько тысяч всадников, которые, ассимилировав в конце концов его многомиллионное население, положили начало арабскому периоду египетской истории, страна на Ниле создала одну из самых значительных и самых древних цивилизаций в мире.

«Мы – египтяне!» – любил повторять Садат, стремясь сыграть именно на этих чувствах чисто египетского патриотизма. Эти заявления Садата обычно сопровождались статьями в каирской печати, авторы которых стремились создать мнение, будто другие арабские страны и палестинцы часто «своекорыстно» втягивали Египет в крайне невыгодные ему ситуации, порождаемые развитием ближневосточного конфликта. Нужно воспрепятствовать тому, чтобы Египет принес в жертву свои собственные интересы интересам других стран и палестинцев, – провозглашала садатовская пропаганда внутри страны. События, однако, показали, что эта пропаганда не была эффективна.

Характерно, что похороны Садата не стали днями подлинного национального траура. Даже А. Хейг, который возглавил делегацию США на похороны Садата, пишет в своих мемуарах, что «индифферентность каирцев поразила иностранцев»*. Ничего общего эти похоро-

* *Haig A. Caveat. Realism, Reagan and Foreign Policy.* – New York: Macmillan, 1984. – P. 325.

ны не имели с похоронами Гамалья Абдель Насера – в 1970 г. Каир был затоплен спонтанным, не организованным сверху массовым траурным шествием. Тогда Египет захлестнуло искреннее народное горе.

Жизнь и деятельность Садата на посту президента Египта создали условия, необходимые для кэмп-дэвидской сделки. В то же время сама его смерть еще раз показала, насколько противоречат интересам народов этого района основные линии американской политики.

Смерть Садата продемонстрировала и другое – шаткость кэмп-дэвидской схемы. Египет после смерти Садата продолжал следовать в русле кэмп-дэвидского курса. Но это движение уже отличалось от того, что было при Садате. На смену безоглядной садатовской линии пришла политика, которая хотя и провозглашала верность страны Кэмп-Дэвиду и особым отношениям с США, но привела к отзыву египетского посла из Израиля во время израильской агрессии против Ливана с согласием возвратить его на место лишь после полного вывода израильских войск из Ливана и отказа Израиля от создания новых поселений на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Президент Мубарак объявил о приверженности его страны политике неприсоединения и высказался категорически против размещения иностранных баз на египетской территории. Между правительствами СССР и Египта была достигнута договоренность о том, чтобы обе страны вновь были представлены послами соответственно в Москве и в Каире. И это были не единственные симптомы начавшихся перемен в послесадатовском Египте.

Глава 2

НАИБОЛЕЕ ПОДХОДЯЩАЯ ФИГУРА В ИЗРАИЛЕ ДЛЯ СГОВОРА – БЕГИН

Кэмп-дэвидская сделка требовала благоприятных для себя условий не только в Египте, но и в Израиле. Тот несомненный факт, что суть сделки в первую очередь соответствовала интересам израильских экспансионистских кругов, еще не означал автоматизма в ее осуществлении при любом сионистском руководстве Израиля. Оказалось так, что «оптимальное сочетание» для успеха этой сделки заключалось в совпадении во времени власти Садата в Египте и власти Бегина в Израиле.

Мы уже показали, как логика сотрудничества с США вела Садата к сепаратному, противоречащему интересам арабских стран и всеобъемлющему урегулированию ближневосточного конфликта соглашению с Израилем. Но почему наиболее подходящей израильской политической фигурой для такого сговора стал Бегин, возглавивший правительственную коалицию «Ликуд»¹⁶?

I. Идеологическая платформа Бегина и политическое наследие

В идеологическом плане Бегин – верный ученик и последователь В. Жаботинского. Он всегда подчеркивал свою духовную близость, свою «генетическую» связь с

этим крайне экстремистским сионистским лидером, основавшим ультраправую молодежную сионистскую организацию «Бетар» и Союз сионистов-ревизионистов (ревизионистская партия), который даже сионистских деятелей, стоявших на позициях социал-реформизма, считал слишком «либеральными» и чуть ли не «социалистами». Под контролем Жаботинского действовала террористическая организация «Иргун цваи леуми» (ИЦЛ), «прославившаяся» арабскими погромами, убийствами англичан в период их мандата над Палестиной, расправой над неугодными деятелями в еврейской общине¹⁷.

Когда Бегин накануне «шестидневной войны» «призвали» войти в коалиционное правительство, которое вынесло решение о «превентивном» ударе по Египту, первое, что он сделал, была поездка к могиле Жаботинского. 2 июня 1967 г. на пути в кнессет он приказал шоферу остановиться у этой могилы. «Сэр, – сказал Бегин с присущей ему выпренность, – мы пришли известить вас, что один из ваших последователей теперь является министром в правительстве Израиля»*.

По свидетельству биографа Бегина Э. Хабера, стены квартиры, из которой Бегин переехал осенью 1977 г. уже в резиденцию премьер-министра, были завешаны фотографиями Жаботинского. Свое первое выступление по израильскому телевидению после того, как 17 мая 1977 г. были оглашены результаты выборов в кнессет, согласно которым победу одержал блок «Ликуд», Бегин тоже посвятил Жаботинскому. В этом выступлении он назвал свою победу на выборах триумфом учеников Жаботинского, которые боролись всю жизнь «именем его доктрины и за ее реализацию»**.

Что же представляла собой эта доктрина?

* *Haber E. Menachem Begin.* – New York: Delacorte, 1978. – P. 403.

** Там же. – P. 21.

Жаботинский выдвинул программу наиболее экстремистскую в отношении территории еврейского национального государства и наиболее агрессивную в отношении арабского населения Палестины. «Жаботинский и его последователи, – пишет историк сионизма В. Лакер, – были максималистами, добивающимися не просто Палестины для евреев, а шаг за шагом трансформации Палестины (включая Трансиорданию) в самоуправляемую территорию при гегемонии создаваемого еврейского большинства. Они считали это единственно приемлемой интерпретацией термина “национальный очаг” в декларации Бальфура и в тексте мандата¹⁸. Трансиордания рассматривалась ими как неразрывная часть Палестины, которую необходимо включить в сферу еврейской колонизации. В своих письменах в 1926 г. Жаботинский определил в качестве первой цели сионизма создание еврейского большинства в Палестине – на западе и на востоке от реки Иордан». «Что означает слово Палестина? Палестина – это территория, главная географическая характеристика которой следующая: река Иордан не обозначает ее границу, а течет по ее центру», – эти слова принадлежат тоже самому Жаботинскому.

Не менее агрессивные лозунги Жаботинский и его единомышленники выдвигали в отношении арабского населения «восточнее и западнее Иордана». Еще задолго до своего переезда в Палестину, в 1910 г., в статье «Человек человеку волк» Жаботинский откровенно изложил свои взгляды, которые позже стали основой предложенной им политики в отношении арабского населения «земли обетованной». «Мы часто строим самые розовые надежды именно на том, – писал Жаботинский, – что такой-то народ сам много вытерпел, значит, он будет сочувствовать и понимать, ему совесть не позволит обидеть

* *Laqueur W. A History of Zionism. – London: Weidenfeld & Nicolson, 1972. – P. 347.*

слабого той же обидой, под которой недавно кряхтел сам. Но и это, на поверку, одни словеса... Это только в Ветхом завете написано: «Не притесняй инородца, ибо и ты был инородцем в земле Египетской». В теперешней морали этому слюнвятому гуманизму нет больше места».

В этой же статье Жаботинский писал: «Глуп тот, кто верит соседу, хотя бы самому доброму, самому ласковому. Глуп, кто полагается на справедливость: она существует только для тех, которые способны кулаком и упорством ее добиться».

Этот гимн грубой, животной силе, эта проповедь «закона джунглей» стали основой «доктрины Жаботинского». Он подчеркивал, что в процессе создания еврейского большинства на всей территории Палестины, куда он включал и Трансиорданию, не может быть никакого компромисса с арабами. Их сопротивление еврейской колонизации объявлялось «неоправданным», «незаконным» и подлежащим подавлению. По схеме Жаботинского, между евреями и арабами в Палестине должна была быть воздвигнута «железная стена», которая призвана была выполнять не только разделительную функцию, «ограждающую» еврейскую колонизацию от «незаконного» сопротивления много сотен лет проживающих на этой земле арабов, но и обеспечивать изгнание арабского населения из Палестины. «Железная стена» должна была быть не фиксированной, а подвижной, все больше приближающейся к границам «Большой Палестины». «Доктрина Жаботинского» предусматривала безудержную еврейскую эмиграцию в такую Палестину.

Орудием осуществления этих идей стала террористическая вооруженная организация «Иргун цвай леуми». На эмблеме этой организации была изображена карта «великого Израиля», включающего оба берега реки Иордан, над которой вздымалась рука с винтовкой. Под картой был выбит лозунг: «Только так!». В декабре 1944 г. руководителем «Иргун цвай леуми» стал Менахем Бегин.

Генеалогические корни политики Бегина, когда он стал премьер-министром, не могут быть выявлены и без экскурса в деятельность «Иргун цваи леуми». Уже вскоре после создания в 1931 г. этой организации, сначала под названием «Хагана Б», канули в Лету первоначальные заверения ее руководства о том, что она будет «отвечать на атаки со стороны арабов». Террористы из ИЦЛ сами нападали на арабов, появлявшихся в еврейских кварталах, взрывали бомбы на арабских рынках и автобусных станциях. Жертвами террористов становились женщины и дети.

Апогеем «оперативной деятельности» «Иргун цваи леуми» был взрыв в отеле «Царь Давид», в результате которого были убиты и ранены сотни людей, и, конечно, кровавая расправа над мирным населением арабской деревни Дейр-Ясин в 1948 г., в результате чего погибло около 300 человек. Во время этих двух операций во главе ИЦЛ уже был Бегин.

Существует версия – ее усиленно распространял ряд сионистских лидеров, – будто Жаботинский, а позже и Бегин были чуть ли не «на отшибе», что «ревизионисты», а затем «ицеэловцы» и «херутовцы»* имели мало общего с «хорошим», «приемлемым», так называемым «рабочим сионизмом». Конечно, Бегин придерживался крайне экстремистских взглядов, однако и в своей теоретической, и в своей практической активности он органично представлял сионизм как целое.

Это, в частности, нашло отражение в координации действий между вооруженными отрядами партии «Мапай»¹⁹ – «Хаганой» и ИЦЛ. Операция по взрыву отеля «Царь Давид» в Иерусалиме, например, была разработана лидерами ИЦЛ с согласия начальника оперативного

* Бегин в 1948 г. создал крайне правоэкстремистскую партию «Херут», унаследовавшую «лучшие традиции» «ревизионистской партии».

управления «Хаганы» И. Галили*. Захват деревни Дейр-Ясин также был осуществлен с ведома военного командования «Хаганы», которое советовало ИЦЛ оккупировать эту арабскую деревню и продержаться в ней как можно дольше**.

Оставляя «грязную работу» для ИЦЛ, тогдашнее сионистское руководство потом, как правило, отмежевывалось от ее действий. Это ему было необходимо главным образом для того, чтобы не осложнять маневрирование на международной арене.

Итак, пока речь шла о преступлениях против арабского населения, осуществлялось «разделение ролей», и разногласия между Бегинем и другими сионистскими лидерами не выходили за рамки словесных обвинений. Ситуация начала меняться в связи с борьбой за власть в Израиле. Бегин фактически противопоставил себя израильскому правительству, в котором ключевые посты заняли его союзники-соперники – члены партии «Мапай». Однако противоречия Бегина с лидерами «Мапай» носили личный характер и свидетельствовали не о «диаметрально противоположных» линиях в сионистском движении, не о принципиально противостоящих взглядах, а о соперничестве отдельных групп и лидеров.

Это проявилось со всей определенностью в наиболее известном эпизоде борьбы за власть и политическое влияние ИЦЛ – в инциденте с «Алталеной», судном, зафрахтованным агентами «Иргуна» во Франции. На борту этого судна находилось оружие и амуниция. 11 июня 1948 г., то есть вскоре после образования Израиля, оно направилось в эту страну. Руководство ИЦЛ рассчитывало получить основную часть груза и лишь 20 % предоставить созданной к тому времени регулярной израильской

* *Bell J.B.* The Long War: Israel and the Arabs since 1946. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1969. – P. 26–27.

** *Kurzman D.* Genesis 1948. The First Arab-Israeli War. – New York: World Publishing Company, 1970. – P. 141.

армии. Такой «дележ» не устраивал израильских лидеров, которые, принимая во внимание личные политические амбиции Бегина, опасались военного усиления «Иргуна».

20 июня 1948 г. «Алталена» прибыла в небольшой порт, расположенный в 20 милях к северу от Тель-Авива. Сконцентрированные на берегу по приказу Бен-Гуриона части регулярной израильской армии открыли огонь, с тем чтобы помешать разгрузке судна. Тогда «Алталена» направилась в Тель-Авив. Бен-Гурион, который позже охарактеризовал инцидент с «Алталеной» как готовность Бегина «силой захватить власть»*, не стал колебаться. «Алталена» загорелась, подожженная артиллерийским огнем**.

С этих пор Бегин, вошедший в состав кнессета от созданной им на базе ИЦЛ правоэкстремистской партии «Херут», некоторое время оставался одиозной фигурой в израильских политических кругах, контролировавшихся партией «Мапай». Даже Бен-Гурион не подавал ему руки и не обращался к нему по имени, предпочитая говорить в третьем лице: «Человек, сидящий рядом с членом кнессета таким-то».

Но опять-таки дело было в личной неприязни, а не в принципиальных разногласиях, тем более что правительство Бен-Гуриона, те самые лидеры «Мапай», которые еще так недавно обвиняли Бегина и его сторонников в «терроризме», сами быстро эволюционировали в сторону самого крайнего экстремизма. Их курс на открытую экспансию против арабских государств, на физическое подавление сопротивления палестинского народа полностью соответствовал представлениям Бегина о том, как надо действовать ради создания «великого Израиля». «Израильское правительство взяло на вооружение в своей

* *Haber E.* Menachem Begin. – P. 385.

** *Bell J.B.* The Long War: Israel and the Arabs since 1946. – P. 170–172.

политике то, что проповедовал Бегин. Правительство тихо и неофициально делало почти все то, за что ранее выступал Бегин»*.

И не случайно, что накануне «тройственной агрессии» против Египта²⁰ у постели больного Бен-Гуриона произошло «трогательное примирение» между ним и Бегинном. Когда Бен-Гурион красочно обрисовал своему сопернику военные планы Израиля, Бегин с готовностью пожал ему руку и сказал: «Поздравляю со смелым решением, вам гарантирована наша помощь»**.

Накануне израильской агрессии 1967 г. Бегина пригласили войти в состав правительства «национального единства», готового «отбросить недостойные политические колебания» премьер-министра Эшколя, и отдать немедленный приказ о начале широких военных действий против Египта и других арабских государств. «Бывший террорист, фанатичный последователь расистского учения Жаботинского смог наконец обеспечить себе политическое будущее», – пишет Э. Хабер.

Через десятилетний период Бегин стал премьер-министром Израиля. Он находился в этом кресле шесть лет, по 1983 г., передав затем руководство кабинетом своему коллеге Шамиру.

Насколько стабильно политическую авансцену в Израиле захватили последователи Жаботинского? Ответ на этот вопрос во многом связан с анализом электората «Ликуд». На начало 80-х годов половину еврейского населения, участвующего в выборах, составили так называемые восточные евреи (сефарды) – выходцы из азиатских и африканских стран и их потомство. В выборах 1981 г. (в этом отношении повторилась тенденция, проявившаяся на выборах 1977 г.) 65 % голосов за «Ликуд» были отданы восточными евреями, а 70 % голосов, от-

* *Haber E., Schiff Z., Yaari E.* The Year of the Dove. – New York: Bantam Books, 1979. – P. 47.

** *Haber E.* Menachem Begin. – P. 385.

данных за «Маарах», принадлежало «европейским» евреям*. Таким образом, восточные евреи сыграли решающую роль и в приходе, и в сохранении Бегина у власти.

Такое размежевание в голосовании на выборах, очевидно, вызвано комплексом причин. Главная из них – недовольство дискриминационной практикой предшествовавших Бегину правительств Партии труда в отношении восточных евреев, которые и по образовательному цензу, и по уровню доходов, и по характеру занятости резко отличались от евреев, прибывших в Израиль с Запада, и их потомков. Среди причин голосования преобладающей части восточных евреев за «Ликуд» можно назвать и тот факт, что наиболее отсталой в социально-экономическом и политическом отношении части израильского общества в большей степени, чем другим, импонировали максимально экстремистские антиарабские позиции и действия Бегина, подчас проявляемый религиозный фанатизм возглавляемой им коалиции.

При таких обстоятельствах прочность выборных позиций «Ликуда» зависит главным образом от двух процессов, развитие которых оказывает прямо противоположное воздействие: во-первых, от дальнейших сдвигов в этнической структуре израильского общества в пользу восточных евреев и отражения этого в структуре электората; во-вторых, от роста сознательности восточных евреев, что неизбежно приведет к отказу или, во всяком случае, вначале к сокращению крайне националистических, шовинистических в отношении арабов эмоций (этому способствует и отчетливый отход от крайних позиций с палестинской стороны). В условиях, когда и первый процесс – значительно больший коэффициент рождаемости у восточных евреев, и второй – постепенный размыв остро шовинистических представлений за счет столкновения с действительностью, например «грязной

* Маарив. – 7.07.1981; Jerusalem Post – 2.07.1981.

войной» Израиля в Ливане, которая стоила возрастающих израильских потерь, – в определенном плане детерминированы, наибольшую важность приобретает соотношение между ними. Представляется, что на краткосрочную перспективу первый из названных процессов будет развиваться все-таки быстрее второго. Это предполагает, по всей вероятности, относительно устойчивое (при всех изменениях, происходящих во внутривосточной жизни Израиля и характеризующихся отсутствием – впервые во время войны – национального консенсуса по вопросу об интервенции в Ливане) сохранение негативизма в отношении справедливого всеобъемлющего решения ближневосточного конфликта. Это произойдет и в том случае, если у власти сохранится блок «Ликуд», и тогда, когда в условиях нарастающих экономических трудностей и проявившейся неспособности правительств «Ликуда» улучшить социально-экономическое и политическое положение сефардов их большинство отдаст свои голоса за блок «Маарах». Эти голоса, очевидно, еще долго будут ужесточать платформу тех, за кого они подаются.

Такие выводы полностью подтвердили и внеочередные выборы в израильский кнессет, состоявшиеся 23 июля 1984 г. Несмотря на то что «Ликуд» потерял несколько мест в кнессете, результаты выборов явно продемонстрировали устойчивость правых тенденций в Израиле.

II. Иерархия экспансионистских целей

Как программные документы «Херут» и блока «Ликуд», в котором доминировала партия Бегина, так и практическая линия возглавленных Бегином двух израильских

правительств базировались на нескольких «основополагающих принципах»:

1. Экспансия по всем направлениям для решения задачи создания «великого Израиля» за счет захвата арабских земель.

2. Приоритеты в экспансии: постанковка главной задачи в виде аннексии Западного берега, включая арабскую часть Иерусалима.

3. Активные действия на оккупированных Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа с целью изменения там демографической ситуации.

4. Силовые приемы, сопровождаемые политическим маневрированием в отношении арабских стран с целью нейтрализации сопротивления захватническому курсу Израиля, направленному на аннексию Западного берега реки Иордан и сектора Газа.

Эти «принципы» нуждаются в пояснении.

Еще в программе партии «Херут», образованной Бегином, подчеркивалось, что еврейское государство должно быть создано «на всей территории исторической Палестины», которая считалась совпадающей с территорией, переданной Лигой наций под мандат Великобритании. Поэтому «Херут» не признавала «первый раздел Палестины», имевший место в 1922 г., когда Англия «выделила» Трансиорданию. Бегиновская «Херут» не согласилась и с разделом Палестины в 1947 г. Следует обратить внимание, что резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН № 181 о разделе Палестины «Херут» упорно называла решением о разделе Западной Палестины.

«Херут» недвусмысленно заявляла, что «территориальный компромисс» является запретной темой. Основной подхода к проблеме оккупированных территорий стала концепция «неделимости Палестины» или «целостности исторической Палестины», рассматриваемой в произвольных границах по обе стороны реки Иордан.

Ни Бегин, ни его партия ни разу не отказались именно от такого определения понятия «исторической Палести-

ны». Но в качестве промежуточной конкретной задачи после «шестидневной войны» 1967 г. была выдвинута идея распространения суверенитета Израиля на всю «Западную Палестину», то есть до реки Иордан, «новые ревизионисты [бегиновские последователи Жаботинского. – Е.П.] утверждали, что “шестидневная война” возложила на сионизм новую миссию: установления государства Израиль в его истинных библейских границах. Нормальные отношения с другими государствами, физическая безопасность и даже установление мира – все должно находиться в субординационном подчинении этой цели»*, – писал О. Селиктар, сотрудник научно-исследовательского института Ближнего Востока Пенсильванского университета.

Кредо Бегина, его партии «Херут», а затем и коалиции «Ликуд», пришедшей к власти в Израиле в 1977 г., в отношении оккупированных арабских земель всегда было однозначно представлено стремлением их аннексировать. При этом не было недостатка в ссылках на «исторические права» израильтян на эти земли на основе того, что они (вместе с другими народами, о чем обычно умалчивается!) были здесь, скажем, две тысячи лет тому назад. При этом, естественно, никто из израильского руководства не упоминал о том, как складывалась демографическая ситуация в этом районе ни много ни мало в последние две тысячи лет, никто не желал сказать правду и о том, что к моменту израильской интервенции 1967 г. эти территории были заселены исключительно арабами-палестинцами. Конечно, израильские руководители «не замечали» и того факта, что упомянутые земли (кстати, не только они, но и другие, захваченные Израилем в 1948 г.) были решением Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 29 ноября 1947 г., создавшим юридическую основу для образования

* Foreign Policy. – Summer 1983. – P. 123.

Израиля, четко и недвусмысленно отнесены к «арабскому государству в Палестине».

Помышляя об аннексии захваченных земель, Бегин полностью отверг саму мысль о восстановлении над ними арабского суверенитета – либо в форме палестинского государства, либо в форме возвращения этих территорий соседним арабским странам. «Никогда не будет другой армии в “Иудее”, “Самарии” [так Бегин упорно называл Западный берег реки Иордан. – *Е.П.*] и Газе, кроме израильской; никогда не будет создано на этих территориях другого государства»*, – заявил он.

Характерно, что в ходе предвыборной кампании 1977 г. лидеры «Херут» и блока «Ликуд», заигрывая с избирателями, пытались не ставить точки над «i» по некоторым вопросам или даже представляли свою позицию по ряду проблем достаточно гибкой. Полным исключением был вопрос о будущем «Иудеи», «Самарии» и Газы. Лидеры «Херут» в предвыборных выступлениях категорично заявляли, что это – «часть государства Израиль» и ни одна из этих территорий «не должна подпасть под иностранную власть». В то же время провозглашалось право евреев на заселение «Иудеи», «Самарии» и Газы, а их арабским жителям – «иметь гражданство любого арабского государства»**.

Символично, что сразу же после победы на выборах 1977 г. и еще до того, как он сел в кресло премьер-министра, Бегин посетил еврейское поселение Элон-Море, созданное на Западном берегу реки Иордан без санкции правительства крайне реакционной организацией «Гуш эмуним». Это было расценено как его демонстративное несогласие даже с практикой прежнего правительства, которое официально санкционировало заселение оккупированных территорий, но не «в гущу

* Le Matin. – 19.09.1978.

** The Elections in Israel 1977. – Jerusalem: Jerusalem Academic Press, 1980. – P. 39–40.

арабского населения». Бегин с самого же начала взял курс на безудержное заселение Западного берега реки Иордан, все больше приближая еврейские поселения к густонаселенным арабским районам и стремясь такими поселениями разрезать эти районы на части.

Бегину и его окружению принадлежат многочисленные высказывания, шокирующие даже многих западных политиков, о том, что «уже существует арабское палестинское государство, которым является Иордания». Но эти утверждения, судя по всему, не означают предела агрессивным, экспансионистским намерениям Бегина – Шамира, партии «Херут», блока «Ликуд», которые не отказались от мысли о распространении власти Израиля и на Восточный берег реки Иордан. Речь скорее идет в данном случае лишь об обосновании аннексионистского курса Израиля в отношении Западного берега реки Иордан и сектора Газа.

Известно, что все израильские правительства еще до прихода к власти блока «Ликуд» в 1977 г. проводили курс, направленный на стабилизацию израильского контроля на оккупированных землях Западного берега и сектора Газа. Однако до Бегина этот курс не проводили так интенсивно и целеустремленно.

Существовал и другой момент, отличавший Бегина, Шамира и иже с ними от их предшественников у власти. Меир, Рабин, Перес и другие руководители Партии труда изобретали различные формы контроля Израиля над Западным берегом и сектором Газа, опасаясь того, что «безусловная аннексия» приведет к потере Израилем своего однопалестинского характера: на оккупированных территориях проживает около полутора миллионов палестинских арабов, еще полмиллиона – на территории Израиля; учитывая значительно больший коэффициент рождаемости у этой части населения, она неизбежно в недалеком будущем сравнится по численности с тремя с половиной миллионами евреев, а затем превзойдет их.

Ученик и последователь Жаботинского Бегин не опасался такого исхода, так как, по его расчетам, процесс подготовки аннексии должен заключаться главным образом в вытеснении арабского населения с Западного берега и Газы. Идея пресловутой «железной стены» Жаботинского против арабов нашла реальное воплощение в этом «подходе».

Сайрус Вэнс – бывший государственный секретарь США – следующим образом охарактеризовал разницу в подходах предшественников Бегина и его правительства к вопросу об оккупированных территориях: «В то время как израильское правительство Партии труда между 1967 и 1977 гг. согласилось в принципе, что резолюция № 242 [Совета Безопасности ООН. – *Е.П.*] требует некоторого* отвода на всех фронтах, стало очевидным намерение Израиля значительно перерисовать границы по мотивам безопасности. Затем при премьер-министре Менахеме Бегине стало яснее ясного, что его коалиционное правительство блока “Ликуд” намеревается предъявить претензию на свой суверенитет над Западным берегом и, возможно, Газой и не согласится на вывод войск с этих территорий**».

Нужно особо подчеркнуть, что, воздерживаясь от немедленной аннексии Западного берега реки Иордан и сектора Газа, Бегин и его единомышленники не ставили своей целью «постепенную адаптацию» общественного мнения к этому решению. Аннексия Восточного Иерусалима и принадлежащих Сирии Голанских высот, осущест-

* Это израильская интерпретация резолюции, которая на самом деле требует вывода израильских войск со всех оккупированных территорий. Поводом для такого прочтения послужило отсутствие в английском тексте резолюции определенного артикля перед словами «оккупированные территории», однако в идентичном французском тексте употреблено выражение «со всех оккупированных территорий». Советский Союз признает эту часть резолюции № 242 именно в таком прочтении.

** Vance C. Hard Choices. – P. 160.

ствленная в период, когда Бегин был в кресле премьер-министра, показала воочию, что израильское руководство абсолютно не считается с общественным мнением. Между тем этап подготовки к аннексии Западного берега и Газы нужен был Бегину для того, чтобы «разрядить» их арабское население, заселить эти земли еврейскими поселенцами. Иногда так бывает, что наиболее откровенно высказываются на ту или иную тему военные. Начальник генерального штаба израильской армии при Бегине генерал Р. Эйтан заявил следующее: «Все арабы одинаковые – в деревне, в Рамаллахе или Газе. Со всеми ними нужно покончить. Я хочу результатов в политике их превращения в эмигрантов. Мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы они ушли». Эйтан не только выражал собственные расистские взгляды. В момент произнесения этих слов он нес ответственность за политику Израиля на оккупированных территориях.

Будучи плоть от плоти сионизма, объединенный одними идеями со многими своими коллегами, подчас маскирующимися под «либералов», Бегин вместе с тем сохранял ряд специфических особенностей в области тактики. Это выразилось не только в большей жесткости, оголтелости в подходах к определению судьбы оккупированных территорий, но и в определении политических приоритетов. Принадлежность к «школе Жаботинского» проявилась, в частности, в том, что самое первое место среди этих приоритетов для Бегина заняла задача захвата всего Западного берега реки Иордан и сектора Газа в качестве важнейшего шага по пути расширения Израиля до «границ великой Палестины». Синай в такой системе играл второстепенную роль и, во всяком случае, не шел ни в какое сравнение с «Иудеей» и «Самарией».

Позже, после подписания кэмп-дэвидского соглашения, на Западе будут чуть ли не до небес поднимать Бегина, восхвалять его, петь ему дифирамбы за его пресловутую «гибкость», выразившуюся в согласии «отдать» Египту захваченный Израилем в 1967 г. Синай. Более того,

это будет считаться «прецедентом», вселяющим надежду на способность Бегина и его последователя «пойти на уступки» и по другим территориальным вопросам. Для таких выводов не было никаких оснований. Бегин снискал себе известность политика грубого, не гнушающегося бандитских методов. Но это отнюдь не исключало умения выделить главную цель и сосредоточиваться на ее достижении даже ценой некоторого «ослабления» по отношению второстепенным позициям. Дело в том, что идеологическая и политическая платформа Бегина и его сторонников позволяла им сделать предметом торга захваченный у Египта Синай, особенно если торг шел за сохранение израильского контроля над Западным берегом и Газой. Однако Бегин и его окружение в силу того же идеологического и политического мышления были и остаются – если не понимать этого, то невозможно правильно представить себе линию двух израильских правительств, возглавлявшихся Бегомом, да и правительства, во главе которого стоял Шамир, – категорическими противниками любых решений, которые могли бы поставить под сомнение реальность осуществления их главной цели – израильской экспансии в восточном направлении, сначала до реки Иордан, а затем и к востоку от нее.

Различная последовательность и разные формы осуществления экспансионистских задач сионизма, практикуемые Бегомом, его сторонниками, с одной стороны, и лидерами израильской Партии труда, с другой, привели к несовпадению тактических акцентов в отношении «подходов» к арабским странам. И. Алон, Ш. Перес и другие считали, что следует «выкрутить руки» Иордании для решения в интересах Израиля судьбы Западного берега и Газы – это, несомненно, рассматривалось как главное направление их политики в отношении арабского мира. Так как Бегин и иже с ним исключали всякие «компромиссы» с Иорданией, даже те, которые призваны были, с точки зрения Алона, Переса и других, обеспе-

читать постоянный контроль Израиля над захваченными территориями, но не в форме их прямой аннексии, то «египетское направление» никогда не было основным в политике «Ликуда». На первый план для Бегина и его последователей выступила задача ослабить сопротивление арабского мира их откровенно аннексионистским замыслам, и в этом плане особый смысл приобрела проблема нейтрализации Египта. «Египетское направление» для них стало доминирующим. С точки зрения Бегина и его окружения, шансы на нейтрализацию Египта возрасли именно потому, что они могли, не поступившись решением главной проблемы – захватом всего Западного берега реки Иордан и сектора Газа, где-то «потторговаться» за счет Синая.

Из всех израильских политических деятелей Бегин стал наиболее подходящей фигурой для кэмп-дэвидского сговора, который выводил из общеарабской борьбы Египет и сулил Израилю «свободу рук» в «освоении» Западного берега и Газы за счет отказа от захваченного у Египта Синая еще и потому, что он и идеологически, и политически был предан идее «кинжальных ударов» по арабским странам. Такие удары призваны были «превентивно» ослаблять антиизраильскую реакцию арабских государств на «освоение» «Иудеи» и «Самарии». Достижение на практике нейтрализации Египта, считал Бегин, поможет ему более решительно вести себя в отношении явно ослабленного в связи с позицией Садата арабского сообщества.

На первые годы нахождения Бегина у власти не приходятся большие войны с арабами. Но это ни о чем не говорит. Бегин получил «в наследство» страну, которая еще полностью не оправилась от Октябрьской войны 1973 г. Сделав ставку на сепаратную договоренность с Египтом, Бегин с самого же начала своего пребывания у власти стал готовить большую войну против палестинцев, ливанцев и сирийцев на территории Ливана. Ему

принадлежит решение и о нападении на иракский ядерный реактор, расположенный вблизи Багдада.

Что касается оккупированных территорий, то Бегин и его команда отработали и начали осуществлять на практике сугубо дифференцированный подход при определении их будущего. Речь шла, конечно, не о том, что на одних территориях, захваченных у арабских государств, проводилась вся сумма репрессивных мер, а на других израильтяне действовали сугубо демократическими методами. Такого не было! Террор, подавление сопротивления палестинцев и других арабов силой, всевозможные изощренные репрессии и гонения – все это применялось и на Западном берегу реки Иордан, и в секторе Газа, и в Восточном Иерусалиме, и на Голанских высотах, и на Синае. Однако захваченные территории были разнесены по различным группам, каждая из которых предполагала определенные сроки и последовательность в распространении на нее израильского суверенитета и определенную тактику при решении этой задачи.

Условно говоря, все оккупированные Израилем территории были разделены на четыре категории:

1. Восточный Иерусалим с арабским палестинским населением, но начиная с 1967 г., уже до прихода к власти Бегина, «разбавленный» еврейскими жителями вновь созданных кварталов и подступивших со всех сторон новых пригородов. При «воссоединении» города еврейское население двух частей Иерусалима обретало возможность доминировать над арабским. Организация дополнительной еврейской иммиграции в такой город не представляла трудной проблемы. Аннексия Восточного Иерусалима в таких условиях могла стать первостепенной задачей.

Мировое общественное мнение, как уже говорилось, не являлось помехой для Бегина – он хорошо помнил, как быстро «переварил» Запад в 1948 г. израильскую ок-

купацию Западного Иерусалима, то есть части города, который по решению ООН должен был обрести международный статус. Бегин мог опасаться лишь робко негативной реакции США в условиях, когда американская администрация усиленно заигрывала с консервативными арабскими режимами, особенно с Саудовской Аравией, проявляющей, как известно, особую чувствительность в отношении статуса арабской части Иерусалима, где расположена мечеть «Аль-Акса» – одна из главных мусульманских святынь. Однако сепаратная сделка Израиля с Садатом при непосредственной организации ее со стороны Соединенных Штатов могла бы, по мнению Бегина, создав новые возможности для игры США в арабском мире, нейтрализовать американский негативизм по поводу аннексии Израилем Восточного Иерусалима. Так, собственно, и произошло.

2. Сирийские Голанские высоты – сравнительно малонаселенные и, следовательно, не требующие «преаннексионистских мер» для вытеснения местного населения и замены его еврейским. Бегин сразу же активизировал политику своих предшественников по заселению Голанских высот. Интенсивность их заселения превысила практику в отношении всех других оккупированных Израилем арабских территорий. Затем последовало решение кнессета о распространении израильской юрисдикции на Голанские высоты, что практически означало их аннексию.

3. Западный берег реки Иордан и сектор Газа с многочисленным палестинским арабским населением и к моменту прихода Бегина к власти со все еще сравнительно небольшой прослойкой еврейских поселенцев. Бегин и его окружение начали практику заселения этих земель еврейскими поселенцами при одновременных мерах по вытеснению с этих территорий палестинцев.

4. Синай с малочисленным населением Бегин вообще превратил в разменную монету с целью получить «свободу рук» в отношении Западного берега и Газы.

Приоритеты в этом списке оккупированных арабских земель, разнесенных по четырем группам, совершенно отчетливо проявились уже во время первой после получения поста премьер-министра поездки Бегина в Вашингтон в середине июля 1977 г. С. Вэнс пишет, что в беседе с президентом Картером в Белом доме 19 июля Бегин сначала «в самых сильных выражениях потребовал, чтобы американская администрация воздержалась от каких-либо публичных заявлений о своей позиции по вопросам о границах»*. Затем «Бегин категорически исключил контакт с ООП при любых обстоятельствах... Он эмоционально подчеркивал, что Израиль никогда не согласится на палестинский очаг или образование». Во время разговора Картера с Бегоном стало ясно и то, что израильское руководство противопоставляет всеобъемлющему урегулированию на Ближнем Востоке сепаратную сделку с Египтом. Что касается израильских поселений на оккупированных территориях, то Бегин категорически заявил: «У израильского правительства нет никаких возможностей [?!] предотвратить заселение евреями Иудеи и Самарии – частей библейского Израиля»**.

«Бегин готов был согласиться со всем, но не с принципом, касающимся Западного берега»***, – резюмирует Вэнс.

Для того чтобы еще раз «застолбить» свою позицию перед американцами, Бегин, едва вернувшись в Израиль из Вашингтона, дал указание израильскому послу в США посетить государственного секретаря С. Вэнса и заявить ему о следующем: когда, мол, Бегин признал, что резолюция Совета Безопасности ООН распространяет свою силу «на все фронты», он под этим не подразумевал отвод израильских войск со всех фронтов. «Я был взбешен», – рассказывает Вэнс о своей реакции. Не успел го-

* Vance C. Hard Choices. – P. 183.

** Там же.

*** Там же. – P. 186.

сударственный секретарь передать разговор с израильским послом С. Диницем президенту Картеру, как этот посол вновь посетил Вэнса, процитировав по поручению своего премьер-министра еще более определенные выражения Бегина о том, что тот «не согласится с принципом вывода израильских войск с Западного берега»*.

Через две недели после того, как Бегин вернулся из Вашингтона, 9 августа, в Израиль прибыл С. Вэнс. До этого государственный секретарь США побывал в Египте, Саудовской Аравии, Иордании, Сирии и Ливане. Между Вэнсом и министром иностранных дел Израиля М. Даяном произошел обмен мнениями о позиции арабских стран. «Я сказал Вэнсу, – пишет Даян, – что брешь между позициями Израиля и арабов очень широкая, и в любом случае я убежден, что единственная арабская страна – Египет, возможно, готова в принципе прийти к согласию с Израилем»**.

III. «Израильский ядерный вариант»

Среди целей Бегина, связываемых с заключением сепаратной сделки с Египтом, несомненно, была и попытка создания ядерной «гарантии» экспансионистской практики, направленной на расширение израильских границ. Сепаратное кэмп-дэвидское соглашение объективно облегчало борьбу Израиля за монопольное положение в ядерной области среди стран, непосредственно вовлеченных в ближневосточный конфликт.

Внешне, казалось бы, подготовка к египетско-израильскому сговору не затрагивала ядерной проблематики.

* Там же.

** *Dayan M.* Breakthrough. A Personal Account of the Egypt-Israel Peace Negotiations. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1981. – P. 24.

Но вопрос этот, как говорится, «вита́л в воздухе». К середине 70-х годов Израиль, согласно ряду сообщений из западных источников, уже стал «ядерным государством», причем единственным на Ближнем Востоке, и это обстоятельство не могло не отразиться на характере принимаемых Израилем внешнеполитических решений. Предпочтение, отданное сепаратным решениям, видимо, имело своей причиной и стремление Израиля не делать предметом обсуждения, не привлекать внимания к столь «деликатному» вопросу в израильской политике, как осуществление ядерной программы Израиля.

При сепаратных сделках, основанных на решении вопросов ограниченного характера, ядерную проблему было легче оставить в тени, а отсутствие всеобъемлющего урегулирования использовать для спекуляций о «необходимости» продвинуться в осуществлении своей ядерной программы. Вместе с тем при сепаратном подходе Израиль, как уже говорилось, ставил при поддержке США задачу постепенного вывода из общеарабских рядов сопротивления его экспансионистскому курсу одной арабской страны за другой. При подготовке сепаратного египетско-израильского соглашения речь конкретно шла об изоляции Египта. Это было немаловажным условием, облегчающим Израилю подготовку и осуществление целой системы мер, направленных против тех арабских стран, которые, даже находясь еще на нулевой отметке или вблизи от нее, могли, по мнению Тель-Авива, сорвать в будущем выполнение его амбициозных целей, связанных с развитием израильской ядерной программы.

История работ в ядерной области в Израиле, прослеживаемая по западным источникам, имеет несколько этапов. Не все они, естественно, связаны с деятельностью Бегина и его окружения, которые стали партнерами Египта в кэмп-дэвидском сговоре. Однако рассмотрение всех этих этапов необходимо – и не только для целостности картины, но и для того, чтобы более контрастно про-

смотреть те «ядерные задачи», которые Бегин так или иначе связывал со своей политикой, направленной на сделку с садатовским Египтом.

Сразу же после образования Израиля в 1948 г. были предприняты попытки поиска урана на территории страны, а также разработки технологии производства тяжелой воды. В низкопроцентном содержании уран был обнаружен в фосфатах, после чего был разработан процесс его извлечения как побочного продукта при производстве фосфорной кислоты. Соответствующая промышленная установка, впоследствии превратившаяся в завод, дающий ныне до 50 тонн восьмиоксида урана в год, была пущена в начале 50-х годов в Нахаль-Сореке, южнее Тель-Авива. В 1948 г. целая группа израильских ученых была направлена за границу – в США, Голландию, Швейцарию и Великобританию для специализации в области ядерных исследований. В 1949 г. в институте Вейцмана в Реховоте был создан отдел изотопов, а в 1954 г., после возвращения специализировавшихся за рубежом израильских ученых-атомщиков, – отдел ядерной физики. В 1952 г. правительство Бен-Гуриона создало Комиссию по атомной энергии, которой было поручено координировать и контролировать все работы по ядерной энергии в стране. Комиссия была непосредственно подчинена министерству обороны Израиля.

С 1953 г. началось сотрудничество в ядерной области Израиля и Франции. В обмен на данные о технологии производства тяжелой воды и извлечения урана из фосфатов Израиль получил разрешение изучать французскую ядерную программу и участвовать в атомных испытаниях в Сахаре. Основываясь на первых результатах такого сотрудничества, премьер-министр Бен-Гурион, поддержанный однозначным мнением двух своих главных советников и наиболее приближенных к нему лиц – М. Даяна и Ш. Переса, сразу после вынужденного вывода израильских войск с Синая, оккупированного во время

тройственной агрессии 1956 г., одобрил сугубо секретное решение о «развитии независимого израильского ядерного варианта»*. Свое решение Бен-Гурион не довел до сведения даже членов своего кабинета, кроме Даяна и Переса.

Осенью 1957 г. Перес по личному поручению Бен-Гуриона провел серию конфиденциальных переговоров с представителями французского правительства, в результате которых в начале октября было заключено соглашение о поставке Францией Израилю реактора типа ЕL-3 мощностью 26 мегаватт, работающего на природном уране, и помощи в создании на его базе научно-исследовательского центра, сверхсекретное строительство которого вскоре после этого началось в Димоне (пустыня Негев).

Примерно в это же время наряду с сооружением реактора в Димоне, который с самого же начала был ориентирован на производство плутония, в Нахаль-Сореке с помощью США в рамках американской программы «Атомы для мира» стал строиться небольшой реактор, достигший критичности в июне 1960 г. Американцы не только предоставили на его строительство финансовую и техническую помощь, но и подготовили в своих атомных центрах израильский персонал для его обслуживания. «Хотя Нахаль-Сорек не имел прямого военного назначения, он чрезвычайно важен в развитии израильского ядерного варианта, так как создал хорошие возможности для работы израильских экспериментаторов-ученых и инженеров»**, – пишет Х. Радж из Института оборонных исследований в Дели, глубоко изучивший процесс продвижения Израиля к ядерному оружию.

Учитывая широкие настроения против ядерного оружия во всем мире, в том числе в Израиле, руководство

* *Perlmutter A., Handel M., Bar-Joseph U. Two Minutes over Baghdad.* – London: Corgi Books, 1982. – P. 24.

** *Nuclear Myths and Realities. India's Dilemma.* – New Delhi: ABC Publishing House, 1981. – P. 93.

Бен-Гуриона постоянно отрицало свою деятельность, направленную на создание такого оружия. Однако делать это стало весьма трудно, когда, узнав об истинном назначении работ, ведущихся в Димоне, шесть из семи членов израильской комиссии по атомной энергии подали в отставку и публично выступили против линии израильского правительства.

Тем не менее работы в Димоне продолжались.

Приход к власти во Франции де Голля, который взял курс на сбалансированную политику на Ближнем Востоке и с этой целью повел дело к улучшению отношений Франции с арабскими странами, внес изменения во франко-израильское специальное сотрудничество в ядерной области. 14 мая 1960 г. министр иностранных дел Франции Кув де Мюрвиль вызвал израильского посла и заявил ему, что Франция не поставит Израилю урана, обещанного прежним французским правительством. Бен-Гурион пытался выправить положение во время своего визита в Париж в июне 1960 г., однако по проблемам израильско-французского сотрудничества в ядерной области ему договориться с де Голлем так и не удалось. Бен-Гурион был вынужден принять два условия, которые поставил президент Франции в связи с поставками Израилю оборудования и материалов для реактора в Димоне: первое – дать заверения о том, что Израиль не намерен производить ядерного оружия и не будет строить отдельный завод для производства плутония; второе – публично признать факт строительства реактора в Димоне и взять на себя обязательство использовать его лишь в мирных целях*.

Дав такие заверения де Голлю во время встречи с ним в Париже, Бен-Гурион вместе с тем не торопился связывать себя публичным выступлением в Израиле. Между

* *Perlmutter A., Handel M., Bar-Joseph U. Two Minutes over Baghdad. – P. 25–26.*

тем 16 декабря 1960 г. лондонская газета «Daily Express» вышла с сенсационным заголовком, оповещающим, что Израиль находится на пути создания ядерного оружия. Через два дня «Washington Post», ссылаясь на официальные оценки Вашингтона, то есть ЦРУ, сообщила, что Израиль через пять лет будет в состоянии производить ядерное оружие. 21 декабря Бен-Гурион был вынужден сделать заявление в кнессете, официально объявив о строительстве ядерного реактора в Димоне. Он сказал, что реактор будет использоваться для экспериментов с целью развития фундаментальных и прикладных исследований в области сельского хозяйства, медицины, промышленности. Бен-Гурион подчеркнул также, что Израиль якобы не имеет намерений создавать ядерное оружие.

Однако это вынужденное заявление отнюдь не отражало действительное положение. В январе 1961 г. Бен-Гурион заявил послу США, что не согласится на иностранную инспекцию ядерного центра в Димоне, который он именовал не иначе как «текстильной фабрикой». Он, правда, заметил послу, что готов предоставить американцам возможность время от времени посещать этот объект, но только после того, как пройдет ажиотаж, связанный с сообщениями иностранной печати об израильском «ядерном варианте».

Во время этой встречи с американским послом израильский премьер-министр обещал также возвращать плутоний, производимый в Димоне, той стране, которая поставляла Израилу уран*. Все эти публичные обещания оказались данью взволнованной международной ответственности. Неизменной при этом оставалась внутренняя позиция Израиля, которая была определяющей, и работы в области создания ядерного оружия продолжались.

* *Perlmutter A., Handel M., Bar-Joseph U. Two Minutes over Baghdad. – P. 27.*

Несколько затормозила, но не прекратила работы в области создания собственного ядерного оружия в Израиле замена Бен-Гуриона на посту премьер-министра и министра обороны Л. Эшколем. В кабинете Эшколя большую силу обрели И. Алон и начальник генерального штаба израильской армии И. Рабин. Оба они считали, что работы в ядерной области отнимают колоссальные финансовые средства, которые с успехом могли бы быть затрачены на закупку обычных вооружений. Может быть, под давлением такого мнения Эшколь, который до вступления на пост премьера был министром финансов и хорошо знал, «сколько стоит» израильский ядерный проект, решил «обменять» свое согласие на инспекционный визит американских специалистов в Димон на согласие президента США Л. Джонсона поставить Израилю большую партию американских обычных вооружений, включая истребители-бомбардировщики «Скайхок», танки «Патон», другие современные системы оружия*.

Но Эшколь лишь притормозил, но не свернул ядерную программу Израиля. Все было сделано таким образом, чтобы моментально в случае необходимости активизировать израильские «ядерные заделы». Очевидно, что, несмотря на различные взгляды на военную доктрину Израиля, имела место полная преемственность израильской ядерной политики, или, точнее, политики по созданию ядерного оружия – все правительства Израиля с той или иной степенью интенсивности ее осуществляли. Сказывался и тот факт, что большое влияние оказывали сторонники ядерного вооружения Израиля, например М. Даян, входивший в целый ряд правительств. В частности, это влияние проявилось в полной мере, когда обсуждался вопрос о сверхсекретном строительстве в Димоне новых сооружений ядерного топливного цикла. В начале 1968 г. Эшколь провел решение против их соз-

* Там же. – Р. 42.

дания. Однако к тому времени Даян уже дал приказ начать строительство. Эшколь об этом не знал, и ему осталось лишь отменить вето и фактически санкционировать то, что уже осуществлялось.

Ядерная программа Израиля активно развивалась и при Г. Меир, которая стала премьер-министром после смерти Эшколя в 1969 г. Два наиболее рьяных сторонника этой программы – Даян и Перес – входили в ее кабинет.

Не помешали ядерной программе Израиля и «извечные споры» между Рабином и Пересом – Рабин стал премьером после отставки Меир и Даяна вслед за Октябрьской войной 1973 г. Хотя Рабин, который до своего премьерства был пять лет послом в США и считал, что «независимая израильская ядерная доктрина» не будет способствовать развитию отношений с США, он тем не менее на практике не сделал ничего, чтобы помешать работам по созданию «независимого ядерного варианта» в Израиле.

Еще Даян сказал об атомной «бомбе в подвале», подчеркивая, что израильские власти ни разу официально не признали факт ее существования у Израиля. По сообщениям западной прессы, такое молчание могло объясняться нежеланием усилить побудительные мотивы для «ответного» создания ядерного оружия арабскими странами. А может быть, такая секретность, даже в какой-то степени мешающая тем израильским кругам, которые хотели бы запугать арабские страны, диктовалась и извне. Так или иначе, но «ядерный вариант» Израиля осуществлялся в тайном сотрудничестве с рядом стран – США, Францией, ФРГ, ЮАР.

Реактор в Димоне достиг критичности в декабре 1963 г. и был выведен на проектную мощность в середине 1964 г. Этот реактор требует ежегодной загрузки 25 тонн природного (необогащенного) урана. Вначале потребности удовлетворялись следующим образом: 10 тонн урана завозилось из Южно-Африканской Республики, 4 тон-

ны – из Франции (контролируемые французами урановые разработки в Нигере, Габоне и Центральноафриканской Республике), остальное экстрагировалось из местных фосфатов.

В дальнейшем, в 1969 г., Израиль подписал секретное соглашение с Францией, согласно которому Париж взял на себя обязательство поставлять для реактора в Димоне больше урана в обмен на техническую помощь в некоторых областях ядерного производства*. Эта сделка была осуществлена, по крайней мере в одной своей части, в весьма любопытной форме: группа агентов израильской разведки «Моссад» атаковала на территории Франции 25-тонный грузовик, перевозивший правительственный уран. Бросив газовую шашку в кабину и ранив шофера, налетчики исчезли вместе с машиной, груженной ураном, который затем был контрабандой переправлен в Израиль**.

Однако к этому времени появился еще один, и значительно более надежный, источник снабжения Израиля ураном – Соединенные Штаты.

Внешне американское руководство занимало негативную позицию в отношении работ по созданию ядерного оружия в Израиле. В американской печати много говорилось со ссылкой на оценки и информацию, полученные ЦРУ, по поводу «достижений Израиля» в создании своей ядерной бомбы. Разоблачения на страницах американской прессы по поводу секретных работ в области создания Израилем ядерного оружия публиковались и в последующем. Иногда они обрастали сенсационными подробностями, как, например, информация на страницах американского журнала «Time» 12 апреля

* *Cervenka Z., Rogers B.* The Nuclear Axis: Secret Collaboration between West Germany and South Africa. – London: Julian Friedmann Books, 1978. – P. 323.

** *Kohn H., Newman B.* How Israel got the N-bomb // Dawn. – 23.01.1978.

1976 г., описывающая, как израильские истребители сбили ливийский пассажирский самолет – потеряв ориентацию, авиалайнер шел, как показалось израильским наземным службам, по направлению к реактору в Димоне²¹.

Объяснить время от времени появляющиеся на страницах американской печати материалы, связанные с секретными работами Израиля в ядерной области, очевидно, можно прежде всего тем, что существовали различные мнения по этому поводу в администрации и в спецслужбах США: некоторые были против того, чтобы Израиль вступил в «ядерный клуб», а охотящаяся за сенсациями американская печать иногда довольно тонко улавливала эти разногласия и обретала возможность публиковать соответствующие материалы. Однако делать по этим материалам вывод об однозначном американском негативизме в отношении работ, ведущихся в Израиле по созданию ядерного оружия, было бы неправильно.

США предоставили Израилю финансовую и техническую помощь, обеспечили подготовку специалистов для создания реактора в Нахаль-Сореке, о чем уже говорилось, по программе «Атомы для мира». Вместе с тем многое для помощи в осуществлении ядерной программы Израиля делалось Соединенными Штатами в закрытом, секретном порядке как по линии правительственных организаций, так и при «попустительстве» со стороны этих организаций по линии частного бизнеса.

З. Червенка и Б. Роджерс в книге «Ядерная ось: секретное сотрудничество между Западной Германией и Южной Африкой» пишут о том, что ЦРУ было «вовлечено» в поставки Израилю ядерных материалов и технологии еще в 50-е годы. По данным американской печати, в 1957 и 1958 гг. контрразведывательный аппарат ЦРУ, возглавлявшийся тогда Джеймсом Энглтоном, оказал содействие Израилю в ядерной области, в том числе организовав секретную работу в Израиле «нескольких ученых-ядерщиков».

Известно, что с 1961 по 1969 г. реактор в Димоне неоднократно посещался американскими специалистами. Каждый раз они подтверждали, что реактор используется для мирных целей. К такой «операции прикрытия», судя по всему, тоже имело отношение ЦРУ.

Однако, может быть, самое большое «вовлечение» США в реализацию ядерной программы Израиля произошло в связи с секретными поставками обогащенного урана. Это сырье тайно и регулярно направлялось в Израиль с соответствующих заводов Соединенных Штатов. Х. Кон и Б. Ньюмен описали, например, как в США «исчезли» 8000 фунтов урана и плутония, которые впоследствии очутились в Израиле. Это огромное количество расщепляющихся материалов «потеряла» Корпорация ядерных материалов и оборудования (NUMEC), расположенная в Пенсильвании. В апреле 1979 г. в журнале «The Atlantic» появилась статья «Дело о пропавшем уране», автор которой писал, что за период с апреля 1964 г. по ноябрь 1965 г. комиссия по атомной энергии США обнаружила «тревожное несоответствие» между количеством высокообогащенного урана, поставленного правительством компании NUMEC, и той продукцией, которую компания направила потребителю*. Расследование, проведенное комиссией по атомной энергии, было проверено и подтверждено комиссией по ядерному регулированию, которая пришла ей на смену в 1975 г.

Ответы на вопросы, связанные с периодической пропавшей расщепляющихся материалов, оказались не такими уж сложными: NUMEC официально значилась агентством по технической консультации и подготовке специалистов для Израиля в Соединенных Штатах, в то же время ее президент З. Шапиро имел тесные связи с Израилем**.

* The Atlantic. – April 1979. – P. 79.

** Там же.

В декабре 1977 г. перед комиссией по ядерному регулированию предстал заместитель директора ЦРУ по науке и технологии (с 1966 по 1976 г.) Карл Дакетт. Отвечая на вопросы членов комиссии, он заявил, что утечка обогащенного урана в Израиль является «резонным предположением». В своем секретном заявлении в комиссии Дакетт признал, что именно на то время, когда произошла утечка обогащенного урана из NUMEC, приходится создание израильского ядерного оружия. По словам Дакетта, ЦРУ подготовило свою оценку ядерных возможностей Израиля и пришло к выводу еще в 1968 г., что Израиль имеет ядерное оружие. Директор ЦРУ Ричард Хелмс передал эту информацию президенту США Л. Джонсону, который просил никому ее не показывать*.

Известна и другая сторона деятельности США, которая практически способствовала осуществлению ядерной программы Израиля. Речь идет о направлении в Израиль средств доставки ядерного оружия. В конце 1969 г. Госдепартамент США объявил о продаже 50 самолетов F-4E («Фантом») Израилю. Поставки были завершены в 1970 г. «Фантом» оснащен системой, предназначенной для использования в случае ядерной бомбардировки. Правда, было объявлено, что Израиль получает самолеты без такой системы, однако американский журнал «New Scientist» высказал мнение, что самолетостроительной промышленности Израиля нетрудно произвести приспособления, необходимые для транспортировки и сбрасывания ядерных бомб с этого самолета**.

Характерно, что уже после того, как в 1974 г. ЦРУ подтвердило факт производства ядерного оружия Израилем, министерство обороны США объявило в июле 1975 г. о поставках этой стране 200 ракет «Лэнс» класса «поверхность–поверхность», которые способны нести как обычные, так и ядерные боеголовки. Израиль получил в

* Nuclear Myths and Realities. – P. 88, 90.

** New Scientist. – 12.12.1974. – P. 809.

большом количестве самолеты F-15 и F-16, тоже пригодные для несения ядерных бомб.

На основе поправки Саймингтона – Гленна²³ Конгресс США, как известно, запретил поставку вооружений из Соединенных Штатов тем странам, которые осуществляют программу создания ядерного оружия. Однако США никогда не применяли этого ограничения в отношении Израиля.

Помимо Франции и США Израилю оказывали определенную помощь в создании ядерного оружия еще ФРГ и ЮАР. После установления дипломатических отношений с ФРГ в 1965 г. Израиль стал получать от этой страны финансовые средства, которые направлялись непосредственно на ядерные исследования, проводимые в институте Вейцмана. Когда произошло сенсационное открытие того, что NUMEC тайно отправляла ядерное сырье в Израиль и эта практика сразу не могла быть продолжена, активизировалась «западногерманская связь». По свидетельству Х. Кона и Б. Ньюмен, в 1968 г. была осуществлена сделка: Израиль передал ФРГ лазерную технологию обогащения урана и заплатил дополнительно 3,7 млн долларов, получив в обмен 200 тонн урана*. Этот уран был погружен на борт судна «Шеерсберг» в контейнерах с обозначением «Европейское атомное энергетическое сообщество». В Средиземном море судно было перехвачено группой сотрудников «Моссад» и тайно направлено в Израиль. Факт похищения этого судна Израилем был подтвержден многими источниками**.

Южная Африка стала партнером Израиля в деле создания ядерного оружия еще в середине 50-х годов. Сначала осуществлялась сделка, на основе которой Южная Африка получала израильскую ядерную технологию в обмен на уран. Отношения между двумя странами стали

* Kohn H., Newman B. How Israel got the N-bomb // Dawn. – 23.01.1978.

** Nuclear Myths and Realities. – P. 109.

особенно тесными после апреля 1976 г., когда премьер-министр ЮАР Форстер посетил Израиль и подписал с этой страной соглашения о военном, научном и техническом сотрудничестве.

9 августа 1977 г. в заявлении ТАСС Советский Союз предупредил мировую общественность о возможном ядерном испытании в ЮАР, в пустыне Калахари. Испытание готовилось в сотрудничестве с Израилем. Тогда это испытание было сорвано. Однако 22 сентября 1979 г. американским спутником был зафиксирован ядерный взрыв близ побережья Южной Африки. Соединенные Штаты более месяца держали эту информацию в полной тайне, но секрет был разглашен Джоном Скали, бывшим сотрудником Госдепартамента, который перешел на работу в американскую телевизионную программу ABC. 22 февраля 1980 г. по другой американской телевизионной программе – CBS – была передана корреспонденция из Тель-Авива Дана Равива, который подтверждал, что Израиль произвел испытания ядерного оружия при помощи и в кооперации с южноафриканским правительством*.

Еще в начале 1976 г. в США на инструктивном совещании специалистов по космосу официальный представитель Центрального разведывательного управления информировал о том, что Израиль имеет от 10 до 20 единиц ядерного оружия, «готовых к употреблению». По сообщению американского журнала «Time» (апрель 1976 г.), Израиль обладал в 1973 г. арсеналом в 13 атомных бомб, готовых обрушиться на силы противника с помощью специально оборудованных военных самолетов «Кфир», «Фантом» или ракет «Иерихон»**.

По сведениям «Time», 13 израильских атомных бомб во время Октябрьской войны 1973 г. были привезены из пустыни и поспешно, за 78 часов, собраны в тайном подземном тоннеле. В этот момент израильяне даже готовы

* Там же. – Р. 87.

** Time. – 12.04.1976. – Р. 19.

были сбить американский разведывательный самолет (аналогично с атакой израильских торпедных катеров на американское судно «Либерти», электронное оборудование которого фиксировало во время «шестидневной войны» 1967 г. «радиоигру» Израиля). «Time» описывает, как израильские перехватчики были посланы наперез американскому разведчику SR-71, получив приказ открыть по нему огонь. Однако разведчик шел на высоте, недоступной для израильских истребителей, и благополучно вернулся на базу с «важными данными».

А может быть, это тоже была «игра», имевшая своей целью «позволить» Соединенным Штатам получить данные об «отчаянной готовности» Израиля пойти на самый крайний шаг, если США не интенсифицируют поставки современных вооружений Израилю, – выше уже говорилось о том, как и почему Киссинджер несколько подзадержал открытие «воздушного моста», по которому потоком потекло американское вооружение в Израиль.

Когда Бегин пришел к власти, то его деятельность в ядерной области была в основном подчинена двум задачам: работе над ядерным оружием, средствами доставки и, что, может быть, было для него самое важное, обеспечению израильской ядерной монополии в районе.

Не случайно, что при Бегине была активизирована ядерная связь с Южной Африкой. Ядерный взрыв, который был осуществлен в сентябре 1979 г. в Индийском океане совместно Израилем и ЮАР, по оценке ЦРУ, решал задачу создания новейшей системы тактического ядерного оружия. Испытание было проведено с помощью специального 150-мм орудия, созданного американской компанией, якобы занимающейся космическими исследованиями. Это специальное орудие было закуплено Израилем и ЮАР.

Появились сообщения о том, что Израиль и ЮАР привлекают для сотрудничества в этой области и третьего партнера – Тайвань.

Характерная особенность того курса, который осуществлял Бегин в военном строительстве, заключалась в том, что он практически не противопоставлял ядерные программы проектам с целью создания и совершенствования обычного вооружения. Все те споры, которые велись в израильском руководстве по поводу приоритетов ядерного вооружения над обычным или наоборот, закончились при правительстве «Ликуда», которое пошло по пути мобилизации всех имеющихся возможностей как в стране, так и за рубежом, связанных в том числе и с деятельностью сионистских организаций, для одновременного развития ядерного производства в военных целях, средств доставки ядерного оружия и обычных видов вооружения.

В журнале «Middle East» (сентябрь 1983 г.) были опубликованы выдержки из доклада, подготовленного генеральным статистическим офисом, созданным Конгрессом США для финансового контроля. По данным журнала, 50 параграфов из этого доклада не были допущены Госдепартаментом к публикации. Однако журнал получил к ним доступ. По данным офиса, к 1984 г. общая сумма военной помощи Соединенных Штатов Израилю достигла 29 миллиардов долларов. К 1984 г. половина помощи, предоставляемой Соединенными Штатами, осуществлялась безвозмездно. На конец 1982 г. 37 % военного бюджета Израиля составляли финансовые средства, полученные из Соединенных Штатов. В то же время, по сведениям ЦРУ, цитируемым указанным офисом, Израиль добивается того, чтобы американцы оплачивали 50 % израильского военного бюджета.

Значительная и все возрастающая часть этих средств идет на создание военной промышленности Израиля. Отступая от всех правил, принятых американской администрацией и Конгрессом, Соединенные Штаты начали передавать Израилю не только валюту, но и современнейшую технологию для создания самолетов, танков, других систем вооружения. Одним из таких самолетов,

создаваемых в том числе и за счет доставляемых из Соединенных Штатов комплектующих частей, стал истребитель «Лави». Для приобретения этих частей Израиль вступил в непосредственные контакты с американскими фирмами. В 1977 г. Израиль получил разрешение Соединенных Штатов использовать часть из выделенной ему военной помощи на создание израильского танка «Меркава». В дальнейшем Израиль получил дополнительные суммы на расширение производства этих танков.

Нужно сказать, что в Соединенных Штатах существовали группы, в том числе и в администрации, которые предпочитали главный акцент в своей помощи делать на поставках Израилю готовой новейшей военной продукции, а не ассигновать большие средства на создание израильской военной индустрии, особенно в области производства новейших систем вооружения. Такую позицию подкрепляли опасения того, что Израиль может превратиться в серьезного конкурента Соединенных Штатов на мировом рынке вооружения.

Однако, судя по всему, победила другая точка зрения, которая поддерживается и инспирируется израильскими лоббистами в Соединенных Штатах. По данным статистического офиса, Израиль теперь уже потребовал ассигнования в размере 200 миллионов долларов из предоставляемых американских кредитов на проект истребителя «Лави». Дело осложнялось тем, что все американские кредиты, предоставляемые на военные нужды Израилю, по принятому положению должны были – раньше так происходило на практике – затрачиваться на закупку вооружений и военного оборудования, произведенного Соединенными Штатами. Это правило существует в отношении всех получающих американскую военную помощь, и исключение в данном случае делается только в отношении Израйля.

Публикация не предназначенных для огласки частей доклада упомянутого офиса вызвала бурную реакцию в

Соединенных Штатах. ФБР получило указание найти источник утечки информации.

Можно предположить, что одним из мотивов сторонников широкой американской помощи Израилю в деле развития его собственной военной промышленности было стремление использовать это государство в качестве экспортера оружия в те страны с махрово реакционными режимами, в которые Соединенные Штаты, не желая обострять отношения с американским общественным мнением, не могли посылать вооружения сами или могли это делать лишь в ограниченных пределах. Согласно данным, опубликованным Стокгольмским международным институтом мира (СИПРИ), в Сальвадоре в 1980 г. на долю Израиля приходилось 83 % всего импорта вооружения. В последний год своего господства в Никарагуа диктатор Сомоса получил 98 % всего импорта оружия из Израиля. Существуют военные связи Израиля с Чили, Гватемалой, Таиландом, Тайванем, ЮАР.

Обращает на себя внимание, что Израиль расширил такие свои функции в качестве экспортера вооружений после заключения сепаратного договора с Египтом.

Вместе с тем, как уже говорилось, главный упор при Бегине был сделан на обеспечение монопольного обладания ядерным оружием в районе Ближнего Востока. Существует, очевидно, прямая связь между усилиями Бегина, направленными на достижение этой цели, и теми условиями, которые, по его представлению, призвано было обеспечить подписание сепаратного договора между Египтом и Израилем.

После кэмп-дэвидских соглашений особенно большого накала достигла антииракская кампания в Израиле. Дело было, очевидно, не в том, что Тель-Авив серьезно опасался немедленного или даже в ближайшее время выхода Ирака на уровень обладания ядерным оружием, хотя об этом очень много говорилось и писалось в Израиле. Ирак предоставил возможность Международному агентству по атомной энергии (МАГАТЭ) инспектировать

свой ядерный реактор, создаваемый с помощью французов, и, по свидетельству этой авторитетной международной организации, он не производил на реакторе сырья, необходимого для создания ядерного оружия.

Тем не менее Ирак стал мишенью вероломной израильской акции, в основу которой помимо «предвыборных мотивов» Бегина легло стремление израильской верхушки запугать все арабские страны без исключения – и те, где есть ядерные реакторы, и те, которые хотят их со временем создать.

События развивались следующим образом.

4 апреля 1979 г. три «туриста» с европейскими паспортами появились во французском городе Тулон на берегу Средиземного моря. Через два дня еще четыре «туриста» присоединились к ним в одной из маленьких гостиниц города. Затем они на двух небольших грузовиках направились к местечку Ла-Сен-сюр-Мер, где на складах французского консорциума CNIM были готовы важнейшие части реактора, предназначенные для отправки в Ирак в течение 48 часов. Последовал взрыв. Сразу же после взрыва в редакции ряда французских газет позвонил неизвестный и сообщил, что произошедшее – дело рук организации, выступающей под названием «Французская экологическая группа». Никто не знал об этой группе раньше, и для французской службы безопасности было совершенно очевидно, что никакая «экологическая группа» не могла осуществить такой сложной и профессиональной операции. Французская печать писала, что, несомненно, это дело рук «Моссада».

13 июня 1980 г. в отеле «Меридиан» в Париже был убит египетский ученый-ядерщик Я. Мешад, который был приглашен иракским правительством и назначен на важный пост в проекте «Таммуз». Он прилетел во Францию для того, чтобы проверить, являются ли кондиционными те части реактора, которые изготовлялись французской фирмой.

В течение нескольких дней после того, как полиция нашла тело Мешада в номере отеля, все держалось в абсолютной тайне, и лишь 17 июня французская печать сообщила об убийстве. Мешад считался лучшим арабским ученым, который когда-либо работал на ядерном реакторе в Ираке.

7 августа 1980 г. около штаб-квартиры итальянской компании «SNIA Techint» и у дома ее генерального управляющего Марио Фиорелли в Риме взорвались бомбы. Эта фирма согласилась участвовать в сооружении ядерного реактора в Ираке. У дома была оставлена записка, в которой значилось: «Мы знаем о ваших персональных связях с врагами исламской революции». Подпись гласила: «Комитет защиты исламской революции».

Такие же письма с угрозами были направлены в адрес тех европейских ученых во Франции, Италии и даже в Ираке, которые участвовали в строительстве иракского реактора. Было совершенно очевидно, что «Моссад» маскировался под иранских «стражей исламской революции», чтобы скрыть истинное происхождение этих угроз – впервые их объектом стали европейцы. Демаскирование «Моссада» могло, конечно, принести Израилю определенные издержки.

7 июня 1981 г., нарушив воздушное пространство Иордании и Саудовской Аравии, израильские самолеты ворвались в небо Ирака и атаковали ядерный реактор. Эта бандитская акция, осуществленная правительством Бегина, вызвала большой негативный резонанс во всем мире. Израиль еще раз показал, что он абсолютно не считается ни с суверенитетом других государств, ни с международным правом, ни с Уставом ООН. Вероломный налет на предместье Багдада осуществили восемь истребителей-бомбардировщиков F-16 под прикрытием шести истребителей F-15. Все эти самолеты имели на себе клеймо «Сделано в США».

Под воздействием международного общественного мнения США публично заняли позицию, осуждающую

Израиль. Однако это было камуфляжем. На самом деле США всей своей политикой способствовали не только техническим возможностям Израиля осуществить этот налет, но и создали такой политический климат, при котором Израиль мог взять на себя смелость провести эту акцию.

Многие специалисты по Ближнему Востоку, в том числе в Соединенных Штатах, – естественно, я имею в виду тех, кто действительно глубоко занимается этим районом, а не ставит во главу угла пропагандистское обеспечение линии американского руководства – подчеркивают, что ближневосточный конфликт может приобрести новое измерение – ядерное – и этому следует уделить особое внимание. Гарольд Сондерс, бывший заместитель госсекретаря Соединенных Штатов, например, пишет о том, что нереалистично думать, будто можно договориться о прекращении потока обычных вооружений, в том числе и сложных, на Ближний Восток без приведения ближневосточного конфликта к мирному разрешению, иными словами, вне зависимости от процесса его политического урегулирования. В то же время, отмечает Сондерс, неотложного решения требует ограничение в ядерной области*.

Известно, что Израиль не подписал Договора о нераспространении ядерного оружия. Присоединение Израиля к этому договору, обязательство Израиля поставить свои ядерные установки под контроль Международного агентства по атомной энергии (арабские страны согласились на это), как и другие средства, в том числе взаимные обязательства, могли бы воспрепятствовать ядерной окраске ближневосточного конфликта.

* Conversations with Harold H. Saunders. U.S. Policy for the Middle East in the 1980s. – Washington, DC: American Enterprise Institute, 1982. – P. 9.

Глава 3

ОТХОД США ОТ РАЗРЯДКИ – БЛАГОПРИЯТНОЕ УСЛОВИЕ КЭМП-ДЭВИДСКОГО СГОВОРА

I. Новые акценты в стратегических построениях США

США всегда рассматривали Ближний Восток в двух измерениях: с учетом его стратегического положения и огромных нефтяных богатств. Эти два фактора имели приоритет при выработке американской ближневосточной политики. Вместе с тем есть основания считать, что в рамках этих двух измерений с середины 70-х годов в подходах США к событиям на Ближнем Востоке появились новые акценты. Во многом они стали выкристаллизовываться и развиваться в процессе отхода Соединенных Штатов от курса разрядки международной напряженности.

В основу отказа США от разрядки, а затем продолжения их движения в сторону усиления международной напряженности легли следующие концептуальные стратегические подходы:

1. Стремление дестабилизировать, взломать военно-стратегическое равновесие между СССР и США, странами Варшавского Договора и НАТО. Начались попытки реализации курса на достижение военного превосходства

США над СССР, НАТО над Организацией Варшавского Договора.

2. Подготовка жесткого противоборства с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества одновременно на глобальном и региональном уровнях. При этом речь шла не только о провозглашении линии, но и была поставлена непосредственно задача создания и апробации механизма жесткого противоборства с СССР в различных регионах. С подготовкой одновременной конфронтации США с СССР на двух уровнях тесно связана концепция «ограниченной ядерной войны», которая стала усиленно пропагандироваться и внедряться в военное планирование Соединенных Штатов при президенте Рейгане.

3. Выход в таком жестком противоборстве против Советского Союза за рамки блокового противостояния, выдвижение на первый план цели создания новых коалиционных связей для того, чтобы «расширить» фронт борьбы против СССР. При Картере основной упор при этом делался на поиски новых военно-политических связей на глобальном уровне – с Японией и Китаем. При администрации Рейгана произошло некоторое смещение акцентов в пользу Японии. Выявилась определенная неудача в розыгрыше «китайской карты», что, однако, не означало прекращения попыток США использовать Китай в своей антисоветской политике, о чем свидетельствовал характер выступлений президента Рейгана во время его визита в КНР в мае 1984 г. При этом возросло внимание США и к установлению военно-политических связей с рядом региональных или локальных «центров силы» с явным намерением нацелить их против Советского Союза и других стран социалистического содружества.

Такая модификация стратегических интересов, естественно, затронула и американское отношение к локальным конфликтным ситуациям, породила стремление более интенсивно их использовать в политике Соединенных Штатов.

В этом вопросе также проявились новые нюансы.

Еще в конце 60-х годов теоретическая мысль США делала американские подходы к межгосударственным конфликтам на региональном уровне по двум функциональным признакам: «контролирование» («управление») и «урегулирование» конфликтных ситуаций в интересах Соединенных Штатов*. Такое теоретическое деление в ряде случаев отражало попытки США направлять на практике развитие конфликтных ситуаций в интересах американской политики. В данном случае такие интересы обеспечивались не путем урегулирования конфликтов, а путем их обострения или, наоборот, сугубо временного снижения напряженности. Рычагами для осуществления «управления», «контролирования» служили и поставки вооружений одной или двум конфликтующим сторонам, и прекращение поставок этих вооружений, и военно-политические акции в поддержку определенной конфликтующей стороны, и многое другое. Следует подчеркнуть особо, что управление конфликтами отработывалось как самостоятельное направление и не включалось в урегулирование, которое тоже – но уже на собственной основе – призвано было служить интересам Соединенных Штатов.

По мере отхода от разрядки международной напряженности в политике США в отношении локальных конфликтов стали обозначаться значительно резче, чем прежде, следующие черты:

– еще больший отрыв «управления» конфликтными ситуациями от их «урегулирования»;

– усиление собственного военного присутствия, увязываемое как с попытками контролировать развитие различных конфликтных ситуаций, так и с задачами их одностороннего урегулирования в интересах политики США;

* *Bloomfield L.P., Leiss A.C. Controlling Small Wars: a Strategy for the 1970's.* – New York: Knopf, 1969.

– попытки создания натовского механизма (наряду с уже существующим и рассчитанным для действий в Европе), способного проводить акции в других районах мира для того, чтобы «контролировать», «управлять» развитием конфликтных ситуаций;

– искусственное увязывание различных конфликтных ситуаций воедино;

– монополизация Соединенными Штатами процесса политического урегулирования конфликтных ситуаций для того, чтобы иметь возможность в большей степени, чем раньше, обеспечить американские интересы.

Многое из отмеченного нашло соответствующее отражение в докладах и выступлениях различных министров обороны США. В феврале 1982 г., например, в ежегодном докладе К. Уайнбергера, представленном американскому Конгрессу, говорилось следующее: «Наши обычные силы [силы общего назначения. – *Е.П.*] должны строиться для многих конфликтов различного рода... В течение многих лет военная политика США исходила из того, что планирование и финансирование наших обычных сил определялись преимущественно на основе требования вести войну в центре Европы... Однако в последние годы стало все более очевидным, что члены НАТО на севере, в центре и на юге связаны вместе воедино и в критической степени зависят друг от друга и даже от зон вне границ НАТО, особенно от Персидского залива... Стратегия, которую мы разрабатываем, предусматривает защиту интересов Североатлантического союза в таких регионах».

К. Уайнбергер провозгласил необходимость «горизонтальной эскалации» действий США против СССР и его союзников. При этом он предложил осуществлять такие действия в различных районах, где «возможности США более благоприятны или где мы имеем предпочтительное географическое и тактическое положение».

Все эти линии просматриваются и в докладе министра обороны США Конгрессу о бюджете на 1984-й финансо-

вый год, в запросах на ассигнования 1985-го финансового года и в военных программах 1984–1988 финансовых годов. Формулируя стратегические цели США, Уайнбергер пишет, что они подчинены задаче создания «эффективной и широкой коалиции», которая соединила бы все возможности, находящиеся в распоряжении американских союзников и друзей, с собственными возможностями Соединенных Штатов.

Следует особо отметить, что речь идет не только о союзниках, но и о «друзьях», иными словами, о тех странах, которые находятся за пределами НАТО и других военных союзов с участием США.

Министр обороны Уайнбергер указывал, что в своей военной политике Соединенные Штаты придерживаются трех «вспомогательных направлений». Во-первых, это политика «коллективной обороны», которая предполагает распространение блоковой стратегии на возможно большее число государств, во-вторых, концепция «передового базирования», в соответствии с которой американские воинские части и подразделения находятся в других странах; эти части могут быть укреплены за счет «сил быстрого развертывания». В-третьих, это «гибкое строительство вооруженных сил», которое имеет в виду совместные действия американских сил передового базирования с союзниками.

Такая «формула», совершенно очевидно, тоже свидетельствует о приверженности США идее одновременности конфронтации с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества на разных уровнях с втягиванием в нее на стороне США как можно большего числа государств, и не только тех, которые уже находятся вместе с ними в военно-политических союзах. Так, упоминающаяся в докладе стратегия «передовой обороны» прямо расшифровывается как действия, призванные усилить военное обеспечение не только Североатлантического союза, но и двусторонних соглашений о

безопасности, заключенных Соединенными Штатами, например, с Южной Кореей, Филиппинами и Японией.

Уайнбергером были внесены модификации и по-новому расставлены некоторые акценты в вопросе об участии США в конфликтных ситуациях. Провозглашалась необходимость с помощью прямого участия вооруженных сил США «обеспечить успех в конфликте как на одном, так и на нескольких театрах военных действий». Иными словами, «создавать возможность расширения войны там, где вероятный противник является более уязвимым», а не ограничивать военные действия тем районом, где возник конфликт.

Это положение, по-видимому, теоретически стыкуется с уайнбергеровской «географической или горизонтальной эскалацией», а на практике является основной линией направления на «гибкое строительство вооруженных сил».

Обращает на себя внимание также тот факт, что свое участие в конфликтных ситуациях Соединенные Штаты обуславливают не только тем, что против их союзников осуществляются некие «враждебные действия», но и такими «враждебными действиями» против своих «друзей» (опять-таки государств, не находящихся в союзнических отношениях с Соединенными Штатами). Сами же эти «враждебные действия» интерпретируются не только как вооруженные действия в прямой форме, но и как угроза применения военной силы или угроза «политическим и экономическим институтам дружественных стран, деятельности правительств и демократическому развитию». Совершенно очевидно, что такая интерпретация дает возможность Соединенным Штатам изыскивать любые предлоги для вмешательства в конфликтные ситуации, пытаться оправдать такое вмешательство в глазах общественного мнения.

В статье «Стратегия на 90-е годы», опубликованной в мае 1984 г. в журнале «New York Times Magazine», адми-

рал С. Тернер, бывший директор Центрального разведывательного управления США, пишет о том, что Соединенные Штаты преследуют три стратегические цели: сдерживание ядерной войны или готовность ее ведения, если сдерживание не удастся: помощь в обороне Западной Европе и Южной Кореи – двум районам, где находятся американские вооруженные силы; способность вмешательства в других районах мира, если интересы США потребуют таких действий.

Не полемизируя с формулировками автора статьи, которые, как представляется, не отражают истинные цели, преследуемые Соединенными Штатами, следует, очевидно, обратить особое внимание на изменение иерархии стратегических задач США, предлагаемое Тернером. Он считает, что на 90-е годы на первое место следует поставить «способность Соединенных Штатов к вмешательству в других районах мира» с целью защиты своих интересов. Именно этой задаче, по словам Тернера, должны быть подчинены основные мероприятия в военном строительстве Соединенных Штатов. Основное внимание он предлагает уделить созданию специальных мобильных подразделений в военно-морском флоте, а также сделать еще больший акцент на «силы быстрого развертывания», обеспечиваемые соответствующей поддержкой с моря и с воздуха*.

С января 1983 г. начало действовать американское командование, созданное с целью координации и осуществления военных мероприятий Соединенных Штатов в районе Юго-Западной Азии – CENTCOM. Новое командование разместилось на авиабазе Магдил (штат Флорида), но при его создании было объявлено, что будут изыскиваться возможности его перевода непосредственно в страны этого района.

Внешнеполитическая стратегия США конца 70-х – начала 80-х годов во многом оказалась привязанной к

* New York Times Magazine. – 6.05.1984. – P. 37.

господствующему в Белом доме весьма специфическому представлению о факторах, дестабилизирующих международную обстановку. К числу их там отнесли, к примеру, победу революции в Анголе, Эфиопии и Афганистане, победу антишахского движения в Иране.

Одновременно в американской внешней политике возрождался «комплекс», который в свое время получил название «теории домино»: стоит, дескать, США «проиграть» в одной стране, как последует поражение проамериканского режима в других. Однако именно действия, направленные на реставрацию старых порядков в странах, народы которых свергли реакционные, проимпериалистические режимы, резко дестабилизируют обстановку и создают опасные международные конфликты. Примеры этому как раз и дает американская внешнеполитическая практика этого периода.

Определенное место в политике США заняла появившаяся в середине 70-х годов концепция «увязывания» в американских интересах в единое целое различных проблем и тенденций международной жизни. Спекулируя, в частности, на стремлении Советского Союза ограничить гонку вооружений, придать процессу разрядки необратимый характер, Соединенные Штаты попытались оказать давление на СССР с целью склонить его к отказу от тех позиций, которые мешают развитию мировых событий по американским «сценариям». После поражения реакции в Анголе, например, Вашингтон прекратил американско-советские переговоры по ограничению военной деятельности в районе Индийского океана, заявив, что они могут возобновиться лишь при условии прекращения «вмешательства» СССР и Кубы в Африке, то есть при отказе социалистических стран от естественной для них поддержки тех, кто подвергается агрессии со стороны сил, за которыми стоит империализм.

Стратегические цели США, взявших курс на отход от разрядки международной напряженности, нашли отра-

жение в концепции «кризисной дуги», или «дуги нестабильности», автором которой явился З. Бжезинский. Эта «теория» базировалась на ряде его умозаключений: во-первых, на оценке объективных исторических сдвигов в различных странах как якобы нарушающих стабильность, сложившееся «равновесие» и, во-вторых, на объяснении всех этих сдвигов как результата «игры СССР» с целью нанести ущерб интересам США.

Вместе с тем концепция «кризисной дуги» не была пассивной констатацией превратно толкуемых объективных перемен в мире. Она стала фактором, активизирующим военный элемент в американской политике, причем зачастую в районах, прилегающих к границам Советского Союза. В этом плане ее можно было расценить как возвращение к одиозной концепции Даллеса, считавшего, что прогрессивные изменения в Азии, Африке и Латинской Америке создают некий «вакуум», который в условиях противоборства двух систем должен активно заполняться американским влиянием. В свое время даллесовская концепция уже послужила «теоретическим обоснованием» ряда агрессивных действий империализма США.

Касаясь вклада Бжезинского в аналогичные акции, сенатор Дж. Макговерн в своем заявлении для печати 30 мая 1978 г. подчеркнул, что тот, «очевидно, преисполнен решимости проводить внешнеполитический курс, сориентированный на кризисы и противоборство. В мире достаточно опасностей, чтобы не выдумывать новые, существующие лишь в уме их автора».

Теория «кризисной дуги» была положена в основу военной активизации Соединенных Штатов, в первую очередь в районе Красного моря и Персидского залива. «Концептуальным» отражением этой тенденции стала провозглашенная министром обороны Брауном военная доктрина, согласно которой Соединенные Штаты должны быть готовы в каждый данный момент вести «полторы»

войны. Иными словами, не ослабляя своих возможностей в глобальном противостоянии («полная война» в Европе), иметь специальные военные соединения, способные одновременно успешно действовать на различных театрах в борьбе против национальных, антиимпериалистических сил («полвойны» в так называемом «третьем мире»).

Американская стратегическая мысль, выдержанная в духе холодной войны, получила свое развитие в январском 1980 г. послании президента Картера Конгрессу «О положении страны». В нем было откровенно заявлено о претензии США на «лидирующую роль» в мире, провозглашен их подход к мировым делам, согласно которому они сами определяют сферы своих «жизненных интересов» – без всякого согласования даже со своими союзниками – и присваивают себе «право» защиты этих «интересов» с помощью прямого применения военной силы. Провозглашение такого гегемонистского, экстремистского подхода к международным делам в качестве нормы поведения Соединенных Штатов, естественно, создало реальную угрозу для безопасности народов.

Эта линия была развита и углублена администрацией Р. Рейгана. Силой, которая обрела возможность кардинальным образом влиять на выработку и осуществление американской политики при Рейгане, стали ультраправые и правоконсервативные деятели, такие как Р. Барт, Р. Перл, Ю. Ростой, Э. Роуни, Дж. Киркпатрик и другие. Представителем таких деятелей в Государственном департаменте США стал А. Хейг. Их платформа была отмечена стремлением установить и упрочить военное превосходство США над СССР, приспособить все средства, в том числе ядерные, для жесткого противоборства с Советским Союзом – «ограниченная», «затяжная» ядерные войны, – глубже вовлечь в такую конфронтацию союзников США и «дружественные» страны, попытаться подорвать социалистический мир изнутри как с помощью

экономических санкций, так и политических и идеологических диверсий. Особое внимание уделялось при этом, во-первых, попыткам «обескровить» Советский Союз через навязываемую ему гонку вооружений и, во-вторых, взорвать изнутри социалистическое содружество.

Такая позиция предопределила «расширительное» значение Ближнего Востока и то конкретное место, которое отводилось Израилю в американских военно-стратегических построениях. Выступая на слушаниях в подкомиссии по международной безопасности комиссии по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США, Р. Барт заявил: «Мы рассматриваем Ближний Восток, включая Персидский залив, как часть более широкого политико-стратегического театра, как район, опоясанный Турцией, Пакистаном и Африканским Рогом, и мы рассматриваем его как стратегическое общее, нуждающееся во всестороннем лечении с целью гарантировать благоприятный нам баланс сил». При Рейгане полностью восторжествовала точка зрения, согласно которой ближневосточный конфликт рассматривался лишь в качестве части общей военно-политической стратегической ситуации, может быть, даже не только включающей Персидский залив, но с эпицентром в Персидском заливе.

Американско-израильские отношения при этом рассматривались через глобальную призму. Выступая в комиссии по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США, А. Хейг заявил следующее: «Мы считаем принципиально важным начать развитие стратегического консенсуса по всему региону с арабами и евреями и быть уверенными в том, что не будет оставлена без внимания усиливающаяся опасность советского проникновения в этот район». Естественно, что миф об «усиливающейся советской угрозе» использовался Хейгом для того, чтобы сформулировать принципиальный вывод американской политики, при котором все без исключения реальные внутренние проблемы этого теперь уже

«расширяющегося» района должны просматриваться лишь через призму нужд и требований ставки Соединенных Штатов на конфронтацию с Советским Союзом.

Ужесточение внешнеполитического курса США в конце 70-х – начале 80-х годов нашло отражение в самом характере эволюции американских военно-политических доктрин. До середины 50-х годов в качестве повода для американского вмешательства на Ближнем Востоке рассматривались «прямые действия со стороны СССР». «Доктрина Эйзенхауэра» предполагала другой повод – «угрозу» странам того или иного района со стороны «государств, находящихся под влиянием международного коммунизма». При Картере вещи стали все больше называться своими именами: повод для вмешательства – несовпадение с «интересами» США внутренних перемен в той или иной стране. При Рейгане главными, если не самыми определяющими этих «интересов» стали американские потребности, диктуемые ставкой США на жесткую военно-политическую конфронтацию с СССР.

II. Милитаризация ближневосточной политики США: мифы и причины

Американская пропаганда пыталась представить усиление военных элементов во внешней политике США в районе Ближнего и Среднего Востока как реакцию, прежде всего, на ввод в конце декабря 1979 г. ограниченного военного контингента Советского Союза в Афганистан, осуществленный, как известно, по просьбе афганского правительства в связи с внешней угрозой республике, на основе Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и Афганистаном. Между тем ужесточение политики США на Ближнем и Среднем Востоке, прямая ставка на увеличение американского военного

присутствия в данном районе – все это предшествовало не только событиям декабря 1979 г. в Афганистане, но и задержанию американских заложников в столице Ирана, которое тоже выдавалось за первоначальную причину концентрации в Персидском заливе и на его подступах, в Индийском океане большой группы американских военных кораблей.

Но и иранский кризис, справедливо отмечает советский ученый А.М. Васильев, «был лишь предлогом, дополнительным, хотя и мощным, толчком к пересмотру методов, применяемых США в зоне Персидского залива. Глубинные, основные причины этого лежат в эволюции глобальной внешнеполитической философии Вашингтона, в победе на вершине власти фракции оголтелых, в попытках вернуться ко временам холодной войны»*.

Возрастание милитаристского акцента в американской политике на Ближнем и Среднем Востоке началось еще в середине 70-х годов и было своеобразной реакцией на все более очевидную утрату американским империализмом своих позиций в этом обширном регионе, на потерю им – и это главное – беспрепятственного доступа и возможности бесконтрольно эксплуатировать местные сырьевые ресурсы, прежде всего нефть.

Энергетический кризис в капиталистическом мире показал, что монополии Соединенных Штатов и других капиталистических стран уже не могут, как раньше, диктовать цены на нефть в условиях продолжающейся зависимости США, Японии и Западной Европы от ее импорта, главным образом из арабских стран и Ирана. Развитие обстановки в этом районе все больше входило в противоречие с неоколониалистскими методами снабжения нефтью «капиталистического центра». Объединившись в Организацию стран – экспортеров нефти (ОПЕК), национализировав нефтяные концессии, дивер-

* *Васильев А.М.* Персидский залив в эпицентре бури. – М.: Политиздат, 1983. – С. 102.

сифицировав в целом ряде случаев источники технической помощи путем расширения сотрудничества с социалистическими государствами, нефтедобывающие страны превратились из объекта нефтяной политики империализма в силу ей противоборствующую, в том числе в вопросах ценообразования.

«Для империализма, – пишет советский экономист Р.Н. Андреасян, – в принципе неприемлемо существование независимой организации развивающихся стран, способной принимать самостоятельные решения об уровне цен, масштабах добычи нефти и направлениях ее вывоза, накопление членами ОПЕК огромных ликвидных средств и превращение ряда ее участников в относительно самостоятельную силу на международных кредитных рынках. Выступая против ОПЕК, Запад пытается тем самым снизить накал борьбы освободившихся стран за установление нового международного экономического порядка, поскольку ее успехи вдохновили развивающиеся страны на коллективную борьбу против неокOLONИАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ»*.

Подобная «нефтяная ситуация» совпала с дальнейшим осложнением обстановки на Ближнем и Среднем Востоке, с подъемом борьбы сил национального освобождения. В попытках изменить положение на нефтяном рынке в выгодном для себя направлении вашингтонские руководители сразу же после начала энергетического кризиса сделали ставку на демонстрацию силы против «взбунтовавшихся» нефтедобывающих стран. Еще на пороге 1975 г. тогдашний государственный секретарь США Г. Киссинджер заявил о возможности американской вооруженной интервенции в случае возникновения «угрожающего положения» для «свободного мира» в смысле снабжения нефтью.

* *Андреасян Р.* Энергетический аспект развития и проблема цен на нефть // *Мировая экономика и международные отношения.* – 1984. – № 1. – С. 63.

Нужно сказать, что впоследствии сами США стали в меньшей степени зависеть от поставок нефти с Ближнего Востока. В связи с различными поощрительными мерами наметилась перспектива некоторого повышения или просто более устойчивого уровня добычи нефти на территории Соединенных Штатов. Вместе с тем в США активизировались меры по экономии энергии, в результате которых коэффициент энергоемкости американской экономики (количество тонн условного топлива на тысячу долларов национального дохода) начал уменьшаться. Никто, естественно, не отрицает того, что Соединенные Штаты по-прежнему испытывают интерес к импорту ближневосточной нефти. Но этот импорт ни в коем случае не может возводиться в категорию таких ценностей, которые влияют на проблему «быть или не быть», то есть угрожают функционированию экономики США, как это представляет американская пропаганда.

Однако «особые интересы США» в нефтяной области по-прежнему выдвигались в качестве причины усиления военных элементов в политике США на Ближнем Востоке. При этом, очевидно, приоритетное значение приобрело опосредованное воздействие так называемого нефтяного фактора на союзнические отношения США. Дело в том, что партнеры США по-прежнему испытывали и испытывают огромную зависимость от ближневосточной нефти. Из всего импорта нефти в США в конце 70-х годов доля ближневосточной нефти составляла 30 %, а для Западной Европы и Японии эта цифра равнялась соответственно 66 и 80 %. Причем нефть бассейна Персидского залива в американском импорте этого сырья постоянно снижается, составив, например, в середине 1983 г. уже 9 %. Вместе с тем эта доля остается по-прежнему на высоком уровне у союзников США*.

* Petroleum Economist. – August 1983. – P. 305; September 1983. – P. 349.

Объявляя себя защитником общезападных нефтяных интересов на Ближнем Востоке, США хотят использовать ситуацию, чтобы еще больше привязать к себе европейских партнеров и Японию, не допустить с их стороны попыток самостоятельных решений многих внешнеполитических проблем, держать их, так сказать, на коротком поводке. Такой «ближневосточный поводок» тем важнее для американских политиков, чем больше проявляется противоречий между США и западноевропейскими странами по другим вопросам, особенно в связи с практикой Вашингтона по превращению Западной Европы в ракетно-ядерный плацдарм против Советского Союза и попытками Соединенных Штатов добиться ограничения торговли, экономического сотрудничества в целом между их западноевропейскими союзниками и странами социалистического содружества.

Естественно, что для продолжения использования ближневосточных событий в интересах американского влияния на политику их союзников противопоказана разрядка напряженности. И это еще один мотив того, почему США отнюдь не желали всеобъемлющего политического урегулирования на Ближнем Востоке. Все описанное выше подталкивало Соединенные Штаты к тому, чтобы добиваться сепаратного египетско-израильского урегулирования на Ближнем Востоке.

Наряду с «нефтяной ситуацией» непосредственное влияние на внешнеполитическое планирование и процесс принятия внешнеполитических решений в Вашингтоне оказала ликвидация монархии в Иране. Это, несомненно, тоже способствовало – наряду с модернизацией общих концептуальных стратегических подходов США – милитаризации американской политики в регионе. США делали на шахский Иран крупную ставку как на своего сильного и прочного союзника. Американская военщина возлагала надежды на осуществление Ираном «полицейских функций» (например, подавление освободи-

тельного движения в Омане) и «сторожевых функций» (по охране морских путей транспортировки нефти). Она рассчитывала на активное контрреволюционное вмешательство шаха в случае прогрессивного переворота или просто прогрессивных изменений в каком-либо из государств Аравийского полуострова. США надеялись на использование оснащенной самым современным оружием иранской армии в случае «ситуации X», как ее называли, в отношениях с Советским Союзом. При этом не исключалась возможность применения «при необходимости» создаваемого в Иране огромного арсенала вооружений и самими американскими вооруженными силами (зачем при чрезвычайных обстоятельствах перебрасывать оружие за тысячи и тысячи миль!). США не просто планировали, а уже использовали иранскую территорию для создания «пунктов наблюдения» за Советским Союзом.

Но и этим дело не ограничивалось. Вашингтон, особенно в период подготовки сепаратной египетско-израильской сделки, уповал на шаха как на силу, способную «сплотить» Египет и Израиль, и видел в египетско-ирано-израильской тройственной комбинации контуры своей новой военно-стратегической опоры на Ближнем Востоке, нового военно-политического союза под эгидой Соединенных Штатов.

После свержения шаха в Вашингтоне зазвучали призывы к прямому вооруженному вмешательству в Иране. Можно прийти к выводу, что твердое предупреждение против этого со стороны Советского Союза сыграло важную роль в отказе американской администрации от реализации этих замыслов.

Между тем общее ужесточение американского военно-политического курса в районе в целом получило новый импульс. В Вашингтоне под девизом «не допустить повторения иранского варианта», в других странах региона с «дружественными Соединенным Штатам режимами» начали открыто заявлять о готовности пойти даже на

прямую вооруженную интервенцию с целью сохранения статус-кво.

В американской печати стали в разных вариантах муссировать «гипотетическую ситуацию» в зоне Персидского залива, которая создаст-де угрозу «жизненным интересам» Соединенных Штатов. Тогдашний министр обороны США Браун весной 1979 г. счел возможным заявить уже не о «гипотетической», а о «реальной и серьезной угрозе» [?!] для поставок нефти США и их союзникам, о необходимости «специально к ней подготовиться». Приводя эти слова министра обороны, американский журнал «Fortune» писал 7 мая 1979 г., что опасность «может возникнуть во многих формах и с поразительной внезапностью. Захват власти повстанцами в Омане поставил бы под угрозу “горло” Персидского залива – проход шириной в 19 миль в Ормузском проливе, через который выходят танкеры в Индийский океан. Налеты террористов на плохо охраняемые нефтяные месторождения и распределительные системы в Саудовской Аравии могли бы также перекрыть поток нефти. Конфликт между Ираком и Кувейтом или Саудовской Аравией из-за давних территориальных споров – еще одна реальная угроза». И Браун, и Бжезинский дали понять, что США примут меры, включая использование вооруженных сил, для защиты своих интересов в Саудовской Аравии.

В 1979 г. был опубликован доклад библиотеки Конгресса в Вашингтоне, в котором уже гораздо четче и значительно ближе к реальности обрисовывались те «ситуации» на Ближнем Востоке, при которых США предполагали действовать с помощью оружия. Первая из них – нефтедобывающие страны «могут просить США о помощи, если им грозит потеря ресурсов в результате внутренних беспорядков или нападения враждебного государства». Вторая ситуация предполагает вооруженное американское вмешательство, «если будет введено эмбарго или же в США или в других районах индустриального мира воз-

никнет хаос в результате произвольного повышения цен». Совершенно ясно, что речь шла о неприкрытом возвращении Соединенных Штатов к использованию прямых средств колониальной политики, о возрождении так называемой «политики канонерок».

К середине 1979 г. началось осуществление одобренных Белым домом за два года до этого планов формирования в Соединенных Штатах особых десантных сил – «корпуса быстрого развертывания». Более того, сообщалось о проекте создания 5-го флота США, который постоянно базировался бы в Индийском океане. Пентагон сконцентрировал крупные силы ВМС в Индийском океане и в Персидском заливе. И наконец, самым большим шагом на пути милитаризации ближневосточной политики США было утверждение на постоянной основе военного присутствия США в районе, какими бы ссылками на временный характер это бы ни сопровождалось. Сначала Соединенные Штаты, используя кэмп-дэвидскую сделку, обосновались на Синае, а затем, используя ливанский кризис, морские пехотинцы США высадились в Ливане в качестве главного отряда так называемых многонациональных сил. Этот главный отряд был подкреплён мощью американского военно-морского флота с 300 боевыми самолетами, стянутого к берегам Ливана.

III. «Закономерности» ужесточения подходов США к ближневосточному конфликту

Общее стремление США перевести свою политику на рельсы «силовой борьбы» в условиях возвращения американского военного присутствия на Ближнем и Среднем Востоке непосредственно проявилось в ужесточении

политики администрации Картера в отношении ближневосточного конфликта. Ужесточение произошло здесь осенью 1977 – в начале 1978 г.

В то время, когда летом 1976 г. «команда Картера» еще только добивалась его избрания на пост президента, мне довелось встретиться на очередной дармутской встрече²³ в США с одним из главных представителей этой «команды» – будущим помощником президента по вопросам национальной безопасности З. Бжезинским. А через пару недель мы вместе с С. Вэнсом, который тоже в то время «работал» на избрание Картера, а затем стал государственным секретарем в его администрации, принимали участие в советско-американском симпозиуме по линии двух национальных Ассоциаций содействия ООН. Сначала Бжезинский, а затем Вэнс, касаясь ближневосточной ситуации, говорили примерно одно и то же: Киссинджер со своей политикой частных решений, по видимому, уже исчерпал себя; необходимо теперь вести дело ко всеобщему политическому урегулированию; в процессе урегулирования на Ближнем Востоке должны участвовать и США, и СССР при координации их усилий.

Широкий резонанс в Соединенных Штатах имела публикация Брукингского института в Вашингтоне по проблемам политического урегулирования на Ближнем Востоке. Среди авторов этого материала были и З. Бжезинский, и У. Квандт, занявший пост заведующего ближневосточным департаментом в Совете национальной безопасности, и другие – как раз те, кто непосредственно участвовал в выработке ближневосточной политики администрации Картера. В публикации Брукингского института в виде главного вывода была подчеркнута необходимость всеобщего урегулирования, которое не может быть достигнуто без соглашения о создании «палестинского очага» на Западном берегу реки Иордан.

Через два месяца после вступления в должность Картер заявил, что «у палестинцев должна существовать ро-

дина». Одновременно им был сделан ряд официальных заявлений о желательности возобновления работы Женевской конференции по ближневосточному урегулированию.

Советская дипломатия всегда стояла на реалистических позициях в этом вопросе. 2 октября 1977 г. было опубликовано совместное советско-американское заявление по Ближнему Востоку, в котором провозглашалась необходимость всеобъемлющего урегулирования ближневосточной проблемы путем решения таких ключевых вопросов, как «вывод израильских войск с территорий, оккупированных во время конфликта 1967 г., палестинский вопрос, включая обеспечение законных прав палестинского народа, прекращение состояния войны и установление нормальных мирных отношений на основе взаимного признания принципов суверенитета, территориальной целостности и политической независимости».

Но как показали дальнейшие события, американская администрация не собиралась следовать положениям этого заявления.

За несколько дней до опубликования совместного советско-американского заявления его текст был представлен Соединенными Штатами Израилю. Ознакомившись с ним, израильское руководство, как и следовало ожидать, активизировало сионистское лобби в США, особенно в Конгрессе. Началась беспрецедентная атака на заявление, которое, по первоначальному признанию С. Вэнса, было выработано в интересах мира на Ближнем Востоке. Белый дом дрогнул. 4 октября, то есть на третий день после опубликования совместного заявления, министра иностранных дел Израиля Даяна пригласили на встречу с президентом Картером в Нью-Йорке, где в то время проходила очередная сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Переговоры, которые по предварительному уведомлению американской стороны должны были быть короткими, длились целый день и закончились капиту-

ляцией США, фактически дезавуировавших согласованием так называемого рабочего документа с Израилем свою подпись под совместным советско-американским заявлением.

С этого момента начался переход США уже не только по существу, что было много раньше, но и формально на позиции отказа от сотрудничества с СССР в деле урегулирования ближневосточного конфликта, вообще отказа от его всеобъемлющего урегулирования. Еще несколько месяцев после подписания рабочего документа с Израилем Соединенные Штаты время от времени упоминали о Женевской конференции – действовала скорее не инерция, а некоторая неловкость в связи с тем, что под нажимом сионистского лобби администрации США пришлось отказаться от взятых на себя обязательств по совместному заявлению с Советским Союзом. Однако вскоре даже упоминания о Женевской конференции прекратились, и в США идея ее созыва была предана полному забвению.

После поездки Садата в Иерусалим администрация США – об этом будет говориться подробно в следующем разделе – сделала все возможное, чтобы сговор, несмотря на большие трудности, все-таки имел место. А в процессе его подготовки сделала все, чтобы сопроводить или даже вписать в кэмп-дэвидский договор ряд положений, приспособленных для наращивания американских военно-политических позиций в районе Ближнего Востока.

Кэмп-дэвидская сделка непосредственно привела к постоянной дислокации батальона (1200 человек) 82-й американской воздушно-десантной дивизии на Синае для «контроля» израильско-египетской границы на протяжении от Эйлата до Шарм-эш-Шейха. Известно, что 82-я дивизия является главной частью «сил быстрого развертывания США». Известно и другое: по «сценарию» такого развертывания, опубликованному в американской печати, первым на место выбрасывается один батальон 82-й дивизии (теперь его не нужно выбрасы-

вать, так как он уже находится на месте), который готовит плацдарм для высадки других подразделений этой дивизии, а затем обеспечивается переброска и других частей «сил быстрого развертывания». Если к этому добавить, что под постоянный контроль американского батальона на Синае отведен участок, где сходятся границы четырех государств: Египта, Израиля, Иордании и Саудовской Аравии, то будет еще более ясна стратегическая окраска «невинного» на первый взгляд пребывания солдат и офицеров США на Синае.

Американские журналисты, да и представители академических кругов – специалисты по ближневосточным делам, обычно представляют дело так, будто ввод американских солдат на Синай был «вынужденной мерой, навязанной Египтом и Израилем», «но входил в планы США» и стал необходимым лишь потому, что не удалось расположить там силы ООН для гарантии «незыблемости» египетско-израильского договора. Между тем «команда Рейгана» даже еще в то время, когда он боролся за избрание президентом, не скрывала, что намерена в любом случае добиваться постоянного военного присутствия США на Синае. Р. Аллен, ставший впоследствии помощником президента по вопросам национальной безопасности, и Р. Перл, впоследствии назначенный помощником министра обороны США, требовали передачи в руки Соединенных Штатов двух израильских военно-воздушных баз на Синае – Эцион и Эйтам – после того, как израильтяне, согласно договору, уйдут с Синайского полуострова.

Характерно и то, что Рейган, когда Садат, возможно, под давлением египетских армейских кругов, хотел, хотя бы для видимости, ограничить военное присутствие США во времени, настаивал на постоянном нахождении американского подразделения на Синае. Вашингтон свое требование о постоянном нахождении американских солдат на Синае мотивировал «обеспокоенностью» Из-

раиля за судьбы договорных обязательств Египта. Израиль же в действительности хотел обезопасить свой тыл со стороны Египта во время экспансии на восток – в другие арабские страны. Вместе с тем подобная линия американской администрации прямо вытекала из желания Вашингтона иметь «постоянные военные точки США» в том регионе для успешной и эффективной выгрузки «сил быстрого развертывания». «Недостаточность постоянных военных баз США в районе Ближнего Востока» была самым распространенным аргументом, используемым критиками «сил быстрого развертывания» в Пентагоне. Военный аналитик Джеффри Рекорд писал о том, что ограничителем для американского вмешательства в зоне Персидского залива является «недостаточность надежных в политическом плане и компетентных в военном стран-клиентов в районе». В таких условиях «силы быстрого развертывания», перебрасываемые на Ближний Восток за 7 тысяч миль, должны были бы «соединиться» со своим тяжелым снаряжением, находящимся на борту кораблей, которые базируются на Диего-Гарсия (Индийский океан)*.

Облегчением, а возможно, и альтернативой этому варианту, по мнению тех, кто занимается планированием американских вооруженных операций за рубежом, могло стать постоянное военное присутствие самих Соединенных Штатов в этом регионе.

После подписания сепаратного египетско-израильского договора Вашингтон сразу усилил деятельность по созданию новых военно-политических реалий в данном районе. Такая линия особенно четко проявилась в связи с американским давлением на Иран. Во время пребывания в США военного министра Израиля состоялись переговоры, включавшие вопрос об использовании США израильских баз в антииранских целях. В начале января

* The Middle East. – November 1981. – P. 11–12; May 1982. – P. 18–19.

1980 г. американские ВВС совершили облет баз теперь уже на египетской территории. С одной из этих баз – аэродрома Кайро-Вест – вылетели американские самолеты, участвовавшие в диверсионной операции на иранской территории в апреле 1980 г. США провели переговоры о размещении своих военных баз также на территории Омана и Сомали – как раз тех стран, которые поддержали сепаратную египетско-израильскую сделку.

Стало ясно, что Вашингтон сделал ставку на то, чтобы создать целую систему военно-политического давления, интервенционистских угроз на Ближнем и Среднем Востоке, используя с этой целью беспринципный египетско-израильский альянс. С помощью этого альянса США решали в 1980 г. еще одну задачу: замораживание в год президентских выборов ближневосточной ситуации при продолжении израильской политики, направленной на аннексию захваченных в 1967 г. арабских земель. Такое «замораживание» позволяло администрации Картера в тот период занимать «выжидательную позицию», которая в общем и целом благоприятствовала осуществлению израильской экспансии и имела своим результатом новый опасный рост напряженности в регионе.

Советский историк Л.И. Медведко, характеризуя в целом политику США на Ближнем Востоке при Картере, отмечает, что «в отличие от других региональных конфликтов, в отношении которых США пытались хотя бы создавать видимость “нейтральности” или “беспристрастности”, администрация Картера в вопросах урегулирования на Ближнем Востоке даже не старалась скрыть произраильской ориентации»*.

Придя к власти, администрация Рейгана активизировала ближневосточную политику США. При этом в еще большей степени, чем прежде, акцент был сделан

* *Медведко Л.И.* К востоку и западу от Суэца: Закат колониализма и маневры неоколониализма на Арабском Востоке. – М.: Политиздат, 1980. – С. 339.

на «глобализацию» ближневосточного конфликта. Это осуществлялось по разным направлениям.

Во-первых, США попытались отложить в сторону все те неприемлемые для Израиля, но в то же время самые животрепещущие вопросы, требовавшие немедленного решения. Таким вопросом, например, был и остается палестинский, без урегулирования которого вообще немислима стабилизация положения на Ближнем Востоке. США попытались как бы сказать арабским государствам, вовлеченным в конфликт с Израилем, – давайте заморозим ситуацию, оставим все до «лучших времен», так как Израиль, с которым якобы арабам все равно не сладить еще и потому, что ему помогают США, не принимает «тяжелых» вопросов и не хочет искать для них решения. При этом правительство Рейгана не только стремилось заставить арабов согласиться с существующим положением, когда остаются неликвидированными последствия израильской агрессии 1967 г., но и переключить их внимание на борьбу против «угрозы со стороны СССР».

Именно с такими планами государственный секретарь США А. Хейг в 1981 г. впервые выехал в этот регион, побывал в Саудовской Аравии и других арабских странах. Однако он получил достаточно серьезный отпор, ибо трудно было заставить даже консервативные арабские правительства поверить мифу о советской угрозе и одновременно закрыть глаза на ту реальную, повседневную опасность, которую создает инспирируемая и поддерживаемая Соединенными Штатами экспансионистская агрессивная политика сионистского руководства Израиля.

Кстати, в этом отдавали себе отчет некоторые реалистически мыслящие политики в США. Дж. Шлезингер, бывший министр энергетики в администрации Картера и министр обороны в администрациях Никсона и Форда, писал: «Подход администрации к Ближнему Востоку основан на том, чтобы сфокусировать внимание на советской угрозе [естественно, мнимой. – *Е.П.*] и создать

“стратегический консенсус”, который, как считают, должен привести к совместным действиям государств региона в укреплении военного сдерживания советского вмешательства. Хотя такой подход был бы крайне желателен многим из нас, было бы верхом американского эгоцентризма полагать, будто государства региона позабудут о своих непосредственных заботах и займутся нашими». Говоря обо всем этом, Шлезингер назвал «советскую угрозу» Ближнему Востоку «маловероятной».

В этой же связи Г. Сондерс приводит свою беседу с египетским деятелем, который сказал ему следующее: «Определение угрозы только так, как она представляется американцам, без понимания того, как ее видим мы, – это не что иное, как интеллектуальный империализм. Если вы игнорируете надежды и страхи нашего народа, вы не можете рассчитывать на то, чтобы быть сильными в этом районе»*.

Во-вторых, США в еще более откровенной, чем при Картере, форме сопроводили свою политическую активность на Ближнем Востоке мерами по наращиванию собственного военного присутствия в районе.

В обход ООН Соединенные Штаты организовали не только постоянное нахождение своих сил на Синае, но и ввод в Ливан так называемых «многонациональных сил», ядро которых составила морская пехота США. В «многонациональные силы» США удалось втянуть французское, итальянское и английское подразделения. С одной стороны, США не хотели оставаться в изоляции, брать единолично на свои плечи груз интервенции, а с другой стороны, воспользовавшись обстановкой, начали отрабатывать натовский военный механизм для действий за пределами стран, входящих в Североатлантический союз.

* Conversations with Harold H. Saunders. U.S. Policy for the Middle East in the 1980s. – Washington, DC: American Enterprise Institute, 1982. – P. 17.

Рейган сперва объявил о том, что морские пехотинцы вводятся на крайне ограниченный срок. Вскоре, однако, стало ясно, что их пребывание переводится на длительную основу: вошла в действие сменяемость американских солдат и офицеров – периодически в Ливан высаживались «свежие» морские пехотинцы с кораблей ВМС США. Следовательно, речь шла о нахождении в Ливане и у его берегов значительно большего числа американских солдат, чем первоначально высадившиеся 1200 морских пехотинцев. К тому же этому «батальону» морской пехоты фактически был придан флот в составе нескольких десятков кораблей, включающих два авианосца, линкор и 300 боевых самолетов.

Здесь мы не останавливаемся на тех обстрелах и бомбардировках мирного ливанского населения, бойцов ливанских патриотических сил, сирийских частей в долине Бекаа, которые осуществлялись американскими вооруженными силами в Ливане. В данном случае мы ограничиваемся констатацией того, что сначала Синай, а затем и Ливан стали рассматриваться США как плацдармы их военного присутствия на Ближнем Востоке.

Третья попытка за короткий срок усилить американское военное присутствие в районе Ближнего Востока была предпринята Соединенными Штатами в связи с ирано-иракской войной²⁵. В ответ на бомбардировки танкеров в Персидском заливе Соединенные Штаты не просто заявили о своем намерении, «если их попросят об этом местные правительства», конвоировать танкеры, но и поставили в виде условия предоставление им соответствующих «преимуществ» для обеспечения этих акций. Автору довелось в мае 1984 г. беседовать в Соединенных Штатах с целым рядом экспертов по проблемам Ближнего Востока, в том числе из Госдепартамента США. На прямо поставленные вопросы следовал ответ, что Соединенные Штаты потребовали не только предоставить возможность для постоянной буксировки их военных ко-

раблей в портах Персидского залива, использования местных аэродромов авиацией США, но и создания «наземных пунктов» для «срыва акций, которые могут быть предприняты против стран этого региона каким-либо другим государством». Совершенно ясно, что при такой постановке вопроса Соединенные Штаты не ограничивались требованиями, связанными с обеспечением операций по конвоированию танкеров. Речь шла о гораздо более широких замыслах, по сути дела, о создании новой системы американского постоянного военного присутствия в регионе, дополняющей базирование ВМС США в близлежащих акваториях.

Этими же мотивами во многом руководствовались США летом 1984 г., перебрасывая свои ВМС в Красное море под предлогом очистки его от мин.

С целью освоения военных театров, расположенных вблизи от Советского Союза, при Рейгане вообще была резко интенсифицирована «охота за базами».

Подходы делались к руководству Египта, Сомали, Судана, Омана, Саудовской Аравии. Иногда они не приводили к позитивным для США результатам, иногда материализовались в соглашениях о постоянном праве военных кораблей США заходить в порты некоторых из этих стран, иногда США договаривались о создании – без вывешивания американского флага – «складских помещений» для хранения американских вооружений, боеприпасов с целью использования в случае необходимости «силами быстрого развертывания», иногда добивались баз в «классической» форме. Во всех случаях речь шла еще об одном компоненте военно-стратегической системы, создаваемой США на Ближнем Востоке.

В эту систему была вписана и практика маневров, которую США осуществляли в этом районе совместно с армиями дружественных им правительств – при Рейгане более активно, чем раньше.

Венцом курса на «глобализацию» ближневосточного конфликта стало подписание во время визита в Вашинг-

тон в начале декабря 1983 г. нового премьер-министра Израиля Шамира и министра обороны Аренса американско-израильского соглашения о «стратегическом сотрудничестве». Это соглашение одновременно свидетельствовало и о том, что были цинично сброшены те одежды «беспристрастности», «сбалансированности», в которые рядилась американская политика на Ближнем Востоке в течение всех 70-х и в начале 80-х гг. Соглашение о «стратегическом сотрудничестве» с Израилем в этом плане стало кульминацией процесса ужесточения американских подходов к проблемам политического урегулирования на Ближнем Востоке.

США уже заключили однажды, в 1981 г., подобное соглашение с Израилем, но тогда оно было заморожено после решения Израиля аннексировать Голанские высоты, принадлежащие Сирии. Дело было не в том, что США «морально отмежевались» от израильского неприкрытого экспансионизма. В Вашингтоне, по-видимому, опасались, что ассоциирование с Израилем в тот острый период, когда существовали надежды на успех американской политики в арабском мире, сорвет «игру» США. В конце 1983 г. Соединенные Штаты, можно считать, сделали главный упор на силовую борьбу в Ливане и в районе в целом. К этому времени, как считали в Белом доме, международная общественность уже «переварила» израильскую аннексию. Так или иначе, но она уже не рассматривалась США в качестве препятствия на пути оформления, легализации их теснейших военно-политических связей с Израилем.

Соглашение о «стратегическом сотрудничестве» включило в себя создание совместного американско-израильского военного комитета (для постоянной координации военных усилий двух стран), проведение маневров (для отработки практических навыков совместных военных действий США и Израиля), накопление на территории Израиля вооружений и боеприпасов США

(судя по всему, для дополнительной инъекции в израильскую военную машину в случае войны с арабскими государствами, ибо немедленное установление «воздушного моста», как показала практика Октябрьской войны 1973 г., было делом нелегким для США и с политической – реакция в арабских странах, – и с технической точек зрения).

Конечно, это соглашение явно сужало маневренные возможности США в арабском мире, даже в странах с так называемыми консервативными режимами. С резкой критикой в адрес США выступили президент Египта Мубарак, король Иордании Хусейн. Критический тон в отношении американской политики на Ближнем Востоке взяла саудовская печать. Пытаясь сгладить негативную для себя реакцию в арабском мире, вызванную соглашением о «стратегическом сотрудничестве» США с Израилем, Рейган обратился с посланиями к ряду руководителей «дружественных» арабских государств, направил на Ближний Восток государственного секретаря США Шульца. Но американские «разъяснения» не могли снять вывода о том, что все разговоры США о своей беспристрастности в ближневосточном конфликте оказались блефом.

Мы уже говорили о том, что соглашение о «стратегическом сотрудничестве» с Израилем было важнейшим этапом на пути «глобализации» конфликта. В то же время откровенное провозглашение Соединенными Штатами линии на приспособление своей ближневосточной политики к потребностям повсеместной конфронтации с СССР было, судя по всему, и отвлекающим маневром. Арабским государствам «разъясняли», что им, мол, нечего опасаться этого соглашения, так как оно нацелено не против них, а против Советского Союза. Но наряду с антисоветской сущностью стратегического альянса США с Израилем соглашение становилось мощным стимулятором активизации антиарабских, в первую очередь ан-

тисийских, планов Израиля. На Ближнем Востоке говорили о том, что в связи с подписанием этого соглашения началась интенсивная подготовка удара Израиля по сирийским войскам, находящимся в Ливане в долине Бекаа.

Нужно сказать, что не все американские специалисты-ближневосточники или эксперты широкого профиля исходили из мысли о необходимости соподчинить американскую политику на Ближнем Востоке идеям военно-стратегической конфронтации с Советским Союзом. Значительная группа американских специалистов, вобравшая в себя достаточно известные имена, – так называемые «арабисты» или те, кто, подобно Дж. Кеннану, по широте своих интересов далеко выходили за рамки анализа американской политики на Ближнем Востоке, – считала, что следует обратить самое пристальное внимание на внутренние процессы в этом районе и не пытаться взваливать ответственность за крайнюю нестабильность обстановки на Советский Союз.

Г. Сондерс раскрывает эти «две точки зрения» в Соединенных Штатах по вопросу Ближнего Востока, фактически подтверждая, что придерживающиеся их лица одинаково исходят из пресловутой опасности, которую порождает «усиление советских позиций» в районе, что «диктует необходимость защиты американских интересов на Ближнем Востоке». В то же время они разнятся по соображениям тактического порядка.

Одни считают, пишет Сондерс, что сила позиций США в районе зависит от их способности поддерживать дружественные режимы, «не дать им упасть» и с этой целью их подпирать. Другие – что нужно поддерживать «силы обновления», искать с ними контакты, иными словами, делать ставку на националистические режимы.

Одни считают, что первоочередной задачей является установление «стратегического консенсуса» с дружественными США государствами на Ближнем Востоке, и

приоритетное значение имеет подготовка района для «противоборства» с СССР – через это, дескать, можно приблизить решение ближневосточного конфликта. Другие – что нужно попытаться урегулировать этот конфликт и через это сохранить и усилить американские позиции.

Одни считают, что США должны безоговорочно поддерживать Израиль, а любые попытки давления на него с целью компромисса с палестинцами могут ослабить Израиль как форпост американского влияния, да и собственно американские позиции. Другие – что лишь через решение палестинской проблемы можно ослабить антиамериканские силы и обезопасить поставки нефти из района.

Одни считают, что нельзя поддаваться «шантажу со стороны нефтедобывающих стран», «как это сделала Западная Европа», а следует продолжать жесткий в отношении этих стран курс. Другие – что «свободный мир» полностью зависит от поставок ближневосточной нефти и нужно исходить из этого, принимая «компромиссные решения»*.

«Не забываем ли мы, уделяя чрезмерное внимание советской военной угрозе, реальность которой не доказана, что величайшие угрозы нашей безопасности остаются те же, что и раньше: созданная нами самими зависимость от арабской нефти и наше вовлечение в полностью нестабильные арабо-израильские отношения, хотя ни то ни другое не поддается исправлению военной силой и ни в том, ни в другом случае Советский Союз не является главным фактором? – спрашивал Дж. Кеннан на страницах “The New York Times”. – Если Персидский залив действительно жизненно важен для нашей безо-

* Conversations with Harold H. Saunders. U.S. Policy for the Middle East in the 1980s. – Washington, DC: American Enterprise Institute, 1982. – P. 10–11.

пасности, то, несомненно, мы сами добились этого нашей несдержанной жадностью. Не было бы лучше предпринять серьезные и решительные усилия, чтобы покончить с этой зависимостью, которую вообще не надо было никогда допускать, чем пытаться закрепить непрочную позицию, к которой привела нас эта зависимость, военными средствами в крайне неблагоприятном регионе?»

Бывший представитель США в ООН Ч. Йост, приводя аргументацию критиков американского внешнеполитического курса, писал, что «в целом объяснения Кеннана более убедительны, чем утверждения, будто Советы спланировали это [ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан. – *Е.П.*] в качестве первого шага в военном продвижении на юг к Персидскому заливу и Индийскому океану».

Ч. Йост был умным человеком. Мне пришлось не раз встречаться и беседовать с ним. Его отличало глубокое знание ближневосточных проблем, независимое, незапрограммированное мышление, деликатность, стремление разобраться в аргументах собеседника. Он понимал и высказывался совершенно определенно на тему того, что без решения палестинской проблемы не может быть урегулирования на Ближнем Востоке, а достичь такого решения и урегулирования в целом не удастся без активного участия в нем Советского Союза. Может быть, эти взгляды Йоста и послужили причиной его отставки и перехода на профессорскую работу.

Итак, общий отход Соединенных Штатов от политики разрядки международной напряженности явно благоприятствовал их активности в пользу сепаратного египетско-израильского договора. Это добавило в ситуацию весьма важный для успеха кэмп-дэвидской сделки элемент: готовность США взять на себя роль ее прямого организатора и покровителя.

Часть вторая

КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО

Глава 4

САДАТ В ИЕРУСАЛИМЕ

I. Израиль: выход на саатовский Египет

Уже победив на выборах, но еще не вступив в должность премьер-министра, М. Бегин встретился с послом США в Израиле С. Льюисом и сказал ему следующее: «Моей главной целью в качестве премьер-министра будет начало переговоров с Египтом о заключении мирного договора с ним. Я уверен, что Соединенные Штаты дадут нам возможность использовать их посредничество»*.

В этом вопросе Бегин приобрел единомышленника – Даяна, который стоял несколько особняком от своих коллег по Партии труда, считая, что не Иордания, а Египет должен быть главной мишенью израильских усилий с целью навязывания сепаратного соглашения. Даян, как и Бегин, выступал против «раздела Западного берега между Израилем и Иорданией», иными словами, против «территориального компромисса» с Иорданией (естест-

* *Haber E., Schiff Z., Yaari E. The Year of the Dove. – P. 3.*

венно, что и этот пресловутый «компромисс» был бы глубоко безнравствен и противозаконен, так как касался населенных палестинцами-арабами земель, захваченных Израилем силой и до оккупации находившихся в составе Иордании или в составе Газы под административным контролем Египта).

Вместе с тем Даян расходился с Бегинем по вопросу о распространении на эти земли официально, открыто израильского суверенитета, предпочитая скрыть фактический суверенитет Израиля под благовидной формой «существования» при полной интеграции этих территорий в израильскую экономику, сохранении на месте военных израильских гарнизонов – иными словами, «существования» всадника с лошастью. Одновременно Даян, пытаясь не помешать маневрированию США в арабском мире, не соглашался с Бегинем по вопросу о безудержном заселении этих земель в то время, пока будут готовиться и идти переговоры о «будущем статусе» оккупированных территорий.

Конечно, и для даяновской схемы особо заманчиво выглядела возможность изоляции Египта. Не исключено к тому же, что Даян утвердился в мысли об особой для Израиля значимости сепаратной договоренности с Египтом не в последнюю очередь в результате войны 1973 г. Эта война была для него потрясением и в личном плане: после публикации доклада «комиссии Аграната», созданной для расследования причин неудачи израильской армии на первом этапе военных действий, Даян вместе с Меир в 1974 г. вынужден был уйти из правительства, в котором до отставки занимал пост министра обороны.

Даян продолжал обдумывать идею сепаратного соглашения с Египтом и тогда, когда временно отошел от активной политической жизни. Между тем при новом премьер-министре Рабине стали осуществляться конфиденциальные контакты по линии израильской и саатовской разведок. Судя по всему, Даяна продолжали информировать

о «военных событиях», в том числе и об этих контактах, учитывая его значимость в правящей партии, опыт, вынашиваемые идеи, да и существующую практику в Израиле.

Сразу после победы на выборах, в мае 1977 г., Бегин предложил Даяну войти в возглавляемый им кабинет и занять важный пост министра иностранных дел. Если внимательно ознакомиться с разговором Бегина и Даяна, во время которого было сделано это предложение, и с последовавшими беседами – обо всех них Даян пишет в своих мемуарах, – то станет ясно: Бегин пытался обойти «острые углы», даже намекал на возможность модификации тактики, лишь бы заполучить Даяна в свое правительство.

Для чего ему это было нужно? Очевидно, по нескольким причинам: показать свое правительство в наилучшем свете перед США, наперед зная об их позитивной реакции на включение «покладистого» Даяна в кабинет Бегина; использовать «политический вес» Даяна в Израиле для поднятия собственного престижа. Вместе с тем Даян на посту министра иностранных дел был важен Бегину и для того, чтобы «подтянуть» к Израилю садатовский Египет и создать тем самым условия для проведения своей аннексионистской линии в отношении оккупированных Западного берега реки Иордан и сектора Газа. Ни Бегин, ни кто-либо другой из его непосредственного окружения с их репутацией не могли бы взяться за контакты с Египтом без риска сразу же завести их в тупик. Даже тот самый Садат, который, как было показано выше, к этому моменту уже проделал огромную эволюцию, прошел значительную часть своего пути навстречу Соединенным Штатам и Израилю, опасался победы Бегина на выборах, не воспринимая его поначалу как партнера, способного привести дело к соглашению.

Согласие Даяна войти в состав правительства Бегина стало политической сенсацией в Израиле. Даян не толь-

ко долгие годы был активным деятелем Партии труда, которая в течение всего периода после образования Израиля оставалась правящей, но и во время выборов в мае 1977 г. прошел в кнессет по списку Партии труда. Однако пыль от бури быстро улеглась, и Даян активно приступил к своей работе.

1 августа государственный секретарь США Сайрус Вэнс, совершавший турне по Ближнему Востоку, побывал в Египте. По словам Хейкала, С. Вэнс вручил Садату собственноручное письмо Картера, в котором президент США выражал свою уверенность, что в случае прямых переговоров с Бегинем египтяне найдут его «искренне стремящимся к миру» и Садату в этой связи не следует верить разговорам о «ястребиных» настроениях Бегина*.

Вэнс ознакомил египтян с новой разработкой США по палестинскому вопросу и нашел понимание идеи «переходных мер» для Западного берега и Газы, осуществляемых под контролем ООН в течение целого ряда лет, которые затем приведут к плебисциту с целью определить будущее названных территорий. Во время этого «переходного периода», по предложению Вэнса, должно было быть установлено израильско-иорданское правление, что при сохранении израильских войск и нахождении в руках Израиля службы безопасности неизбежно вылилось бы в фикцию «кондоминиума». По этому проекту – и тут, судя по всему, была его главная идея – палестинцы и их единственный законный представитель – ООП вообще не признавались и тем более отстранялись от управления.

Предложенные в отношении Западного берега и Газы идеи не включали, естественно, безоговорочного вывода израильских войск с этих оккупированных арабских земель и нераспространения на них израильского суверенитета**.

* *Heikal M. Autumn of Fury.* – P. 95.

** *Vance C. Hard Choices.* – P. 187.

После посещения Египта С. Вэнс вылетел в Израиль, а затем снова вернулся в Египет. Он посетил также Сирию, Иорданию и Саудовскую Аравию. В Израиле Бегин категорически отверг любую концепцию, которая содержала хотя бы намек на возможность, пусть в далеком будущем, отвода израильских войск «со всех фронтов», иными словами, включая Западный берег и Газу, и на любое – даже аморфное, расплывчатое – самоопределение палестинцев*.

Очевидно, представляя, что достаточно инерционная американская политика на Ближнем Востоке еще не успела перестроиться под концепции нового руководства в Израиле (действительно, сам С. Вэнс и «команда» госсекретаря, сопровождавшая его в поездке на Ближний Восток, – Атертон, Сондерс, Квандт – в течение длительного времени подстраивали американскую линию под платформу Партии труда в Израиле и делали ставку на победу Переса на выборах в мае 1977 г., в чем у них не было никаких сомнений), Бегин решил отобрать инициативу у США, взять ее в свои руки. Бегин и его министр иностранных дел Моше Даян доложили специальному комитету правительства, что они сами начнут поиски возможного посредничества**.

Сразу же после отъезда Вэнса Даян совершил серию тайных поездок – в Дели, Тегеран, Лондон и Фес. В Дели Даян пытался установить дипломатические отношения Израиля с Индией, в Тегеране – договориться о совместных экономических проектах. Но все это было второстепенным по сравнению с той главной задачей, которую пытался решить израильский министр иностранных дел во время этих секретных визитов: прозондировать возможности его конфиденциального контакта с одним из доверенных и представительных лиц из непосредственного окружения Садата.

* Ibid. – P. 189.

** Heikal M. Autumn of Fury. – P. 95.

14 августа 1977 г. Даян вылетел в Дели – поездка в эту страну, не имевшую дипломатических отношений с Израилем (хотя и существовало израильское консульство в Бомбее), была организована не по дипломатическим каналам. Встреча Даяна с новым индийским премьер-министром Десаи произошла вскоре после того, как тот принимал в Дели Садата. Естественно, Даяну хотелось получить «из первых рук» информацию о намерениях и настроениях египетского президента.

Даян много и с величайшим числом подробностей пишет в своих мемуарах о том, как прилетел в Бомбей, пересел в самолет Десаи, «переполненный людьми из службы безопасности», описывает во всех деталях убранство дома, в котором произошла встреча с индийскими премьером и министром иностранных дел, их одеяние и манеры. Вместе с тем цитируются лишь две ремарки Десаи в отношении Садата, которые попросту не могли представлять какого-либо интереса для Даяна, да и для читателей его книги. Судя по словам Даяна, его тайная поездка в Дели была безуспешной, в том числе и в продвижении вопроса о восстановлении дипломатических отношений Израиля с Индией.

Пробыв лишь два дня после возвращения из Дели в Израиле, Даян 18 августа снова отправился в секретный вояж – на этот раз военным самолетом в Тегеран для встречи с шахом. Даян с восторгом пишет о совете своего самодержавного собеседника «ни при каких условиях не соглашаться на создание палестинского государства» и «не верить ООП»*. Он в то же время ни словом не упоминает о «египетской теме» своего разговора с шахом. Между тем трудно поверить в то, что эта тема была обойдена. Ко времени визита Даяна в Тегеран шах уже построил мостики к Садату, и по ним происходило двустороннее движение. Достаточно сказать, что Садат (через

* *Dayan M. Breakthrough.* – P. 33.

два месяца после встречи шаха с Даяном) еще до того, как он публично заявил об этом, информировал иранского самодержца о своей идее посетить Иерусалим. Шах сыграл далеко не пассивную роль и в продвижении кэмп-дэвидской сделки после того, как он благословил визит Садата в Израиль. Во всяком случае, трудно предположить, что поездка Даяна в Тегеран была бесплодной с точки зрения подготовки его последующей через несколько дней встречи с личным представителем Садата в Марокко.

Но перед этим, через три дня после переговоров с шахом, Даян еще раз покинул инкогнито территорию Израйля – на этот раз направляясь в Лондон для встречи с королем Хусейном. Даян описывает резко негативную реакцию короля Хусейна на любые экспансионистские проекты Израйля в отношении Западного берега реки Иордан и сектора Газа. «Вы должны понять, – сказал Хусейн, – что, как арабский монарх, я не могу предложить народу, чтобы жители хоть одной арабской деревни оторвали себя от своих арабских братьев и стали израильянами... Единственное решение для достижения мира, – сказал он, – это возвращение Израйля к границам, имевшим место до июня 1967 года»*. Хусейн отклонил подброшенную Даяном спекулятивную идею о том, что палестинское государство, в случае его создания, будет «угрозой» хашимитскому трону в Иордании²⁴. «Дайте палестинцам делать то, что они считают для себя необходимым», – сказал Хусейн, добавив, что его представитель в ООН не скажет ничего отличного от других арабских представителей по палестинскому вопросу.

Даян не упоминает и на этот раз о «египетской теме», хотя она и фигурировала во время его встречи с королем Хусейном. «Он не сказал королю всего, что уже носилось в воздухе [взаимные подходы Израйля и садатовского

* *Dayan M. Breakthrough.* – P. 36.

Египта друг к другу с целью начать путь к договоренности. – *Е.П.*], просто спросил его, согласится ли он передать послание Садату. Но Хусейн был осторожен, не желая быть вовлеченным...»*

Даян пишет, что он вернулся в Израиль, зная лучше, чего можно ожидать, а вернее, чего нельзя ожидать от Иордании. «Мне предстоял намного более плодотворный эксперимент через две недели – секретная встреча с другим арабским правителем, эксперимент, который усилил перспективы мирной договоренности с соседней страной, более важной, чем Иордания»**. Даян имел в виду свой следующий вояж – в Марокко, где он встретился с представителем Садата.

4 сентября 1977 г. министр иностранных дел Израиля тайно вылетел в Париж, где пересел на самолет, направляющийся в Фес с целью получить в Марокко «помощь по организации прямой встречи и проведения мирных переговоров с египетскими представителями»***. Король Хасан, по словам Даяна, обещал послать «надежного человека» к Садату и дать ответ в течение пяти дней. 9 сентября, то есть через четыре дня после того, как Даян вернулся из Марокко в Израиль, он получил извещение о том, что египтяне согласны, так скоро, как это будет возможно, на контакт на высоком уровне.

Встреча Даяна с заместителем премьер-министра Египта Хасаном Тухами была назначена на 16 сентября. За день до этого Даян вылетел в Брюссель, где провел беседу не только с собравшимися там израильскими послами в европейских столицах, но и с командующим войсками НАТО генералом А. Хейгом. Даяна связывали с Хейгом многие годы знакомства: в 1966 г. во время месячного пребывания во Вьетнаме, где Даян практически готовился к «шестидневной войне» 1967 г., он познако-

* *Heikal M. Autumn of Fury.* – P. 95–96.

** *Dayan M. Breakthrough.* – P. 37.

*** Там же. – P. 38.

мился с командиром батальона А. Хейгом и даже участвовал с ним в «прочесывании джунглей», то есть в карательной операции. Во время назначения А. Хейга на важный пост шефа персонала Белого дома в последние дни президентства Никсона Даян доверительно обсуждал с ним ближневосточные проблемы. У министра иностранных дел Израиля были все основания оставаться откровенным со своим «старым другом» и теперь: он сказал ему, что «настроен оптимистически в отношении Египта»*.

После встречи с Хейгом «команда», сопровождавшая министра иностранных дел Израиля, отправилась в аэропорт, чтобы сесть в самолет, вылетающий в Нью-Йорк, где начинала работать сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Машина же с самим Даяном проскочила в боковую улицу и остановилась у частного дома, который принадлежал израильской разведке. Здесь – совсем как в детективной кинокартине – Даяну наложили грим на лицо, сняли его традиционную черную повязку с глаза (он потерял глаз во Второй мировой войне и постоянно носил эту повязку), прикрепили фатоватые усы и надели большие очки с затемненными стеклами. После того как разукрашенный таким образом министр иностранных дел Израиля несколько раз сменил машины, а затем – в Париже – и самолет, он очутился в Рабате. Тухами уже ждал Даяна там.

В длительной дискуссии между Даяном и Тухами, которая имела место, представляется не особенно важным описание позиций сторон. Это была первая встреча, оба партнера шагнули в неизведанное, и, естественно, Тухами не мог иметь инструкций от Садата сразу приступить к сближению точек зрения. Обычно в таких условиях партнеры избирают крайние позиции для последующего торга, что и произошло. Вместе с тем важно отметить,

* *Dayan M. Breakthrough.* – P. 43.

что и Даян, и представитель Садата наметили поле общих интересов и договорились о продолжении секретных контактов. Таким полем, судя по их высказываниям, была общая враждебность к политике Советского Союза и стремление поглубже втянуть США на Ближний Восток, опереться на американские «подпорки» в подготовке израильско-садатовского сговора. В этом смысле представляет интерес следующее: «аргументируя» необходимость урегулирования, Тухами сказал, что в противном случае неудовлетворенные «национальные амбиции» палестинцев «откроют путь для возобновления советского проникновения в наш район». А если решить проблему урегулирования, то будут, дескать, возможности, как это уже было в случае с Египтом, «противодействовать коммунистическому влиянию на палестинцев»*.

Даяна такая «аргументация» вполне устроила.

После достижения общего египетско-израильского взаимопонимания по главным вопросам, сказал Тухами, следует передать предложения сторон Соединенным Штатам – и для того, чтобы продемонстрировать обоюдный «респект» в отношении американской администрации, и для того, чтобы показать, что именно Америка привела дело к соглашению между арабами и израильянами. Даян одобрил эту идею, и она легла в основу одного из трех пунктов «меморандума», согласием с которым завершилась первая египетско-израильская секретная встреча на высоком уровне**.

Важно подчеркнуть еще один итог первого контакта Даяна с Тухами: они обсуждали возможность организации встречи на высшем уровне между двумя странами – Садата с Бегином – и в принципе согласились с ее необходимостью. Тухами и Даян не могли бы этого сделать, не имея соответствующих инструкций. В свете такого со-

* *Dayan M. Breakthrough.* – P. 47.

** Там же. – P. 52.

гласия особенно неуклюже выглядит версия, предложенная позже Садатом, будто его решение вылететь в Иерусалим было принято спонтанно.

Небезынтересно, очевидно, как Даян докладывал Бегину и другим израильским руководителям о своих впечатлениях от встреч с Тухами. Он выделял следующие моменты: Садат хочет секретной встречи с Бегиним. Он желает провести переговоры о прекращении враждебности между двумя государствами и, «может быть, даже о чем-то несколько большем». Садат стремится «дистанцироваться» от Женевской конференции, он хотел бы, «чтобы русские не принимали никакого участия в урегулировании». Он не заинтересован в палестинском государстве на Западном берегу. Цена? Возвращение Синая под египетский суверенитет и кое-какие договоренности по палестинскому вопросу для увязывания Западного берега с Иорданией*.

Когда в результате усилий советской дипломатии 2 октября 1977 г. было опубликовано советско-американское заявление по Ближнему Востоку, создавшее условия для созыва конференции в Женеве с целью всеобъемлющего справедливого урегулирования ближневосточного конфликта, выяснилось, что ни Бегин, ни Садат не хотели ехать в Женеву. С этого момента путь Садата в Иерусалим стал просматриваться еще более контрастно.

Большое значение в стимулировании Садата для поездки в Иерусалим, а в дальнейшем и для его активности в деле продвижения кэмп-дэвидского сговора имела психологическая обработка египетского президента.

* Впечатления Даяна от переговоров с заместителем премьер-министра Египта Тухами приводят в своей статье два израильских журналиста – С. Цион и У. Дан. Авторы этой статьи, по их словам, в течение 16 месяцев проинтервьюировали 80 человек в Египте, Израиле, Соединенных Штатах и Марокко – политических деятелей, дипломатов, военных, сотрудников разведки: *Zion S., Dan U. Untold Story of the Mideast Talks // The New York Times Magazine. – 1979. – January 21. – P. 20–21.*

Главным образом эксплуатировались две черты его характера: подозрительность и тщеславие.

Еще в июле 1977 г. генерал И. Хофи – глава «Моссада» – позвонил премьер-министру М. Бегину, только что вступившему на этот пост, и предложил ему передать Садату через американцев информацию о том, что на то-го, дескать, готовится покушение, организуемое Ливией.

– А почему это делать через ЦРУ? – спросил Бегин у Хофи. – Давайте по этому поводу установим непосредственный контакт между израильской и египетской разведками.

Через несколько дней состоялась встреча Хофи с его египетским коллегой. Еще через несколько дней израильтяне могли потирать руки: Садат провел массированный вооруженный рейд вглубь ливийской территории и, что самое главное, пишет Стюарт Стивен, автор книги о «Моссаде», «секретная операция сделала возможным историческую поездку Садата в Израиль»*.

Как только египетские вооруженные части перешли через границу Ливии, Бегин в кнессете сделал заявление, что Израиль воздержится от каких-либо антиегипетских акций на Синае, «пока они заняты Ливией». Израильтяне недоумевали, почему вдруг Бегин сделал такое заявление.

Конечно, сама фигура Бегина как премьер-министра не могла не вызывать больших опасений у Садата. Достаточно было взглянуть на состав его кабинета: министр иностранных дел генерал Даян – человек, который командовал израильскими силами, совершившими агрессию против Египта в 1967 г., и в Октябрьской войне 1973 г.; министр обороны генерал Вейцман – создатель современных военно-воздушных сил Израиля; министр сельского хозяйства, а в действительности, как его часто называли, министр оккупации, так как он руководил

* *Steven St. The Spymasters of Israel. – New York: Macmillan Publishing Co., 1980. – P. xvi–xvii.*

всеми мероприятиями израильского руководства на Западном берегу, в районе Газы, на Синае, на Голанских высотах, генерал Шарон – тот самый, который прорвался на западный берег Суэцкого канала и создал там плацдарм во время Октябрьской войны 1973 г. Совершенно очевидно, что все эти лица, окружавшие Бегина, не предрасполагали к надеждам на способность Израиля пойти навстречу Садату. И если в таких условиях Садат все-таки начал менять свое отношение к Бегину и его «команде», то это, как утверждает ряд авторов, во многом произошло именно в результате деятельности «Моссада», который целенаправленно создавал у Садата иллюзию, будто Бегин действительно «оберегает» его от противников внутри Египта и в арабском мире в целом.

Наряду с этим упор был сделан на всевозможные разговоры, активно доводившиеся до Садата, о «величии» его «подвига» (в случае, если он поедет в Иерусалим, а затем уже после того, как он поехал туда), о том, что он становится «пионером мира» на Ближнем Востоке и обессмертит таким путем свое имя в общечеловеческой истории. Этот мотив, судя по различным мемуарам, присутствовал также во всех прямых разговорах американских руководителей с Садатом. Не без намерения сыграть на тщеславии Садата было инспирировано и присуждение ему Нобелевской премии мира²⁶.

Но это произошло уже после подписания сепаратного египетско-израильского договора. А летом и осенью 1977 г. всеми теми, кто подталкивал Садата к кэмп-дэвидскому сговору, решалась «изначальная» проблема – его поездка в Иерусалим. И главную роль в этом, как и во всех последующих шагах, предстояло сыграть Соединенным Штатам. Три израильских журналиста – Э. Хаббер, З. Шифф и Е. Яри, написавшие книгу о подготовке и осуществлении кэмп-дэвидской сделки, подчеркивают: прямые каналы коммуникаций к мирной инициативе проходили через другие страны, но «было ясно с самого

начала, что центральная роль могла бы быть сыграна лишь Соединенными Штатами не просто в качестве канала, а как активного посредника, под чьей эгидой будет развиваться процесс»*.

II. Роль США: последние штрихи подготовки

Объясняя позже свое решение совершить вояж в Иерусалим, Садат говорил о необходимости «враз прорвать психологический барьер». «Мастер экстраординарных, неожиданных ходов», как окрестила Садата западная печать, на самом деле заботился не столько о прорыве этого барьера, сколько о том, чтобы не дать развиваться процессу, ведущему к Женевской конференции. В случае ее созыва руки Садата оказались бы связанными и участием в работе конференции СССР, и активной ролью, которую могли сыграть на ней Сирия и Иордания под воздействием ООП.

Хотя американско-израильский рабочий документ, подписанный сразу после опубликования совместного советско-американского заявления по Ближнему Востоку, фактически означал отказ США от этого заявления, Садат не мог не опасаться того, что тенденция к созыву Женевской конференции сохранится, а в дальнейшем даже получит свое развитие. Как загнать эту тенденцию в тупик? Договориться ли о тайной встрече с Бегином, которую предлагали организовать доверенные лица Садата за рубежом? Он боялся, что рано или поздно такое тайное рандеву станет секретом полишинеля, а разоблачение закулисной дипломатии дорого обойдется ему как

* *Haber E., Schiff Z., Yaari E. The Year of the Dove. – P. 15.*

президенту Египта. В уме Садата все больше зрела мысль об открытой поездке в Иерусалим.

Позже Садат скажет, что в окончательном виде эта идея сформировалась, когда он в самом конце октября 1977 г. летел из Европы. Первым лицом вне Египта, узнавшим о намерении Садата и горячо одоббившим его, был иранский шах, которого Садат информировал 31 октября в Тегеране по пути домой. Следующей остановкой была Саудовская Аравия, но на встрече с наследным принцем Фахдом Садат был менее разговорчив. Он не посвятил Фахда в свои планы.

9 ноября Садат предал свою идею гласности. Выступая на открытии сессии Народного собрания Египта, Садат заявил, что для урегулирования ближневосточного кризиса «готов ехать хоть на край света, даже в кнессет». Принимая эту фразу Садата за дань риторике, канцелярия премьер-министра Египта дала инструкцию каирской печати не акцентировать на ней внимания. Открыв утром следующего дня свежие газеты, Садат был взбешен тем, что его вариант «края света» – израильский кнессет – не попал в заголовки. К этому времени Садат уже играл ва-банк, и ему нужно было, чтобы до американцев и израильтян дошла весть о его намерениях в «чистом виде», а лучшим путем для этого было публичное о них заявление.

Даже намек на поездку Садата в оккупированный Иерусалим оценивался в различных арабских странах как предательство, капитулянтство. Вместе с тем было ясно, что материализация садатовской идеи наносила удар по подготовке всеобъемлющего справедливого политического урегулирования на Ближнем Востоке. Пытаясь самортизировать враждебную реакцию в арабском мире на замышляемый им шаг, Садат неожиданно появился в Дамаске. Но, как и следовало ожидать, он не нашел здесь никакого одобрения идеи своей поездки. Президент Асад сделал все, чтобы отговорить Садата, но не

преуспел в этом. Пытались отговорить Садата и другие арабские лидеры, но тоже безуспешно. Соединенные Штаты в полной координации с Израилем предприняли все от них зависящее, чтобы «инициатива» Садата не раскрутилась назад, не затормозилась совместными арабскими усилиями, стала необратимой.

Существует версия – ее усиленно распространяли из американских источников накануне, во время и после поездки Садата в Иерусалим, – будто США узнали о решении президента Египта выступить в кнессете чуть ли не по радио, были посвящены в дату его визита лишь накануне, оказались даже «застигнутыми врасплох» и уж во всяком случае не сыграли никакой роли в организации этой поездки. А в дальнейшем, после того как визит Садата в Иерусалим состоялся, США, мол, вынуждены были просто считаться с «новыми реальностями» и, приспособив к ним свою политику, взяли курс на поддержку египетско-израильской договоренности.

Такие «объяснения» я, например, слышал во время пребывания в Москве делегации американских сенаторов в 1978 г., которые перед поездкой в СССР, конечно же, получили соответствующие инструкции Государственного департамента США. Судя по всему, подобная аргументация призвана была помочь вывести из-под удара политику Соединенных Штатов в арабском мире, сохранить там поле для маневрирования США, помочь пусть неуклюже, но все-таки оправдаться перед общественным мнением на Западе и на Востоке, шокированным той легкостью, с которой США буквально на следующий день дезавуировали свою подпись под совместным советско-американским заявлением, создавшим условия для созыва Женевской конференции, и принялись еще более интенсивно разрабатывать линию на сепаратное египетско-израильское решение.

Распространяемая из американских источников версия абсолютно не отражала реальной картины.

Начнем с воспоминаний самого Садата. Он пишет следующее: «Почти за два месяца до моей поездки в Иерусалим я получил из египетского посольства в Вашингтоне послание, в котором говорилось, что мне направлено “личное” письмо президента Картера (написанное от руки и запечатанное восковой печатью), но, к моему удивлению, оно будет передано не по дипломатической почте, а через посланца, который сам вручит его мне. Сотрудник посольства (он случайно оказался сыном покойного фельдмаршала Ахмеда Исмаила Али) прибыл в Каир и доставил мне письмо. Я прочел это личное письмо, о котором никто ничего не знал, и затем ответил на него. Мой ответ – также написанный от руки и аналогично запечатанный – был передан тому же посланцу, который вернулся в Вашингтон, чтобы вручить его непосредственно президенту Картеру. Я не могу раскрыть содержание письма Картера ко мне, поскольку оно носило личный характер, но я могу сказать, что оно включало анализ сложившейся ситуации, который впервые заставил меня подумать об инициативе, предпринятой мною через два месяца»*.

Будучи проинформированными Садатом 8 ноября 1977 г. о его идее вылететь в Иерусалим, то есть за 11 дней до того, как визит состоялся, американцы не теряли времени даром. Учитывая непрекращающиеся контакты с президентом Египта представителей различных арабских стран, палестинского руководства – и личные встречи, и по телефону, и через посредников, – США поставили перед собой задачу связать Садата еще несколькими его заявлениями о намерении посетить Иерусалим, заставить его вопреки оказываемому на него воздействию со стороны различных арабских политических сил сделать еще один шаг – определить и придать огласке сроки визита. С этой целью сначала была задействована

* *Sadat A. In Search of Identity.* – P. 301–302.

группа американских конгрессменов, оказавшаяся в те дни в странах Ближнего Востока. На встрече с Садатом они сообщили ему, что накануне виделись с Бегинем, который сказал о готовности принять египетского президента. «Что можете заявить на сей счет вы?» – спросили Садата, и он ответил, что готов «лететь в Иерусалим на несколько дней, чтобы выступить в кнессете и поговорить с его депутатами об установлении мира на Ближнем Востоке»*.

Когда американские конгрессмены заручились этим новым заявлением Садата, об этом немедленно был информирован Бегин. «Мяч» оказался теперь в его руках, и израильский премьер-министр 13 ноября заявил на приеме в честь французской делегации в тель-авивском отеле «Хилтон», «что от имени израильского правительства официально приглашает президента Египта Анвара Садата прибыть в Иерусалим для проведения бесед о постоянном мире между Израилем и Египтом».

Между тем буря в арабском мире, да и в самом Египте, не утихала. Судя по мемуарам Даяна, Бегин продолжал испытывать серьезное беспокойство и неуверенность в «устойчивости» принятого Садатом решения. Тем более что Садат все еще не называл дату визита. Тогда был использован еще один американский инспирирующий шаг. В ночь на 14 ноября Бегин и Садат были приглашены к косвенному диалогу – известный американский обозреватель Кронкайт взял интервью у обоих через спутник. Передача транслировалась по телевизионной программе CBS.

Кронкайт задал прямой вопрос Садату: «Господин президент, когда вы намереваетесь совершить свой визит?»

Садат ответил: «Так скоро, как это возможно».

Кронкайт «дожимал»: «Скажем, в течение недели?»

Садат окончательно связал себя: «Вы можете сказать так. Да».

* *Dayan M. Breakthrough.* – P. 75.

Соединенные Штаты тем не менее считали нужным продолжать свои усилия по стимулированию намерения Садата вылететь в Иерусалим. Мнения о необходимости таких усилий придерживался и Бегин.

15 ноября он заявил, что готов передать официальное приглашение Садату в письменном виде по дипломатическим каналам США – через американские посольства в Тель-Авиве и Каире. В тот же день приглашение было передано адресату.

При этом США сыграли далеко не просто роль почтальона. Утром 15 ноября, еще до своего публичного заявления о письменном приглашении Садату, Бегин продиктовал два письма: одно – президенту Картеру и второе – приглашение Садату. После этого он пошел в кнессет, где уже стояли телекамеры, передававшие процедуру одобрения приглашения Садата в Израиль. Затем телекамеры запечатлели другой, не менее важный момент – вручение Бегом американскому послу в Израиле Льюису официального приглашения для последующей передачи Садату.

В 6 утра (!) 16 ноября американский посол в Израиле Льюис позвонил по телефону Бегину, заговорщически сообщив ему: «Я предполагаю, что в пятницу [18 ноября. – *Е.П.*] мы получим точную информацию о том, когда президент Садат вылетит в Израиль»*.

Позже выяснилось, что, передавая письменное приглашение Бегина Садату, американцы присовокупили к нему – дабы дело было прочнее – личное послание Картера. В «белой книге» египетского министерства иностранных дел «О мирной инициативе, предпринятой президентом Анваром Садатом» приведено сообщение: «Президент Мухаммед Анвар ас-Садат согласился посетить Иерусалим и принять участие в молебне по случаю курбан-байрама в мечети Аль-Акса. Визит начнется в

* *Haber E., Schiff Z., Yaari E. The Year of the Dove. – P. 35.*

субботу, 19 ноября 1977 г., в соответствии с посланием, которое он получил от президента Картера и к которому было приложено приглашение израильского правительства [выделено мной. – Е.П.]»*.

III. Поездка в Иерусалим – поворот от всеобъемлющего урегулирования

В 8:30 вечера 19 ноября самолет Садата приземлился в аэропорту Бен-Гурион. Красный ковер, Бегин и его коллеги у трапа, артиллерийский салют, национальные гимны, почетный караул израильских войск – все служило тому, чтобы подчеркнуть официальный характер визита Садата.

Израильцы сразу же поставили все точки над «i» по вопросу о сепаратном характере проектируемого договора Израиля с Египтом как единственно возможном развитии событий после визита Садата. С аэродрома до Иерусалима министр иностранных дел Израиля М. Даян ехал в одной машине с государственным министром Египта по иностранным делам Б. Гали. Тот заговорил о враждебной реакции на садатовскую инициативу со стороны других арабских лидеров, «заявляющих, что эта инициатива торпедировала объединенный фронт, который арабы надеялись иметь на Женевской конференции». Поэтому, подчеркнул Б. Гали, египтяне любой ценой должны избежать вступления в сепаратный мир с Израилем и соглашение должно включить палестинцев и Иорданию. Даян ответил тоном, не терпящим возражений: «Я в курсе оппозиции Садату со стороны арабского

* White Paper on the Peace Initiative undertaken by President Anwar al-Sadat (1971–1977) / ARE Ministry of Foreign Affairs. – Cairo, 1978. – P. 161.

мира и понимаю проблемы Египта. Но мне доподлинно известно, что нет возможности привести палестинцев и Иорданию к столу наших переговоров. Поэтому Египет должен быть готов подписать мирный договор с нами, даже если к нему не присоединятся другие»*.

Израиль твердо взял курс на подготовку и подписание сепаратного договора с Египтом, так как только такой договор мог позволить успешно осуществлять преданнексионистские мероприятия на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, а затем присоединить эти захваченные в 1967 г. арабские земли. При этом Израилем были разработаны предложения по Западному берегу и Газе, которые в конце концов нашли воплощение в плане Бегина «по самоуправлению» этих территорий. Оставаясь дополнением к сепаратному египетско-израильскому соглашению, этот план одновременно «обогащал» преданнексионистскую практику на захваченных Израилем арабских землях.

Задача Соединенных Штатов в тот момент заключалась главным образом в том, чтобы «удержать на плаву» инициативу Садата. В таких условиях США не могли безоговорочно поддерживать откровенный курс Израиля на сепаратную сделку, тем более делать это публично. Они вынуждены были принимать во внимание и обстановку в арабском мире, где создался в начале декабря Фронт стойкости и противодействия, объединивший ряд государств и ООП, и сложное положение, в которое попал сам Садат не только в арабском мире в целом, но и в Египте. Много шума наделала отставка не согласного с садатовской политикой министра иностранных дел Египта И. Фахми, а затем отказ занять вакантный пост министра и уход в отставку второго человека в египетском МИДе М. Рияда. Это воспринималось всеми как отражение широкой оппозиции садатовской линии в стране.

* *Dayan M. Breakthrough.* – P. 77–78.

США с пониманием отнеслись к необходимости для Садата маневрировать в такой обстановке. Конечно, ему было выгодно создать «ширму» для своей сделки, в том числе чтобы втянуть в нее другие арабские страны, и поэтому он не мог сразу дать согласие на сепаратный характер договоренности, на котором настаивали израильтяне. Однако американские руководители к этому времени уже накопили большой опыт отношений с Садатом и четко себе представляли, что сепаратизм в поисках политического решения с Израилем, ставший естественным для египетского президента, рано или поздно перерастет в принятие им идеи сепаратного по своему характеру израильско-египетского договора.

Исходя из ситуации, США подталкивали Бегина и Садата друг к другу. Однако при этом они ни разу, по существу, не замахнулись на бегиновскую позицию, даже в те «критические моменты», когда Садат, упираясь лбом в стену, возводимую израильтянами, был близок к разочарованию, что могло бы подорвать всю затею с израильско-египетским сближением. Соединенных Штатов в такие моменты хватало лишь на высказывание израильтянам упреков по поводу формы, в которой делались их предложения, «негибкости» их формулировок. И не более.

Какое-то время после поездки Садата в Иерусалим представители США продолжали говорить о Женевской конференции, но эти разговоры уже были «арьергардными»: американская политика полностью переориентировалась, и упоминания о Женевской конференции служили прикрытием этой переориентации.

Аналогичную функцию, судя по всему, выполняла и теория «концентрических кругов», с которой выступил после визита Садата в Иерусалим помощник президента США по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский. Эта «теория» рассматривала соглашение между Египтом и Израилем в качестве «центрального круга», затем круг расширялся, охватывая палестинцев на За-

падном берегу и в Газе, а также Иорданию, а потом еще больше увеличивался за счет «включения» в урегулирование Сирии и, «быть может, даже СССР»*.

Нетрудно заметить, что такое построение, во-первых, обеспечивало сепаратную египетско-израильскую сделку, во-вторых, определяло палестинский вопрос уже как производный от этой сделки, в-третьих, растаскивало по частям арабский мир, исключая возможность оказать давление на Израиль и его покровителей со стороны единого арабского фронта, и, наконец, в-четвертых, лишь на последнем этапе включало в урегулирование арабскую страну, оказывающую решительное сопротивление израильскому экспансионизму, – Сирию, а также Советский Союз, чья роль в борьбе за обеспечение ликвидации последствий агрессии Израиля в 1967 г. была широко известна.

Совершенно очевидно, что теория «концентрических кругов», как и вся американская практика, была противопоставлена всеобъемлющему урегулированию на Ближнем Востоке. «Может быть, всеобъемлющий подход никогда не имел шансов на успех, – писал З. Бжезинский. – Хотя – это тоже правда – Соединенные Штаты не оказывали достаточного давления в его пользу в течение критического летнего периода, не создавали импульса, и поэтому постепенно и египтяне, и израильтяне становились все более неподатливыми [по вопросу о созыве Женевской конференции. – *Е.П.*]»**.

Так характеризовал Бжезинский линию, которую проводили США еще до поездки Садата в Иерусалим. А после этой поездки, по его словам, стало ясно, что всеобъемлющего урегулирования «не должно быть, в то время как двусторонние египетско-израильские переговоры зашли в тупик. Садат, доведенный до крайности,

* *Brzezinski Z. Power and Principle. Memoirs of the National Security Adviser. 1977–1981. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1983. – P. 113.*

** Там же. – P. 121.

теперь нуждался в американской помощи, чтобы обрести средства, отвечающие фундаментальным египетским [читай: американским. – *Е.П.*] интересам, и обеспечить себя фиговым листком перед глазами арабов. В противном случае Садат подвергся бы политической дискриминации и региональному остракизму»*.

Успокоенный и в общем вдохновленный поведением Соединенных Штатов, Израиль продолжал жестко проводить свою линию на перевод процесса урегулирования в сепаратную, двустороннюю договоренность с Египтом.

Вернувшись из Иерусалима, Садат предложил созвать в Каире «мирную конференцию» с участием арабских государств, Израиля, США, СССР и представителей ООН. Принять участие в конференции согласились лишь Египет, Израиль и США. ООН решила направить своих представителей для наблюдения за ее работой. Конференция без представителей Сирии, ООП, Иордании, Ливана и Советского Союза была обречена на провал. Однако есть основания считать, что Садат и не надеялся на ее успех. Призывом к ее созыву он пытался создать видимость «общеарабской активности». А между тем абсолютно другое варилось в закулисной «кухне», где Садату, однако, уже, по существу, не принадлежала активная роль.

Израиль начал определять те принципы, на которых по его настоянию должен был базироваться сепаратный договор с Египтом. В конце ноября 1977 г. через американские посольства в Каире и Тель-Авиве был согласован вопрос о новой секретной встрече Даяна с Тухами в Марокко. Израильский министр иностранных дел прибыл на место 1 декабря и предложил рассмотреть от руки написанные израильские предложения, подчеркнув, что они одобрены Бегинном. Израиль потребовал полной нормализации, включающей установление дипломатических отношений, свободу передвижения через границы, развитие торговли, туризма и т. д.

* Там же. – Р. 235–236.

Принципы охватывали лишь двусторонние египетско-израильские отношения. Палестинский вопрос, статус Иерусалима определялись как «самостоятельные проблемы». Что касается Синая, то Израиль предлагал «на выбор» несколько вариантов, ни один из которых не предусматривал полной и немедленной эвакуации израильских войск. «Я с моей стороны оставался настойчивым, – пишет Даян. – Я не переставал спрашивать Тухами, готов ли Египет заключить мир с нами, если даже другие арабские страны не последуют его примеру»*.

Едва только Даян возвратился в Израиль, как на Ближнем Востоке появился С. Вэнс, совершивший блицпоездки в Каир и Иерусалим. Даян ждал с нетерпением встречи с Вэнсом, чтобы спросить о реакции Садата, с которым тот виделся накануне, на рукописный документ о принципах египетско-израильского сепаратного соглашения, переданный через Тухами. Американцы сообщили Даяну, что у них сложилось впечатление из бесед с Садатом о его согласии рассматривать израильский проект как начало переговоров, в процессе которых будут уточнены детали**.

Почувствовав, что Садат начинает сдавать свои широко разрекламированные позиции («Я никогда не подпишу сепаратного договора», – заявил он, возвратившись из Иерусалима), израильтяне решили усилить нажим на египетского президента. Через четыре дня вслед за тем, как «команда» Вэнса информировала Даяна о согласии Садата начать переговоры о двустороннем египетско-израильском соглашении, Израиль решил показать себя «хозяйном положения». В Каире в этот день открылась так называемая «мирная конференция», несмотря на то что она не собрала, как говорилось выше, многих своих главных участников. Руководитель израильской делегации генеральный директор канцелярии

* *Dayan M. Breakthrough.* – P. 91.

** Там же. – P. 98–99.

премьер-министра Бен-Элиссар, увидев на столе табличку «Палестина» – были выставлены обозначения всех делегаций, приглашенных на конференцию, – заявил, что не войдет в зал. Бен-Элиссар не уговорился и после того, как на столе конференции оставили лишь таблички с обозначением «Израиль», «Египет», «США» и «ООН». На этот раз ему не понравилось, что на флагштоках перед зданием отеля «Мена-Хауз», где созывалась конференция, развевался флаг Газы. Ему объяснили, что так принято отмечать пребывание в отеле жителей различных стран и районов. Бен-Элиссар все-таки настоял на своем, и флагштоки перед зданием «Мена-Хауз» остались оголенными.

Давление Израиля на Садата продолжалось и на самой конференции в Каире. Израильская делегация представила свой документ, о котором даже М. Даян написал, что это «модель договора, способного устроить любые две дружественные страны в любой части света, прожившие всю жизнь в мире без всякой нужды в договоре»*. Как далека была эта «модель» от истинных отношений между Египтом и Израилем, находившихся в состоянии войны 30 долгих лет! Предложенная Израилем «модель» цинично не затрагивала ни вопроса о границах, ни о демилитаризованных зонах, не говоря уже о палестинской проблеме или израильских поселениях на оккупированном Синае.

«Каирская мирная конференция», как и следовало ожидать, закончилась ничем, и сразу же в Соединенные Штаты прибыл Бегин. Он привез с собой «на обсуждение» с американским руководством два предложения. Первое относилось к Синаю, где Израиль согласился отойти к границам 1967 г., но поэтапно и при сохранении военных позиций на юге Синая. Второй этап отвода израильских войск к границе 1967 г. откладывался на 3–5-летний период и увязывался с установлением дипло-

* *Dayan M. Breakthrough.* – P. 99–100.

матических и других отношений между двумя странами в полном объеме. Совершенно ясно, что Бегин намеревался таким образом оказать, теперь уже через США, дополнительное давление на Садата. И не случайно, что это произошло после того, как США уведомили Бегина о готовности Садата начать сепаратные переговоры с Израилем.

Второе предложение Бегина касалось «Иудеи» и «Самарии» – Западного берега реки Иордан, а также сектора Газа. Израиль, сохраняя за собой все рычаги власти, в том числе и свои войска в различных районах оккупированных территорий, собирался передать проблемы повседневной жизни местному административному совету, который предполагалось избрать. Через пять лет Израиль соглашался «вернуться к предмету» и самостоятельно решить, что делать дальше. Совершенно ясно, что в таком виде это предложение протягивалось Садату в виде уже упомянутого Бжезинским «фигового листка» для прикрытия сепаратной сделки.

Но и этого мало. Не успел Бегин возвратиться в Израиль, а американцы передать его план Садату, как от израильского премьер-министра поступили дополнительные «разъяснения». Они включали в себя 11 новых пунктов, еще больше ужесточавших позицию Израиля: сохранение в руках Израиля «функций порядка и закона» на оккупированных территориях в период «самоуправления», разрешение приобретать землю на этих территориях только израильтянам или арабам, принявшим израильское гражданство, сохранение под израильской администрацией и законодательством новых еврейских поселений в районе Рафах на Синае и многое другое.

США ознакомили Садата и с этими дополнениями, закрыв глаза на тот факт, что Израиль, по словам авторов книги «Год голубя», выставил в «дурацком виде официальных лиц Белого дома и Госдепартамента»*. Со-

* *Haber E., Schiff Z., Yaari E. The Year of the Dove. – P. 112.*

единенные Штаты предстали в еще более неприглядном виде, когда Бегин выплеснул на публику сообщение о том, что Картер не только обещал довести его «проект» до Садата, но предварительно сам «одобрил» его во время встречи 16 декабря 1977 г.

Для вывода об «одобрении» США «проекта» Бегина были все основания. «Картер и его помощники, – пишет М. Даян, – слушали [Бегин читал все положения своего “мирного плана” вслух, абзац за абзацем. – *Е.П.*] с большим интересом и видели [в плане Бегина. – *Е.П.*] конструктивный и далеко идущий шаг со стороны Израиля. Хотя он содержал некоторые пункты, по которым наши взгляды расходились, президент и его группа сердечно поздравили Бегина со смелым политическим подходом»*. Еще более определенно на сей счет высказались три израильских журналиста, написавшие книгу об истории кэмп-дэвидского сговора «Год голубя». По их словам, заключая обсуждение своего плана, Бегин спросил: «Господин президент, не думаете ли вы, что он представляет собой реальную основу для переговоров?» Картер сказал: «Конечно, конечно»**.

Однако Соединенным Штатам абсолютно не нужно было «паблисити» в этом вопросе. Они рассчитывали на тайную дипломатию, чтобы сохранить роль «ментора» для Садата и поле для маневрирования во всей консервативной части арабского мира. Поэтому официальный представитель США, не задевая прямо Бегина, позже заявил, что это – «израильское предложение, и дело Израиля и арабов давать ему оценку и принимать по нему решение»***.

Фактическое одобрение Соединенными Штатами плана Бегина израильский премьер-министр воспринял как «зеленый свет» для своей экспансионистской плат-

* *Dayan M. Breakthrough.* – P. 101.

** *Haber E., Schiff Z., Yaari E. The Year of the Dove.* – P. 111.

*** *Dayan M. Breakthrough.* – P. 102.

формы, которую, теперь уже с согласия американцев, решил превратить в базу предстоящих переговоров с Садатом. При этом он активно использовал американское одобрение как важный для себя «козырь» во время встречи с Садатом в Исмаилии 25 декабря. Бегин без всяких обиняков заявил Садату: «Президент Картер, вице-президент Мондейл, государственный секретарь Вэнс и многие американские сенаторы уверяли, что это прекрасный план»*.

Поездка Бегина в Египет была организована еще во время нахождения Бегина в Вашингтоне, и опять Соединенными Штатами. Она, несомненно, принесла новый успех Израилю: впервые в истории глава израильского правительства был приглашен и официально принят в Египте; во время беседы с Садатом «один на один» Бегин смог получить его согласие на создание двух совместных комитетов – политического и военного – для продолжения переговоров между Израилем и Египтом. Местом пребывания израильско-египетских комитетов были определены Иерусалим и Каир.

Позже Бегин объяснит своим помощникам, какое огромное символическое значение имело согласие Садата на Иерусалим (не Тель-Авив, а именно Иерусалим) в качестве места заседаний совместного политического комитета. К готовности даже дружественных правительств проводить политические переговоры в Иерусалиме Израиль не привык. Согласие Садата могло бы быть интерпретировано как признание Иерусалима столицей Израйля**.

Нужно, очевидно, еще раз подчеркнуть, что, принимая израильское предложение о создании комитетов, египетская делегация испытывала психологический пресс: Бегин побывал до этого в США, и египтяне были

* *Haber E., Schiff Z., Yaari E. The Year of the Dove.* – P. 119.

** Там же. – P. 123.

осведомлены о том, что он «преуспел в достижении поддержки своего мирного плана Картером и другими»*.

Психологический нажим на Садата со стороны США был произведен и в форме звонка Картера египетскому президенту во время пребывания Бегина в Исмаилии, и в еще большей, естественно, степени при личной беседе Картера с Садатом в Асуане 4 января 1978 г. Перед этим Картер посетил Саудовскую Аравию и Иран (куда для встречи с президентом США прилетел король Хусейн), пытаясь, но безуспешно, подкрепить Садата «поддержкой умеренных арабских режимов»**.

Не преуспев в организации такой поддержки, американский президент и его «команда» решили облегчить участь Садата новой формулировкой по палестинскому вопросу, надеясь в то же время, что она будет приемлема и для Бегина, так как предлагалась взамен так раздражавшей израильского премьера идеи «независимого палестинского государства». По дороге из Эр-Рияда в Египет на борту самолета президент, госсекретарь и два советника – Атертон и Квандт записали: «Промежуточное соглашение могло бы быть найдено в объединенной израильско-иордано-палестинской администрации на Западном берегу в переходный период». Эта формулировка была вставлена затем в заявление Картера в Асуане.

Она вобрала в себя главные элементы плана Бегина: отказ от идеи национального палестинского государства, отказ от эвакуации израильских войск с оккупированного Западного берега реки Иордан – их сохранение практически сводило на нет идею израильско-иордано-палестинского «триумвирата». Эта идея, как отлично понимали США, была несбыточной и потому, что король Хусейн и ООП отказались участвовать в такой замаскированной форме обеспечения израильской власти.

* Там же. – Р. 119.

** *Vance C. Hard Choices.* – Р. 201.

Вместе с тем предложенная США формулировка содержала видимость конструктивности: переходный период рассматривался как «промежуточный», за которым должен был последовать референдум, но с сугубо ограниченным результатом – либо продолжение до бесконечности «порядка», установленного во время «промежуточной стадии», либо конфедерация с Иорданией, но даже в случае такого результата референдума опять-таки не предусматривался вывод израильских войск с оккупированного Западного берега реки Иордан. Независимое палестинское государство вообще исключалось, даже в виде «теоретического варианта».

Чтобы колеса переговоров, завязшие в болоте споров, вновь начали крутиться, Картер предложил и другую формулировку, одобренную Садатом и зачитанную президентом США репортерам: «Должно быть ясно, что палестинская проблема включает признание законных прав палестинского народа путем предоставления ему возможности участвовать в определении своего будущего».

Опять, как и прежде, Садату подсовывали «фиговый листок», а на самом деле принятая Садатом формулировка уже в открытую перечеркивала интерпретацию законных прав палестинцев как их права на самоопределение, в том числе и на создание собственного государства. Израильские авторы книги «Год голубя» не без удовлетворения писали: «Итак, требование египтян, чтобы Израиль признал право палестинцев на самоопределение, превратилось в участие палестинцев в определении своего будущего. Они будут даже не сами решать свою судьбу, а вместе с другими вовлеченными в конфликт арабскими государствами и Израилем. Картер был доволен своим достижением»*.

«Остановка в Асуане служила цели помочь Садату, подпереть его инициативу и одновременно подтолкнуть

* *Haber E., Schiff Z., Yaari E. The Year of the Dove. – P. 139.*

Бегина в направлении нашей концепции переходного режима»*, – раскрыл суть происходившего С. Вэнс.

Такие американские «подпорки и толчки» становились все более необходимыми в условиях, когда Израиль, убедившись, что получил в результате «инициативы» Садата практически полную свободу рук, не теряя времени, начал форсированное освоение оккупированных территорий. Настоящий взрыв израильского экспансионизма – не постепенные меры, растянутые во времени и не вызывающие столь ощутимой оппозиции в общественном мнении, как того хотели США, – мог полностью разрушить столь неустойчивое здание, которое в течение ряда лет после смерти Насера с таким трудом возводила американская политика на Ближнем Востоке.

Еще до поездки Садата в Иерусалим, в сентябре 1977 г., министр иностранных дел Израиля М. Даян дал в Вашингтоне заверения американским руководителям, что ни одно новое еврейское поселение не будет основано на оккупированных арабских территориях в течение года. Позже, 1 февраля 1978 г., «на глазах у обомлевшей публики» Даян в своем заявлении кнессету утверждал, что он, дескать, имел в виду не годичный срок, а срок до конца года. Но и на этом эквилибристика Даяна не прекратилась. Он подчеркнул, что его заверения в сентябре 1977 г. касались лишь создания новых гражданских поселений, но не расширения уже существующих. Такое «разъяснение» Даян сделал уже после визита Садата в Израиль и по следам практических мер с целью резкого расширения израильского присутствия на оккупированных арабских землях, последовавших сразу за началом «исторической инициативы» Садата.

Едва Бегин вернулся домой из своей поездки в Исмаилию, комиссия израильского правительства по вопросам поселений после недолгой дискуссии решила продолжить

* Vance C. Hard Choices. – P. 201.

заселение выступа Рафах и Восточного Синая, а также подготовить почву для «создания свершившихся фактов» к востоку от линии Эль-Ариш – Рас-Мохаммед, которая пополам пересекает синайскую пустыню. Председатель комиссии А. Шарон, известный своими крайне экстремистскими взглядами, взял на себя подготовку предложений по «расширению» израильского заселения выступа Рафах. Бегин, находившийся в это время в Лондоне, дал согласие на присвоение Израилем дополнительных земель в районе Рафаха для основания новых еврейских поселений. «Это важно сделать, – цинично сказал Шарон, – до того, как начнут работать израильско-египетские комитеты»*.

Египтяне хранили молчание, хотя бедуины, наблюдавшие начатые израильянами работы по «освоению» дополнительных земель, вовремя сообщили об этом египетским специальным службам. Американцы тоже имели соответствующую информацию со спутников.

Вдохновленные такой реакцией, израильские руководители стали наращивать свои усилия. Правительство Бегина приняло решение о создании 23 новых поселений в районе выступа Рафах. Когда информация об этом просочилась и была предана гласности, секретарь правительства позвонил на израильское радио и потребовал «опровержения» – израильское руководство не хотело раньше времени «будоражить общественность». Радио передало опровержение, но добавило: «Наш репортер настаивает на том, что информация совершенно точная».

Садат продолжал хранить молчание. Однако стало проявляться серьезное недовольство со стороны мировой общественности, значительная часть которой на Западе все еще верила в то, что визит Садата в Иерусалим «открыл путь к миру» на Ближнем Востоке, но была шокирована циничными и вероломными действиями

* *Haber E., Schiff Z., Yaari E. The Year of the Dove. – P. 148.*

израильского руководства на оккупированных арабских землях. Причем эти действия на том этапе касались как раз Синая, то есть территории, которую Израиль обещал вернуть Египту в случае его согласия на сепаратный сговор.

Впрочем, вскоре прилив сионистского экспансионизма стал в полной мере ощутим и на Западном берегу. В дополнение к решению о создании еврейских поселений, принятому в конце 1977 г., правительство Бегина с одобрения кнессета 10 января 1978 г. постановило создать еще три новых поселения в «Иудее» и «Самарии». Одновременно активизировалась «Гуш эмумим» – крайне экстремистская сионистская организация, посвятившая себя насильственному заселению арабских земель с целью последующего включения их в «великий Израиль».

Теперь уже Садат вынужден был реагировать на это под угрозой полного разоблачения себя в качестве пособника экспансионистского курса сионистского руководства Израиля. Используя в качестве предлога безудержно наглое выступление премьер-министра Бегина на обеде 17 января в честь участников начавшего в Иерусалиме свою работу совместного политического комитета, Садат дал указание своему министру иностранных дел М. Камелю вернуться в Египет.

Но это, как и предполагали израильтяне, была «буря в стакане воды». В Каире продолжал свою работу военный комитет, который возглавлял Вейцман. Сначала Бегин в ответ на действия Садата импульсивно решил отозвать своих представителей из военного комитета и приостановить его работу. Однако Вейцман просил не делать этого. Более того, он телеграфировал о «большом прогрессе» на переговорах. Сообщая Бегину о своих впечатлениях от бесед с генералом Гамаси, военным министром Египта, Вейцман подчеркивал, что, по его мнению, египтяне отказываются от «панарабизма», хотя разорвать постоянный цикл возобновляющихся войн на Ближнем Востоке и требуют для себя лишь чуть-чуть больше,

чем дает им риторика по палестинскому вопросу. Да и Садат повторял ему неоднократно: «Дайте мне ширму для арабского мира». По словам Вейцмана, к нему поступило конкретное предложение через генерала Гамаси: в обмен на израильское согласие эвакуировать Синай Египет подпишет сепаратный договор, который будет содержать реальную возможность для Израиля иметь право вето по поводу определения будущего решения палестинской проблемы.

С самой же первой встречи с Вейцманом Садат выделял его из числа других израильских руководителей – так уж получилось, что с ним у египетского президента установились особо тесные отношения. Поэтому Садат всегда был более откровенен с Вейцманом, чем с другими израильянами, и часто высказывал тому идеи, непосредственно отражавшие его позицию. Так, уже после первой встречи с Садатом в Египте Вейцман докладывал своему руководству, что египетский президент готов пересмотреть отношение к палестинской проблеме, может двинуться в направлении сепаратной договоренности с Израилем, а генерал Гамаси даже пошел еще дальше, высказывая резкую критику в адрес ООП, короля Хусейна и даже поддержав мысль о возможности федерации палестинцев с Израилем.

Нужно сказать, что Бегин не всегда полностью принимал то, что ему докладывал Вейцман. У него были сомнения, что Садат так скоро сможет сблизиться с позицией Израиля. Однако в данном случае доклад главы израильской делегации в военном комитете не мог все-таки не вдохновить поборников сепаратного договора с Египтом. Отзыв министра иностранных дел Египта и замораживание работы политического комитета в Иерусалиме вовсе не означали отказа Садата от продолжения политики, которая вела к сговору.

И действительно, все вскоре встало на свои места...

20 января 1978 г. в Каир прилетел государственный секретарь США С. Вэнс, который «убедил» Садата в виде

«жеста доброй воли» (!) продолжить «параллельное» заседание в Каире совместного египетско-израильского военного комитета. Чтобы поддержать Садата, США стали делать «булавочные уколы» – взвешенно и, не дай бог, не резко критиковать Бегина. Но даже такая критика привела Бегина и его окружение в ярость. Премьер-министр Израиля заявил госсекретарю США, что он ожидал другого от Соединенных Штатов, напомнив в который уже раз Вэнсу факт одобрения Картером плана Бегина во время переговоров в Вашингтоне в декабре 1977 года*. В заявлении израильского правительства от 12 февраля выдвигалось еще более серьезное «обвинение» в непоследовательности американской политики – сначала, мол, по сути дела, поощряли на заселение оккупированных территорий, а теперь осуждаете**.

Стала в полной мере проявляться ненадежность хрупкого построения, воздвигаемого американской дипломатией после поездки Садата в Иерусалим. Соединенные Штаты, прежде всего, поставили перед собой задачу, по словам С. Вэнса, «свести до минимума ущерб» «инициативе Садата»***. На первый план в связи с этим начал выдвигаться Бжезинский, помощник президента США по вопросам национальной безопасности, которому была поручена разработка «новой стратегии» Соединенных Штатов.

Исходные моменты для такой «новой» стратегии США на Ближнем Востоке были очерчены Бжезинским со всей определенностью. «Мы теперь подчинились тому факту, что всеобъемлющее урегулирование в лучшем случае отодвинется на многие годы, – писал Бжезинский. – Вместо него мы были вынуждены остановиться определенным образом на переводе инициативы Садата в осязаемую договоренность между Египтом и Израи-

* Vance C. Hard Choices. – P. 202.

** Keesings Contemporary Archives. – London, 1978. – P. 29171.

*** Vance C. Hard Choices. – P. 203.

лем... Мы хотели бы иметь такой мирный процесс, который затронул бы умеренные арабские режимы так, чтобы американские позиции в районе укреплялись»*.

Таким образом, ставка была сделана прямо и бесповоротно на сепаратную сделку. При этом США точно знали, чего добивается Израиль, но это отнюдь не останавливало их попыток пододвинуть Садата к Бегину. Бжезинский с полным знанием дела и довольно цинично писал следующее: «Израильтяне имели преимущество – наиболее ясную концепцию и наиболее точно выраженную цель: добиться сепаратного мира с Египтом, одновременно полностью обеспечив израильские интересы в других областях. Это означало, прежде всего, физическое владение и Западным берегом, и Голанскими высотами при одновременном сохранении привилегированного статуса страны – любимого клиента США на Ближнем Востоке...

Другой израильской целью было извлечь из Садата некоторые уступки в отношении самого Синая с акцентом на израильские поселения и Шарм-эш-Шейх. Израильтяне надеялись, что Садат разрешит сохранить военное присутствие Израиля и в поселениях, и на стратегически чувствительном выступе; Бегин сделал эту цель совершенно ясной для нас во время своего последнего визита в Вашингтон. Однако преимущественная цель заключалась в достижении сепаратного мира с Египтом. Такой договор поставил бы Израиль в наиболее выгодные позиции для торговли по всем остальным проблемам»**.

США не ставили перед собой задачу изменения такого израильского курса. Серьезные усилия в этом отношении не предусматривались новой «секретной стратегией». Задача скорее заключалась в том, чтобы облегчить Сада-ту принятие израильских требований, удержать и его политику, и его самого на поверхности. По замечанию Бже-

* *Brzezinski Z. Power and Principle.* – P. 235.

** Там же. – P. 236–237.

зинского, в этой связи США рекомендовали Садату «обеспечивать свои фланги с другими арабами, одновременно решая главную для него задачу – Синай»*. И далее: «Соединенные Штаты должны были помочь Садату найти оправдание сепаратной договоренности и для этого подталкивали Израиль к проблеме Западного берега, а также до определенной степени и к второстепенным синайским проблемам»**.

Подталкивали, чуть-чуть разворачивали к этим проблемам, подсказывали необходимость ими заняться, чтобы не сокрушить Садата.

Подобная американская линия могла – так начало происходить и в жизни – приводить в отдельные периоды к некоторой напряженности отношений Белого дома с израильским руководством. Но напряженность быстро рассасывалась, и все становилось на свои места.

Однако Бжезинский, да и вообще американское руководство в то же время, очевидно, понимали, что все это может удержать на плаву «инициативу Садата», но не более. Они понимали, что с учетом нового соотношения сил в арабском мире, недостаточной стабильности саатовских позиций в Египте, да и неудержимого стремления израильтян сразу, не откладывая в долгий ящик, воспользоваться теми преимуществами, которые для них образовались в результате курса, принятого египетским президентом, нужны будут уже экстраординарные меры, чтобы дать развиваться процессам, начатым с поездки Садата в Иерусалим, довести дело до оформления соответствующего египетско-израильского соглашения.

Принимая все это во внимание, США в начале 1978 г. все ближе подходили к идее непосредственного участия в израильско-египетских переговорах. После возвращения президента Картера в Вашингтон из его зарубежной поездки, во время которой он виделся с Садатом в Асуа-

* *Brzezinski Z. Power and Principle.* – P. 237.

** Там же.

не, 20 января 1978 г. состоялась его беседа с Бжезинским. Они впервые начали обсуждать организацию встречи Картера, Бегина и Садата в Кэмп-Дэвиде. Центральную роль в переговорах – уже не закулисную, а прямую – должен был играть президент Соединенных Штатов*.

IV. Формула по Западному берегу реки Иордан: отказ от вывода войск

Идея американского прямого участия в переговорах была связана с планом выработки и согласования двух документов: первого, излагающего принципы и показывающего рамки общего соглашения, второго – собственно сепаратного египетско-израильского договора.

Мы уже много раз касались темы «фигового листка» для Садата. Напомню, что этот термин ввел не автор этой книги, а помощник президента США по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский. Первый документ – «Рамки мира на Ближнем Востоке» – играл роль этого самого «фигового листка». Но ограничивать этим его функции было бы неверно. «Рамки мира» должны были, выводя за границы египетско-израильского соглашения, не только создать иллюзию «всеохватывающего» подхода двух стран к вопросам урегулирования и дать Садату «аргумент» против тех, кто обвинял его – и вполне справедливо – в сепаратизме, но и создать базу для последующего израильского экспансионизма на Западном берегу и в Газе. Это была плата Тель-Авиву за «компромисс» с Каиром, в результате которого Израиль в конце концов согласился уйти с Синая.

Весь период, следовавший за американским вступлением в переговоры в виде полноправного участника,

* Там же. – Р. 240.

вплоть до первой встречи в Кэмп-Дэвиде делегаций Египта, Израиля и США, иными словами, вся весна и все лето 1978 г. прошли в двусторонних и трехсторонних переговорах, главным образом с целью создать формулу по Западному берегу и Газе, которая удовлетворила бы аппетиты Израиля и в то же время не очень уж коробила бы Садата. Эта тема была, по сути дела, центральной во время визитов в Вашингтон – в феврале А. Садата, затем в том же месяце М. Даяна, потом в марте Э. Вейцмана и, наконец, в конце марта М. Бегина.

Начнем с тактического «трюка», выработанного американской дипломатией. З. Бжезинский пишет в своих мемуарах, что он предложил президенту Картеру пригласить Садата в Вашингтон и просить того выдвинуть от своего имени план урегулирования, пара «максималистских» пунктов которого будет «заведомо неприемлема» для Израиля. Тогда США выступят вперед и публично отвергнут эти пункты, а затем используют свою «решительность» в обращении с садатовским планом для того, чтобы попытаться хоть как-то сдвинуть Израиль с его «максималистской позиции»*.

Картер принял предложения своего советника по национальной безопасности. Что было дальше, Бжезинский не пишет. Однако, судя по другим источникам, трюк все-таки был осуществлен, но главным образом в той части, которая касалась Египта. Соединенные Штаты таким образом добивались важнейшей для себя на данный период цели – в виде отвергаемых ими пунктов урегулирования они поставили своеобразные маркировочные вешки, которыми заранее ограничили позицию Египта для торга.

Судя по всему, эти два пункта или два принципа, полностью отвергавшиеся США, были следующими: вывод всех оккупационных израильских войск на границы

* Brzezinski Z. Power and Principle. – P. 242.

4 июня 1967 г. с Западного берега реки Иордан и из сектора Газа; создание национального суверенного палестинского государства. Во время встречи с Бегинем в конце марта 1978 г. президент Картер сказал: «Как я вижу, арабская сторона теперь проявляет желание изменить и модифицировать свою экстремистскую позицию. Я верю в то, что они не потребуют в категорической форме создания палестинского государства»*. Из описания, приведенного авторами книги «Год голубя», явствует, что израильская делегация восприняла это замечание Картера как свидетельство «отказа Садата от идеи полного вывода израильских войск со всех оккупированных территорий, хотя израильтяне и раньше имели представление о том, что он не будет настаивать на палестинском государстве»**.

Так Израиль получил из рук Соединенных Штатов важнейшую для себя гарантию того, что при выработке «Рамок мира» он может практически исключить наиболее опасные, с точки зрения сионистского руководства, проблемы: вывод израильских войск с оккупированных во время «шестидневной войны» 1967 г. Западного берега реки Иордан и сектора Газа, а также создание суверенного палестинского государства. Все это было обещано Израилю Соединенными Штатами.

Еще за месяц до приезда Бегина Даян в Вашингтоне прямо заявил Картеру, что «вообще никогда не будет переговоров, если Израиль будут заставлять заранее соглашаться с выводом войск [с Западного берега реки Иордан и из сектора Газа. – *Е.П.*] и самоопределением [палестинского народа. – *Е.П.*]»***. Уже через месяц США окончательно успокоили Израиль, предоставив ему возможность договариваться с Египтом при исключении проблем вывода израильских войск с Западного берега

* *Haber E., Schiff Z., Yaari E. The Year of the Dove. – P. 176.*

** Там же.

*** *Vance C. Hard Choices. – P. 206.*

реки Иордан и из сектора Газа и создания палестинского государства. Естественно, что выработка формулы по Западному берегу и Газе при таких обстоятельствах охватывала лишь второстепенные вопросы, по которым, как считали США, Израиль может продемонстрировать свою «гибкость», а Садат – «принципиальность».

Какие же ограничения поставила в таких условиях американская политика в отношении израильской позиции при выработке формулы для будущего Западного берега и Газы? Внимательный анализ мемуарных записей Картера, Вэнса, Бжезинского, Даяна, Вейцмана, описания, содержащиеся в книге израильских авторов «Год голубя», показывают, что США фактически лишь по одному вопросу хотели ограничить Израиль – по созданию во время переговоров новых еврейских поселений на оккупированных территориях. Об этом американские руководители говорили Даяну и Бегину и в своих интервью для печати. Однако Израиль понимал, что США не пойдут на решительные меры, и продолжал создавать поселения.

Вся американская практика показывала, что у израильтян не было повода для серьезного беспокойства.

Перед самым приездом Даяна в Вашингтон, в феврале 1978 г., президент Картер одобрил поставку Израилю 75 современных боевых самолетов F-16 и F-15. Одновременно было намечено направить 60 самолетов F-15 Саудовской Аравии, а также поставить Египту в виде вознаграждения Садату за его линию поведения 50 F-5, уже относительно морально устаревших и несопоставимых с самолетами, которые поступали в Израиль. Поставки в таком «пакете», по мнению администрации Картера, могли способствовать продвижению египетско-израильской договоренности.

Между тем решение о таком «пакете» вызвало бурю возмущения в израильском правительстве, которое буквально ринулось активизировать свое лобби в Конгрессе США, чтобы провалить решение о направлении военно-

воздушной техники Саудовской Аравии и Египту. Во время пребывания израильского министра обороны Вейцмана в Вашингтоне государственный секретарь С. Вэнс спросил его, согласится ли Израиль на «пакет», если США направят ему больше предварительно намеченного количества самолетов. Вейцман ответил отрицательно*.

Следует обратить внимание на ту плоскость, в которой обсуждался вопрос между США и Израилем. Речь шла не об использовании Соединенными Штатами своих поставок вооружений, чтобы попытаться добиться отказа Израиля хотя бы от наиболее одиозных элементов его позиции. Ни в какой форме и ни в какой степени, например, вопрос о поставках вооружений Израилю не связывался с попыткой повлиять на него в плане прекращения создания новых поселений на оккупированных территориях. Воспользовавшись этим, Израиль сам перешел в наступление, категорически потребовав отказа США от поставок вооружений Саудовской Аравии и Египту.

Через несколько дней после разговоров Вэнса с Вейцманом, воспользовавшись в качестве предлога нападением группы палестинцев, высадившихся с моря на несколько объектов на территории Израиля, Бегин начал широкую интервенцию в Ливан. «В действительности, – пишет С. Вэнс, – израильский контрудар был гораздо больше, чем ответная мера; это была массированная операция, поставившая под временный израильский контроль большую часть юга Ливана вплоть до реки Литани. Вторжение дало возможность Израилю консолидировать анклав в Южном Ливане, удерживаемый христианской милицией под командованием майора Саада Хаддада в качестве буферной зоны вдоль израильской границы»**.

* Vance C. Hard Choices. – P. 208.

** Там же.

Чрезвычайно симптоматично, что, отдавая приказ о вторжении в Южный Ливан, Бегин заранее, через израильскую военную миссию в Каире, информировал Садата, и тот, как утверждают израильские журналисты С. Цион и У. Дан, не имел никаких возражений. Объяснение реакции Садата они видят в том, что незадолго до израильского вторжения в Ливан на Кипре был убит генеральный секретарь Организации солидарности народов Азии и Африки египтянин Ю. Сибаи. Египетская особая группа была направлена для освобождения заложников, захваченных во время покушения на Сибаи. В результате неудачной операции в аэропорту Ларнаки египтяне потеряли 15 человек убитыми²⁷. Хотя ООП категорически отмежевалась от убийства Сибаи, отношения между Садатом и палестинцами в тот момент еще больше обострились.

Не исключено, что Израиль совершил заранее задуманное и подготовленное вторжение в Ливан не в последнюю очередь в связи с поездкой Бегина в Вашингтон. Накануне нападения на Ливан Картер был предупрежден, что визит Бегина будет несколько отложен. Когда Бегин прибыл в Вашингтон, он выступал на переговорах с Картером с позиции силы, что видно хотя бы из тех слов, с которыми президент Картер обратился к Бегину во время переговоров: «Я вижу, что вы не хотите остановить экспансию или создание новых поселений; вы не хотите отказаться от поселений на Синае...» Симптоматично, что Бегин не опровергал вывода Картера, не говорил ему, что тот неправильно его понял, не предлагал президенту США никаких альтернатив*.

Максимум, на что оказались способными США в таких условиях, – это констатировать «перемены» в позиции Бегина, разводиться руками, выражать сожаление. Вместе с тем, судя по записям Даяна, Картер даже заявил, что

* Brzezinski Z. Power and Principle. – P. 246.

США смогут опубликовать декларацию, совершенно четко констатирующую, что от Израиля не требуется осуществлять полный вывод войск с Западного берега и что палестинское государство не будет создано. Президент США, по словам Даяна, добавил: «Я уверен, что такая декларация будет приемлема и для Садата»*.

С. Вэнс пишет, что вторжение Израиля в Ливан «изменило политическую атмосферу наших переговоров с премьер-министром Бегоном. До 14 марта Бегин находился в обороне и по вопросу о поселениях, и по вопросу о выводе войск, в то время как американская и важная часть израильского общественного мнения были критически настроены в отношении позиции Израиля по этим проблемам»**.

С. Вэнс, по его словам, доложил президенту, что возможности смягчения позиций Бегина по Западному берегу и палестинской проблеме намного сократились.

Правда, американская администрация решила чуть-чуть нажать на Бегина. Но в качестве поля для такого тактического нажима опять-таки были выбраны не израильская политика создания новых поселений на Западном берегу реки Иордан и не трактовка Бегоном резолюции № 242, будто бы не предусматривающей вывода израильских войск «со всех фронтов», в том числе с Западного берега реки Иордан и из сектора Газа, а вопрос о «пакете» по поставкам военных самолетов Израилю, Саудовской Аравии и Египту. Объяснив необходимость такого «пакета» стратегическими, глобальными интересами США, ближайшее окружение Картера приступило к обработке лидеров Конгресса. Одновременно было увеличено первоначальное число самолетов, предназначенных для поставки Израилю, и снято новейшее электронное оборудование – дабы еще больше ублажить

* *Dayan M. Breakthrough.* – P. 126.

** *Vance C. Hard Choices.* – P. 209.

Израиль – с самолетов F-15, направляемых Саудовской Аравии.

В середине мая американский Сенат высказался небольшим большинством за «пакет». «Но это была победа, добытая дорогой ценой. В течение всего этого периода мы не могли продвинуться на любом другом фронте»*, – пишет Бжезинский. Хотели США продвинуться на других участках своих отношений с Израилем или не хотели, но факт остается фактом: Израиль не отступил; заселение арабских оккупированных территорий демонстративно продолжалось при непрекращающихся поставках новейшего американского вооружения этой стране.

В апреле начался новый этап подтягивания Садата к ничем не ограниченной, как было показано выше, экспансионистской позиции Израиля в отношении Западного берега и Газы. Назначенный послом по особым поручениям А. Атертон в апреле вылетел в Каир, где встретился с Садатом и министром иностранных дел Египта Камелем. Атертон информировал египтян о выводе, сделанном Соединенными Штатами: единственно возможным решением является переходный режим на Западном берегу и в Газе с достаточной продолжительностью, чтобы создать «временной буфер», в течение которого стороны будут иметь возможность пытаться вести переговоры об окончательном решении. Единственным «аргументом» Атертона в пользу такого вывода были слова о невозможности «ожидать от Израиля, что он продвинется в вопросе вывода войск со всех фронтов и примет палестинское самоопределение»**.

Американский посол стал уговаривать Садата принять этот вывод и положить его в основу собственных предложений.

Садат согласился.

* *Brzezinski Z. Power and Principle.* – P. 249.

** *Vance C. Hard Choices.* – P. 211–212.

Возможно, Атертон уже заранее знал о положительной реакции Садата. В конце марта 1978 г. Садат пригласил посетить Каир министра обороны Израиля Вейцмана. Это произошло как раз в то время, когда израильские войска вторглись в Южный Ливан и продолжали наносить удары по палестинским силам. Министр обороны Израиля вряд ли мог ожидать в этот момент публично проявленного уважения египетского президента в свой адрес, и уж во всяком случае он не ожидал, что Садат при первой же встрече скажет: «Я готов вычеркнуть ООП из моего лексикона». Однако именно так и случилось.

Вейцман решил воспользоваться столь откровенно высказываемой Садатом враждебностью в отношении Организации освобождения Палестины и спросил: «Означает ли это, что вы принимаете нашу оппозицию созданию независимого палестинского государства?»

Садат ответил: «Это так и есть, но ни при каких обстоятельствах не говорите об этом Бегину, потому что он объявит об этом на весь мир. Что нам необходимо – это произвести хорошее впечатление. Мы должны хорошо выглядеть в декларации о принципах с помощью проявляемого желания, чтобы Израиль вывел войска. А затем мы дадим вам то, в чем вы нуждаетесь»*.

Так Садат высказал свое реальное отношение не только к проблеме вывода израильских войска и создания палестинского государства, но и к декларации принципов, иными словами, к «Рамкам мира», которые должны были служить тому, чтобы создать о нем «хорошее впечатление».

К июлю в Вашингтоне пришли к выводу о необходимости провести в жизнь идею о непосредственном участии США в переговорах. Бжезинский пишет, что 30 июля Картер окончательно решил пригласить Садата и Бегина в Кэмп-Дэвид. Официальное объявление об этом

* *Haber E., Schiff Z., Yaari E. The Year of the Dove. – P. 189.*

было сделано через неделю. Но за три недели до этого, 18 и 19 июля, произошла встреча министров иностранных дел трех стран, где США впервые уже практически играли роль полноправного участника переговоров. Они состоялись в замке Лидс (Великобритания). По описанию этих встреч Вэнсом, США стремились сблизить стороны, для чего настаивали на совместных дискуссиях и обедах. Американские представители в замке Лидс не теряли времени даром: помимо всего прочего, Г. Сондерс начал здесь разработку документа, который, по признанию С. Вэнса, лег в основу «Рамок мира на Ближнем Востоке».

Пройдя через промежуточный этап в Лидсе, США устами президента объявили, что руководители Израиля и Египта приглашены в Кэмп-Дэвид. Характер предстоящих переговоров был фактически предрешен заявлением, которым Бегин сопроводил свое согласие принять приглашение отправиться в Кэмп-Дэвид. Премьер-министр Израиля заявил 31 августа, что его позиции сохранятся в неизменном виде: отказ от вывода израильских войск на границы 1967 г., продолжение военного контроля над Западным берегом реки Иордан и сектором Газа на основе любого промежуточного соглашения и отказ от любых переговоров по вопросу об аннексии Израилем Восточного Иерусалима*.

События показали, что эта крайне экстремистская позиция Израиля не оказалась нарушенной ни по одному пункту темы переговоров в Кэмп-Дэвиде, которые западная печать выдала за необычайно «конструктивные».

* Vance C. Hard Choices. – P. 217–218.

Глава 5

СДЕЛКА В КЭМП-ДЭВИДЕ

I. Для чего нужны были «Рамки мира»

5 сентября 1978 г. в Кэмп-Дэвиде встретились руководители трех стран: Египта – Садат, Израиля – Бегин и Соединенных Штатов – Картер. На стол переговоров первоначально легли два документа. Первый – план Бегина, который тот обсуждал с президентом США Картером еще в декабре 1977 г. Предложения Бегина были сконцентрированы на сохранении израильской оккупации на Западном берегу реки Иордан, в секторе Газа и на части Синая. Вторым документом были те предложения Садата, которые уже фигурировали на конференции министров иностранных дел трех стран в Лидсе. Однако на следующий день после открытия встречи в Кэмп-Дэвиде президент Египта представил предложения, оформленные в виде проекта «Рамок мира».

Несколько позже американцы выступили со своим «компромиссным предложением». На самом деле, оно было очень близким к тому, что пытался обеспечить для себя Израиль, и в то же время имело некоторые элементы привлекательности для Садата или, скорее, некоторые элементы, с помощью которых он мог бы замаскировать свою капитуляцию.

Но даже такая «формула», предложенная американцами, не удовлетворила Бегина. Переговоры стали при-

ближаться к тупиковой ситуации. Президент США лично уговаривал Садата не уезжать раньше срока. Подчеркивая драматизм происходящего, С. Вэнс пишет в своих воспоминаниях, что он мысленно молился за успех «предприятия своего президента», когда Картер направлялся к резиденции Садата. Может быть, эти молитвы и не были столь необходимы. Наверяд ли Садат, уже опутанный сетями сговора, мог так легко из них выбраться. Конечно же, он согласился с просьбой Картера.

Да дело было и не в Садате. Он далеко не исчерпал резервы своих уступок, и США и Израиль об этом знали.

В Кэмп-Дэвиде Картер как-то уединился с Даяном. Картер попросил его переговорить с Садатом наедине и сделать все возможное для того, чтобы не загонять египетского президента в угол, а помочь ему выйти на «компромиссные» позиции. Даян воспользовался советом. Интересно, что после этой встречи Даян, как пишут Цион и Дан, «поверил впервые, что де-факто сепаратный мир с Египтом возможен и что взаимопонимание по Западному берегу может быть достигнуто без короля Хусейна. Все садатовские прежние требования по этому вопросу являлись ни больше ни меньше разменной монетой»*.

Естественно, что в таких условиях американцам больше нужно было «ублажать» не Садата, а Бегина. И с этой целью американская дипломатия совершила маневр, который по описанию Вэнса выглядел следующим образом: «В начале второй недели Картер сказал политической команде [группе американцев, составлявших делегацию на кэмп-дэвидских переговорах. – *Е.П.*] по поводу своих опасений, что, уделяя столь большое внимание проблемам Западного берега и Газы – главного элемента в рамках всеобщего урегулирования, мы про-

* New York Times Magazine. – 21.01.1979.

смотрели шанс вести переговоры по израильско-египетскому соглашению»*.

В результате, отложив в сторону разработку «Рамок мира на Ближнем Востоке», иными словами, согласившись, по сути дела, «заморозить» этот вопрос на той стадии, когда Израиль ни на миллиметр не сдвинулся со своей крайне экстремистской, в конечном счете аннексионистской позиции по Западному берегу реки Иордан и сектору Газа, США переключили внимание на необходимость подготовки убыстренными темпами как раз того документа, который Израиль считал для себя единственно важным, – сепаратного египетско-израильского договора.

В этом «переключении», полностью удовлетворявшем Израиль, Соединенным Штатам опять помог Садат. Как пишет президент Картер, в доверительном разговоре, который состоялся у него с Садатом, тот сказал: «Я готов быть гибким. Но не по Синаю»**. США и Израиль в полной мере использовали эту «гибкость», в том числе и по вопросу о создании новых еврейских поселений на оккупированных Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа.

В отношении этого наиострейшего вопроса, по которому США широко рекламировали свои разногласия с Израилем, в Кэмп-Дэвиде был разыгран настоящий фарс. Сначала Бегин заявил, что он вообще отказывается входить в любое соглашение с Садатом, которое исключит для израильского правительства возможность продолжать строительство новых поселений на Западном берегу.

Сославшись на эту «непреодолимую» позицию Бегина, Соединенные Штаты согласились сами и уговорили Египет изъять этот вопрос из текста «Рамок мира на Ближнем Востоке». Садату и его «команде» было заяв-

* Vance C. Hard Choices. – P. 223.

** Carter J. Keeping Faith. – P. 361.

лено, что израильтяне согласны «компенсировать» такое изъятие из официального документа тем, что они включают свое обязательство «не создавать новых поселений, пока не закончатся переговоры о самоуправлении палестинцев на Западном берегу и в секторе Газа» в текст письма Бегина президенту Картеру.

Естественно, частная переписка не шла в сравнение с текстом соглашения, если даже она и прилагалась к нему. Но дело в том, как выяснилось вскоре, что вообще такого письма Бегина не было и в помине. С. Вэнс в приложении к своим мемуарам приводит ряд документов, в том числе тексты «Рамок мира на Ближнем Востоке», «Рамок для заключения мирного договора между Египтом и Израилем», разработанных в Кэмп-Дэвиде, и весь обмен посланиями, которые к этим соглашениям прилагались. К слову «послания» дается сноска: «Переписка по вопросу об израильских поселениях на Западном берегу и в Газе не была готова к тому времени, когда были направлены данные письма, как это ожидалось»^{*}.

Столь туманная формулировка расшифровывается в тексте воспоминаний государственного секретаря США. «Так и не имел место, – пишет С. Вэнс, – обмен письмами между Картером и Бегоном о моратории на создание израильских поселений на Западном берегу и в Газе в течение переговоров об автономии, несмотря на договоренность»^{**}. По словам Вэнса, американская «команда» на переговорах получила все письма от израильской делегации, о которых предварительно договорились, за исключением письма о поселениях. Израильский посол в США Диниц информировал заместителя государственного секретаря Сондерса, что его «перередактирует» Бегин. Когда после «редакции» Бегина письмо все-таки было представлено на просмотр американцам, выясни-

^{*} Vance C. Hard Choices. – P. 471.

^{**} Там же. – P. 228.

лось, что израильский премьер согласен на мораторий по поселениям... лишь на время переговоров Египта и Израиля о договоре между двумя странами, то есть на срок в три месяца, так как именно этот срок был поставлен в текст «Рамок для заключения мирного договора между Египтом и Израилем». Вэнс не скрывает своего возмущения «полным переиначиванием» Бегинем предварительной договоренности. «Однако, – заключает Вэнс, – такова была позиция Бегина, и он отказался отступить от нее»*.

Как все просто! Есть позиция – экстремистская, экспансионистская, захватническая. Ее автор переиначивает все и вся и объявляет, что не тронется с места, не сойдет со своей позиции ни при каких обстоятельствах. На этом Соединенными Штатами ставится точка, а Египту говорят: давайте перейдем к другим вопросам, здесь, мол, мы все равно не продвинемся. И такой трюк осуществляется по проблеме, имеющей важнейшее значение для всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта. Это ли не истинный «показатель» лживости утверждений о «полной беспристрастности» США как участника переговоров в Кэмп-Дэвиде, да и вообще характера этих переговоров, отработывавших под эгидой США египетско-израильский «компромисс».

Мы так подробно остановились на этом моменте еще и потому, что, как уже говорилось, США широко вещательно заявляли о своем «несогласии» с израильской политикой продолжения заселения Западного берега реки Иордан и сектора Газа. Это американское «несогласие» столь своеобразно реализовалось в описываемых событиях.

После долгого маневрирования с целью ублажить Израиль и еще больше привлечь к себе Садата Соединенным Штатам удалось привести дело к подписанию двух

* Там же.

разработанных в Кэмп-Дэвиде документов – «Рамок мира на Ближнем Востоке» и «Рамок для заключения мирного договора между Египтом и Израилем». В факте одновременного принятия этих двух документов совпали различные интересы сторон.

Садату, как уже говорилось, первый документ был нужен хотя бы для какой-нибудь маскировки своего согласия пойти на сепаратный сговор, свидетельством и результатом которого стал второй документ.

Для Бегина сепаратный договор с Египтом был, естественно, главной целью. Бжезинский пишет, что Бегин всеми своими публичными заявлениями подчеркивал, что «единственно ценным для него является израильско-египетское соглашение»*. Однако одновременно Израиль добивался соглашения с Садатом и по общим проблемам, но именно такого соглашения, которое позволило бы Израилю зафиксировать несогласие с выводом своих войск с оккупированных территорий, создать механизм для выигрыша времени и образования наилучших условий для решения задач «преданнексионистского» периода на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа.

Обе стороны с помощью и при непосредственном участии США получили то, к чему в конечном счете стремились.

«Рамки мира на Ближнем Востоке» включали в себя положение о том, что резолюции Совета Безопасности ООН № 242 и 338 должны стать основой переговоров с целью общего урегулирования. Это положение было явно включено в качестве «ширмы» для Садата. Но ссылка на резолюции № 242 и 338 и тем более утверждение, что они послужат базой для переговоров, предлагаемых «Рамками», в действительности были чистой профанацией. Вопреки названным резолюциям, принятый в

* Brzezinski Z. Power and Principle. – P. 275.

Кэмп-Дэвиде документ провозглашал в качестве согласованного сторонами принципа сохранение израильских войск в определенных зонах и в то же время обходил вопрос о суверенитете над всем Западным берегом и Газой.

Причем эта нарочитая «неопределенность» с проблемой суверенитета была полностью обращена на пользу Израиля. Вводился пятилетний переходный период с того момента, когда будут созданы органы самоуправления. Далее расплывчато говорилось о том, что переговоры, да и то не сразу, начнутся между Израилем, Египтом, Иорданией и палестинцами для определения будущего Западного берега и Газы. С учетом конкретного контекста «Рамок мира на Ближнем Востоке» Израиль получил право вето на любое не устраивающее его после пятилетнего периода решение. А в течение всего переходного периода речь шла лишь об автономии для населения, а не территории.

В письмах глав Египта, Израиля и США, которые были приложены в качестве официальных документов к этим «Рамкам», можно выделить те, которые лучше помогают понять суть происшедшего. В письме, например, президента Картера говорилось: «В любом параграфе, где фигурирует выражение “Западный берег”, оно должно быть и будет интерпретировано правительством Израиля как Иудея и Самария»*. В качестве другого официального приложения фигурировало письмо Бегина к Картеру, в котором премьер-министр Израиля информировал в однозначно категорической форме о законе кнессета от 28 июля 1967 г., наделявшем израильское правительство полномочиями «выпускать декреты, ставить под юрисдикцию и государственное управление любую часть Эрец Израиль (территории Израиля – Палестины)». «Согласно этому закону, – продолжал Бегин, – правительство Израиля декретировало в июле 1967 г., что Иерусалим

* Vance C. Hard Choices. – P. 475.

является единым нераздельным городом – столицей государства Израиль»*.

Такой «обмен посланиями» позволял Израилю фиксировать те позиции, которые он не желал обсуждать на переговорах с Египтом или с другими арабскими странами. И эта фиксация осуществлялась в самой что ни на есть вызывающей форме: кнессет, дескать, принял закон, правительство издало декрет, а тот факт, что закон и декрет принимались по поводу незаконно захваченной в процессе агрессии у арабов территории, не имел при этом никакого значения.

За такой формой выведения за «Рамки» «спорных вопросов» стояла американская дипломатия.

Во втором документе, принятом в Кэмп-Дэвиде, в «Рамках для заключения мирного договора между Египтом и Израилем» стороны соглашались подготовить соответствующий договор в течение трех месяцев, к 17 декабря 1978 г. Израиль по тексту данных «Рамок» соглашался вывести свои войска с Синае до границ 1967 г., но в течение трех лет и по частям. Причем уже во время первого частичного отвода войск должны были быть нормализованы отношения между Израилем и Египтом. Премьер-министр Бегин обещал поставить перед кнессетом вопрос о будущем израильских поселений в Восточном Синае (но это обещание опять фигурировало не в тексте «Рамок», а в прилагаемом к ним письме Бегина к Картеру). Садат в свою очередь (тоже в письме на имя Картера) настаивал на ликвидации всех израильских поселений на Синае.

Некоторая израильская «уступчивость» по этому второму документу – согласие на вывод своих войск с Синае – как уже говорилось выше, была тесно связана с «гибкостью», проявленной Садатом по вопросу о Западном берегу и Газе, из которых, теперь уже при молчаливом

* Там же. – Р. 473.

согласии египетского президента, поставившего свою подпись под «Рамками мира на Ближнем Востоке», Израиль и не помышлял выводить свои войска.

17 сентября Садат, Бегин и Картер подписали оба документа на пышной церемонии в Восточной комнате Белого дома.

За два дня до этого ушли в отставку министр иностранных дел Египта Мухаммед Ибрагим Камель и главный юридический советник Набиль аль-Араби, входившие в состав египетской делегации в Кэмп-Дэвиде. Камель заявил, что он не хочет участвовать в сделке за счет палестинцев. Садат с готовностью принял их отставку.

Таким образом, контуры сделки были оформлены. Оставалось воплотить «Рамки» в сепаратный договор. Но для этого потребовались дополнительные усилия американской дипломатии, так как, добившись капитуляции Садата, Бегин еще больше ужесточил свою позицию, окончательно загнав Египет в угол.

II. Фактическое принятие израильской платформы

12 октября 1978 г. египетская и израильская делегации прибыли в Вашингтон для обсуждения деталей договора между двумя странами. Израиль выступил с тремя требованиями, которые шли уже дальше того, что было согласовано в виде «Рамок для заключения мирного договора между Египтом и Израилем». Первое из них – установление дипломатических отношений в полном объеме с обменом послами между двумя странами, но не после окончательного вывода израильских войск с Синая, а как только произойдет частичный их отвод до линии Эль-Ариш – Рас-Мохаммед.

Второе требование – зафиксировать положение, при котором заключаемый египетско-израильский договор имел бы преимущество по сравнению с любым другим обязательством Египта в отношении арабских стран в случае нового арабо-израильского столкновения. Иными словами, если любая другая арабская страна подверглась бы нападению Израиля, то Египет не смог бы оказать ей поддержку, даже в условиях существования соглашения о взаимопомощи с этой арабской страной – жертвой агрессии.

Третье – исключить из текста договора любую ссылку на связь между ним и принципами для договора об общем урегулировании или «Рамками мира на Ближнем Востоке».

Картер и другие представители США оказали большое влияние на египетскую делегацию с целью склонить ее к принятию требований Израиля. И под давлением американцев министр обороны Египта генерал К.Х. Али и государственный министр по иностранным делам Б. Бутрос-Гали пошли на попятную.

Но даже выдавший виды Садат не мог немедленно согласиться на принятие этих израильских требований, когда ему доложили обстановку по телефону из Вашингтона в Каир. Немаловажное воздействие на Садата, предопределившее его отказ от немедленной положительной реакции на израильские требования, фактически поддержанные американской делегацией, оказали нарочитые решения и практика израильского руководства по созданию новых поселений на оккупированных территориях. Именно во время переговоров в Вашингтоне Бегин объявил о новых планах израильского правительства по заселению Западного берега. Это было настолько наглое и циничное решение, что США поспешили от него отмежеваться. Ведь Бегин отступал даже от своей собственной версии договоренности с США – от того, что мораторий на строительство новых израильских поселений на

оккупированных арабских территориях будет введен на время переговоров с Египтом о заключении договора между двумя странами. Американцы считали эту версию сфальсифицированной Бегинем, но даже теперь, когда израильский премьер вообще отказался от какой-либо сдержанности в создании новых поселений на арабских территориях, захваченных силой в 1967 г., США не оказали ему никакого сопротивления – естественно, не на словах, а на деле. Тем более что Бегин категорически и в резких тонах официально отверг словесные американские протесты, которые, как хорошо понимал премьер-министр Израиля, не грозят перерасти в действия. Параллельно с новыми требованиями по договору с Египтом Израиль ужесточил свою позицию и в отношении вопроса о будущем Западного берега и сектора Газа. Израильские представители, ведущие переговоры в Вашингтоне и совершавшие полеты в Тель-Авив и обратно для информации Бегина и получения инструкций от него, заявили египтянам, что отказываются от положения о проведении после пятилетнего переходного периода референдума на Западном берегу и в Газе с участием палестинцев для определения будущего статуса этих земель. Бегин отверг и возможность даже частичной эвакуации израильских войск с Западного берега. Это было полным отходом от согласованного в Кэмп-Дэвиде положения, согласно которому предусматривалось сосредоточение израильских войск в так называемых «зонах безопасности» при частичном отводе их из районов, плотно населенных арабами.

Одновременно Израиль заявил в самой категорической форме, что он не приемлет никакого расписания или фиксированного времени для окончания переговоров о самоуправлении на Западном берегу и в Газе, проведения там выборов в местные органы власти.

Продиктовав все эти условия, Бегин 21 ноября позвонил по телефону Картеру и сказал, что кнессет принял

проект договора и теперь дело за Египтом. Даян заявил вслед за этим на пресс-конференции: «Египтяне могут принять его или отвергнуть его». Тель-Авив решил, таким образом, предъявить ультиматум Египту. США хранили по этому поводу молчание.

29 ноября Садат позвонил Картеру и попросил его передать письмо Бегину, в котором он предлагал Израилю смягчить позицию по вопросу о приоритетном характере египетско-израильского договора по сравнению со всеми предшествовавшими обязательствами Египта по отношению к другим арабским странам. В то же время Садат просил Бегина не делать жесткую израильскую позицию по Западному берегу непреодолимым препятствием для заключения договора между двумя странами. С этой целью он заявил о своей готовности обменяться с Бегинем письмами о том, что в течение месяца после ратификации договора египетский президент и израильский премьер-министр начнут переговоры с целью подготовить к сентябрю 1979 г. выборы органов самоуправления на оккупированных Израилем Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа и создать в течение месяца после этого местные органы самоуправления.

Таким образом, Садат, пытаясь облегчить «компромисс», на деле отказался от им самим же выдвигавшегося ранее требования, чтобы в тексте договора была органичная увязка с «продвижением в решении» проблемы Западного берега и Газы. Одновременно он пошел на встречу Израилю еще в одном вопросе: Садат заявил, что если Израиль отведет свои войска до линии Эль-Ариш – Рас-Мохаммед раньше срока, то Египет готов через месяц после этого уже не просто «нормализовать» свои отношения с Израилем, но и согласиться на обмен послами с ним.

Казалось бы, Бегин мог проявить «гибкость» и привести дело к подписанию договора с Египтом с учетом позиции Садата, что означало бы и в этом случае обеспе-

чение израильских интересов за счет арабских. Однако в Тель-Авиве решили, что еще не использованы полностью все резервы новых уступок Садата, и Бегин отказался принять предложение египетского президента.

17 декабря – дата, определенная для подписания египетско-израильского договора, – повисла в воздухе.

Арабское совещание в верхах, состоявшееся в Багдаде в ноябре, потребовало от Садата не подписывать капитулянтский договор, который мог резко ослабить позиции арабских стран в борьбе не только за ликвидацию последствий израильской агрессии 1967 г., но и против новых проявлений израильского экспансионизма. В случае подписания Садатом сепаратного договора с Израилем были предусмотрены серьезные экономические санкции против Египта. Все это, конечно, создавало для Садата определенные трудности в деле продвижения к сепаратному сговору. Но Садат зашел уже слишком далеко. К тому же его подталкивали к сговору активная позиция США, практические американские меры.

Нет, очевидно, необходимости рассказывать подробно о блиц-поездках по ближневосточным странам государственного секретаря США С. Вэнса, а в дальнейшем и президента Картера, о фактах обмена посланиями американских руководителей с лидерами Израиля, Египта и Саудовской Аравии. Главное – выявление того, к каким результатам приводили все эти мероприятия США.

10 декабря С. Вэнс привез в Каир Садату «компромиссные» американские предложения. Они сопровождались обсуждением с Садатом «того, что произошло в Иране». Садат «был очень обеспокоен»* антишахским и антиимпериалистическим поворотом событий в этой стране. Неизвестно, что на него подействовало больше, но в результате трехдневных, вернее, трехсуточных переговоров (так как они продолжались и ночью) он отказался

* Vance C. Hard Choices. – P. 241.

от своего требования определить конкретную дату выборов на Западном берегу. Одновременно Садат подчеркнул, что хотел бы ввода режима «самоуправления» раньше в Газе, которая, как известно, находилась до «шестидневной войны» 1967 г. под египетским административным контролем, а затем на Западном берегу. Бегин отверг и эти новые уступки и предложения со стороны Садата.

Тогда в поездку по Ближнему Востоку направился американский министр обороны Г. Браун. Президент Картер проинструктировал Брауна перед поездкой, выдвинув перед ним следующую задачу: с учетом свержения иранского шаха убедить Египет и Израиль в необходимости форсировать заключение договора, «чтобы положить конец взаимной изоляции этих двух стран – верных друзей США – и таким образом позволить всем обратить больше внимания на региональную безопасность»*, Браун дал рекомендации о еще большей интенсификации усилий США с целью как можно более быстрого подписания египетско-израильского договора и для этого предложил увеличить американскую военную и экономическую помощь Израилю и Египту.

В начале марта в Вашингтон прибыл Бегин. О чем он договорился с президентом Картером в течение двухдневной плотной беседы? Бегин сделал «уступку», согласившись на то, чтобы вопрос о приоритетном характере египетско-израильского договора в отношении всех других обязательств Египта не фигурировал в самом договоре. Однако этот вопрос лишь переносился в «разъяснительную сноску», в которой должно было быть зафиксировано следующее: «...если возникнут противоречия между обязательствами сторон по данному договору и любыми другими обязательствами, обязательства по данному договору будут непременными для претворения в жизнь».

* Там же. – Р. 243.

Иными словами, Бегин полностью сохранил свою позицию. Вместе с тем он ни на шаг не отошел от целой серии других своих требований, а также выдвинул новые. Среди них, например, письменное обязательство Египта поставлять «на основе преференций» Израилю нефть из источников на Синае.

После переговоров с Бегином Картер решил сам направиться на Ближний Восток. Он побывал в Египте, потом в Израиле, затем снова в Египте. Печать, мемуарная литература, книги, посвященные ближневосточному конфликту, пестрят описаниями «тяжелейших дебатов» Картера, Вэнса, Бжезинского с Бегином и его коллегами, обеда с членами израильского правительства и кнессета, во время которого за столом сидели люди с «сумрачными, напряженными лицами», «близких к отчаянию» американских руководителей, которым «просто не с чем было возвращаться в Каир». И вдруг – «прорыв»! Звонок к Вэнсу Даяна, многочасовая беседа – и затем все как в сказке: оптимизм, теперь уже «радостные лица», а на аэродроме при прощании слова Бегина, обращенные к Картеру: «Вы добились успеха».

Затем описание последней, каирской части турне президента США: опять напряженность – как раз здесь она была вполне закономерной, так как Картер фактически ничего нового не привез Садату. Министр иностранных дел Египта Халиль выглядел несчастным, когда он выслушал информацию американцев о результате их переговоров в Израиле. Садат слушал внимательно, задавал вопросы и вдруг сказал: «Я принял решение». Он согласился с «разъясняющим замечанием» о приоритетном характере договора, отказался от требования, чтобы автономия была введена сначала в Газе, и от посылки туда египетских офицеров связи еще до введения автономии. «Мы спустились в гостиную, – пишет Вэнс, – где Джихан Садат, Розалин и Гэй [жены Садата, Картера и Вэнса. – *Е.П.*] и оставшаяся часть нашей группы ждали с нетер-

пением в течение почти двух часов. “Мы согласились”, – сказал им президент, рядом с которым стоял улыбающийся Садат. Затем, окруженный всеми нами, президент позвонил Бегину»*.

26 марта в Вашингтоне договор был подписан Сада- том, Бегиним и Картером. Через несколько часов Вэнс с Даяном подписали американско-израильский меморан- дум о согласии – в нем давался ответ на целый ряд во- просов, определенность по которым была необходима Израилю.

Опять печать, мемуаристы и публицисты на Западе писали об эйфории, охватившей всех присутствующих. Со всех сторон сыпались поздравления в адрес глав трех государств. Но с чем можно было их реально поздра- вить? Следовало ли адресовать эти же поздравления и народам ближневосточных стран, кровно заинтересо- ванным в длительном мире?

Объективный ответ на эти вопросы поможет дать ана- лиз документов, подписанных в Вашингтоне 26 марта 1979 г., и приложений к ним.

Израиль получил первый сепаратный договор, при- чем с арабской страной, обладавшей самым большим во- енным потенциалом среди других арабских государств, страной самой развитой среди них в экономическом от- ношении, самой большой по населению.

Египетско-израильский договор, как считали его ав- торы, подталкивал и некоторые другие арабские госу- дарства к сепаратному соглашению с Израилем. В пре- амбуле договора – это было, как уже говорилось, сделано в маскировочных целях по настоянию Садата – содер- жалась ссылка на «необходимость справедливого, общего и длительного мира на Ближнем Востоке в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН № 242 и 3389». Вместе с тем – по настоянию Израиля – утверждалось,

* Vance C. Hard Choices. – P. 251–252.

что документ «Рамки мира на Ближнем Востоке», согласованный в Кэмп-Дэвиде 17 сентября 1978 г., «соответствует тому, чтобы образовать основу мира не только между Египтом и Израилем, но и между Израилем и каждым из его арабских соседей...»

Втягиванию других арабских стран в сепаратный сговор с Израилем служил механизм решения вопроса о Западном берегу реки Иордан и секторе Газа, намеченный договором. В согласованном письме президенту Картеру (от 26 марта 1979 г.), подписанном президентом Садатом и премьер-министром Бегинем и приложенном к договору в качестве официального документа, Египет и Израиль не только взяли на себя обязательство через месяц после подписания договора вступить в переговоры относительно «самоуправления» оккупированных территорий, но и пригласили принять в них участие Иорданию.

Сепаратный характер подписанного египетско-израильского договора ярко проявился – это было тоже сделано по настоянию Израиля – в том, что вопреки попыткам сопротивления со стороны Садата к договору все-таки было приложено в виде «согласованного разъяснения» положение о его приоритетном характере по сравнению с другими египетскими обязательствами, которые могли бы ему противоречить. Египет в результате заведомо исключался из общеарабского фронта даже в случае прямой агрессии Израиля против какой-нибудь арабской страны. Интервенция Израиля в Ливане, развязанная в 1982 г., показала, как это «разъяснение», органично пристегнутое к договору, претворяется в жизнь.

Египетско-израильский договор даже не пассивно обходил вопрос о праве палестинского народа на самоопределение, а активно препятствовал осуществлению этого права. Согласованный египетско-израильский подход к определению судьбы Западного берега и Газы отрицал саму возможность создания национального палестинского государства.

Чтобы ни у кого не было сомнения в истинном смысле согласованных между Египтом, Израилем и США целей «самоуправления» на Западном берегу и в Газе, в совместном письме Садата и Бегина Картеру подчеркивалось, что оно должно обеспечить «автономию для населения» (а не территории), и израильские войска не покинут оккупированные земли, а «передислоцируются в зоны безопасности». И чтобы вообще уж не было никакого сомнения в конечном результате «самоуправления» палестинцев на Западном берегу и в Газе, президент Картер – на этом тоже настоял Израиль – по получении этого письма добавил от себя «объяснительное замечание» (в соответствии с процедурой в Кэмп-Дэвиде) в тексты его копий, предназначенных для США и Израиля: «Я был информирован, что выражение “Западный берег” понимается израильским правительством как “Иудея и Самария”».

Ни в договоре, ни в одном из приложенных к нему писем, «пояснительных записок», «разъяснений», «дополнений» и т. д. не было ни в прямой, ни в косвенной форме зафиксировано хоть какое-то обязательство со стороны Израиля прекратить создание новых и расширение уже существующих еврейских поселений на Западном берегу. Как показали события, вслед за подписанием договора практика заселения израильянами оккупированных территорий неукоснительно продолжалась.

«Самоуправление» легализовывало израильскую оккупацию Западного берега и Газы. Идея «самоуправления» служила также политике израильской колонизации этих двух оккупированных в 1967 г. арабских территорий, так как молчаливо сосуществовала с ненарушаемой схемой их заселения израильянами и одновременно резко усиливала реальную возможность экономической интеграции Западного берега и Газы с Израилем в качестве его аграрного придатка и источни-

ка рабочей силы. Идея «самоуправления» использовалась, наконец, и для того, чтобы попытаться изолировать ООП, противопоставить ей жителей Западного берега и сектора Газа. Расчет делался на то, что, когда (или если) обсуждение будущего этих территорий (не позже чем через три года после того, как будет избран административный совет) все-таки начнется, ООП будет полностью исключена из переговоров, а проблема создания национального палестинского государства даже не возникнет.

Египетско-израильский договор в косвенной форме содержал положение, позволявшее превратно трактовать статус Газы.

В тексте договора – это тоже произошло по требованию Тель-Авива – в качестве «постоянной границы между Египтом и Израилем» обозначалась «признаваемая международная граница между Египтом и бывшей мандатной территорией Палестины... безотносительно вопроса о Газе». В такой формулировке Египет фактически признавал, что сектор Газа находится в особой сфере израильских интересов. Нельзя не подчеркнуть, что эта формулировка появилась в ответ на египетские призывы разрешить египетским офицерам связи выехать в сектор Газа, предоставить египтянам право безвизового въезда в этот район и распространить на него первый статус «самоуправления». Все это, пусть даже просто содержащее намек на особые интересы Египта в отношении Газы, было начисто отвергнуто Израилем. Даян издевательски заявил, что после частичного отвода израильских войск на Синае, египтяне могут поехать в Газу, но получив для этого израильскую визу, точно так же, как израильтяне, захотевшие посетить Каир, будут обращаться за египетской визой*.

И еще один немаловажный факт – египетско-израильский договор создавал условия для увеличения мас-

* Vance C. Hard Choices. – P. 249.

штабов постоянного американского военного присутствия в районе. В письмах от 26 марта 1979 г. Садату и Бегину, тоже приложенных к договору, президент Картер брал от имени Соединенных Штатов обязательство осуществить с помощью американского персонала обслуживание станций предупреждения на Синае. В этих же письмах предусматривалась обязательность решения США направить свой военный персонал для наблюдения за выполнением договора, если указанную задачу окажется не в состоянии выполнить ООН. События показали – об этом уже говорилось выше, – как США в действительности воспользовались данным положением.

Садат выглядел как сторона, капитулировавшая по всем узловым вопросам, за исключением вывода израильских войск с Синая. Но даже здесь израильтяне заставили его заплатить весьма дорого. Садат создал прецедент, когда не с полным, а с частичным выводом израильских войск увязывалось решение о полном и безоговорочном установлении многосторонних отношений с Израилем, в том числе дипломатических при обмене послами. Договор ликвидировал все формы экономического бойкота, обеспечивал свободу движения людей и товаров через границу, а также израильского судоходства по Суэцкому каналу и Тиранскому проливу (включая и военные корабли Израиля, так как не было никаких ограничений на этот счет).

Уже было показано, что настоящим инициатором и организатором египетско-израильского договора были Соединенные Штаты. Бжезинский описывает, как Картер говорил с Садатом: «Я буду представлять ваши интересы как мои собственные. Вы – мой брат»*. Характер договора высвечивает двусмысленность слов, обращенных к Садату. Договор действительно соответствовал «собственным» интересам США и, конечно, израиль-

* *Brzezinski Z. Power and Principle. – P. 284.*

ским интересам. Что же касается интересов арабов, да и самих египтян, если можно было бы абстрагироваться (этого, на самом деле, конечно, нельзя делать) от того, что они представляют собой часть арабского мира, то такие интересы были далеко не удовлетворены, наоборот, оказались подорваны. Это же относится и к интересам прочного справедливого всеобъемлющего урегулирования на Ближнем Востоке.

Соединенные Штаты втянули Садата, а в конечном счете и Египет в кэмп-дэвидскую сделку. Настоящий раздел книги посвящен демонстрации того, как это делалось. Если попытаться резюмировать сказанное или обозначить его графически, то можно было бы сначала зафиксировать исходные позиции Египта и Израиля по всем основным проблемам, а потом показать их динамику. При этом окажется, что в конце пути Израиль стоял на первоначальной точке отсчета или ушел от нее на крайне незначительное расстояние. А Египет, отойдя на большую дистанцию от своей первоначальной позиции, фактически перешел на израильскую платформу или остановился где-то вблизи от нее.

И все это устроили США.

Часть третья

К ЧЕМУ ЭТО ПРИВЕЛО

Глава 6

ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ

РЕКИ ИОРДАН И СЕКТОР ГАЗА: УКРЕПЛЕНИЕ ИЗРАИЛЬСКОГО КОНТРОЛЯ

I. Ползучая аннексия

Бывший генеральный директор израильского МИДа, а ныне профессор политических наук Еврейского университета в Иерусалиме Ш. Авинери писал в статье, опубликованной в американском журнале «Foreign Policy» весной 1982 г.: «Бегин рассматривал Кэмп-Дэвид как уникальный шанс обменять Синай на укрепление нынешнего израильского контроля над Западным берегом и Газой и постоянную возможность домогаться этих территорий в будущем»*. Иными словами, на возможность навечно сохранить за Израилем территории Западного берега и сектора Газа.

* Foreign Policy. – Spring 1982. – P. 22.

После подписания египетско-израильского договора глава отдела колонизации Всемирной сионистской организации М. Дроблес, отражая взгляды «Ликуда», совершенно откровенно писал, например, о целях стратегии в «Иудее» и «Самарии»: «Сейчас наиболее подходящий момент, чтобы мы проводили кампанию интенсивной колонизации – особенно в возвышенных местах Иудеи и Самарии... Мы должны верить, что автономия никогда не будет применена к территориям, а лишь к арабскому населению. Исходя из этого, необходимо незамедлительно прибрать к своим рукам все земли в Иудее и Самарии, находившиеся во владении государства [иорданского. – *Е.П.*], а также все необрабатываемые земли, с тем чтобы нами были заселены все районы между и вокруг центров расселения арабов с целью уменьшить, по возможности, опасность создания в будущем на этих территориях арабского государства. И поскольку еврейские поселения лишат эти центры связи, то их населению будет очень трудно создать какое-либо связанное воедино политическое или территориальное образование. Мы должны навсегда отбросить сомнения по вопросу сохранения за собой территорий, и лучшим способом избавиться от таких сомнений при намерении удержать за собой навечно Иудею и Самарию является ускорение темпов колонизации и увеличения численности еврейских поселений в этих районах».

По словам бывшего израильского министра обороны Вейцмана, «как только договор [с Египтом. – *Е.П.*] был подписан, Бегин отказался от продвижения мирного процесса». Вейцман подчеркивает при этом, что Бегин и его сторонники представляли себе кэмп-дэвидское соглашение как «способ увековечивания в какой-то форме израильского правления на Западном берегу реки Иордан»*.

* *Weizman E. The Battle for Peace.* – Toronto: Bantam Books, 1981. – P. 190.

Именно это и определило характер переговоров между двумя странами в отношении «самоуправления» палестинцев на оккупированных территориях, которые, как и было обусловлено, начались вслед за подписанием египетско-израильского договора. Израиль в переговорах – этого следовало ожидать – занял крайне экстремистскую позицию: он отказывался, во-первых, рассматривать даже вопрос о возможной автономии этих территорий и, во-вторых, «самоуправление» мыслилось лишь в крайне ограниченных сферах при сохранении главных, основных функций безопасности – армии и полиции, финансов, законодательной деятельности и т. д. – в руках израильского государства. Между тем эти переговоры шли (до того момента, когда в условиях открытой вооруженной агрессии Израиля против Ливана Египет отложил свое участие в них «до лучших времен»), и тягучие и бесплодные дискуссии, очевидно, нужны были Израилю главным образом для того, чтобы демонстрировать свое «желание» решать проблему и в то же время отвлекать внимание от подготовки и осуществления окончательной аннексии Восточного Иерусалима, затем от присоединения Голанских высот и интенсивной подготовки к увековечиванию израильского контроля над Западным берегом реки Иордан и сектором Газа.

В экспансионистской политике Израиля особое место занимал Иерусалим, долголетняя борьба за аннексию которого достигла кульминации после подписания египетско-израильского договора.

К моменту образования Израиля значительное число еврейских эмигрантов уже проживало в западном секторе Иерусалима, в то время как восточная его часть полностью сохранила арабский характер. В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 181 от 29 ноября 1947 г., получившей название «резолюция о разделе Палестины», предусматривалось существование единого Иерусалима в качестве отдельной административной единицы

под эгидой Совета по опеке Организации Объединенных Наций. Город Иерусалим, сыгравший огромную роль в истории трех религий, провозглашался «специальным международным режимом», демилитаризованным, с Законодательным советом, «избираемым взрослым населением города без различия национальной принадлежности». Законодательный совет наделялся правом издавать законы и облагать налогами. Одновременно в резолюции № 181 подчеркивалось, что никакие изменения в отношении международного статуса Иерусалима не могут осуществляться без согласия Генеральной Ассамблеи ООН.

В другой резолюции Генеральной Ассамблеи ООН – № 194 от 11 сентября 1948 г. – вновь подтверждались принципы международного статуса Иерусалима.

Однако фактическая судьба Иерусалима была решена отнюдь не на основе этих резолюций. Война 1948 г., которая вспыхнула сразу после провозглашения Израиля в качестве государства, закончилась перемирием. К этому моменту Израиль захватил значительную часть территорий, выделенных решением Генеральной Ассамблеи ООН о разделе Палестины под арабское государство, и западную часть Иерусалима. Восточный Иерусалим и Западный берег реки Иордан подпали под суверенитет Трансиордании, которая после этого стала называться Иорданией.

По соглашению о прекращении огня между Израилем и Иорданией, подписанному 30 ноября 1948 г., был подтвержден де-факто раздел Иерусалима. В дальнейшем такой раздел был подтвержден и соглашением о перемирии между Израилем и Иорданией от 3 апреля 1949 г.

Оба соглашения были заключены при посредничестве ООН. Первым посредником, назначенным Генеральной Ассамблеей ООН, был граф Бернадот. Незадолго до своей смерти от рук израильской террористической группы, в которую входил и наследник Бегина в партии «Херут» и на посту премьер-министра Шамир, Бернадот заявил

следующее: «Город Иерусалим... должен быть предметом особого решения и поставлен под фактический контроль ООН с максимальной практически осуществимой местной автономией для арабской и еврейской общин и с полной гарантией охраны святых мест и свободного к ним доступа, равно как и религиозной свободы».

Израиль абсолютно не считался с решениями Генеральной Ассамблеи, широким консенсусом в международном сообществе по вопросу о статусе Иерусалима и начал распространять свою юрисдикцию на ту часть города, которую он оккупировал. В сентябре 1948 г. в западной части Иерусалима был размещен Верховный суд Израиля. В феврале 1948 г. там же было создано заседание кнессета, 23 января 1949 г. кнессет провозгласил Иерусалим столицей Израиля, и к 1951 г. израильские министерства обосновались в западной части города.

Во время «шестидневной войны» в июне 1967 г. Израиль оккупировал восточную часть Иерусалима. Палестинский муниципалитет, функционировавший в Восточном Иерусалиме с 1948 г., был разогнан, а мэр города Рухи аль-Хатиб – насильственно депортирован. 22 июня 1967 г. Израиль формально аннексировал Восточный Иерусалим. Сразу же израильские бульдозеры начали разрушать дома мусульманского квартала Маграби, пробивая широкий проход к «Стене плача». Началось вытеснение арабского населения из Старого города. Бывший еврейский квартал там был расширен в 4 раза по сравнению с 1948 годом*. Был создан муниципалитет «Большого Иерусалима», в расширенных границах которого началась интенсивная конфискация арабских земель «для общественных нужд» с целью застройки под еврейские кварталы.

30 июля 1980 г. Израиль принял так называемый «основной закон», провозглашающий весь Иерусалим

* Journal of Palestine Studies. – Summer 1983. – P. 59.

«вечной и неделимой столицей Израиля». Совет Безопасности ООН заявил, что он «порицает самым решительным образом принятый Израилем “закон” и отказ выполнять соответствующие резолюции ООН». «Основной закон» был назван нарушением международного права, и Совет Безопасности объявил его недействительным, потребовав немедленной его отмены, а также призвал государства, имеющие в Иерусалиме свои посольства, перевести их в Тель-Авив. 15 декабря 1980 г. Генеральная Ассамблея ООН также самым решительным образом выступила против объявления Иерусалима «вечной и неделимой столицей Израиля».

Однако Израиль полностью игнорировал все эти резолюции. Более того, его руководство усилило планомерное давление на палестинское население, пытаясь вытеснить его из города. Восточный Иерусалим продолжал обкладываться израильскими поселениями – уже в конце 70-х годов их было 12, а пятилетним планом (к середине 80-х годов) было намечено создать еще 28. В самом городе продолжали расширяться еврейские кварталы – их было создано до конца 70-х годов восемь с населением в 60 тысяч человек. С 1967 по 1980 г. арабское палестинское население Иерусалима сократилось на одну треть.

Вслед за противозаконным провозглашением «неделимого» Иерусалима столицей государства Израиль кнессет принял 14 декабря 1981 г. закон о распространении израильской юрисдикции, законов и управления на сирийскую территорию – Голанские высоты, оккупированную в 1967 г. Это означало фактическую аннексию и этой земли. Сразу же вслед за аннексией Голанских высот израильские власти запретили всем сирийским гражданам – бывшим жителям этих мест, за исключением сирийских друзов, вернуться в свои дома и заниматься сельским хозяйством. В итоге на Голанских высотах осталось только от 8 до 15 тысяч (оценки колеблются)

арабского населения. Вместе с тем в январе 1982 г. израильское правительство объявило, что к середине 80-х годов к 7 тысячам израильтян, уже населявших Голанские высоты, добавится еще 20 тысяч, и израильское население к 1986 г. станет доминирующим. Если сказать еще, что все арабские жители Голанских высот обязаны носить при себе израильское удостоверение личности – их штрафуют, если они этого не делают – и что две трети активного арабского населения Голанских высот ездит на работу в Израиль, то становится ясно, насколько интенсивно израильские власти подводят соответствующую демографическую и экономическую основу под принятое ими решение об аннексии исконной сирийской территории.

Конечно, преобладающее большинство стран никогда не смирится с этим произволом. Распространение израильских законов, юрисдикции и управления на Голанские высоты было названо Советом Безопасности ООН в резолюции № 497 от 1981 г. «недействительным и не имеющим международной юридической силы».

Наконец, кэмп-дэвидская договоренность и последовавшее за ней подписание египетско-израильского договора были ознаменованы Тель-Авивом целой серией мероприятий так называемого «преданнексионного» этапа на Западном берегу и в Газе. Раскрывая суть этих мер, а также их место в общем подходе правящих групп Израйля к проблеме присоединения оккупированных в 1967 г. арабских земель, профессор Массачусетского технологического института (США) Ноам Хомский писал: «Несколько позже окончания войны 1967 г. обе крупнейшие политические группы в Израиле [“Маарах” во главе с Партией труда и “Ликуд” во главе с Бегинном. – *Е.П.*] взяли на себя задачу интеграции оккупированных территорий в Израиль в той или иной форме. С приходом к власти коалиции “Ликуд” и исключением Египта из конфликта [в результате кэмп-дэвидских договоренно-

стей. – *Е.П.*] эти шаги известными методами были чрезвычайно ускорены... Долговременная логика этой программы заключается в том, что большинство населения должно быть тем или иным способом вытеснено»*.

Для осуществления задач подготовительного перед аннексией периода израильское руководство использовало и использует различные средства: заселение оккупированных территорий, экспроприацию в той или иной форме арабских земель, репрессии против арабского населения, препятствия в получении финансовых переводов из нефтедобывающих стран, закрытие арабских высших учебных заведений, высылку представителей интеллигенции, поиски среди палестинцев людей на роль квислингов²⁸ и т. д. и т. п.

Главным среди этих средств, несомненно, является заселение оккупированных территорий. Стремясь создать «юридическую базу» под такое заселение, Бегин провел ряд решений правительства и кнессета. Основные среди них – решение о «праве» беспрепятственно создавать израильские поселения на арабских землях и решение запретить демонтировать эти поселения. Последнее решение было принято сразу же вслед за выводом израильских войск с Синая. Восторги на Западе в связи с этим «мужественным шагом Израиля» – конечно, при этом по вполне понятным причинам избегали упоминать, что Израиль уходил не со своей, а с чужой территории, захваченной им силой у Египта в 1967 г., и аплодировать ему за такой уход было по меньшей мере противоестественно – сослужили неплохую службу израильским экспансионистам. Решение о запрете демонтажа поселений можно было однозначно интерпретировать как реальный шаг к аннексии захваченных в 1967 г. арабских земель и как заранее объявляемый в ультимативной форме отказ включать этот жизненно важный для арабов во-

* Middle East International. – 16.07.1982. – P. 3.

прос в возможные переговоры о политическом урегулировании.

Такая политика и практика в отношении колонизации оккупированных в 1967 г. арабских территорий привела к тому, что после кэмп-дэвидского сговора стало быстро расти число израильских поселений на арабских землях, а все большая часть этих земель – и принадлежащих иорданскому государству, и так называемых бесплодных, и «необработываемых», и представляющих интерес с точки зрения «безопасности» Израиля (отходящих под израильские армейские лагеря и укрепленные пункты), и необходимых для «общественных нужд» – экспроприровалась Израилем.

После 1979 г. израильские власти начали использовать еще и другой подход: была возрождена статья 103 бывшего Оттоманского кода о земле. По этому закону каждый, кто получил разрешение властей, может обрабатывать свободную землю, но окончательное право на нее остается за султаном. Практически взяв на себя функцию преемников султана, израильские власти приравнивали все незарегистрированные земли «к государственным». Учитывая, что кадастровое описание в период землеустройства, проведенное в 1967 г. Иорданией, охватывало только $\frac{3}{8}$ территории Западного берега, это приравнивание, по словам бывшего израильского заместителя мэра Иерусалима Мерона Бенвенисти, дает возможность израильским властям захватывать практически любую землю*.

По данным канцелярии наследного принца Иордании Хасана, по состоянию на февраль 1983 г. Израиль конфисковал в общей сложности 44 % общей площади Западного берега, включая Восточный Иерусалим, или 2453 км²; примерно 23 % всей площади Западного берега было предназначено для использования с целью созда-

* *Benvenisti M. The West Bank and Gaza Strip Project. – Washington, 1982. – P. 41.*

ния израильских поселений и так называемых зон безопасности.

А по другой оценке – речь в данном случае идет о землях, не предназначенных, а могущих быть использованными под израильские поселения, – от 55 до 65 %*.

Факты и цифры со всей очевидностью показывают увеличение масштабов и ускорение процессов заселения Западного берега реки Иордан и сектора Газа израильскими колонистами после подписания сепаратного договора Израиля с Египтом. По состоянию на начало 1983 г. на Западном берегу и в Восточном Иерусалиме уже существовало 453 израильских поселения. С апреля 1979 г. по конец 1982 г. общее число израильских поселенцев на Западном берегу, включая Восточный Иерусалим, выросло с 91 до 140 тысяч человек. По разработанному израильскими властями плану к 2000 г. на Западном берегу, включая Восточный Иерусалим, будет насчитываться 1,4 млн израильтян и 1,6 млн арабов. Сионистским департаментом по делам поселений был разработан долгосрочный генеральный план, согласно которому к 1987 г. предусмотрено создать на Западном берегу еще 57 поселений, которые будут включать несколько городов и населенных пунктов городского типа.

Увеличение еврейского населения на Западном берегу и в секторе Газа имело и имеет своей целью не только создать как бы постоянно работающий пресс для вытеснения исконных жителей – арабов, но и облегчить принятие преданнексионистских, а в последующем и аннексионистских законодательных актов в кнессете. Причем речь идет не только об «обосновании» захвата этих арабских территорий Израилем, но и о создании соответствующего механизма для гарантированного проведения через кнессет решений, ведущих к этому захвату, а затем и санкционирующих его. Один из израильских офици-

* New York Times. – 12.09.1982.

альных деятелей назвал цифру в 100 тысяч еврейских поселенцев на оккупированных землях «критической массой», так как такое число даст 50 тысяч голосов на выборах в кнессет и создаст таким образом «группу давления» для того, чтобы эффективно воспрепятствовать переходу этих территорий под суверенитет самих палестинцев или Иордании*.

Наряду с экспроприацией земли, принадлежавшей палестинцам, и строительством на ней поселений для израильских колонистов, администрации Бегина и Шамира делали все, чтобы создать и другие условия, которые имели своей целью не давать увеличиваться арабскому населению на оккупированных землях Западного берега и Газы, а в дальнейшем, возможно, осуществить меры по радикальному уменьшению числа палестинцев на этих территориях.

Естественно, что при этом большое внимание уделялось насильственным мерам. По подсчетам бывшего израильского генерала профессора М. Пеледа, за период с 1967 по 1980 г. в израильских тюрьмах перебивало 20 % палестинского арабского населения Западного берега и сектора Газа, то есть более 200 тысяч человек**.

Большое внимание израильские власти уделяли и экономическим мерам, направленным на интеграцию Западного берега и Газы с Израилем, с тем чтобы вынудить арабское население уходить с этих территорий, а оставшуюся часть включить в систему израильской экономики в сделать полностью зависимой от ее развития.

В результате дискриминационных мер экономического порядка уменьшилась численность занятого палестинского населения, живущего и работающего на оккупированной территории, – с 152,7 тысяч человек в 1970 г. до 140 тысяч в 1980 г. Одна из причин этого – эмиграция в арабские страны значительного числа лиц, не удовле-

* Indian Express. – 27.11.1979.

** Гаарец. – 7.08.1980.

творенных условиями жизни на оккупированных территориях, прежде всего отсутствием возможности трудоустройства, особенно для молодых людей, имеющих образование и профессиональные навыки. По различным оценкам, с Западного берега, включая Восточный Иерусалим, и из сектора Газа эмигрирует ежегодно до 20 тысяч человек. Израильские власти делают все для того, чтобы затруднить или исключить их возвращение на родину. С этой целью издан ряд специальных административных постановлений. Вместе с тем сокращение числа занятых палестинцев на Западном берегу и в Газе вызвано экономической ситуацией, при которой многие работающие в сельском хозяйстве, ремесленники не выдерживают конкуренции со стороны товаропроизводителей в Израиле и в еврейских поселениях.

Причем такое сокращение числа занятых палестинцев контрастирует – и в этом как раз ярко проявляется концепция израильского подхода к положению дел на оккупированных территориях – с несомненным и постоянным ростом численности тех, кто продолжает проживать на оккупированных территориях, но работает в Израиле. Их число выросло с 20600 в 1970 г. до 75800 в 1981 г. Эта цифра практически может быть увеличена еще на 25 % за счет тех лиц, которые неофициально получили работу на территории Израиля и поэтому не учитываются в статистике.

Авторы доклада Экономического и Социального Совета ООН, опубликованного в период XXXVIII сессии Генеральной Ассамблеи²⁹, пишут: «Можно заключить, что не менее 44 % занятого населения, проживающего на оккупированных палестинских территориях, работает в Израиле. По оценкам, представленным Организацией освобождения Палестины и полученным из иорданских источников, эта цифра еще выше – на уровне двух третей».

Положение будет еще яснее, если добавить, что преобладающая часть рабочих мест в Израиле предназначена

для неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих. Все палестинские рабочие с оккупированных территорий лишены права проживания в Израиле и должны, подвергаясь проверкам, ежедневно ездить на работу в Израиль, что занимает обычно от двух до четырех часов. Заработная плата палестинцев ниже, чем заработная плата израильтян, выполняющих ту же самую работу.

Серьезным рычагом для осуществления такой демографической и экономической преданнексионистской практики на оккупированных территориях является ограничение перевода на Западный берег и в Газу финансовых средств из арабских государств.

Итак, категорический отказ от автономии Западного берега реки Иордан и сектора Газа при некоей видимости их самоуправления – такая «формула», выработанная Бегином и нашедшая поддержку в процессе кэмп-дэвидского сговора, была рассчитана на «преданнексионистский» период и должна была благоприятствовать решению задачи вытеснения с этих оккупированных территорий значительной части палестинского населения.

II. Препятствие на пути экспансии – Организация освобождения Палестины

Однако для воплощения этой «формулы» в жизнь руководству Бегина – Шамира – Шарона категорически требовалось нейтрализовать сильнейшее влияние Организации освобождения Палестины среди палестинского населения оккупированных территорий и найти палестинских квислингов, готовых подыгрывать израильскому руководству. И то и другое было тесно связано между

собой. Для осуществления экспансионистских планов Израилю чрезвычайно важно было создать антипод Организации освобождения Палестины на Западном берегу и в Газе.

По этому вопросу проявилась преемственность политики всех израильских правительств. Еще во время нахождения у власти Партии труда была осуществлена явная попытка подобного рода – в 1976 г. состоялись выборы мэров городов на оккупированных территориях. Санкционируя эти выборы, израильское руководство рассчитывало на то, что ему удастся создать противовес ООП, обладающий «респектабельными» чертами выборного органа. С помощью этого, по мнению израильского руководства, можно было бы легче ввести в заблуждение общественное мнение. Но антипода ООП путем выборов создать не удалось. Несмотря на давление со стороны израильской военной администрации, результаты выборов все-таки отражали реальные настроения населения оккупированных городов. Заняв вначале крайне негативную позицию в отношении выборов в муниципалитеты арабских городов на оккупированных землях и призвав население их бойкотировать, исполком ООП затем пересмотрел свое отношение к выборам. Это тоже сыграло свою роль. М. Даян в книге «Прорыв» приводит разговор, состоявшийся у него в 1977 г. с Бжезинским, который в то время был помощником президента Картера по вопросам национальной безопасности: «Бжезинский спросил, кто из мэров [на оккупированных территориях. – *Е.П.*] поддерживает ООП. Я ответил – все»*.

После заключения кэмп-дэвидских соглашений мэры городов Западного берега и Газы – среди них самыми активными были мэры городов Наблуса – Бассам Шакаа, Рамаллаха – Керим Халаф, Хеврона – Фахд Кавасма, Хальхуля – Мухаммед Мильхем и некоторые другие –

* *Dayan M. Breakthrough.* – P. 58.

создали «Комитет национальной ориентации», объединивший практически все палестинские группировки на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Эта организация была создана для борьбы против разработанного на основе кэмп-дэвидских соглашений трехстороннего (Египет, Израиль и США) проекта административной автономии. Комитет быстро становился центром политического сопротивления израильской политике.

Дела оккупированных территорий находились в ведении министерства сельского хозяйства, в то время уже возглавлявшегося генералом Шароном, который, по словам иерусалимского корреспондента агентства АФР, предложил использовать «необычные средства» «для наведения порядка». Мэры городов Хальхуль и Хеврон были без суда и следствия высланы из страны. Через считанные дни после этого, 2 июня 1980 г., было совершено покушение на мэров Наблуса и Рамаллаха. Первый лишился обеих ног, второй тоже получил тяжелые ранения. Это случилось при схожих обстоятельствах: взрывы произошли тогда, когда мэры включили моторы своих автомобилей. Одновременно неудавшееся покушение было совершено на мэра города Эль-Бира – в его адрес была направлена посылка с бомбой.

За покушениями последовал спектакль: Бегин выразил «глубокое сожаление». После этого стал распространяться слух о том, что секретная служба «Шин-Бет» жаждет расследования. Потом израильское телевидение указало, что Бегин против расследования. Затем канцелярия Бегина объявила, что руководитель израильской службы безопасности будет освобожден от должности, правда, в конце года и по его собственной просьбе. Потом анонимный начальник «Шин-Бет» опроверг сообщения, что его отставка вызвана тем, «будто Бегин препятствует расследованию». После этого было объявлено, что Бегин дал указание провести «энергичное расследование». Потом... все ушло в песок. Дело, естественно, не

дошло до громкого процесса, тем более до кампании осуждения антиарабского терроризма. «Все они в сговоре, – прокомментировал случившееся мэр Наблуса Бассам Шакаа. – Покушение было совершено оккупационными властями»*.

В марте 1982 г. мэры Наблуса Шакаа и Рамаллаха Халаф были смещены со своих постов израильской администрацией. Уже во время израильского вторжения в Ливан, летом 1982 г., оккупационные власти сместили еще двух мэров – Дженина (Западный берег) и Газы, доведя число арабских мэров на оккупированных землях, насильственно отстраненных израильской администрацией, до шести.

Репрессии, можно считать, обрушились на всех без исключения членов «Комитета национальной ориентации». Наряду со взрывами бомб были введены жесткие ограничения на политическую активность мэров. Так, старейшему из них – мэру города Тулькарм Хельми Хаинун – оккупационные власти запретили покидать город и участвовать во встречах, носящих политический характер. Аналогичное решение было принято и в отношении мэра города Акраба Вахида Хамадалла. В результате всего этого комитет практически перестал действовать.

Все эти акции были результатом политики «Ликуд» на оккупированных территориях, а точнее, курса, в разработке которого в наибольшей степени участвовали Бегин и Шарон, те самые Бегин и Шарон – и это закономерно, – которые несут наибольшую ответственность за широкомасштабное израильское вторжение в Ливан в июне 1982 г.

Как только Бегин пришел к власти, он предложил Шарону – бывшему генералу, руководившему в свое время в израильской армии подразделением специального назначения для борьбы с палестинским сопротив-

* Le Monde. – 14.08.1980.

лением*, человеку крайне амбициозному и жестокому – пост министра сельского хозяйства, передав ему в руки не только вопросы создания и функционирования израильских поселений на Западном берегу, в Газе, на Голанских высотах и Синае, но практически все проблемы, связанные с оккупированными арабскими землями. При Шароне, который непосредственно отвечал за это направление во время первого правительства Бегина вплоть до выборов в 1981 г., а после формирования второго правительства Бегина уже получил важнейший пост министра обороны, усилились репрессии против палестинских патриотов, была резко активизирована политика безудержного заселения израильцами захваченных арабских земель.

Шарон был «духовным отцом» крайне экстремистской организации «Гуш эмуним», которая поставила своей целью основание еврейских поселений на «исторической территории» «великого Израиля» без всякого на этот счет разрешения даже со стороны сочувствующего ей израильского правительства. Шарон был тесно связан и с бандитами-террористами, например из организации «Сыны Сиона», которая взяла на себя ответственность за покушение на мэров. Что касается отношений Шарона с Бегиним, то они были безупречными.

Однако вернемся к политике Бегина на оккупированных землях. Провалившись с попыткой создать в лице мэров городов оккупированных территорий «респектабельный» («избранный демократическим путем») про-

* Бывший советник ЦРУ и в разные времена сотрудник отделов по политическому планированию Белого дома и Пентагона У.К. Ивленд пишет: в 1953 г. Даян создал «подразделение 101», чьи рейды на беззащитные арабские деревни и убийства «в отместку» прикрывались фальшивыми сообщениями израильского правительства. Шарон командовал «подразделением 101» в его первой крупной операции 14 октября 1953 г. в деревне Кибья, в которой было убито 53 ни в чем не повинных мужчин, женщин и детей (*Eveland W. Ropes of Sand. America's Failure in the Middle East. – New York: Norton, 1980. – P. 353*).

тивовес Организации освобождения Палестины, израильские власти не только сделали все, чтобы лишить дееспособности институт мэров, но и начали поиски на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа нового «антипода» ООП. Для этого стали создаваться так называемые «сельские ассоциации».

Спустя несколько месяцев после муниципальных выборов на Западном берегу в 1976 г., когда мэрами большинства городов были избраны сторонники ООП, произошла замена советника по делам арабов в военной администрации Израиля на оккупированных территориях. Им стал генерал запаса профессор Еврейского университета в Иерусалиме М. Мильсон, который позже был назначен Шароном главой «гражданской администрации». С именами Мильсона и его помощника И. Кармона было связано возрождение созданной еще в 1973 г. и бездействовавшей с тех пор «Ассоциации феллахов», получившей затем название «Лига сельских ассоциаций». Собственно, это являлось повторением созданной еще в 1924 г. Еврейским агентством в районах Назарета, Наблуса и Хеброна «Хизб аз-Зурра», или крестьянской партии. Главной задачей этой партии было усиление сельской оппозиции антисионистскому арабскому движению, базировавшемуся в городах. Несмотря на значительную разницу между всеми этими организациями, созданными в разное время, «они отражали упорное и продолжительное идеологическое стремление их сионистских организаторов мобилизовать консервативное крестьянство против базирующегося на городах националистического движения»*, – пишет профессор социологии университета в Бир-Зейте С. Тамари.

Лига начала с того, что провозгласила своей целью лишь «разрешение спора между сельскими жителями наиболее эффективным способом и с наименьшими

* Journal of Palestine Studies. – Summer 1983. – P. 42.

затратами». Одновременно подчеркивалось, что лига не намерена «втягиваться в политику»*. Однако уже в 1982 г. та же Лига сельских ассоциаций объявила себя на митинге в Хевроне «авангардом миролюбивых сил Западного берега и Газы, чья историческая задача заключается в мобилизации палестинцев против фанатизма»**. Что под этим подразумевается в действительности, показал «идеолог» Джаудат Савалха, который сформулировал задачу лиги: бороться против влияния ООП и вести переговоры с Израилем от имени палестинцев***.

Во главе Лиги сельских ассоциаций был поставлен некто Мустафа Дудин – коллаборационист, бывший полицейский, в годы британского мандата занимавший ряд постов в Иордании, крупный помещик. Израильские власти сделали все, чтобы укрепить его позиции, М. Дудин и его брат, по сути дела, стали посредниками между деревенскими старостами (мухтарами) на оккупированных территориях и израильскими властями. Как только кто-нибудь из мухтаров обращался к оккупационным властям – по любому вопросу, начиная от разрешения на строительство дороги и кончая получением пропуска в Иорданию, его, как правило, направляли к М. Дудину. Одновременно израильская администрация стала поощрять те деревни, которые присоединились к Лиге сельских ассоциаций, и ущемлять тех, кто отказывался это сделать. Лига сельских ассоциаций заимела собственный бюджет, свою вооруженную милицию, тюрьмы и выходящий раз в две недели печатный орган «Аль-Мираа» («Зеркало»).

Накануне подписания кэмп-дэвидских соглашений израильские власти сделали ставку на превращение лиги в прообраз будущего органа палестинского «самоуправления» на Западном берегу и в Газе, о чем Дудину сказал

* Аль-Кудс. – 1.08.1978.

** Аль-Айба. – 14.11.1982.

*** Маарив. – 17.07.1982.

Шарон. Он же представил руководителей лиги министру обороны США Уайнбергеру, посетившему Израиль, как «умеренное руководство палестинцев Западного берега»*.

Для того чтобы полностью нейтрализовать институт мэров и их «Комитет национальной ориентации» и противопоставить ему Лигу сельских ассоциаций, израильские власти запретили арабским городам и «неассоциированным» деревням принимать деньги от совместного иордано-палестинского комитета. Этот комитет был создан в 1978 г. после общеарабской встречи на высшем уровне в Багдаде для распределения средств (около 150 миллионов долларов ежегодно), выделяемых нефтедобывающими странами на осуществление различных проектов муниципалитетов на Западном берегу и в секторе Газа – строительство школ, госпиталей, детских учреждений. Эти средства были фактически главным источником финансирования бюджетов муниципалитетов арабских городов. После запрета на перевод таких средств единственным источником подобного рода, кроме муниципальных налогов, оставался бюджет израильской администрации – сначала военной, а потом гражданской. Однако этот бюджет был несопоставим по своим размерам с запрещенными переводами. В то же время его большая часть была предназначена для Лиги сельских ассоциаций. Израильское телевидение на арабском языке неоднократно показывало, как военный губернатор, гражданский «координатор» либо другой представитель израильской администрации передает денежный перевод Дудину, а тот в свою очередь вручает его «уважаемому лицу» деревни, вступившей в Лигу сельских ассоциаций.

«Лига развивалась в связи с двойной стратегией израильской администрации, разработанной “командой” Шарона – Мильсона – Кармона и направленной на ликви-

* Jerusalem Post. – 2.09.1982.

дацию инфраструктуры ООП на Западном берегу и в Газе при одновременном создании альтернативы в виде “умеренного” местного руководства, способного выполнить функции палестинского компонента в переговорах об автономии [“самоуправления”. – *Е.П.*]»*, – пишет профессор С. Тамари.

Однако лига оказалась слабым инструментом для этой «двойной стратегии».

Израильская газета «Гаарец» 30 ноября 1981 г. писала о бесплодности попыток противопоставить сельское население оккупированных территорий городскому населению, приведя в этой связи весьма красноречивый факт: соотношение политических заключенных в израильских тюрьмах из сельских и городских местностей соответствует соотношению между сельским и городским населением вообще на Западном берегу и в Газе.

«Цели, преследуемые Шароном и Мильсоном, заключались в том, чтобы разделить и ослабить палестинцев, – резюмировал журнал “Middle East”, – но вместо этого они объединили все население вокруг ООП еще в большей степени, чем в любое время после муниципальных выборов 1976 года...»**

Еще одна веха израильской политики на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа связана с осуществленным Шароном переходом от военной к гражданской администрации на оккупированных территориях. Это произошло уже после того, как Шарон пересел в кресло министра обороны, сохранив за собой основную роль в выработке политики и руководстве практическими делами на оккупированных землях.

Многих поразил тон «тронной речи» нового министра обороны. Шарон старался выглядеть как можно более «покладистым» в отношении палестинского населения и

* Journal of Palestine Studies. – Summer 1983. – P. 54.

** The Middle East. – February 1982. – P. 21.

объявил о «серьезных изменениях» на Западном берегу и в Газе. Израильские войска, обещал Шарон, не будут теперь входить на территорию школ во время демонстрации, а контроль над внутренними делами будет во многом осуществляться самими палестинцами. Было объявлено также о ликвидации контрольно-пропускных пунктов израильской армии на дорогах, за исключением тех случаев, «когда непосредственно затрагиваются проблемы безопасности», и о том, что некоторым из депортированных в течение последних 14 лет лиц будет разрешено вернуться.

За этим последовала смена вывесок – военной израильской администрации на израильскую гражданскую администрацию. Но, по существу, ничего не менялось, лишь «новые» правители снимали военные мундиры. Так, например, помощником главы «гражданской» администрации Мильсона был назначен бывший военный губернатор Рамаллаха, а в секторе Газа И. Лун оставил свой пост военного губернатора, чтобы на следующий день в том же офисе появиться в гражданской одежде и в качестве гражданского администратора.

Маскарад с переодеванием и посулы послабления оккупационного режима были нацелены на решение задачи создания «органа самоуправления», опять-таки в виде альтернативы ООП. И с этой целью делались попытки активизировать палестинские «умеренные элементы».

1 ноября 1981 г. Мильсон открыл свой офис гражданской администрации в помещении штаба израильской армии. А через несколько месяцев по Западному берегу уже прокатилась волна демонстраций, митингов протестов против политики израильских оккупационных властей. Большинство мэров городов Западного берега, руководители профессиональных ассоциаций, университетов, школ опубликовали заявление, отвергающее гражданскую администрацию как закамуфлированную военную оккупацию и большой шаг назад от решения

палестинской проблемы. Партнеров с арабской стороны у гражданской израильской администрации не оказалось, как и в прошлом у военной израильской администрации.

«Вооруженный ответ на демонстрации, – писал журнал “Middle East”, – слезоточивый газ, избиения и заточения в тюрьму вели к повторным демонстрациям и превратили в пустой звук обещание Шарона о “новой атмосфере” [на оккупированных территориях в связи с установлением гражданской администрации. – *Е.П.*]. Мильсон закрыл университет Бир-Зейт – центр главных демонстраций, установил блокирование дорог и послал войска на территории школ, колледжей и деревень в попытках усмирить протесты»*.

Но израильским властям не удавалось «оседлать» положение.

Сопrotивление на оккупированных территориях достигло широчайшего размаха в марте 1982 г. В знак протеста против закрытия университета Бир-Зейт и зверской расправы над участниками массовой манифестации в Наблусе прошли многочисленные митинги и уличные шествия. Началась всеобщая забастовка – закрылись школы, университеты, прекратили работу предприятия; несмотря на приказы израильских властей, закрылись магазины.

Власти бросили на разгон демонстрантов крупные силы полиции и подразделения внутренней безопасности. Среди манифестантов имелись убитые и раненые, многие подверглись аресту. Были введены ограничения на передвижение местных жителей, закрыты «на неопределенный срок» мосты через реку Иордан, связывающие оккупированные территории с Иорданией, что нанесло тяжелый удар по экономике Западного берега.

Это был беспрецедентный по массовости и долговременности протест палестинского населения на оккупи-

* The Middle East. – February 1982. – P. 19.

рованных территориях. Важно подчеркнуть и то, что он не ограничился Западным берегом реки Иордан, а охватил сектор Газа и Голанские высоты. Демонстранты, прошедшие по улицам городов оккупированных территорий, несли транспаранты и скандировали лозунги в поддержку Организации освобождения Палестины как единственного законного представителя палестинского народа.

Газета «Jerusalem Post» писала в этой связи о реальной «пробе сил» между Израилем и ООП. Конечно, на стороне Израиля было несомненное преимущество в военной силе и в военных возможностях – палестинскому населению противостояла вооруженная до зубов армия. Но в политическом плане Израиль в марте 1982 г. потерпел поражение на оккупированных землях. События показали, что за 15 лет оккупации израильские интервенты так и не смогли создать механизма, который мог бы обеспечить им надежный контроль над Западным берегом реки Иордан, сектором Газа и другими захваченными арабскими землями. Этот вывод был главным. Естественно, он включал в себя и свидетельство очередного провала израильского руководства, связанного с попыткой стабилизировать в своих интересах обстановку на этих территориях с помощью такого «нововведения», как гражданская администрация.

Менахем Мильсон, ведавший гражданской администрацией на Западном берегу реки Иордан, подал в отставку 23 сентября 1982 г., пробыв на своем посту 10 месяцев. Он объяснил отставку тем, что, дескать, недоволен отказом израильского правительства создать комиссию для расследования зверств в палестинских лагерях на территории Ливана – Сабре и Шатиле³⁰. Такое объяснение было охарактеризовано населением Западного берега как неприкрытый цинизм, пишет журнал «Middle East International»*.

* Middle East International. – 15.10.1982. – P. 9.

За время своего пребывания на посту главы гражданской администрации Мильсон практически ликвидировал власть избранных в 1976 г. муниципалитетов городов Западного берега и Газы, предпринял попытки подорвать большинство независимых палестинских организаций и учреждений на этих территориях. Университет Бир-Зейт, который, как уже говорилось, стал объектом самого пристального внимания со стороны гражданской администрации, оставался закрытым в течение семи с половиной из десяти месяцев нахождения Мильсона во главе этого органа. При Мильсоне были предприняты усилия, чтобы за счет всевозможных поправок к законодательству, существовавшему до израильской оккупации, в максимальной степени распространить на эти территории юрисдикцию Израиля. При нем арабским муниципалитетам стало чрезвычайно трудно получать любые средства на проекты развития, были закрыты арабские школы, потому что, как говорили учителя, «Мильсон боится нового раунда демонстраций».

За полтора года до своего прихода в качестве главы гражданской администрации Мильсон писал в журнале «Commentary», что его цель заключается в мобилизации всех возможностей оккупационных властей для того, чтобы подорвать на оккупированных территориях влияние «лиц, симпатизирующих ООП», с целью позволить «умеренным силам» выступить на передний план и провести переговоры с Израилем по вопросу о претворении в жизнь кэмп-дэвидских соглашений в районе. В этой связи весьма характерен комментарий, которым сопровождал отставку Мильсона израильский журналист А. Капелюк: «Тягостное признание поражения со стороны того, кто в момент своего назначения в ноябре 1981 г. объявил, что Израиль вступил в решающую борьбу против ООП, “самую крупную после 1948 г. битву”, и что цель его – полностью уничтожить влияние ООП на оккупированных территориях».

На фоне неудач израильских властей на оккупированных территориях еще отчетливее вырисовывалось укрепление позиций Организации освобождения Палестины.

К этому моменту ООП стала представлять еще большую опасность для израильских экспансионистов также и потому, что видоизменила свои позиции по ряду вопросов. Все более широкие круги международной общественности выражали солидарность со справедливой борьбой многострадального палестинского народа за свои законные права, и все яснее становился антигуманизм, экспансионизм курса Израиля. Позиции ООП усиливались в различных странах, включая Западную Европу, Японию и США.

Этот процесс, можно считать, начался еще в 1974 г. в связи с решением «палестинского парламента» – Национального совета Палестины – о возможности образования палестинской национальной власти на любой освобожденной от оккупации части Палестины. Практически это означало создание суверенного палестинского государства не вместо Израиля, а наряду с ним – на Западном берегу и в секторе Газа. Этот шаг, впрочем, как и все остальные шаги такого рода, не вызвал не только энтузиазма у израильской верхушки, но даже слабого движения навстречу палестинцам с израильской стороны. Иначе и быть не могло, так как израильская верхушка – причем любая – опасалась, что конструктивизм позиции ООП помешает присоединить к Израилю захваченные в 1967 г. обширные арабские земли.

Далее, обратило на себя внимание и другое решение Национального совета Палестины – о контактах ООП с левыми силами в Израиле.

Конечно, не все произошло сразу. Такие решения оказывались не очень легкими для ООП, ее исполкома или Национального совета Палестины с учетом настроений палестинских масс, подвергающихся многолетнему не-

щадному национальному подавлению и угнетению со стороны государства Израиль, его сионистской верхушки. Однако под влиянием левых сил в палестинском движении ООП приходила все же к таким решениям, и в конечном счете они одобрялись палестинскими массами, самосознание которых тоже росло достаточно быстрыми темпами.

Особенно много для решения палестинской проблемы политическими средствами было сделано ООП на рубеже 70–80-х годов. Шла интенсивная борьба этой организации за международное признание, и это давало свои результаты.

Вот хроника лишь некоторых событий, которые свидетельствовали об определенной тенденции – укреплении международного престижа и авторитета ООП.

1974 г. 25 ноября Генеральная Ассамблея ООН в резолюции № 3237 пригласила Организацию освобождения Палестины участвовать в качестве наблюдателя в сессиях и работе Генеральной Ассамблеи ООН, а также всех международных конференций, созываемых под эгидой других органов Организации Объединенных Наций.

1975 г. 13 ноября Генеральная Ассамблея ООН в резолюции № 3376 постановила создать комитет по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа.

1979 г. 7–8 июля состоялись встречи председателя Исполкома ООП Я. Арафата с канцлером Австрии Б. Крайским и председателем Социнтерна В. Брандтом. По окончании встреч было опубликовано совместное заявление, в котором говорилось об общем мнении сторон, выражающемся в том, что «палестинский вопрос является центральной проблемой ближневосточного конфликта и до тех пор, пока он не будет справедливо решен, невозможно достижение мира и полного урегулирования». Палестинское агентство ВАФА подчеркнуло, что венские встречи свидетельствовали об определенном изменении настроений западноевропейских кругов в отношении палестинской проблемы.

26 июля в Париже состоялась встреча министра иностранных дел Франции Ж. Франсуа-Понсе с заведующим политическим отделом исполкома ООП Ф. Каддуми. В заявлении французского МИДа указывалось, что встреча была проведена в рамках периодических франко-палестинских контактов.

В августе по приглашению ООП в Бейруте находилась делегация американских профессоров во главе с Р. Кларком – бывшим министром юстиции США.

1 октября влиятельная американская газета «Los Angeles Times» опубликовала результаты опроса общественного мнения – 50 % опрошенных, представлявших различные слои американского общества, высказались за диалог между США и ООП.

11 октября тогдашний премьер-министр Канады Джо Кларк в интервью американской телекомпании CBS заявил: «Я считаю, что не может быть никаких сомнений в необходимости признать законными требования палестинцев».

13–15 октября состоялся официальный визит Я. Арафата в Испанию, где он встречался с рядом государственных деятелей.

24–25 октября по приглашению министра иностранных дел Бельгии А. Симоне состоялся визит в эту страну заведующего политическим отделом исполкома ООП Ф. Каддуми. А. Симоне заявил, что «ООП в настоящее время является выразителем воли палестинского народа».

1980 г. 14 января в Дамаске состоялась встреча между видными деятелями ООП и голландской парламентской делегацией.

1 февраля состоялась встреча председателя исполкома ООП с канцлером Австрии Крайским в Эр-Рияде.

19 февраля министр иностранных дел Ирландии Б. Ленихен заявил, что ирландское правительство поддерживает законное право народа Палестины на самоопределение.

3 марта в Кувейте было опубликовано совместное франко-кувейтское коммюнике об итогах визита в эту страну президента Франции Жискара д'Эстэна. Впервые в документах, подписанных Францией, в этом коммюнике говорилось, что «палестинская проблема – это не проблема беженцев, а проблема народа, который должен иметь право на самоопределение».

14 марта было открыто представительство ООП в Австрии*.

13 июня была принята венецианская декларация стран – членов ЕЭС по Ближнему Востоку. Пункт 6 этой декларации гласил: «Должно быть найдено наконец справедливое решение палестинской проблемы, которая не ограничивается просто проблемой беженцев. Палестинскому народу, осознающему свое существование в таком статусе, должна быть предоставлена возможность... полностью осуществить свое право на самоопределение». Руководители ЕЭС потребовали участия ООП в переговорах по поводу справедливого решения палестинской проблемы.

14 июня, на следующий день после принятия этой декларации, государственный секретарь США Э. Маски заявил, что правительство США «не было причастно к формулированию этого заявления ЕЭС», а еще через день президент Картер на встрече с представителями Ассоциации американской еврейской печати заявил: «Мы не будем вести с ООП переговоры и не признаем статус ООП, пока ООП не признает права Израиля на существование и пока ООП не признает, что резолюция ООН № 242 – это основа для дальнейшего прогресса к достижению всеобщего урегулирования».

США сразу вылили ушат холодной воды на своих западноевропейских союзников, начавших, главным обра-

* На конец 1983 года ООП имела около 80 представительств в различных странах мира.

зом в силу объективных причин, «соскальзывать» на позицию признания ООП. Как покажут дальнейшие события, «требования» к ООП, которые США обозначили как предварительные условия для признания роли и места этой организации, были, по сути дела, надуманными. Выдвижение этих «требований» было продиктовано не чем иным, как стремлением найти оправдание для своей позиции, полностью перечеркивающей инициативу западноевропейских стран.

Вместе с тем США не могли не понимать, что для ООП было попросту невозможно, учитывая настроения палестинских масс, пойти на одностороннее признание Израиля в условиях, когда Израиль наотрез отказывался признавать ООП. Как неоднократно говорили палестинские руководители, в том числе и автору этих строк, «у ООП есть на руках только один козырь, и требовать, чтобы она его выложила на стол предварительно, без всякого движения навстречу с противоположной стороны, было бы нереалистично и к тому же несправедливо».

Нужно сказать, что с момента принятия венецианской декларации США усилили нажим на всех своих союзников с целью сорвать процесс укрепления позиций Организации освобождения Палестины. И это привело к тому, что европейский механизм политического урегулирования на Ближнем Востоке забуксовал на месте.

После принятия венецианской декларации в Москве побывала делегация английского МИДа, занимающаяся поисками вариантов ближневосточного урегулирования. Когда одному из членов делегации автором этой книги был задан вопрос, в чем заключается европейская инициатива, можно ли считать, что дело пошло дальше разговоров о ней на страницах печати, он вынужден был признать, что Западная Европа не пойдет ни на какие позитивные предложения по Ближнему Востоку без санкции США. 25 июня в заявлении для печати, сделанном в Аммане, председатель исполкома ООП сказал:

«Мы ожидали, что Европа займет независимую от Соединенных Штатов позицию, – этого не произошло».

Решительно против того, чтобы Западная Европа сыграла позитивную роль в процессе политического урегулирования на Ближнем Востоке, выступил и Израиль. Все устремления израильского руководства были направлены на то, чтобы изолировать всех, включая Западную Европу, от участия в политическом урегулировании, предоставив полную свободу действий Соединенным Штатам – Израиль имел все основания рассчитывать на то, что США «монопольно» поведут дело в интересах его экспансионистского антиарабского курса. Собственно говоря, такая точка зрения существовала в виде магистральной линии израильской политики в течение многих лет, она особенно ярко проявилась в период второй половины 70-х – начала 80-х годов.

В период первого подписания документа о «стратегическом сотрудничестве», о котором уже говорилось, – так называемого «меморандума о взаимопонимании» (Вашингтон, 30 ноября 1981 г.) – Шамир, бывший в то время министром иностранных дел Израиля, заявил, что отношения Соединенных Штатов и Израиля, сформировавшиеся на таком стратегическом уровне, делают их недоступными для давления европейских государств в целях урегулирования палестинского вопроса.

Между тем помимо воли американского руководства процесс укрепления международных позиций ООП продолжался.

20 октября министр иностранных дел Норвегии заявил, что, по мнению его страны, ООП является наиболее представительной палестинской организацией.

Декабрь – произошла встреча помощника заместителя министра иностранных дел Англии Дж. Грэхема и Я. Арафата.

1981 г. 30 января в Бейруте состоялась встреча Я. Арафата с парламентской делегацией Великобритании.

3 февраля в Париже были проведены переговоры министра иностранных дел Франции Франсуа-Понсе с заведующим политическим отделом исполкома ООП.

4 февраля девять английских парламентариев, прибывших на Западный берег с целью изучения палестинской проблемы, заявили о намерении потребовать от своего правительства признания ООП.

16 февраля государственный министр иностранных дел Великобритании Д. Херд заявил, что ООП «должна участвовать в переговорах по мирному урегулированию» на Ближнем Востоке и что Лондон готов начать переговоры с ООП, чтобы достичь урегулирования.

В феврале печать сообщила: в программном документе Национального совета церковей США говорится, что ООП выполняет функции «единственного органа, который в организованном порядке выражает чаяния палестинского народа и является... единственной организацией, способной вести от его имени дипломатические переговоры об урегулировании».

18–20 марта состоялся визит в Италию Ф. Каддуми. Представителя ООП принял министр иностранных дел Италии Э. Коломбо. По сообщению газеты «Il Messaggero» от 20 марта, Коломбо сказал своему собеседнику, что «основными элементами», уже одобренными европейскими правительствами, по палестинскому вопросу являются следующие:

– палестинская проблема занимает центральное место в ближневосточном кризисе;

– отказ от ограничительной концепции этой проблемы, которую до сих пор рассматривали лишь с точки зрения «устройства беженцев»;

– недвусмысленное подтверждение права палестинцев на самоопределение;

– необходимость привлечения палестинцев из ООП к переговорам о мире.

Радикальным сдвигом в позиции ООП, который имел большое значение в повышении ее роли в процессе ближневосточного урегулирования, было одобрение в апреле 1981 г. Национальным советом Палестины мирных предложений Советского Союза об урегулировании ближневосточного конфликта. Эти предложения наряду с правом палестинцев на самоопределение, вплоть до создания собственного государства, и с выводом израильских войск со всех арабских территорий, оккупированных в 1967 г., предусматривали необходимость гарантировать право всех стран и народов этого района, включая Израиль, жить в мире и безопасности.

Непредубежденные наблюдатели классифицировали это решение Национального совета Палестины как признание де-факто со стороны ООП права Израиля на существование.

12–15 октября состоялся визит Я. Арафата в Японию. На встрече с председателем исполкома ООП премьер-министр Японии Д. Судзуки заявил, что «право палестинцев на самоопределение, которое включает строительство ими независимого государства, должно быть признано так же, как и право Израиля на существование».

24 октября глава норвежского правительства заявил, что мир на Ближнем Востоке не может не базироваться на ряде принципов, среди которых он отметил необходимость участия ООП – законного представителя палестинского народа – в урегулировании.

16 декабря состоялся визит председателя исполкома ООП в Грецию, во время которого было сообщено о намерении Греции предоставить дипломатический статус представителю ООП в Афинах.

1982 г. 23 января министр иностранных дел Франции К. Шессон заявил: «Мы не можем вообразить себе урегулирования на Ближнем Востоке без участия ООП...»

В июле представитель ООП заявил в Париже, а затем в Лондоне о переговорах, которые велись ООП с правительствами западноевропейских стран. По его словам, «эти контакты должны были завершиться 14 июня – если бы не было войны в Ливане – предложением о взаимном признании между ООП и Израилем»*.

Таким образом, ООП шаг за шагом завоевывала все более прочные и разветвленные международные позиции. В этом процессе была характерная особенность: расширяющееся международное признание Организации освобождения Палестины было взаимосвязано с усиливающимся пониманием того, что без решения палестинской проблемы не может быть никакого реального урегулирования на Ближнем Востоке. Такая взаимосвязь была чрезвычайно важна для палестинцев, так как с ее учетом можно было говорить и о том, что укрепление престижа и позиций ООП на мировой арене означает одновременное широкое признание необходимости того, чтобы ООП играла активную роль в политическом урегулировании на Ближнем Востоке.

Соединенные Штаты, как говорилось выше, делали все от них зависящее, чтобы сохранить ООП в международной изоляции на Западе. Но, несмотря на все предпринятые меры, этого им сделать не удалось. В результате к моменту израильской агрессии против Ливана, предпринятой в июне 1982 г., Организация освобождения Палестины уже пользовалась серьезной поддержкой во всем мире, включая Западную Европу, Японию, США, представитель ООП получил статус постоянного наблюдателя при ООН. Все потуги классифицировать ООП как «террористическую организацию», предпринимаемые Израилем и США, провалились.

Израильские руководители всерьез начали опасаться того, что палестинцы выбьют у них из рук «аргументы»,

* Quotidien de Paris. – 28.07.1982.

с помощью которых они всегда стремились оправдать свои агрессивные действия, главным образом перед западным общественным мнением. Широко признанная ООП могла бы стать серьезнейшим препятствием для осуществления израильских планов, перечеркивающих идею создания национального палестинского государства и предусматривающих аннексию Западного берега реки Иордан и сектора Газа. Именно в таких условиях и была сделана ставка на физическое уничтожение палестинского сопротивления.

Позиция Израиля не оставляла никакой возможности для политического решения при участии единственного и общепризнанного представителя палестинского народа. Когда председатель исполкома ООП при встрече с группой американских конгрессменов в осажденном Западном Бейруте 25 июля 1982 г. заявил, что он согласен признать все резолюции ООН по палестинскому вопросу (иными словами, и те резолюции, которые признавали право Израиля на существование) и подписал соответствующий документ, то Бегин, как и можно было предполагать, автоматически отреагировал крайне отрицательно. По словам руководителя делегации американских конгрессменов члена Палаты представителей П. Макклоски, Бегин сказал ему: «Пусть даже ООП признает резолюции ООН № 242 и № 338 и право Израиля на существование, все равно мы не вступим ни в какие контакты с ее лидерами»*.

В этих словах проявился не только полный нигилизм в отношении политического урегулирования самой главной и острой проблемы ближневосточного конфликта – палестинской, но и настоящий страх перед усиливавшимся влиянием ООП. Жизнь показала, что все до сих пор использовавшиеся Израилем средства для «освоения» оккупированного Западного берега реки Иордан и

* The Financial Times. – 28.07.1982.

сектора Газа оказались несостоятельными. Израильская верхушка все больше убеждалась в том, что ООП имеет глубокие корни среди палестинского народа и наращивает свои международные позиции.

Ставка Бегина и Шарона на физическое истребление бойцов-палестинцев поставила в повестку дня широкую интервенцию Израиля в Ливан, где находились основные палестинские базы. Дело было вовсе не в том, будто вооруженные отряды ООП с этих баз в то время нарушали мир и спокойствие жителей северных районов Израиля, как это утверждала израильская пропаганда, а в том, что их существование, даже относительно вдали от Западного берега и Газы, усиливало влияние ООП на население оккупированных территорий. Именно это превратилось в непреодолимое препятствие на пути израильских планов «освоения» этих земель, подготовки к их аннексии.

«Чем сильнее мы нанесем удар и чем больше причиним ущерба инфраструктуре ООП, – заявил генерал Шарон корреспонденту журнала “Time”, – тем больше арабов на Западном берегу и в секторе Газа проявят готовность вести с нами переговоры и установить с нами сосуществование»*. Выше уже говорилось, как израильское руководство интерпретирует понятие «сосуществование» с палестинцами.

«Вероятность западного признания ООП и палестинских прав на создание своего национального очага стала важным фактором израильской калькуляции, которая легла в основу решения совершить интервенцию против Ливана», – пришел к выводу журнал «Middle East»**. Еще яснее об этой связи между вторжением Израиля в Ливан и попыткой стабилизировать израильский контроль над оккупированными территориями, равно как и о

* Time Magazine. – 21.07.1982. – P. 16.

** The Middle East. – August 1982. – P. 7.

том смысле, который вкладывает израильское руководство в понятие «сосуществования» с палестинцами, сказал, выступая перед комиссией по иностранным делам американского Сената, бывший заместитель государственного секретаря США и бывший представитель этой страны в ООН Джордж Болл: «Нашествие в Ливан не было оборонительной акцией; это была попытка разбить единственную законную и признаваемую палестинскую оппозицию, с тем чтобы Израиль без сопротивления мог продвинуться в освоении оккупированных территорий. Такова ситуация... Во время разговора с генералом Шароном в Израиле, – продолжал Дж. Болл, – он дал мне совершенно ясно понять, что его долгосрочная стратегия заключается в том, чтобы вытеснить палестинцев с Западного берега, сохранив на месте, как сказал Шарон одному из моих друзей, “только достаточное число лиц для работы”».

Тот же Дж. Болл в тех же показаниях заявил: «Результат таков, которого некоторые из нас боялись еще со времени исторического визита Садата в Иерусалим: двусторонний характер египетско-израильской договоренности с неизбежным ослаблением давления на Израиль воодушевил правительство Бегина на экспансионистскую политику»*.

Насколько этот вывод соответствует действительности, показали ливанские события середины 1982 г.

* Middle East International. – 20.08.1982. – P. 12.

Глава 7

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ЛИВАНЕ

I. Подготовка агрессии

В полдень 6 июня 1982 г. началась крупномасштабная израильская агрессия против Ливана. Танки, мотомеханизированные части, артиллерия, авиация, военноморской флот – словом, весь комплекс вооруженных сил Израиля был брошен против этой страны. После тяжелых боев, преодолевая упорное сопротивление палестинцев и бойцов национально-патриотических сил Ливана, на девятый день после начала агрессии израильские танки окружили Западный Бейрут. Началось беспрецедентное по своему цинизму разрушение ливанской столицы с воздуха, моря и суши. Бомбами, ракетами и артиллерийскими снарядами – в том числе шариковыми, фосфорными и вакуумными бомбами американского производства – были уничтожены сотни домов, погибли многие тысячи мирных жителей. 16 сентября израильская армия вторглась в Западный Бейрут. Через считанные дни после этого мир содрогнулся от хладнокровного убийства тысяч мирных палестинских женщин, детей, стариков, мужчин в двух лагерях – Шатила и Сабра. Виды полузасыпанных бульдозерами трупов несчастных жертв геноцида – убийцы хотели скрыть если не факт, то хотя бы масштабы чудовищного преступления – обошли экраны телевизоров, страницы газет и журналов

практически всех стран мира. Никогда еще ни при каких обстоятельствах не достигала такой высоты волна гнева в мире в связи с преступлениями, творимыми Израилем в Ливане.

Цели «израильской операции» в Ливане были официально сформулированы как «установление мира и безопасности для северных территорий страны». Кодовое название операции так и было определено – «мир Галилее». Однако эти провозглашаемые цели совершенно не соответствовали реальным.

В южной части Ливана действительно были базы палестинского движения сопротивления. Штаб-квартиры различных палестинских организаций, во всяком случае трех ведущих из них – ФАТХ, Демократического фронта освобождения Палестины, Народного фронта освобождения Палестины – находились в Западном Бейруте. После кровавых столкновений в Иордании в сентябре 1970 г. Ливан был основной территорией, где были дислоцированы вооруженные отряды ПДС.

Между тем к моменту начала израильской операции картина была совершенно однозначна: палестинцы в течение 11 месяцев с июля 1981 г. строго придерживались прекращения огня между Израилем, с одной стороны, и сирийскими частями, находившимися в Ливане в составе межарабских сил по поддержанию мира, а также бойцами палестинского сопротивления – с другой. Прекращение огня не было скреплено письменным документом, но оно было достигнуто при непрямых контактах сторон. Нет ни одного примера, свидетельствовавшего о том, что палестинцы инициативно срывали достигнутое прекращение огня. Возможно, именно это и нервировало Бегина, ибо не давало повода для нарушения суверенитета Ливана с целью «борьбы с террористами», как он называл палестинских борцов.

Более того, явную заинтересованность в сохранении ситуации, сложившейся после прекращения огня между

Израилем, палестинскими силами сопротивления и сирийскими частями в Ливане, проявили сами жители северных районов Израиля. Представители поселений в верхней Галилее посетили 1 февраля 1982 г. премьер-министра Бегина и просили его «быть сдержанным и предотвратить эскалацию напряженности на границе с Ливаном»*.

Не помог правительству и такой широко используемый «аргумент», как «ответственность» палестинского движения сопротивления, базирующегося в Ливане, за инфильтрацию палестинских бойцов через реку Иордан. Председатель местных комитетов Северной Галилеи Абрахам Баруши заявил, что это не должно использоваться в качестве повода для срыва прекращения огня на ливанской границе. Его заявление нашло многочисленную поддержку, в частности члена ЦК Гистадрута Ш. Охана, который подчеркнул, что население северных израильских поселений не желает быть вновь втянутым в опасную военную эскалацию. «Баруши фактически хотел сказать, – писала газета “Гаарец”, – что не существует *casus belli* и что, если кто-нибудь в Израиле готовит крупную операцию на северной границе, он должен знать, что северные поселения против этой операции по своим собственным мотивам»**.

«В состоянии ли Израиль реально решиться на военную акцию, которая может принести страдания населению верхней Галилеи, если это противоречит желанию значительной части нашего северного населения?» – задавала вопрос газета «Гаарец». События показали, что израильское руководство ответило на этот вопрос, не принимая во внимание настроений своего же населения, причем именно той его части, под фальшивым предлогом защиты которой было осуществлено 6 июня вторжение в Ливан.

* Едиот ахронот. – 2.02.1982.

** Гаарец. – 5.02.1982.

Уже после начала агрессии в Ливане один из видных израильских ученых профессор Дан Мирон заявил на пресс-конференции в Иерусалиме: «Правда была первой жертвой – правительство Израиля распространяло ложь и дезинформацию, что проявилось, например, в названии кампании “мир Галилее”. Общественное мнение было обмануто, так как кампания не имела ничего общего с миром для Галилеи. В Галилее было все спокойно, и это было результатом прекращения огня, достигнутого в прошлом году»*.

Однако вернемся к периоду, предшествовавшему агрессии против Ливана. В феврале 1982 г., когда стали просачиваться сообщения о начавшейся израильской подготовке к нападению на Ливан, совершенно определенными были настроения общественного мнения и за пределами Израиля. Характерно, что даже бывший в то время государственным секретарем США А. Хейг, который, как будет показано ниже, сам участвовал в подготовке израильской агрессии против Ливана, сказал израильтянам (или, скорее, вынужден был им сказать) в феврале 1982 г. об отсутствии у них доказательств срыва прекращения огня палестинцами или сирийцами. Таким образом, Израиль не обладает ясной возможностью оправдать свое нашествие в Ливан, заключил Хейг**.

В таких условиях Бегин и Шарон были вынуждены интенсифицировать морально-психологическую подготовку к интервенции. Очевидно, это и было причиной того, что широкомасштабная операция Израиля, о которой палестинцы предупреждали еще весной 1982 г. как о предрешенном деле, была несколько отложена во времени.

Морально-психологическая подготовка к агрессии против Ливана, осуществляемая руководством Бегина – Шарона, фактически велась вокруг нескольких случаев – больше их просто не было. 3 апреля произошло убийство

* Давар. – 15.06.1982.

** Newsweek. – 22.02.1982.

израильского дипломата в Париже, а 21 апреля погиб израильский офицер от сработавшей мины на территории Ливана, в так называемом «анклаве Хаддада» – районе, находившемся под контролем израильтян, действовавших через свою агентуру и непосредственно. Взрыв этой мины, неизвестно кем и когда положенной в землю, послужил поводом для решения израильского кабинета подвергнуть 21 апреля 1982 г. массированной бомбардировке Бейрут – первой бомбардировке с момента прекращения огня.

Очевидно, расчет был на то, что палестинцы ответят ракетным обстрелом территории Израиля. Тогда этого удалось избежать: палестинское командование, стараясь не создавать предлога для эскалации военных действий, не только дало указание, но и просило своих бойцов – естественно, разгневанных, многие из них потеряли во время бомбардировки своих близких – не отвечать на этот раз. Такой призыв был непопулярным, сказал мне один из лидеров Демократического фронта освобождения Палестины Ясир Абд Раббо, но тем не менее к нему все прислушались.

Провокации на этом не прекратились. 9 мая израильские самолеты бомбили Дамур и окрестности Сайды. Около 15 палестинцев было убито и более 30 ранено. На этой бомбардировке следует, очевидно, остановиться подробнее, так как она была преддверием к вторжению.

Израильский кабинет на сей раз вынес решение о бомбардировке под предлогом того, что две наземные мины взорвались опять-таки на территории Ливана, недалеко от израильской границы, и две бомбы в Израиле – одна в городе Ашкелоне, находящемся на юге и, следовательно, отстоящем на многие километры от ливанской территории, и одна в Иерусалиме, тоже, как известно, далеко не приграничном с Ливаном городе. В результате взрывов было ранено три человека – один солдат и два гражданских лица.

Выяснить происхождение всех этих взрывов – дело весьма сложное. Прежде всего, палестинское движение сопротивления неоднородно. Исполком Организации освобождения Палестины не контролирует полностью все группы и группки, действующие различными методами. Некоторые из них создаются непосредственно на оккупированных территориях и отвечают на израильский террор и репрессии. Известны также случаи палестинских акций, осуществляемых одиночками, вообще не связанными ни с какими организациями. Наконец, известна в этом плане и провокационная активность израильских специальных служб. Чтобы не быть голословным, можно опять сослаться на книгу Стюарта Стивена, выступившего с панегириком в адрес израильской разведки. Он писал, что «Моссад» «контролировал» или даже «инспирировал» некоторые акции, якобы осуществившиеся палестинцами*.

Конечно, акции, которые осуществляются против мирного населения, не пользуются поддержкой мировой общественности. Проявилась также полная несостоятельность ставки на то, что такие акции могут создать внутреннее давление на израильское правительство, чтобы склонить его к справедливому урегулированию с арабами (подобной точки зрения в середине 70-х годов придерживались отдельные палестинские руководители). Наоборот, усиливался разгул антиарабского шовинизма в Израиле, умело провоцируемый и направляемый правительством этой страны. Вместе с тем, когда мы касаемся деятельности, подчас осуществлявшейся палестинцами (естественно, не подставными элементами), в результате которой были жертвы среди мирного населения в Израиле, то хотелось бы подчеркнуть ряд моментов. Во-первых, такая форма деятельности исторически явно пошла на убыль, и в этом играет большую роль

* *Steven St. The Spymasters of Israel. – P. xix.*

влияние на ПДС прогрессивных сил мира, в том числе международного коммунистического движения. Во-вторых, подобные акты палестинцев часто были ответом на действия израильских спецслужб и армии, которые широко применяли и применяют террористические методы в борьбе не только против функционеров ООП, но и против мирного палестинского населения, равно как и лидеров и населения ряда арабских стран. Скандал, имевший место в Израиле в связи с так называемым «делом Лавона», возник в результате приказа, отданного в середине 50-х годов израильской агентуре подкладывать бомбы в Каире и Александрии, особенно на американских объектах – в принадлежащих американцам кинотеатрах, культурных центрах США, чтобы «отвратить» Вашингтон от режима Насера, пришедшего к власти в Египте в 1952 г. Это «дело» широко известно³¹. Много писалось, говорилось и о «деле Амита» – руководителя «Моссада», принявшего участие в организации убийства в Париже видного марокканского политического деятеля Бен-Барки³².

Наконец, в этом плане поучительна и сама фигура М. Бегина, для характеристики которого можно предоставить слово не кому-нибудь, а самому Бен-Гуриону – основателю Израиля. В начале 60-х годов в письме израильскому журналисту, которое цитирует Эйтан Хабер в своей в общем апологетической биографии Бегина, Бен-Гурион писал: «Бегин – [...] откровенно гитлеровский тип. Он – расист, который не прочь уничтожить всех арабов ради того, чтобы достичь максимальных границ государства, используя для этой святой цели [для Бен-Гуриона эта цель, естественно, тоже “святая”. – *Е.П.*] все средства – абсолютную власть. Я вижу в нем опасную угрозу для внутренней и внешней ситуации Израиля. Я не могу забыть даже то небольшое, что знаю о его деятельности, которая имеет одну четкую направленность: убийство многих евреев, арабов и англичан во время разруше-

ния отеля «Царь Давид», погром в Дейр-Ясине и убийство арабских женщин и детей; «Алталена» [название корабля, на борту которого тайно перебрасывалось оружие для «Иргун цвай леуми». – *Е.П.*], означавшая готовность силой захватить власть; толпа, швырявшая камни в кнессет по указаниям Бегина, и, если бы я не прибегнул к помощи армии, чтобы не дать толпе ворваться в кнессет, началось бы избиение членов парламента. Это не изолированные акты, а отражение его метода, характера и устремлений»*.

Ниже следует список «специальных операций», осуществленных «Моссадом» уже в 70–80-е годы**:

1972 г. – убийство Гассана Канафани, выступавшего от имени Народного фронта освобождения Палестины, с помощью взрывного устройства, подложенного в его машину в Бейруте. В том же году в Риме был убит Ваиль Зуайтер, дипломат, сотрудничавший с палестинским сопротивлением.

1973 г. – убийство Махмуда аль-Хамшари, представителя ООП в Париже. В том же году в Париже были убиты бомбой, взорванной по радио в машине, Мухаммед Будиа – алжирец, сотрудничавший с палестинским сопротивлением, Базиль Кубайси из Народного фронта освобождения Палестины. В Бейруте были убиты Камаль Насер – представитель ООП, Камаль Адван и Мухаммед Юсуф Наджар (Абу Юсуф) – видные деятели Организации освобождения Палестины.

1974 г. – израильская разведка убила Ахмеда Бучикхи, марокканского официанта в ресторане в Норвегии, который по ошибке был принят за представителя палестинского сопротивления³³.

1975 г. – попытка взорвать помещение общества франко-арабской солидарности в Париже.

* *Haber E. Menachem Begin.* – P. 385.

** *Abulfida A.K. The Eyes of Israel.* – Beirut: Al Qaida Publications, 1981. – P. 50–51.

1977 г. – убийство Махмуда Салеха, активиста ООП. Взорвана бомба в книжном магазине на улице Реюньон в Париже. Во всех книжных магазинах, на которые были совершены нападения, продавались материалы в поддержку борьбы палестинцев за свои права.

1978 г. – убийство Саида Хаммами, представителя ООП в Лондоне. Он был застрелен в своем офисе.

1979 г. – убийство Али Хасана Саламе, отвечавшего за вопросы безопасности ООП, в Бейруте. На Кипре были убиты два члена ООП – Абу Сафват и Самир Тукан.

1981 г. – израильская разведка убила представителя ООП в Брюсселе Наима Хадера и одного из руководителей ФАТХ Маджида Абу Шарара в Риме.

Этот список далеко не полный. К тому же к нему можно было бы добавить многочисленные обстрелы, бомбардировки палестинских лагерей на территории Ливана, начатые и цинично осуществляемые Израилем с середины 70-х годов, периодические обстрелы, бомбардировки и нападения на южные районы Ливана, в результате которых были убиты и искалечены тысячи палестинцев и десятки тысяч лишились крова.

Но вернемся к бомбардировке Израилем Дамура и окрестностей Сайды 9 мая 1982 г. Был воскресный день. С утра я, находясь в Ливане по приглашению Института арабского развития в Бейруте, вместе с моим старым товарищем Ясиром Абд Раббо поехал в горы в семью его брата. Поездка была относительно недолгой – Ливан страна небольшая, и многих ее пунктов можно достичь за считанные часы. А в данном случае речь шла вообще о дороге дальностью в 30–40 км от Бейрута. Ехали, конечно, с охраной, на двух машинах, но кругом было абсолютное спокойствие, нарушаемое разве что вынужденными остановками у патрулей, проверявших документы.

Так получилось, что в этот день мы оказались в нескольких километрах от места, которое в 17 часов начали

бомбить израильские самолеты. Раздались взрывы, повалил дым.

«Ровно через пятнадцать минут вернутся, – сказал Абд Раббо, – как раз тогда, когда начнут извлекать людей из-под обломков, захотят, чтобы было больше жертв».

«Знаешь, для чего, – спросил он и тут же сам ответил, – чтобы мы не выдержали и обстреляли в ответ израильскую территорию. Израильское командование безусловно знает, что, попросив наших бойцов не отвечать на бомбардировку Бейрута 21 апреля, мы сказали им, что с такой просьбой обращаемся в последний раз».

Дальше события развивались следующим образом: израильские самолеты вернулись через 15 минут; вслед за израильскими бомбардировками последовали обстрелы палестинцами территории Галилеи. Направляя свою авиацию на бомбардировку Дамура и Сайды, израильское командование уже заранее упряло население районов, примыкающих к ливанской границе, в укрытия. Поэтому упомянутый палестинский ракетный ответ не принес никаких жертв – об этом было официально сообщено в израильской печати. Но налет есть налет, и о том, что он спровоцирован, знали ведь очень немногие.

Для осуществления крупномасштабного вторжения все-таки не хватало еще небольшой психологической детали. 5 июня в Лондоне был тяжело ранен израильский посол. ООП тут же заявила о своей непричастности к этому. Факт непричастности ООП был официально подтвержден Скотланд-Ярдом, проводившим расследование, а затем самой Тэтчер – премьер-министром Англии. Но Бегин и Шарон не пожелали слушать никаких заявлений и объяснений. На ливанскую землю посыпался град ракет, бомб, снарядов, затем в нее вгрызлись гусеницы израильских танков. Сконцентрированные задолго до 5 июня на границе Ливана и приведенные в полную готовность израильские части начали наступление тремя колоннами.

II. Выбор времени – ставка на раскол арабского мира

Как известно, немалое значение имеет выбор времени для той или иной военной или военно-политической акции. Есть основания считать, что при принятии решения об осуществлении широкой агрессии против Ливана израильская верхушка исходила из того, что к середине 1982 г. разобщенность арабского мира достигла апогея. Собственно, так оно и было на самом деле. Арабский мир оказался расколотым на части.

Египет был выведен кэмп-дэвидскими соглашениями из рядов активного сопротивления израильскому экспансионизму. Дело было не только в том, что, подписав сепаратный договор с Израилем, Египет изолировал себя в арабском мире. Одно из положений договора, как уже было показано, по сути дела, прямо предписывало Египту оставаться в стороне в случае нападения Израиля на какую-нибудь другую арабскую страну. Достигнутая договоренность, кстати, была именно так и расшифрована в секретных статьях египетско-израильского договора, опубликованных, в частности, американским журналом «Seven Days».

Реальной пробой «прочности» этого положения сепаратного договора стал налет израильских ВВС на атомный реактор вблизи Багдада в 1981 г. Каир не отреагировал тут решительным образом, ну, скажем, вселив хотя бы какие-то опасения в души израильского руководства по поводу способности египтян пересмотреть вопрос о кэмп-дэвидских договоренностях в условиях открыто агрессивных и тем более неспровоцированных израильских акций против арабской страны. Более того, Каир фактически бездействовал даже с учетом того, что налет на иракский атомный реактор был осуществлен через

несколько дней после встречи Садата с Бегиним. Такой выбор времени продемонстрировал либо полное нежелание считаться со своим египетским партнером, либо стремление представить в глазах арабов дело так, будто Египет не возражал, а возможно, даже тайно одобрил готовящийся удар по Ираку.

Так или иначе, но бомбардировка мирного атомного центра близ Багдада через небольшой промежуток времени после того, как авторитетная комиссия Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) подтвердила отсутствие каких-либо признаков производства на нем сырья для ядерного оружия, причем бомбардировка, осуществленная при нарушении воздушного пространства еще двух арабских стран – Иордании и Саудовской Аравии, – не вызвала даже серьезного дипломатического демарша садатовского Египта.

Судя по всему, эта акция Израиля имела несколько целей – возможно, одной из них было стремление запугать Саудовскую Аравию и другие арабские страны, находящиеся в «глубоком тылу», показать им, что они «досягаемы». Но несомненно, что при этом серьезно проверялась и реакция Египта, особенно перед сроком вывода израильских войск с Синая.

Кое-какие перемены, которые начали происходить в Каире после смерти Садата, не затрагивали или, во всяком случае, к моменту решения Израиля совершить интервенцию против Ливана, еще не затрагивали отношения нового египетского президента к кэмп-дэвидским договоренностям. Бегин и Шарон могли рассчитывать на инерционность египетской политики, но, может быть, осознание того, что инерция может погаситься, и заставляло их не откладывать в долгий ящик планы вторжения в Ливан.

Пожалуй, самым крупным после Кэмп-Дэвида событием, разобщившим арабский мир, раскалывающим его на части, была ирано-иракская война. Багдад объяснил

ее начало в сентябре 1980 г. необходимостью пойти на меры, учитывая «неизбежность иранского удара по Ираку». При этом приводились примеры подстрекательства к антиправительственным действиям иракских шиитов, составляющих половину населения. Иран все объяснения сосредоточивал на том, что он «отражает иракское нападение на свою территорию».

Эта война, безусловно, имеет свою предысторию, в том числе не только политическую, но и чисто психологическую.

В 1975 г. Ирак подписал с шахским режимом Ирана компромиссное соглашение, главный смысл которого сводился к следующему:

– Иран закрывал свою границу и прекращал многолетнюю помощь курдским повстанцам под руководством Мустафы Барзани, действовавшим против багдадского правительства; без закрытия этой границы иракские войска практически не были в состоянии подавить сопротивление этих повстанцев, переживших к тому времени, нужно сказать, ряд этапов в своей борьбе – от национально-освободительного до соглашательства с империалистическими силами;

– Ирак со своей стороны принимал новую границу по Шатт-эль-Арабу, ранее проходившую по иранскому берегу;

– Иран и Ирак обязывались прекратить на своих территориях деятельность враждебных друг другу эмигрантских сил.

После подписания соглашения аятолла Хомейни, который до того жил в эмиграции в Ираке, покинул эту страну. Незадолго до этого, очевидно, руками шахской охранки в Ираке был убит его сын.

Достаточно точно о мотивах начала ирано-иракской войны и причинах ее затягивания, несмотря на явное стремление Багдада к ее прекращению, сказал в беседе с автором этих строк один из руководителей палестинского движения сопротивления: «В основе начала и беско-

нечности ирано-иракской войны лежит дезинформация, захватившая умы и на одной и на другой стороне конфликта – сначала в Багдаде поверили, что шатается режим в Тегеране, а затем в Тегеране уверовали в то же самое в отношении Багдада».

А может быть, эту дезинформацию, да и не только эту, усиленно распространял кое-кто со стороны? Иранские генералы и битые политики, мечтающие о свержении антишахского режима в Тегеране, и сионистские руководители Израйля, расценивающие эту войну как манну небесную, ибо она отнимает силы у тех, кто мог бы принять участие в борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии 1967 г., и американские политики, аплодирующие столкновению не на жизнь, а на смерть двух режимов, которые успели зарекомендовать себя акциями против империализма США. Этому столкновению до поры до времени радовались и некоторые арабские консервативные режимы из зоны Персидского залива, наблюдавшие за тем, как война изматывает, обескровливает двух их потенциальных соперников за влияние во всем регионе. Арабские консерваторы явно хотели войны между Ираком и Ираном с «патовым» итогом.

Израильская верхушка и политики США пытались делать все, чтобы война между Ираком и Ираном длилась как можно дольше. При этом Соединенные Штаты играли, судя по всему, и более крупную «игру». Определенный намек на нее я получил, будучи принят в мае 1982 г. эмиром Кувейта, а на следующий день – заместителем премьер-министра и министром иностранных дел ас-Сабахом.

«Если иранские войска перейдут через границу Ирака и выйдут с запада к Персидскому заливу, то не исключено, что одна из стран залива обратится за помощью к США и американцы введут свои вооруженные силы в наш район», – сказал Сабах, искренне опасавшийся результатов ирано-иракского конфликта и, несомненно, желавший его быстрейшего окончания.

Американцы говорили направо и налево о том, что Советский Союз якобы использует в своих интересах так называемый «мусульманский фундаментализм»*. По их словам, это порождает необходимость «баланса», а именно американской поддержки арабских государств, расположенных по берегам залива, – об этом я тоже слышал от целого ряда собеседников в Кувейте. «Разве не ясно, – добавляли некоторые из них, – что США ищут в ирано-иракской войне предлог, чтобы укрепить свое прямое военное присутствие в зоне Персидского залива?»

Целый ряд американских авторов явно спекулируют на проблеме исламского фундаментализма, пытаясь представить его как явление не только односторонне аптизападного характера, но и «близкое» к Советскому Союзу в политическом плане. Одним из них является редактор журнала «The Public Interest» И. Кристол. Он писал, что главная реальность после свержения иранского шаха – это возникший «враждебный процесс» между исламским фундаментализмом и западным присутствием или влиянием на Ближнем Востоке. Эту лишь частично правильную мысль И. Кристол довел до абсурда, утверждая, будто Советский Союз, «двигаясь на волне исламского фундаментализма, будет угрожать и Израилю, и его исламским соседям».

Подобную же идею, но в другой форме проводил и профессор Мичиганского университета Байндер, который писал, что исламский фундаментализм «становится уязвимым для советского влияния». Этот «вывод» он употребил в качестве аргумента против того, чтобы Советский Союз пользовался равным с Соединенными Штатами статусом на международном форуме для всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта.

* Консервативное направление в исламе, провозглашающее избыточность мусульманских институтов и выступающее против модернизации ислама.

На вопросе об отношении Советского Союза к «мусульманскому фундаментализму» следует, очевидно, остановиться подробнее, так как эта провокационная тема, импульс которой дало свержение иранского шаха, продолжает широко использоваться империалистической пропагандой, пытающейся извратить не только «теоретический» подход СССР к исламу, к его роли в общественной жизни стран Ближнего и Среднего Востока, но и фальсифицировать на этой основе политику СССР, в частности в отношении Исламской Республики Иран и, как следствие этого, ирано-иракской войны.

Известно, что на грани 70–80-х годов усилилось воздействие ислама на политическую жизнь различных зарубежных стран Востока с мусульманским населением. За исламом стоят 13 веков непрерывного и активного «вторжения» в жизнь общества. Степень религиозности населения в мусульманских странах весьма высока. И тем не менее относительно устойчивое влияние ислама на современную жизнь объясняется не только и не столько характерными особенностями самого ислама как религии, а историческими, экономическими и политическими условиями, в которых происходило и происходит общественное развитие зарубежных стран с мусульманским населением.

В этой связи наибольшее значение имели, по-видимому, две диспропорции. Одна из них проявилась в историческом несоответствии интенсивности роста товарно-денежных отношений, масштабов отделения производителя от средств производства, с одной стороны, и возможности объединения их с новыми средствами производства на капиталистической основе – с другой. Именно это несоответствие породило огромное аграрное перенаселение, устойчивость предпролетарских и полупролетарских слоев города.

Другая диспропорция возникла в результате более быстрого процесса политизации масс по сравнению с

процессом социально-экономического развития стран Азии и Африки. В результате на волне антиимпериалистических, антидеспотических и антиэксплуататорских движений в водоворот политических событий в этих странах все более втягивались социальные слои, связанные с добуржуазным и мелкобуржуазным укладами и обладающие религиозно-традиционными воззрениями. При существующих темпах социально-экономического «переваривания» этих слоев изменения в их общественном сознании займут еще длительный период.

Относительно стабильное распространение влияния ислама в широких народных массах в большинстве стран Азии и Африки с мусульманским населением отчасти связано и с отождествлением ислама с национализмом.

Страны распространения ислама – это в основном бывшие колониальные и полуколониальные государства, подвергавшиеся нещадной эксплуатации со стороны западной колониальной администрации. После завоевания политической независимости эти страны сохраняются в качестве объекта иностранной империалистической эксплуатации. В таких конкретных условиях национальное сопротивление иностранному господству или эксплуатации происходило и происходит зачастую в форме исламского движения против «тлетворного западного влияния». Ряд освободительных движений на Востоке выступил и выступает в том числе и под исламскими знаменами.

Тенденция к консервации влияния ислама получила свое развитие и как следствие роста агрессивности империализма США и экспансионизма Израиля, что во многом проступало в антиисламском облике. Израиль аннексировал Восточный Иерусалим, в котором расположена третья по значению святыня мусульман – мечеть Аль-Акса. В условиях израильской оккупации был совершен поджог этой мечети. Объявление Иерусалима «неделимой и вечной» столицей Израиля больно ударило

по религиозным чувствам мусульман. Возникшее сопротивление этому частично осуществляется и под исламскими лозунгами. Как показывают факты, это способствовало приливу исламского влияния не только в арабском мире, но и в Иране. Сторонники Хомейни пришли к власти, декларируя антиизраильский и антиимпериалистический характер своей политики. После завоевания государственного суверенитета во многих освободившихся странах существовали идиллические представления о возможности преобразования бывшего колониального или полуколониального общества на основе западных «моделей». Это не оправдалось. Сравнительно низкие темпы роста, увеличивающийся разрыв между группой развитых капиталистических государств и развивающимися странами показывают нереальность таких представлений и надежд.

Все это вело к усилению тенденций поисков пресловутого «третьего пути», а в связи с широким и относительно устойчивым влиянием ислама обострился интерес к «мусульманскому пути преобразования общества».

К усилению влияния ислама на политическую жизнь на Востоке вели также и социально-экономические сдвиги в освободившихся государствах. Началась перестройка структуры экономики – в некоторых странах достаточно интенсивная. В итоге индустриализации произошло ущемление традиционного сектора. К этим же результатам вело и ведет большее вовлечение освободившихся стран в мировую торговлю, деятельность на месте ТНК. Под ударом оказались интересы базара, мелких мастерских. Между тем именно они представляют собой питательную среду для исламских идей.

Таким образом, бесспорной является необходимость самого серьезного подхода к исламскому фактору, к его влиянию на политику.

Жизнь показывает, что в мусульманских движениях, в том числе и мелкобуржуазных, есть, как правило, две

стороны: прогрессивная – антиимпериалистическая и антимонополистическая и реакционная – антикоммунистическая. В зависимости от внутренних и внешних обстоятельств одна из них может оказаться преобладающей, иногда даже гипертрофированной.

О двух сторонах, диалектически определяющих развитие современных мусульманских движений, убедительно свидетельствовали и события в Иране. Религиозные формы, которые приобрели сдвиги в послешахском Иране, оказали и оказывают на общество различное воздействие. Радикальное исламское течение способствовало усилению антиимпериалистической и антимонополистической направленности революции в Иране. На ее первом этапе борьба против оказывающего упорное сопротивление и контратакующего империализма и связанного с ним шахского самодержавия породила тенденцию к сплочению, координации усилий различных исламских групп. Однако после того как в порядок дня встали социальные вопросы, такая тенденция к консолидации начала размываться, стали превалировать центробежные процессы. Началась силовая борьба между буржуазным и консервативным мелкобуржуазным, с одной стороны, и мелкобуржуазно-революционными течениями – с другой. В результате иранский режим обрушился на организации муджахедов и федаев. Развернулось подавление левых сил, что объективно имело своим результатом усиление буржуазного течения и отразилось на социальной и экономической практике в Иране. Начался отход иранского руководства от радикальных лозунгов в отношении монополистического капитализма, крупной буржуазии, по вопросу об осуществлении демократических социальных преобразований, началось торможение или даже блокирование революционного процесса. Во внешнем плане еще продолжающиеся антиимпериалистические призывы и действия Ирана сопровождалась все более усиливающимися антикоммунистическими и антисоветскими акциями. Панисламист-

ская пропаганда, в которой на первое место выдвинулся религиозный характер иранской революции, включила как антиимпериализм, так и антикоммунизм. Причем в трактовке ряда идеологов «исламской революции» принципиального различия между империалистическими государствами и странами социалистического содружества не проводится и подчеркивается, что «исламская революция» направлена главным образом против «сверхдержав». В то же время сохранилась пропаганда социальных аспектов революции, защиты ею интересов «обездоленных». Однако в определении понятия «обездоленные» стал преобладать религиозный момент. К ним причисляются прежде всего «правоверные мусульмане», не только неимущие и малоимущие слои, но и имущие, выступающие в оппозиции к тем режимам, которые определяются как «антиисламские».

Сдвиги в иранской внешней и внутренней политике привели и к тому, что Иран выступил против прекращения ирано-иракской войны.

Накануне израильского вторжения в Ливан ирано-иракский вооруженный конфликт вызвал еще одно последствие, относящееся к проблеме выхода из изоляции в арабском мире Египта, подписавшего сепаратный договор с Израилем. Эта проблема послесадатовским Египтом могла решаться двояко: либо путем попытки восстановления связи с большинством других арабских стран при сохранении прежнего отношения к кэмп-дэвидскому сговору, либо на пути отхода от прежней, садатовской позиции. В Египте существуют большие силы, ратующие за вторую тенденцию. А ирано-иракская война объективно подталкивала первую. Кое-кто даже говорил в это время: мы помимо всего нуждаемся в том, чтобы 40 миллионов египетских суннитов встали на пути 40 миллионов иранских шиитов*.

* Сунниты и шииты – два основных направления в исламе. Шииты составляют приблизительно 10 % всех исповедующих ислам, а сунниты – около 90 %.

Ирано-иракский вооруженный конфликт разделил арабский мир. Одни арабские государства считали своим «национальным долгом» поддержать Ирак, другие не скрывали своих симпатий к Ирану. Такое разделение рефлекторно отразилось и в Ливане. В Бейруте было взорвано иракское посольство, происходили перестрелки, подчас весьма масштабные, между вооруженными отрядами шиитской организации «Амаль» и национально-патриотическими силами. В то же время и те и другие находились по одну сторону баррикады в борьбе против правохристианских группировок, поддерживаемых Израилем. Аналогичная ситуация складывалась и в результате открытой конфронтации различных организаций «Баас»³⁴ в Ливане.

Все это объективно резко ослабляло позиции палестинцев накануне израильского вторжения в Ливан. Как сказал в мае 1982 г. один из палестинских руководителей, «некоторые арабские государства Залива в результате ирано-иракского конфликта, отрицательное значение которого трудно переоценить, поворачиваются спиной к палестинцам – одни потому, что считают главной опасностью Иран, объявивший о своем намерении перейти иракскую границу и силой свергнуть существующий в Багдаде режим, другие потому, что боятся настроить против себя американцев в момент усилившейся угрозы для арабской нации».

Есть все основания считать, что при планировании интервенции в Ливане израильская верхушка, равно как и поддерживающие ее Соединенные Штаты, принимала во внимание и те изменения, которые произошли в нефтяной ситуации. Зависимость капиталистического мира от ближневосточной нефти относительно сократилась в результате действия целого комплекса причин: экономического спада и застоя в развитых капиталистических странах – основных потребителях ближневосточной нефти; создания ее сверхнормативных запасов; активной

политики США и других западных государств по расколу ОПЕК; определенной диверсификации источников нефти, потребляемой в «центре» мирового капиталистического хозяйства – как за счет увеличения импорта из других районов «периферии», так и за счет увеличения добычи нефти в самих развитых капиталистических странах; уже осязаемых последствий политики энергосбережения, что уменьшило коэффициент энергоемкости общественного продукта* в развитых капиталистических странах; некоторых успехов, связанных с активацией альтернативных источников, и т. д.

Конечно, нет никаких причин считать, что нефть перестала играть роль важнейшего фактора во взаимоотношениях США, западноевропейских стран и Японии с ближневосточными государствами. Однако положение накануне израильского вторжения в Ливан довольно резко отличалось от того, которое было в октябре–ноябре 1973 г. Во всяком случае, нефтяной бойкот в отношении покровителей Израиля, столь эффективно примененный арабскими государствами во время Октябрьской войны 1973 г., в 1982 г. стал весьма проблематичным. Дело было также и в том, что к этому времени основные нефтедобывающие страны Аравийского полуострова оказались тесно привязанными к США и странам Западной Европы в результате того, что они вложили туда свои миллиардные прибыли от нефти.

Все это в совокупности учитывал Израиль в выборе времени для своей агрессии. По-видимому, те, кто планировал крупномасштабное вторжение в Ливан, не проглядели и то обстоятельство, что внимание международной общественности в указанное время было приковано к конфликту Англии и Аргентины из-за Фолклендских островов³⁵.

* Количество тонн условного топлива на тысячу долларов национального дохода.

III. Вторжение в Ливан. Координация действий Израиля и США

Израиль, несомненно, был уверен, что реакция официального Вашингтона – какая бы она ни была по видимости – по существу не создаст никаких помех в развертывании израильской агрессии в Ливане.

Конечно, могли проявиться несовпадения или, скажем, неполные совпадения взглядов на лимиты израильской «операции» – они проистекали из тактических, но отнюдь не стратегических расхождений между США и Израилем. Поэтому в израильском руководстве были полностью уверены в автоматизме поддержки со стороны администрации США в «критической ситуации».

Проверкой правильности этого вывода и в то же время показателем крайне ограниченных, поистине смехотворных масштабов американского «недовольства» в случае, если проявляются тактические несовпадения в интересах Вашингтона и Тель-Авива, могли опять-таки служить события вокруг уже упоминавшейся израильской бомбардировки ядерного реактора под Багдадом. Имея теплейшие отношения с Израилем, в том числе и по линии специальных служб, Соединенные Штаты, безусловно, знали о готовившемся рейде. Весьма вероятно, что и сами израильтяне «в неофициальном порядке» сообщили об этом американской администрации – Пентагону, Госдепартаменту, Национальному совету безопасности или непосредственно Белому дому*. Не могли

* «Истребители F-15 и F-16 были впервые использованы в боевых действиях в июне 1981 г. во время бомбардировки иранского ядерного реактора и предшествующих этому налетов на Ливан. И Пентагон, и авиастроители нуждались в информации об этом, и совершенно непохоже, что соответствующая информация обошла Вашингтон, не-

американцы, уже оперирующие поставленной к тому времени Саудовской Аравии первой партией самолетов системы AWACS, не обнаружить израильские F-15 и F-16, идущие к цели над саудовской территорией (эта деталь замалчивается западной прессой). Но ни американская администрация, ни американский персонал в Саудовской Аравии, как известно, ничего не сделали для срыва израильского налета.

Правда, когда проявилась резко отрицательная арабская, в том числе со стороны правительств – друзей США, и широкая международная реакция на пиратский израильский налет, Вашингтон тоже присоединился к хору критических голосов. Более того, президент США демонстративно приостановил поставки очередной партии истребителей в Израиль по заранее подписанному контракту. Однако «пыль скоро улеглась», самолеты были доставлены, и больше по этому поводу никаких коллизий не наблюдалось. Все повторилось по такому же сценарию и после того, как Израиль 14 декабря 1981 г. аннексировал Голанские высоты – исконно сирийскую территорию, оккупированную в июне 1967 г.

Таким образом, к моменту начала израильской агрессии против Ливана в практику уже вошел стереотип американского поведения в аналогичных ситуациях, и руководство Бегина–Шарона твердо знало об этом.

Прежде всего, совершенно ясно, что у израильского руководства, планировавшего это нападение, и у американских политиков была значительная сфера совпадающих целей.

Во-первых, разгром Организации освобождения Палестины, которая к тому времени создавала серьезную проблему уже и для политики США: с одной стороны, ООП усиливала свои международные позиции, особенно в стане двух главных партнеров-соперников США – в За-

падной Европе и Японии, а с другой, любые отношения самих Соединенных Штатов с ООП становились препятствием для «стратегического альянса» США с Израилем и создавали внутривнутриполитические трудности для администрации Рейгана.

Во-вторых, ослабление Сирии, которая играла все более активную роль в борьбе против израильского экспансионизма и вмешательства Соединенных Штатов в дела ближневосточных государств.

В-третьих, «стабилизация» положения в Ливане при руководстве фалангистских сил и одновременно при нейтрализации сил палестинского сопротивления и сирийских войск на территории этой страны. Кстати, не случайно вторжение в Ливан было осуществлено накануне выборов ливанского президента. Израиль не только решил стать таким образом доминирующей силой при определении кандидата в президенты Ливана, но и еще больше заинтересовать в союзе с собой правохристианские группы в этой арабской стране, что, в общем, соответствовало и интересам США.

В-четвертых, создание условий для расширения границ постоянного американского военного присутствия в районе: после того как американские авиадесантники в соответствии с кэмп-дэвидским сговором стали костяком межнациональных сил на Синае, Южный Ливан мог быть намечен в качестве следующей зоны размещения американского воинского подразделения. По-видимому, не случайно и то, что агрессия против Ливана осуществлялась накануне еще одной даты – очередного истечения срока пребывания в Ливане ооновского контингента по поддержанию мира – «неизбежное продление 19 июня мандата на нахождение сил ООН на юге страны могло бы быть еще одним фактором в выборе времени [для израильского нападения на Ливан – *Е.П.*], так как и Изра-

иль, и США надеялись на замещение их главным образом американскими войсками»*.

Израиль проявил недвусмысленную заинтересованность во вводе американского военного подразделения в Ливан. Прежде всего, это рассматривалось в израильском руководстве как альтернатива пребыванию в Ливане ооновских сил по поддержанию мира, которые расценивались Бегоном–Шароном как препятствие на пути их экспансионистского курса. Что касается сил США, то аналогичным препятствием они, естественно, быть не могли. Вместе с тем израильское руководство, несомненно, рассчитывало на то, что «многонациональные силы» в Ливане, костяк которых составит воинское подразделение США, будут способствовать укреплению позиций ливанских союзников Израиля. И не случайно, что буквально на следующий день после начала интервенции израильский военный комментатор, выступая по радио, сказал о «необходимости» замены сил ООН в Ливане на американские.

В-пятых, продолжение кэмп-дэвидского процесса. Израильские политики рассматривали Ливан как второе арабское, вслед за Египтом, государство, способное после навязанных ему внутривосточных перемен подписать сепаратный договор с Израилем; США тоже испытывали горячую заинтересованность в этом и по политическим, и по чисто престижным соображениям – после гибели Садата их особенно пугало одиночество Египта в кэмп-дэвидском процессе с арабской стороны.

Газета «The Washington Post» опубликовала просочившиеся данные о совещании сотрудников Государственного департамента 18 января 1982 г., во время которого Хейг продемонстрировал «крайний пессимизм по поводу Кэмп-Дэвида и шансов полностью сохранить египтян в его русле». По словам «The Washington Post»,

* The Middle East. – July 1982. – P. 6.

Хейг пришел к выводу, что если не будет надежд на продолжение кэмп-дэвидского процесса, то США «испытают необходимость пересмотреть свои отношения с районом».

Цитируя «The Washington Post», лондонский журнал «Middle East International» добавил: «В каком направлении мог бы идти этот пересмотр – неясно»*. Заметим от себя, что формула пересмотра могла бы включать и «шоковую терапию» в Ливане.

В свое время Г. Киссинджер, у которого несколько лет проработал заместителем А. Хейг, считающийся во многом последователем методов и образа действия своего бывшего шефа, говорил, что он любит «подступаться» к кризисным ситуациям, когда они «в горячем состоянии». Не думал ли Хейг после того, как кэмп-дэвидский процесс начал дышать на ладан, «подогреть» ближневосточную ситуацию полновесной израильской операцией в Ливане, с тем чтобы затем Соединенные Штаты смогли бы вновь «подступиться» к проблеме урегулирования на Ближнем Востоке в своих имперских интересах?

Собственно, эта тема довольно широко дискутировалась в самой американской прессе. «В момент возникновения кризиса, – писал журнал “Time”, – бывший государственный секретарь Александр Хейг почувствовал [представляется, что он это почувствовал значительно раньше. – *Е.П.*], что израильское вторжение для США прекрасная возможность в отношении обоих – и ООП, и умеренных арабских стран. Если бы ООП могла быть ликвидирована как военная сила, считал он, то Саудовская Аравия и Иордания чувствовали бы себя менее сдержанными в вопросах присоединения к Египту в кэмп-дэвидском мирном процессе**». И примечательно, что через неделю после израильского вторжения в Ливан в телевизионном интервью 13 июня Хейг заявил: «Кэмп-

* Middle East International. – 26.02.1982. – P. 8.

** Time. – 16.08.1982. – P. 9.

Дэвид не умер. Я смею надеяться, что нынешние трагические обстоятельства в Ливане предложат новые возможности для возрождения этого мирного процесса»*.

Как резюмировал 19 ноября 1982 г. в «The New York Times» адмирал в отставке Э. Замволт, «внутри администрации США с самого начала операции вторжения все пришли к выводу, что израильские стратегические цели в войне практически отвечают американским интересам». Перечисляя те выигрыши, которые надеялись получить от израильской агрессии и Тель-Авив, и Вашингтон, адмирал Замволт писал о «ликвидации ООП, приходе к власти в Бейруте прозападного режима, о превращении Ливана в итоге в дополнение к Израилю, Египту и Турции – надежному блоку друзей Соединенных Штатов на востоке Средиземноморья».

Наряду с совпадающими интересами США и Израиля в связи с крупномасштабным израильским вторжением в Ливан следует сказать и о некоторых несовпадениях; правда, они проистекали отнюдь не из негативного отношения США к израильской агрессии, а из американской заинтересованности в «более широкой» игре на Ближнем Востоке с целью укрепления своих позиций в арабском мире и в сокращении разногласий со своими западноевропейскими союзниками, в свою очередь тоже маневрирующими в арабском мире.

Среди несовпадений в подходах Вашингтона и Тель-Авива можно, очевидно, выделить два момента: первый – израильский план использования своей операции в Ливане для «окончательного решения палестинской проблемы» как за счет вытеснения всех палестинцев из Ливана, так, возможно, и за счет подготовки удара по Иордании по образу «ливанского»; второй – израильский план аннексии юга Ливана. Анализ этих планов не только служит более полному выявлению истинных мо-

* Middle East International. – 18.06.1982. – P. 6.

тивов израильского вторжения в Ливан, но и проливает свет на характер некоторых коллизий в американско-израильских отношениях во время данной интервенции. Естественно, эти коллизии не превалировали в отношениях между двумя странами и преодолевались каждый раз, как только речь заходила о необходимости выводить Израиль из-под огня критики возмущенной мировой общественности или нейтрализовать попытки организовать санкции против агрессора.

Министр обороны Израиля Шарон никогда не скрывал своего намерения не только аннексировать земли Западного берега и Газы, но и направить основной поток палестинского населения из «Иудеи» и «Самарии» за реку Иордан в нынешнюю Иорданию. После израильского вторжения в Ливан эта идея стала провозглашаться Шароном уже далеко не в абстрактном виде. В интервью О. Фаллачи он заявил: «Иудея и Самария принадлежат нам. Они были нашими в течение тысяч и тысяч лет. Иудея и Самария – это и есть Израиль! Также и Газа, весь район Газы»*.

А как же быть тогда с палестинцами, с палестинской проблемой? Когда накануне провозглашения «плана Рейгана» Шарон был приглашен в США, то после встречи с государственным секретарем Шульцем 27 августа 1982 г. он сделал следующее заявление по этому поводу перед лесом микрофонов:

«Израиль никогда не соглашался и никогда не согласится на второе палестинское государство... Уже существует палестинское государство. Иордания является палестинским государством»**.

Еще более ясно сказал О. Йинон – бывший видный сотрудник израильского министерства иностранных дел, автор статьи, опубликованной в журнале «Кивуним» («Направления»), издающемся Всемирной сионистской

* The Times. – 30.08.1982.

** Middle East International. – 3.09.1982. – P. 6.

организацией: «Израильская политика и во время мира и во время войны должна быть подчинена единой цели ликвидации Иордании при ее нынешнем режиме», тогда как палестинское население Иордании должно быть увеличено за счет «роста эмиграции палестинцев с Западного на Восточный берег»*.

Нужно сказать, что Иордания всегда была среди главных целей сионистской экспансии. Это проявилось и в 1967 г., когда израильское руководство буквально «втягивало» Иорданию в войну, с тем чтобы оккупировать Восточный Иерусалим и Западный берег реки Иордан, имея при этом соответствующее политико-пропагандистское прикрытие. Согласно фактам, приведенным в книге Стюарта Стивена «Израильские мастера шпионажа», израильская разведка, зная код, на котором работали египтяне в начале «шестидневной войны», передавала от имени египтян непрекращающиеся призывы к Иордании вступить в бой. Призывы сопровождались цифрами «огромных потерь» в танках и самолетах, которые якобы понес Израиль. Для того чтобы скрыть эту «радиоигру», Израиль, по Стюарту Стивену, не остановился даже перед тем, чтобы нанести торпедный удар по американскому судну «Либерти», начиненному электронным оборудованием и прослушивавшему всю радиосвязь в районе, после того, как оно отказалось отойти от израильского берега.

Нужно сказать и другое – идея превращения «урезанной» после «шестидневной войны» 1967 г. Иордании в «палестинское государство» в условиях аннексии Западного берега, а также сектора Газа, который до этой войны находился под административным управлением Египта, включала в себя и переселение на Восточный берег около полумиллиона палестинских беженцев, находящихся на территории Ливана большей частью в па-

* Там же. – Р. 13.

лестинских лагерях. В этом отношении обозначилось совпадение интересов израильской верхушки с право-христианскими ливанскими силами. Такое стремление – вытеснить не только палестинских бойцов, но и мирное палестинское население из Ливана – и легло в основу чудовищного преступления: убийства тысяч мирных палестинцев в лагерях Шатила и Сабра после того, как в Бейрут были введены израильские войска.

Таким образом, можно говорить об органичной связи израильского вторжения в Ливан с планами Тель-Авива лишить палестинский народ его права на самоопределение, в том числе и путем ликвидации существующего в Иордании режима и вытеснения всех палестинцев на ее территорию. Однако такой «крайний вариант», очевидно, казался неприемлемым для США, учитывая и консервативный характер иорданского режима, и то, что его крах отнюдь не усиливал бы американских позиций в арабском мире, и полную невозможность договориться об этом «крайнем варианте» с остальными консервативными арабскими режимами. Возможно, в США имелись и имеются сторонники и такого «варианта», иными словами, попыток «решения» палестинской проблемы за счет режима короля Хусейна в Иордании. Однако, судя по всему, не они задавали тон в ближневосточной политике США, во всяком случае в начале 80-х годов.

Соединенные Штаты не были полностью согласны и со вторым израильским планом, связанным с нашествием на Ливан и касающимся самого Ливана.

Уже говорилось о том, что американско-израильские интересы совпали в сфере приведения к власти в Ливане руководства во главе с лидером не только явно прозападного и откровенно антипалестинского и антисирийского толка, но и тесно связанным с Израилем. Этот лидер должен был, согласно планам Израиля, подавить с помощью своих сторонников патриотические силы Ливана, настоять на выводе сирийских войск и на этой ос-

нове «стабилизировать» положение в стране. В сферу общих американско-израильских интересов попала и проблема заключения ливано-израильского мирного договора типа кэмп-дэвидского.

Однако Израиль решил пойти дальше этого и выйти за сферу совпадающих с Соединенными Штатами интересов. В статье видного американского журналиста Джека Андерсона, помещенной 27 сентября 1982 г. в газете «The Washington Post» и цитирующей секретные и сверхсекретные документы ЦРУ и Госдепартамента США, в частности, говорилось: «В одном секретном докладе Государственного департамента от 15 сентября, то есть в период, когда израильское вторжение в западный сектор Бейрута шло полным ходом, утверждается, например: “Существует опасность, что израильские тыловые операции выльются в образование постоянных административных органов”». Иными словами, есть подозрение, что Израиль создаст военно-гражданское правительство для оккупированного Ливана. По-видимому, в Ливане складывается такая же картина израильского проникновения, какую мы уже видели на территории Западного берега. Ультранационалистическая экстремистская организация «Гуш эмумим» собирается, согласно американским документам, строить израильские поселения в Южном Ливане.

«Если Бегин будет и впредь продолжать идти тем же курсом, – пишет Андерсон, – то он не отречется от этих поселений, опасаясь критики израильских фракций, придерживающихся жесткого курса, которые составляют основную базу его политической поддержки. Он, напротив, позаботится о том, чтобы эти незаконные поселения были подключены к системам водо- и энергоснабжения, чтобы они могли существовать на постоянной основе. “Гуш эмумим” и главный раввин израильской армии генерал Гад Навон считают, что бог, возможно, посылает им Южный Ливан в виде компенсации за уход Израиля с

Синайского полуострова. Поддержка главного раввина армии была бы важным элементом в превращении временной военной администрации в постоянные гражданские органы власти».

В этой связи Дж. Андерсон писал о «подозрениях Белого дома», которые, по его словам, могли бы усугубиться в результате знакомства с «историческими примерами»: так, в 1978 г. был опубликован «интригующий отчет» бывшего израильского премьер-министра Моше Шарета о совещании израильских сотрудников, ведавших оборонной и внешней политикой, которое состоялось в 1951 г. Покойный Моше Даян, который в то время был начальником штаба армии, заявил на совещании, что Ливан «можно брать».

«Единственное, что необходимо, – продолжал Даян, – это найти офицера, пусть даже только в чине майора. Мы либо привлечем его на свою сторону, либо подкупим его так, чтобы он согласился провозгласить себя спасителем маронитского (христианского) населения».

«Тогда в Ливан войдет израильская армия, которая оккупирует необходимые территории и создаст христианский режим, а тот вступит в союз с Израилем, – заявил далее Даян. – Территорию от реки Литани к югу Израиль полностью аннексирует, и все будет в порядке».

План Даяна был выполнен полностью, продолжал Андерсон, вплоть до чина военного, избранного руководителем христиан, который должен был сотрудничать с израильянами. Майор Саад Хаддад, ливанский офицер, стал военачальником-марионеткой Израиля в районе реки Литани.

О притязаниях Израиля на Южный Ливан говорится и в цитируемом в «The Washington Post» «сверхсекретном докладе ЦРУ».

Статья Дж. Андерсона – еще один показатель того, насколько США были осведомлены обо всех израильских планах. И они, будучи согласными с «детальями» или нет,

«с открытыми глазами» поддержали израильскую экспансионистскую агрессивную политику.

Совершенно ясно, например, что Израиль не мог бы пойти на столь масштабное вторжение в Ливан, на осуществление этой крайне непопулярной на самом Западе, особенно в Западной Европе, акции без включения зеленого света со стороны администрации США. В этой связи хотелось бы процитировать Ури Авнери – израильского журналиста, редактора популярного в стране еженедельника и общественного деятеля, объявившего о намерении бороться за мир с палестинцами с «левосионистских позиций». В одном из своих первых комментариев, написанных, как говорится, по горячим следам только что начавшегося вторжения в Ливан, – нужно сказать, что со многими положениями этого комментария, особенно в отношении позиции СССР, никоим образом нельзя согласиться – Ури Авнери писал: «Война таких размеров невозможна без американской помощи на всех уровнях: политической, военной, пропагандистской... Ни одно израильское правительство не может пойти на такой риск, да еще в условиях атаки со стороны международного общественного мнения, не будучи заранее уверенным, что американцы наложат вето на любую нежелательную резолюцию, представленную в ООН, и будут это делать так долго, как необходимо для продолжения операции. Ни одно израильское правительство не может послать свою армию с ее дорогостоящим оснащением в такое огромное по своим масштабам сражение, не будучи уверенным в том, что обеспечены замещение всего потерянного вооружения, массивные поставки запасных частей на самый крайний случай на следующий же день после окончания военных действий... Ариэль Шарон посетил Вашингтон за несколько дней до этого [начала вторжения в Ливан. – *Е.П.*]. Он закрылся вместе с руководителями американского военного ведомства. Нет никаких сомнений, что во время этих

заседаний нападению дали “о’кей”, и было достигнуто согласие на начало войны при первом удобном случае, когда появится для этого соответствующий предлог»*.

Существует и несколько иная версия – она тоже появилась на страницах печати. Вот что писал о ней хорошо осведомленный израильский журналист Максим Гилан: «Вторжение – это часть плана, предложенного Ариэлем Шароном Александру Хейгу во время поездки израильского министра в Вашингтон в первые дни июня 1982 г. Американский государственный секретарь проявил готовность поддержать не только стремление Израиля физически уничтожить бойцов ООП и как можно больше ее руководителей, но и подталкивал Шарона начать битву против Сирии (вопреки настроению премьер-министра Бегина и министра иностранных дел Шамира)** с целью нанести удар по сирийской армии и приблизить замену Хафеза Асада проамериканской военной хунтой. Это было частное добавление Шарона–Хейга к более ограниченному по целям плану, принятому израильским правительством и рейгановским национальным советом безопасности и направленному лишь на ликвидацию палестинского присутствия вдоль ливанской границы и создание ливанского кабинета “национального выживания” во главе с правым лидером Баширом Жмайелем***».

Так или иначе, но совершенно неправдоподобно выглядит представление, официально распространяемое в США, будто израильский министр обороны, прибыв в Вашингтон и проведя консультации с высшими представителями американской администрации за считанные дни до израильского вторжения в Ливан, не обмолвился

* Israel and Palestine Political Report. – Paris, 1982. – P. 9.

** От себя добавим, что если на тот момент и имела место такая «сдержанность» в отношении Сирии со стороны Бегина и Шамира, то она диктовалась опасением того, что сильный удар по сирийской армии может вызвать «интернационализацию конфликта».

*** Israel and Palestine Political Report. – Paris, 1982. – P. 1.

об этой акции, не обсуждал с ними подробности ее осуществления и не получил на нее соответствующую санкцию.

Есть все основания считать, что США не только были достаточно информированы о готовящемся израильском вторжении в Ливан, но и включили такую акцию в систему мероприятий, призванных стабилизировать позиции США во всем районе. Особый смысл для США приобрел вопрос о выполнении Израилем кэмп-дэвидских договоренностей.

Как известно, после смерти Садата появились признаки того, что Израиль попытается сорвать или затянуть вывод своих войск с Синая и демонтаж еврейских поселений. Это, несомненно, резко подорвало бы престиж Соединенных Штатов в Египте и других арабских странах и заблокировало бы кэмп-дэвидский процесс как таковой в случае отказа Израиля от выполнения своих обязательств в согласованные сроки, то есть 26 апреля 1982 г., резко затруднялось бы заигрывание Соединенных Штатов с арабскими консервативными режимами.

Как поступали США в таких условиях?

А. Хейг в своих мемуарах описывает первую после смерти Садата встречу с Бегиним. Это произошло в Каире, куда и тот и другой прибыли для участия в похоронах египетского президента. В начале беседы с Бегиним А. Хейг «обозначил» тему будущего Западного берега реки Иордан и сектора Газа. Он как бы пытался сказать Бегину, что тот уже получил все ему причитающееся за полное выполнение кэмп-дэвидского соглашения. Как говорилось выше, сохранение израильского контроля над этими территориями было той общей «компенсацией», которую США с Садатом уже «выплатили» Бегину за его согласие вывести свои войска с Синая. Вместе с тем тема будущего Западного берега могла возникнуть и как некоторое «предостережение» Бегину в случае его нигилистического отношения к интересам самих США. Бегин тут же категорически заявил Хейгу, что ни при каких об-

стоятельствах Израиль не согласится на прекращение заселения «Иудеи» и «Самарии». Но и этого мало. Бегин решил пойти еще дальше, увеличивая «цену» за соблюдение Израилем соглашения с Египтом. В этой связи он, явно зондируя возможную реакцию США, объявил госсекретарю... о подготовке к интервенции в Ливане. «Впервые он или любой другой израильский лидер говорил об этом с такой определенностью», – констатирует Хейг. «Если не будет какой-нибудь крупной, признаваемой международным сообществом провокации [против Израиля. – *Е.П.*], Соединенные Штаты не поддержат этой акции»*, – заявил государственный секретарь США в ответ на зондаж Бегина. Израильский премьер не мог не воспринять это как сигнал того, что США дадут «добро» на интервенцию. За Израилем оставалась лишь фабрикация повода для нее.

Увязка согласия Израйля на эвакуацию с Синая с практическим одобрением США израильской агрессии против Ливана осуществлялась и во время последующих встреч государственного секретаря США с премьер-министром Израйля. В середине января 1982 г. в Израйле Бегин не просто дал согласие в срок уйти с Синая, но «еще раз высказал свое предупреждение по поводу нахождения ООП в Ливане». По словам Хейга, он ответил ему в той же манере, что и раньше**.

«Вплоть до полного претворения в жизнь египетско-израильского мирного договора 26 апреля 1982 г. в связи с рядом обстоятельств администрация Рейгана ставилась в известность о том, что Израйль планирует крупномасштабную военную операцию против ООП в Ливане, – пишет Уильям Квандт. – И действительно, в феврале того же года руководитель израильской военной разведки проинформировал государственного секретаря США

* *Haig A. Caveat.* – P. 326.

** Там же. – P. 329.

Хейга в отношении общего плана. Американский ответ в действительности заключался в следующем: «Не ранее, чем вывод войск с Синая»*.

Наконец, уже накануне израильского вторжения в Ливан в беседе с Шароном в Вашингтоне Хейг произнес ту же самую сакраментальную фразу: «Если не будет общепризнанной провокации», атака Израиля против Ливана произведет разочаровывающий эффект в США. Кстати, тот же Хейг пишет в своих мемуарах: «3 июня casus belli, который искали израильтяне, был материализован»: в Лондоне был тяжело ранен посол Израиля Ш. Аргов**.

Сообщениями об израильском намерении вторгнуться в Ливан пестрели страницы мировой печати в течение нескольких месяцев до агрессии. В той или иной форме о таких намерениях говорили и израильские руководители. Даже в таких условиях, когда намерения Израиля стали секретом полишинеля, США не остановились перед тем, чтобы во время приезда Шарона в Вашингтон гарантировать поставки Израилю дополнительно 75 истребителей F-16 и F-15. Однако у США сохранялся один «резерв» или, скорее, пожелание к Израилю. «Согласно информированным источникам, – писал журнал “Middle East”, – Вашингтон настаивал, чтобы операция [в Ливане. – *Е.П.*] была осуществлена в течение недели. Ясно, что чем больше будет длиться вторжение, тем сильнее будет международное давление на Израиль с целью заставить его вывести войска»***.

Кстати, весьма неправдоподобно и то, что США «категорически исключали» оккупацию Бейрута при своих контактах с израильтянами в преддверии их вторжения в Ливан. Характерна та несогласованность, которая возникла по этому вопросу в правящих кругах США.

* The Middle East Journal. – Spring 1984. – P. 238.

** Haig A. Caveat. – P. 335.

*** The Middle East. – July 1982. – P. 6–7.

В заявлении Белого дома от 24 июня говорилось, что Бегин дал Соединенным Штатам соответствующие заверения. А на пресс-конференции 30 июня президент США категорически отверг «предположения», что Бегин обещал ему не вводить израильские войска в Бейрут*.

И уж совсем не случайно в первые дни израильского вторжения президент Рейган во время своего западноевропейского турне сделал в Риме в своих заявлениях главный упор на «мотивацию» израильских действий, повторив, по сути дела, фальшивую версию Израиля о том, что его нападение на Ливан диктовалось «необходимостью принести мир Галилее». Еще дальше пошел Хейг. Во время брифинга для журналистов на второй день израильской агрессии он, говоря о потерях в самолетах Израиля и Сирии, употребил выражения: «Мы потеряли» и «Они потеряли»**.

Газета «The Washington Post» процитировала высказывания одного официального израильского лица: «Кто сейчас ведет спектакль на Ближнем Востоке? Ответ ясен – Соединенные Штаты и Израиль»***. В том, что израильские руководители всячески подчеркивали непосредственную причастность США к их вторжению в Ливан, проявилось не только стремление выбраться из международной изоляции, но и явное недовольство тем, что Вашингтон после начала агрессии вопреки действительному положению вещей принялся публично отмежеваться от агрессора.

«С сентября 1981 г. я обсуждал с ними возможность подобной операции, – возмущался Шарон в интервью О. Фаллачи, опубликованном в западногерманском журнале “Stern”. – В частности, я обсуждал этот вопрос с министром обороны Уайнбергером. Я предупреждал их:

* Middle East International. – 16.07.1982. – Р. 4.

** Middle East International. – 18.06.1982. – Р. 5.

*** Там же. – Р. 6.

“Не изображайте, будто вы потрясены, когда мы это делаем”»*.

Итак, Вашингтон несет полную ответственность за кровавое израильское вторжение в Ливан, за учиненный там израильской военщиной геноцид. При этом ответственность Вашингтона не только имеет «ретроспективный» характер, иными словами, проистекает не только из того, что США до зубов вооружили израильскую армию и создали тем самым материальную основу для ее агрессивных действий**. Вашингтон несет прямую, непосредственную ответственность за преступления Израиля против палестинского и ливанского народов, так как именно с американскими руководителями обсуждались и согласовывались планы израильской операции в Ливане.

Положение, соответственно, не меняется от того, какими «эшелонами власти» в США одобрялась та или иная израильская «инициатива» – «ограниченная» или «расширенная». Прежде всего, и та и другая представляли собой не что иное, как агрессию против суверенного государства, преступление против палестинского и ливанского мирного населения. Но даже если предположить, что Хейг был уволен в отставку с поста государственного секретаря в том числе и потому, что «переиграл» с израильянами (об этом писала американская печать), а Белый дом принял лишь «ограниченный вариант» израильской операции в Ливане, то тогда непо-

* Stern. – 1982. – № 37. – S. 77–78.

** Чуть-чуть прозвучал и тут же заглох тоненький голосок нескольких американских конгрессменов, потребовавших провести расследование по поводу использования израильской военщиной против мирного населения в Бейруте американского оружия, направленного на Израиль якобы «в целях его обороны». Разве все не было предельно ясно и без всякого «расследования», которое, кстати, тут же свернули, чтобы не создавать лишнего шума, способного помешать интенсивным поставкам американского вооружения в Израиль, продолженным и во время агрессии в Ливане.

нятно, почему по указанию администрации США их представитель в Совете Безопасности ООН накладывал вето, проваливая любую резолюцию, которая требовала немедленного прекращения огня, когда, казалось бы, Израиль уже выполнил цели «ограниченного» варианта вторжения в Ливан? Почему США не присоединились к единодушному мнению всех остальных членов Совета Безопасности ООН о необходимости немедленного прекращения израильского вторжения и вывода войск Израиля с ливанской территории?

IV. Анализ голосования в ООН, или как Вашингтон помог агрессору

Любопытную картину в этой связи дает сопоставление действий США в Совете Безопасности ООН с реальным развитием обстановки в самом Ливане.

9 июня 1982 г. Соединенные Штаты наложили вето на проект резолюции Совета Безопасности ООН, потребовавшей от Израиля прекращения в течение шести часов военных действий и вывода израильских вооруженных сил за признанные международные границы Ливана. За этот проект высказались все 14 других членов Совета Безопасности ООН. К этому времени израильские войска уже окружили Сайду, подступили к Дамуру, находились в 15 км от Бейрута и начали столкновения с сирийскими войсками в долине Бекаа.

Следовательно, торпедируя резолюцию Совета Безопасности ООН о немедленном прекращении военных действий, США давали возможность Израилю осуществлять отнюдь не «минимальный вариант операции» в сорокакилометровой зоне до реки Литани, а ее «максимальный вариант» – оккупацию значительной части страны при выходе к Бейруту, равно как и серию ударов

по сирийским подразделениям, находившимся на территории Ливана в составе межарабских сил. На фоне срыва Соединенными Штатами резолюции о немедленном прекращении израильской агрессии и отводе войск интервентов явно фарисейский характер носило их голосование за резолюцию Совета Безопасности ООН, содержащую призыв уважать права гражданского населения в Ливане.

Не менее характерным было второе вето США, наложенное на подготовленный Францией проект резолюции Совета Безопасности ООН 26 июня 1982 г. Этот проект, за который тоже отдали свои голоса все члены Совета Безопасности, кроме США, предусматривал разъединение сил в Бейруте. К моменту, когда усилиями Соединенных Штатов было сорвано принятие этого проекта резолюции, Израиль завершил окружение Западного Бейрута и установил контроль над важнейшим участком дороги Бейрут – Дамаск между пунктами Баабда и Бхамдун. А 22 июня, то есть за четверо суток до голосования резолюции, на которую США наложили вето, израильская авиация начала бомбардировки ливанской столицы.

Голосование США имело еще один «аспект»: «в Вашингтоне было решено использовать американское вето, чтобы еще раз вдохновить израильтян после отставки Хейга»* (накануне голосования – 25 июня), который, как известно, занимал крайне пробегоиновские позиции.

Таким образом, американское голосование в Совете Безопасности было, по существу, подчинено цели сохранить для Израиля возможность уничтожать палестинских бойцов, продолжать стягивать кольцо осады вокруг Бейрута, готовясь к его штурму.

27 июня, то есть на следующий день после заседания Совета Безопасности ООН, на котором рассматривался французский проект резолюции о разъединении сил в

* Middle East International. – 2.07.1982. – P. 9.

Бейруте, США вместе с Израилем (они оказались в полном одиночестве) выступили и на VII чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по палестинскому вопросу против резолюции, поддержанной 127 государствами и содержащей требование вывода израильских войск из Ливана.

Вдохновленные тем, что США блокировали деятельность Совета Безопасности ООН, которая могла бы стать серьезным препятствием на пути расширения израильской интервенции в Ливане, руководство Бегина–Шарона резко интенсифицировало артиллерийские обстрелы и налеты на жилые кварталы Западного Бейрута.

27 июня израильская авиация разбросала листовки над Бейрутом, в которых говорилось, что мирное население города «имеет последний шанс выбраться из него». По сообщениям прессы, к ливанской столице была подтянута израильская бригада, «специально подготовленная для ведения уличных боев». Ожесточенные бои велись в районе бейрутского международного аэропорта. Продолжался интенсивный обстрел жилых кварталов Западного Бейрута.

3 июля после переговоров с премьер-министром Ливана Ш. Ваззаном, который находился в контакте и с президентом Саркисом, и со специальным представителем президента США Ф. Хабибом, ООП выработала свою позицию: стремясь спасти от истребления население Западного Бейрута, палестинские бойцы согласились вести переговоры о своей эвакуации из города при предварительном отходе израильских интервентов на 5 миль от Бейрута и создании зоны, контролируемой иностранными силами совместно с ливанской армией. Такое разъединение сил должно было быть осуществлено согласно подготовленному Францией и Египтом проекту резолюции Совета Безопасности ООН, которая связывала подобное решение с общим урегулированием ближневосточного конфликта. Разъединение призвано было гаран-

тировать не только безопасную эвакуацию сил ПДС, но и безопасность палестинских беженцев в бейрутских лагерях после этой эвакуации.

4 июля израильское правительство приняло решение не принимать предложенной формулы. Одновременно израильтяне начали стягивать кольцо блокады, перерезали водо- и электроснабжение Западного Бейрута, воспрепятствовали поставкам продовольствия и медикаментов для населения города. Это, как и следовало ожидать, полностью заблокировало контакты с целью найти политическое решение: премьер-министр Ливана Ваззан отказался от дальнейших консультаций с американскими представителями, пока израильтяне не прекратят своих бесчеловечных действий против жителей Бейрута.

Как вели себя США в таких условиях в Совете Безопасности ООН? 4 июля они проголосовали за резолюцию, выразившую тревогу Совета Безопасности в связи с бедствиями и лишениями гражданского населения Южного Ливана и Западного Бейрута (принята единогласно). Такое голосование за резолюцию, в которой Израиль был объектом косвенной, аморфной критики, очевидно, призвано было замаскировать истинную «игру» США в ООН.

Это проявилось совершенно ясно 29 июля, когда Совет Безопасности ООН рассматривал резолюцию, призывающую Израиль снять блокаду Бейрута. США демонстративно не приняли участия в голосовании. Израиль не мог не воспринять это как показатель «незыблемости» американской позиции в ООН в поддержку его «операции в Ливане». 1 августа израильские войска захватили бейрутский международный аэропорт, а 4 августа начали с трех направлений штурм Западного Бейрута.

Положение не спасла единогласно принятая по просьбе Ливана резолюция Совета Безопасности о немедленном прекращении огня – она последовала уже за

захватом аэропорта. 4 августа, то есть уже после того, как начался штурм Западного Бейрута, Совет Безопасности принял еще одну резолюцию с требованием, чтобы Израиль вернулся на позиции до 1 августа и с угрозой применения санкций. Учитывая широчайшие настроения международной общественности и позицию своих западноевропейских союзников, США не осмелились наложить на эту резолюцию вето, но они и не поддержали резолюцию, воздержавшись при голосовании.

Явно принимая во внимание «благосклонную» позицию США и расценивая ее как сигнал, позволяющий действовать, израильское руководство решило сыграть ва-банк. Штурм Бейрута продолжался. Израильская армия сопровождала его зверскими обстрелами и бомбардировкой жилых кварталов. Впервые в Ливане была применена обладавшая огромной разрушительной силой «вакуумная бомба» американского производства. Одновременно Израиль решил открыто и цинично бросить вызов Организации Объединенных Наций. 5 августа в письме генеральному секретарю ООН израильское правительство сообщило о своем решении не подчиняться резолюциям Совета Безопасности, требующим вывода израильских войск из Западного Бейрута и отправки наблюдателей в Бейрут. Израильское руководство также отвергло предложение генерального секретаря ООН лично отправиться в Израиль и Ливан для обсуждения вопросов, связанных с прекращением огня в Бейруте.

Именно в этот момент, стремясь немедленно прекратить израильское наступление на Западный Бейрут, грозившее превратить в горы трупов мирное население этого города, Советский Союз 6 августа 1982 г. потребовал срочного созыва Совета Безопасности ООН в целях принятия всех необходимых мер для выполнения ранее принятых им решений, прежде всего для немедленного прекращения огня и размещения наблюдателей ООН в Бейруте и вокруг него для прекращения израильской аг-

рессии. Об указании представителю СССР в ООН предложить срочный созыв Совета Безопасности был проинформирован председатель исполкома ООП в телеграмме, направленной в его адрес Л.И. Брежневым. 11 членов Совета Безопасности проголосовали за предложенную СССР резолюцию, 3 (Англия, Заир, Того) воздержались. Резолюция не была принята, так как США (уже в третий раз) наложили вето.

Однако инициатива Советского Союза все-таки сыграла положительную роль. В ответной телеграмме Я. Арафата Л.И. Брежневу содержалась глубокая благодарность и признательность «за послание и поддержку палестинского народа в этот трудный час». «Наш народ, продолжающий свою борьбу, – отмечалось в телеграмме, – никогда не забудет этой помощи и благодарит Вас за нее».

Между тем поведение Соединенных Штатов не оставляло никаких сомнений в том, что они пытались обеспечить свободу рук израильской военщине. И этот сигнал оказался принятым Бегинном и Шароном. Известно, что 10 августа был согласован план эвакуации из Бейрута палестинских вооруженных сил в арабские страны. Казалось бы, уже найдено решение, которое позволит ослабить угрозу уничтожения Бейрута. Однако 12 августа начались варварская беспрецедентная одиннадцатичасовая израильская бомбардировка и обстрел ливанской столицы. Бесперывно на город обрушивался огненный шквал. Израильская авиация за этот день совершила 220 налетов, израильская артиллерия обстреливала Западный Бейрут с суши и моря, выпустив почти 42 тысячи снарядов и ракет.

В течение недели прекращения огня чередовались с новыми израильскими ударами по Бейруту. Лишь после этой кровавой недели – 19 августа – израильское правительство одобрило окончательный проект соглашения об эвакуации отрядов ООП из Бейрута. 23 августа президентом Ливана был избран один из руководителей пра-

вохристианской партии «Катаиб», лидер фалангистов Башир Жмайель. За него проголосовали 57 из 92 членов ливанского парламента (в голосовании участвовало 62). 21 августа начался отвод палестинских бойцов из ливанской столицы.

V. Цели «миссии Хабиба»

На следующий день после израильского вторжения начала осуществляться миссия специального представителя президента США Ф. Хабиба. Первые его контакты имели место в Израиле. Следующей страной, куда направился специальный представитель Рейгана, была Сирия. Затем он побывал в Бейруте. Хабиб совершал челночные поездки главным образом по маршруту Иерусалим – Бейрут – Дамаск. Он ездил по наезженной дороге – за год до того состоялась предшествующая миссия Ф. Хабиба в район Ближнего Востока, во время которой он активно продвигал идеи американской политики, направленные на обеспечение интересов Соединенных Штатов.

Если чрезмерно не вдаваться в детали, то смысл американского ближневосточного курса, который стремился обеспечить своей деятельностью специальный представитель президента США, заключался в следующем: жесткая стратегическая поддержка Израиля при одновременной попытке расширить американские позиции в арабском мире за счет как укрепления отношений с консервативными арабскими руководителями, так и поисков новых контактов с националистическими арабскими режимами. Конечно, этот курс был и остается весьма противоречивым также и потому, что Израиль находится в конфронтации с арабским миром, в том числе так или

иначе и с его консервативной частью. Однако США стремились разрешить данное противоречие путем попыток обеспечить сближение Израиля с консервативными арабскими режимами под своей эгидой, а для этого им нужно было во что бы то ни стало разблокировать кэмп-дэвидский процесс или дать импульс какому-либо параллельному с Кэмп-Дэвидом процессу «политического урегулирования» ближневосточного конфликта. Естественно, что в создавшихся условиях и при учете приоритета, который строго отдается Вашингтоном американско-израильским связям, такое «урегулирование» должно было удовлетворить амбициозные израильские экспансионистские устремления или, во всяком случае, хотя бы значительную часть этих устремлений. Для закрепления США в арабском мире одновременно кое-что нужно было обещать и арабам.

С учетом всего этого, а точнее, для обеспечения всего этого и начал осуществлять свою новую миссию на Ближнем Востоке во время вторжения Израиля в Ливан Ф. Хабиб. По-видимому, можно говорить и о специфических целях, которые на сей раз пытался обеспечить специальный представитель президента США. Это:

– создание благоприятных условий для того, чтобы Израиль мог выполнить задачи своей «операции» в Ливане без особенно серьезных коллизий с международной общественностью и тем более без серьезной изоляции в западном обществе, а также – и это особенно важно подчеркнуть – без ущерба для американской «игры» в арабском мире, для позиций и интересов США;

– использование ливанского кризиса для усиления американского влияния на внутривосточную обстановку в Ливане;

– попытка сыграть на ситуации в Ливане для установления американского влияния на палестинское движение;

– использование ливанского кризиса с целью укрепления американских позиций в правящих кругах арабских стран с консервативными режимами;

- попытка вызвать и сохранить заинтересованность Сирии в контактах с Соединенными Штатами;
- использование ливанского кризиса для активизации общеполитической деятельности США в арабском мире с задачей осуществления сепаратной линии в ближневосточном урегулировании.

И не случайно, что Хабиб обсуждал в Израиле 7–9 июня с местным руководством не проблему отказа от экспансионизма, не прекращение агрессии при безоговорочном выводе израильских войск за границы Ливана, а то, как сделать так, чтобы израильская операция не принимала слишком одиозных форм, которые могли бы иметь нежелательные для США последствия в арабском мире и в отношениях с их западноевропейскими союзниками.

В Дамаске (10–13 июня), как отмечала печать, Ф. Хабиб продолжал попытки создать у сирийского руководства иллюзию того, что Израиль не пойдет на осаду Западного Бейрута и не будет наносить удары по сирийским позициям в районе Бекаа. Хабиб привез в Дамаск послание Бегина с соответствующими заверениями*. Еще до его приезда поступила аналогичная информация из других американских источников. Однако не успел Хабиб быть принятым президентом Сирии, как израильские войска атаковали сирийские позиции, а ВВС Израиля обрушились на сирийские ракетные батареи в долине Бекаа.

США, таким образом, по сути дела камуфлировали соответствующие действия Израиля, в том числе и те, которые были направлены на уничтожение сирийских ракетных батарей. Израиль нарушил и заключенное 11 июня с сирийцами через Ф. Хабиба соглашение о прекращении огня и продолжал наносить удары по этим сирийским батареям.

* Time. – 21.06.1982. – P. 19.

Пытаясь ввести в заблуждение сирийское руководство, США вели совместную или – от этого не меняется суть дела – параллельную игру с Израилем. Вот свидетельство, значение которого бесспорно: оно принадлежит «действующему лицу» – израильскому солдату, принимавшему участие в нашествии на Ливан: «Я слышал Бегина и Шарона по радио. Они обращались к сирийцам с призывом не открывать огонь, так как израильская цель – только сражаться против террористов [так израильская верхушка называет всех членов ООП. – *Е.П.*]. В действительности же нам уже были даны приказы втянуть Сирию в войну, свести с ней счеты вне зависимости от того, как поступят сами сирийцы»*.

После «дамасского» начинается «ливанский» этап деятельности Хабиба. Сначала создавалось впечатление – об этом во всеулышание говорили палестинские руководители, – что Хабиб диктует ультимативное требование о безоговорочной капитуляции ООП. США, как уже говорилось, были крайне заинтересованы в быстрейшем окончании «ливанской операции» Израиля, учитывая, что им будет с каждым днем все труднее оправдывать свою поддержку Бегина–Шарона. Известно, например, что утром 25 июня, еще будучи в то время государственным секретарем США, А. Хейг потребовал, чтобы ООП, прекратив сопротивление, незамедлительно сдалась ливанским властям**.

Однако американским руководителям становилось все яснее, что палестинцы добровольно не сложат оружие. Более того, израильская армия оказалась не в состоянии осуществить блицкриг в Ливане без больших потерь. Не говоря даже о героической обороне Западного Бейрута, можно сослаться в этой связи на продолжавшееся и ширившееся сопротивление оккупантам в тылу

* Едиот ахронот. – 5.07.1982.

** Middle East International. – 2.07.1982. – P. 3.

израильтян. Сирийские войска в Бекаа тоже продолжали давать отпор оккупантам.

Израильское руководство замалчивало действительные масштабы своих потерь в живой силе и технике в Ливане. Нередко ссылаются на то, что Израиль, дескать, «дает точное число убитых», так как их списки печатаются в израильских газетах. Такое объяснение неправомерно. О фальсификации израильских потерь писали сами израильские журналисты. Характерный пример в этом плане привел и бывший государственный секретарь США Киссинджер в своих мемуарах. Он пишет, что в начале войны 1973 года, 9 октября, его посетил в Белом доме израильский посол Диниц вместе с военным атташе генералом Гуром, которые сообщили ему о потерях 500 танков за первые дни боев, причем 400 из них только на египетском фронте, а также 49 самолетов, включая 4 «Фантома». «Диниц, – пишет Киссинджер, – умолял меня держать в секрете эти цифры от всех, кроме президента». «Если о них узнают арабские страны, ныне находящиеся в стороне, они могут присоединиться для нокаутующего удара»*, – сказал, согласно свидетельству Киссинджера, Диниц, объясняя мотивы своей просьбы. Так что манипулирование цифрами потерь – это не такое уж редкое занятие израильского руководства.

Очевидно, с учетом краха идеи израильского блицкрига Хабиб на Ближнем Востоке, а американское руководство в Вашингтоне при контактах с израильскими представителями, а также с министрами иностранных дел Саудовской Аравии и Сирии, прибывшими в столицу США 20 июля по решению Лиги арабских стран, начали маневрировать в поисках приемлемого для Израйля «компромиссного решения».

К этому моменту позиции сторон в Ливане выглядели следующим образом.

* *Kissinger H. Years of Upheaval.* – P. 492.

Израильская позиция:

1. Саботаж прекращения огня в Ливане, договоренность о котором сначала поддерживалась Израилем (возможно, это была «плата» за позицию США, которых, естественно, израильтяне не хотели «загонять в угол»), а затем преспокойно срывалась.

2. Подготовка к штурму Западного Бейрута, которая включала в себя методические жесткие удары по городу – не только по палестинским укрепленным позициям, но для «устрашения», создания невыносимых условий, принуждения палестинцев прекратить сопротивление и по сугубо мирным объектам, что влекло за собой многочисленные жертвы среди населения Бейрута.

3. Линия на уничтожение ООП: согласившись в конце концов с предложением о выводе палестинских отрядов из города, израильское руководство обусловило это такими требованиями, которые наводили на мысль, что сама эвакуация будет использована для физического уничтожения палестинских бойцов и их командования. Среди выдвинутых были требования, чтобы на месте эвакуации не находились никакие международные силы или наблюдатели ООН, чтобы палестинские бойцы уходили без оружия и с ними «не смешивались», а двигались отдельно последней колонной палестинские руководители. Вместе с тем Израиль отверг предложения ООП о предварительном отходе интервентов на 5 миль от ливанской столицы, чтобы эвакуировавшиеся палестинцы непосредственно не соприкасались с израильской армией.

Палестинская позиция:

1. Настаивая на эвакуации с оружием и требуя гарантии безопасности, палестинские лидеры справедливо считали, помимо всего прочего, что их уход не является капитуляцией.

2. Они стремились не только создать гарантии для эвакуирующихся бойцов, но и для палестинских мирных

жителей, сконцентрированных в лагерях на территории Ливана, в том числе в Западном Бейруте, а также для ливанских патриотов, сражавшихся все эти последние годы вместе с палестинским движением сопротивления. Это стремление было вызвано далеко не абстрактными причинами. Израильское руководство не скрывало своего намерения вообще «очистить Ливан от палестинцев». В этом отношении интересы израильской верхушки прямо совпадали с интересами руководства правохристианских сил.

3. Уходя из Бейрута, палестинцы хотели не допустить дальнейшего разрушения города, массовых убийств его жителей.

США сосредоточились на том, чтобы Израиль получил желаемое им решение, но не в крайних, да и к тому же вообще недостижимых, как понимали американские политики, формах. Внимание при этом обращалось на то, чтобы это решение не выглядело одиозно. С помощью цепочки: Израиль – США – премьер-министр Ливана Ваззан и бывший премьер-министр Ас-Сольх – ООП (после того как «цепочка» несколько раз рвалась из-за продолжающейся израильской кровавой блокады Бейрута) – в конце концов, было подготовлено решение. Палестинские бойцы смогли партиями покинуть Бейрут, направляясь в ряд арабских стран; они сохраняли при себе личное оружие; наблюдать за эвакуацией палестинских отрядов, обеспечивая их безопасность, должны были ливанская армия и «многонациональные силы» в составе американского, французского и итальянского контингентов; с бойцами выходило из Бейрута и палестинское руководство; США дали фактические гарантии, что после ухода палестинских отрядов будет обеспечена безопасность жителей Бейрута, в том числе населения палестинских лагерей.

«В кульминационный момент осады Бейрута... а точнее, 20 августа 1982 г., – свидетельствовал председатель

исполкома ООП, выступая на Международной конференции по вопросу о Палестине, созванной ООН в августе–сентябре 1983 г. в Женеве, – я получил письменное послание, подписанное личным представителем президента США Филиппом Хабибом, в котором тот объявил об обязательстве и гарантиях его правительства в отношении защиты гражданских лиц, палестинских лагерей беженцев и членов семей бойцов в Бейруте от любого нападения или угрозы их безопасности после эвакуации героев, защищавших Бейрут от израильской варварской агрессии. В дополнение к этому обязательству было предусмотрено обязательство освободить заключенных концентрационного лагеря Ансар в ответ на передачу ООП израильских пленным Международному Красному Кресту». «Арафат и другие руководители ООП, – писала “The Washington Post”, – говорят, что они согласились на эту договоренность с Хабибом, так как считали, что Соединенные Штаты не станут давать обещаний, которые не смогут сдержать»*.

VI. Кровавый погром в Бейруте

Дальше события развивались следующим образом. 21 августа начался отвод палестинских бойцов из Западного Бейрута, 1 сентября эвакуация палестинцев закончилась, 14 сентября была взорвана штаб-квартира фалангистской партии в Восточном Бейруте в то время, когда там шло заседание ее руководства. Был убит Башир Жмайель, который через считанные дни должен был вступить на пост президента Ливана.

Ни одна организация ни в Ливане, ни за его пределами не взяла на себя ответственность за убийство Башира

* The Washington Post. – 13.11.1982.

Жмайеля. В этой связи еженедельник «Middle East International», издающийся в Лондоне, писал: «Жмайель и фалангисты имели достаточное число врагов, и не только среди мусульман и левых, которые находились в оппозиции к его избранию. Жмайель и его милиция несли ответственность за убийство в 1978 г. Тони Франжье, сына бывшего президента Сулеймана Франжье, чей маронитский центр власти находится в северной части страны, и за ликвидацию в 1980 г. соперничающей христианской милиции, руководимой Дани Шамуном [было убито более ста человек из “соперничающей христианской милиции”, а Дани Шамун – тоже сын бывшего ливанского президента – вынужден был покинуть Ливан и обитать в Западной Европе. – *Е.П.*]. Хотя оппоненты Жмайеля обвиняли его в том, что он въехал в президентство на броне израильского танка и что он получил необходимое число голосов в парламенте лишь путем угроз и подкупа, имеется ряд показателей его стремления дистанцироваться от израильских друзей для того, чтобы обеспечить себе поддержку мусульманских лидеров»*.

И Франжье, и Шамун заявили, что они не имеют никакого отношения к взрыву. Вместе с тем все больше стала распространяться версия о том, что Б. Жмайель был убит фракцией своих же фалангистов, тесно связанных с израильтянами.

Кстати, на первых полосах израильских газет было опубликовано сообщение о том, что за неделю до своей гибели Башир Жмайель встречался в Израиле с Бегиним и Шароном, которые настаивали на немедленном подписании договора с Ливаном по типу кэмп-дэвидского. Жмайель просил некоторой передышки. По утверждению хорошо информированного журналиста, проживающего в Израиле, А. Капелюка, Б. Жмайель сослался на то, что он «хочет быть президентом всех ливанцев» и

* Middle East International. – 17.09.1982. – Р. 4.

поэтому «должен стремиться к соглашению, приемлемому для всей гаммы политических мнений своей страны. Значит, договор с Израилем не может быть заключен быстро». Башир Жмайель, продолжает А. Капелюк, сказал также Бегину, что «майор Саад Хаддад, южноливанский раскольник, который живет на средства Израиля с 1975 г., будет предан суду за государственную измену». Все это вряд ли были в состоянии «проглотить» израильские руководители.

После убийства Башира Жмайеля в Западный Бейрут ворвались израильские войска. Начались повальные обыски, репрессии. А затем было организовано чудовищное преступление – зверское убийство тысяч мирных обитателей палестинских лагерей Сабра и Шатила в Западном Бейруте. Газета «The Washington Post» опубликовала 30 сентября статью своего корреспондента в Бейруте Л. Дженкинса, который в результате «недельного расследования массовых убийств» сообщил, что решение «прочесать» палестинские лагеря было принято не в связи с убийством Башира Жмайеля. Следовательно, это была не сиюминутная реакция, а продуманная целенаправленная акция. Непосредственно ею руководил начальник разведки фалангистской милиции Эли Хобейка – главный связной с израильской секретной службой «Моссад», а также с Центральным разведывательным управлением США. Израильские войска по договоренности пропустили непосредственных исполнителей преступления в палестинские лагеря, освещали их во время кровавого погрома ракетами, а потом помогали заметить следы, в том числе с помощью бульдозеров, которые заваливали трупы земель, обломками зданий.

Прямую причастность Израиля к осуществленному чудовищному преступлению в Сабре и Шатиле вынужденно подтвердил и итоговый доклад специальной комиссии по расследованию обстоятельств массовых убийств в палестинских лагерях, на создание которой

под давлением общественности в конце концов согласились Бегин и его правительство. Комиссия, созданная решением председателя Верховного суда Израиля, провела 60 заседаний, заслушала многих свидетелей, однако военные власти Израиля не разрешили членам комиссии посетить место преступления.

Целый ряд ограничений комиссия наложила на себя сама. В итоговом документе отмечается: «Комиссии стало очевидным, что публичные заседания по расследованию некоторых вопросов, по которым давали показания свидетели, могли бы иметь пагубные последствия для безопасности государства и его внешних связей». Под этим предлогом значительная часть заседаний комиссии носила закрытый характер, а ее доклад не был опубликован полностью.

Характерно, что в этом докладе признается существование тесных связей между ливанскими фалангистами и израильскими спецслужбами. «Связи между правохристианскими силами и государством Израиль, – цинично говорится в документе, – были установлены вскоре после начала гражданской войны в Ливане. Израиль поставлял вооружение, обмундирование правохристианским силам, обучал и инструктировал их. За отношения с фалангистами отвечало управление разведки и специальных операций (в дальнейшем именуемое “Моссад”). Представители “Моссада” поддерживали – различными путями в различные периоды времени – довольно тесные связи с фалангистским руководством. В 1982 г. и солдаты майора Хаддада, и фалангисты были одеты в обмундирование, поставленное Израилем и напоминавшее форму израильских вооруженных сил (ИВС). Разведка ИВС тоже участвовала в контактах с фалангистами».

Далее в докладе признается, что во время встреч руководителей «Моссада» с Баширом Жмайелем (это было до избрания его президентом) они слышали от него высказывания, которые «не оставляли сомнения в намере-

нии этого фалангистского лидера разделаться после прихода к власти с палестинской проблемой в Ливане, даже если бы это означало применение самых крайних методов против палестинцев».

Именно с учетом настроений правохристианских сил и тесных связей с ними израильских спецслужб был подписан оперативный приказ № 6 израильской армии, в котором фалангистам поручалось осуществить обыски и прочесывания в палестинских лагерях. Согласно показанию начальника израильского генштаба Эйтана, именно от него исходил приказ «командирам фалангистов провести всеобщую мобилизацию» для того, чтобы вступить в лагерь беженцев, как говорится, во всеоружии. О договоренности с фалангистами генерал Эйтан доложил 15 сентября министру обороны Израиля Шарону, а тот в свою очередь прямо с крыши дома, находящегося в двухстах метрах к юго-западу от лагеря Шатила, позвонил Бегину и рассказал ему о «достигнутом с фалангистами соглашении». Кстати, с этого «передового командного пункта» вся израильская военная верхушка, включая руководителей «Моссада», военной разведки, спокойно наблюдала за леденящими кровь убийствами, которые начались вскоре.

Летом 1983 года мне довелось побывать в лагере Шатила. Был я и у того дома, с крыши которого осуществлялось фактическое руководство чудовищным преступлением. Это место так близко от лагеря, что, как говорится, «рукой подать». Каким чудовищным лицемерием должны были обладать люди, любовавшиеся кровавым погромом в Шатиле с крыши этого дома, а затем утверждавшие, будто «до поры до времени» они вообще не знали о том, что происходит в лагерях.

Однако вернемся к описанию событий, как они приводятся в докладе израильской комиссии по расследованию. В этом документе говорится, что, «покинув передовой командный пункт, 15 сентября министр обороны

направился в штаб фалангистов». Шарон договорился там о разделении функций: израильская армия занимает центральные пересечения дорог в Западном Бейруте, а фалангисты втягиваются за ней в эту часть города и готовятся к прочесыванию палестинских лагерей.

16 сентября в 10 часов утра Шарон провел совещание с начальником генштаба, начальником военной разведки и другими высшими военными чинами израильской армии. Начальник генштаба объявил на совещании, что фалангисты должны вступить в лагерь. В 11 часов утра в тот же день командиры фалангистов были вызваны израильским генерал-майором Дрори, который провел с ними встречу в штабе одной из израильских дивизий. Во время этого оперативного совещания его участники конкретно договорились о связи и координации, после чего генерал Ярон установил соответствующие наблюдательные посты на крышах близлежащих от лагеря Шатила домов. Начальник военной разведки Израиля признал, давая показания комиссии, что фалангисты находились под полной властью израильской армии и действовали согласно ее инструкциям.

16 сентября примерно в 6 часов вечера убийцы вступили в палестинские лагеря Сабру и Шатилу.

Далее в документе следует ряд «подробностей», от которых кровь стынет в жилах. Один из убийц, например, спрашивал по рации, как поступить с находящимися рядом с ним пятьюдесятью женщинами и детьми. Находившийся в группе вместе с израильскими высшими офицерами руководитель тех, кто непосредственно осуществлял кровавые убийства, громко ответил: «Больше не задавай мне таких вопросов – ты знаешь, что надо делать».

В 9 утра 17 сентября, в то время, когда кровавые погромы в Сабре и Шатиле продолжались, израильский бригадный генерал Ярон встретился с представителями фалангистов и обсуждал с ними вопрос о вводе в лагерь

дополнительных сил. В 4 часа дня состоялась еще одна встреча – начальника генштаба израильской армии и начальника штаба фалангистов. У генерала Эйтана «сложилось положительное впечатление от заявлений фалангистов и их поведения». В показаниях комиссии начальник генштаба сказал: «Фалангисты доложили, что операция закончена и они выполнили свою задачу. Я ответил: о'кей, вы сделали свое дело».

Какими очевидными должны были быть факты, свидетельствующие о том, что кровавое побоище в Сабре и Шатиле было организовано израильским руководством, если израильская комиссия в своем заключении 7 февраля 1983 г. рекомендовала сместить министра обороны, объявила «лично ответственными» начальника генштаба, начальника военной разведки и установила «ответственность» за преступления премьер-министра, министра иностранных дел Израиля и начальника «Моссада».

Несмотря на многочисленные меры, предпринятые израильскими властями с целью скрыть преступления в палестинских лагерях, идентичные тем, что осуществлялись фашистскими убийцами во время Второй мировой войны, мир содрогнулся от ужаса и гнева.

Показателем реакции на кровавое преступление в Бейруте может считать заявление австрийского канцлера, еврея по происхождению, Бруно Крайского, который охарактеризовал резню, учиненную над мирными палестинцами, как «не знающую границ глупость». В свою очередь президент Франции Ф. Миттеран заявил: «Сообщения, поступающие из Бейрута, вызывают самый настоящий ужас».

В самом Израиле сотни тысяч людей вышли на демонстрации с требованием отставки правительства Бегина–Шарона. Даже лидер Партии труда Перес подчеркнул, что «прямую и косвенную ответственность за массовые убийства палестинцев несут Бегин и Шарон».

Крупные по своим масштабам антиизраильские и антиамериканские демонстрации прокатились по всем

странам мира. Резко усилились антибегиновские и антирейгановские настроения в Соединенных Штатах. Во время опроса общественного мнения, проведенного совместно газетой «The Washington Post» и телевизионной компанией ABC после кровавой расправы над палестинцами в Бейруте, выявилось резкое ухудшение отношения американцев к Израилю. Преобладающее большинство опрошенных американцев заявили, что Израиль несет «львиную», или «значительную», долю ответственности за преступления в палестинских лагерях. 59 % опрошенных согласились с тем, что «Соединенные Штаты должны прекратить поставки оружия в Израиль». Данные опроса свидетельствовали о падении числа сторонников Рейгана и проведении ближневосточной политики и в международных делах в целом. 45 % опрошенных не одобрило ближневосточной политики американского президента по сравнению с 42 % ее одобрявшими (остальные воздержались). Такой баланс при опросах общественного мнения в США в отношении американской ближневосточной политики сложился впервые.

В таких условиях, испытывая давление со стороны всех сил, справедливо связывающих преступление в палестинских лагерях с жесткой американской поддержкой Израиля, опасаясь того, что все это может привести к серьезным негативным последствиям для США на Ближнем Востоке, усилит их противоречия с Западной Европой, ослабит позиции администрации внутри Соединенных Штатов, Рейган в контактах с израильтянами стал склонять их к эвакуации оккупационных войск из Западного Бейрута. Одновременно, однако, было принято решение о возвращении в Бейрут американских морских пехотинцев из состава «многонациональных сил». Было объявлено и о том, что в Бейрут возвращаются французский и итальянский контингенты.

Чтобы подбодрить Израиль и тем более не обескуражить партнера, не дезориентировать его – а то руковод-

ство Бегина – Шарона еще и впрямь подумает, что Вашингтон поворачивается к нему спиной, – США вновь прибегли к демонстрации во время голосования в ООН. 25 сентября, через полторы недели после кровавого преступления в палестинских лагерях Бейрута, США вместе с Израилем (эти две страны в одиночестве голосовали против) вновь противопоставили себя всему мировому сообществу (147 голосов – за) при рассмотрении резолюции по палестинскому вопросу на VII чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Начался новый этап развития обстановки в Ливане. Израильтяне, вынужденные выйти из Бейрута, сохранили свои позиции на подступах к городу. Ливанская армия, беря под свой контроль отдельные районы ливанской столицы, при негласной поддержке Израиля принялась подавлять отряды национально-патриотических сил, продолжающих оказывать сопротивление израильским интервентам.

VII. Следующий этап американской «игры»

Одновременно Соединенные Штаты приступили к «согласованию сроков вывода иностранных вооруженных сил» из Ливана. Хабиб провел консультации в Сирии, Ливане и Израиле. Казалось бы, решается важная задача обеспечения стабильности и безопасности в многострадальной стране, в течение многих лет раздираемой на части кровавыми агрессиями и междоусобицами. Но такое представление выглядело по меньшей мере поверхностным.

Во-первых, во время американских контактов с Израилем осенью 1982 года не ставился вопрос о безогово-

рочном выводе войск агрессора со всей территории Ливана. Поощряемое таким подходом США, руководство Бегина – Шарона вернулось к плану фактического отторжения от Ливана его южной части, пытаясь даже превратить в жизнь расширенный вариант: создание зоны под контролем своей марионетки Хаддада севернее реки Литани, то есть далеко за пределами контролируемой им до израильского вторжения в Ливан «буферной зоны».

Американская посредническая активность не воспрепятствовала и продолжению перегруппировки израильских сил на ливанской территории, которые периодически наносили удары по сирийским войскам в районе Бекаа.

Во-вторых, вывод сирийских войск из Ливана до стабилизации положения на его территории, на чем настаивали США, противоречил бы задаче обеспечения безопасности той значительной части населения Ливана, которая поддерживала национально-патриотические силы. Разве кровавые события в палестинских лагерях Шатила и Сабра не показали, чего реально стоят американские гарантии, когда речь идет о «предотвращении» действий Израиля и ливанской реакции?

Положение отнюдь не могло измениться в лучшую сторону в результате нахождения в Ливане «многонациональных сил» с сердцевиной в виде американского контингента. Более того, эти силы практически использовались для подавления патриотических элементов. Близкий к руководящим кругам США (и с прямой ссылкой на эти круги) американский журналист Л. Гелб писал в газете «The New York Times» 31 октября 1982 года: «Ряд должностных лиц признал, что присутствие многонациональных сил по поддержанию мира и ливанской армии служит прикрытием, за которым христианская фалангистская милиция... разоружает левых мусульман».

В-третьих, американская посредническая активность на этом этапе развития ливанского кризиса не имела

своей целью активизировать механизм ООП в Ливане, практически противопоставляя ему свои вооруженные силы и, по сути дела, поддерживая опасный израильский нигилизм в отношении ооновских действий и возможностей.

Таким образом, израильская экспансионистская политика выводилась из-под критики и объективного контроля международного сообщества, и руководство Израиля при весьма слабых ограничителях, монопольно находящаяся в руках США, получило фактически свободу рук в Ливане.

На отношении Израиля к ООН, очевидно, следует остановиться подробнее. Известно, что Израиль абсолютно игнорировал силы ООН по поддержанию мира, находящиеся на юге Ливана по решению Совета Безопасности. Войска интервентов прошли через зону расположения этих сил, не обращая никакого внимания на их протесты, требования остановиться. Начальник генерального штаба израильской армии Р. Эйтан нагло заявил командующему силами ООН по поддержанию мира в Ливане генералу В. Каллагану, протестующему против интервенции: «Израильская армия выполнит до конца свою задачу – нравится вам это или нет»*. Ооновские силы на юге Ливана, конечно, не шли ни в какое сравнение ни по вооружению, ни по численности с войсками интервентов, и этим воспользовались Бегин и Шарон.

Израиль не согласился с тем, чтобы в Ливан после начала крупномасштабного израильского вторжения в эту страну прибыли наблюдатели ООН. Вместе с тем американская газета «Christian Science Monitor» писала 29 сентября 1982 г., что оппозиция Израиля любому участию ООН в урегулировании бейрутского кризиса пользуется «молчаливой поддержкой Соединенных Штатов». Газета не скрывала и истинной причины такого негативизма со

* Middle East International. – 16.07.1982. – P. 10.

стороны США. «Корнем проблемы является вопрос о том, можно ли установить мир в регионе без ведения переговоров в широких рамках с участием не только израильтян и арабов, но и Советского Союза», – писала «Christian Science Monitor».

Вызов Израиля Организации Объединенных Наций, практически поддерживаемый Соединенными Штатами, еще более дестабилизировал обстановку в Ливане в условиях, когда на активном участии ООН в разрешении ливанского кризиса настаивал Амин Жмайель, избранный президентом Ливана после гибели его брата Башира Жмайеля.

Дипломатическая и политическая активность США на Ближнем Востоке в связи с ливанским кризисом, как уже говорилось, была нацелена в числе прочего и на продолжение процесса политического урегулирования ближневосточного конфликта в американских и израильских интересах. В этой связи США подрывали инициативы, которые могли бы привести к урегулированию на компромиссной основе, с учетом интересов всех народов, включая и палестинский. С этой целью американская администрация начала изобретать формулу квазирешения палестинского вопроса путем лишения палестинского народа права на самоопределение, на создание суверенного национального государства. На базе такого квазирешения Соединенные Штаты стремились отработать новую модель «сосуществования» палестинцев с Израилем.

Между тем палестинцы усиливали конструктивную линию в своем подходе к ближневосточному урегулированию. После эвакуации палестинских отрядов из Бейрута делегация ООП в сентябре приняла участие в совещании глав арабских государств в Фесе (отсутствовали Египет и Ливия), которое единогласно, включая палестинцев, выдвинуло арабский план урегулирования, содержащий пункты о выводе израильских войск со всех

арабских территорий, оккупированных в 1967 г., в том числе из Восточного Иерусалима; ликвидации поселений, созданных Израилем на оккупированных территориях после 1967 г.; создании независимого палестинского государства под руководством ООП; гарантии со стороны Совета Безопасности ООН мира между всеми странами этого района, включая независимое палестинское государство.

На общеарабском уровне впервые принимался такой план, который подразумевал возможность мира с Израилем.

Советский Союз, как известно, поддержал общеарабский план, с которым в основных положениях совпали советские предложения политического урегулирования ближневосточного конфликта.

«Как в известных советских предложениях от 15 сентября 1982 г., так и в решениях Фесского совещания говорится о многостороннем, комплексном подходе к вопросу ближневосточного урегулирования, – пишет советский исследователь Е. Дмитриев. – Ни один из пунктов этих предложений не может рассматриваться изолированно, все положения упомянутых планов тесно связаны между собой. Только наивные или заведомо недобросовестные политики могут утверждать, что признание арабскими странами Израиля возможно без четких обязательств последнего и его американского союзника и покровителя пойти на удовлетворение законных национальных прав арабского народа Палестины, без прекращения антиарабской политики экспансии и террора, к которым при всесторонней поддержке и помощи американского империализма и международного сионизма постоянно прибегает израильское руководство»*.

* Дмитриев Е. В порочном кругу кэмп-дэвидских «формул» // Мировая экономика и международные отношения. – 1983. – № 7. – С. 41–42.

Если бы Соединенные Штаты были заинтересованы в справедливом решении, которое, однако, неизбежно подрывало захватнические территориальные устремления израильского руководства, то они неизбежно позитивно откликнулись бы на предложения, сформулированные в Фесе.

Вашингтон же поступил иначе – плану, принятому в Фесе, была противопоставлена «инициатива Рейгана».

От американских специалистов-ближневосточников часто можно услышать, что «инициатива Рейгана» не была направлена на подрыв плана, принятого в Фесе, так как стала достоянием гласности за неделю до того, как общеарабское совещание выработало свои мирные предложения. Однако Белому дому к тому времени уже было ясно на основе информации, полученной из арабских стран, что главы арабских государств займут общую конструктивную позицию. Представитель ООП при Организации Объединенных Наций Терази заметил в беседе с автором этих строк, что о «фесском плане» в Нью-Йорке было известно за пару недель до его принятия и уж, во всяком случае, о нем был хорошо осведомлен Белый дом. Так что «аргумент», базирующийся на том, что «инициатива Рейгана» предшествовала «фесскому плану», был беспочвенным. Главное же заключалось в том, что «инициатива Рейгана» была по содержанию сориентирована таким образом, чтобы противостоять и противодействовать коллективно высказанному арабами конструктивному подходу к решению ближневосточного кризиса. «Инициатива Рейгана» была явно направлена на срыв этого подхода или, по крайней мере, на резкое ослабление его эффективности.

«План Рейгана» содержал следующие предложения:

- 1) отказ от создания независимого палестинского государства, иными словами, лишение палестинского народа его неотъемлемого права на самоопределение;

2) «самоуправление» палестинцев на Западном берегу и в секторе Газа при определенных формах их ассоциации с Иорданией;

3) прекращение создания новых израильских поселений на этих территориях; но при этом оставался открытым вопрос о ликвидации уже имеющихся поселений, число которых перевалило за сотню, и, что может быть особенно важно, не предусматривалось никаких мер против продолжающегося процесса перехода собственности на землю на оккупированных территориях в руки израильтян.

Израиль, естественно, выступил против арабского плана, принятого в Фесе. Руководство Бегина – Шарона выступило и против «инициативы Рейгана». Но это никого не должно было ввести в заблуждение. Оголтельные экстремисты типа Бегина и Шарона потому отвергли «инициативу» американского президента, что она прямо и открыто не создавала условий для аннексии этих территорий Израилем. Вместе с тем «положительные элементы» в этом «плане» поддержала оппозиционная Партия труда. В печати появились комментарии, подчеркивающие сходство «инициативы Рейгана» с «планом Алона», который, став платформой Партии труда по вопросу о будущем оккупированных территорий, предусматривал сохранение израильского военного контроля над ними путем размещения израильских войск в 15-километровой зоне по реке Иордан (военная граница Израиля) и ряде других «пунктов» при передаче остальной территории Западного берега под «административный контроль» Иордании.

Судя по всему, «план Рейгана», помимо цели подрыва общеарабского плана урегулирования, принятого в Фесе, был направлен также и на то, чтобы обеспечить условия для прихода к власти в Израиле оппозиционной, более «гибкой», менее одиозной, но такой же сионистской силы. С другой стороны, этот «план» был нацелен на то,

чтобы вновь разделить арабов по вопросам урегулирования, не дать им воспользоваться впервые выработанной общей позицией, а также попытаться расколоть ООП, несомненно, сплотившуюся в тяжелые дни обороны Бейрута. Как писал в газете «The New York Times» Л. Гелб, «цель стратегии президента Рейгана в использовании краткосрочных возможностей, указали представители администрации, состоит в том, чтобы избежать прямого давления на Израиль по палестинскому вопросу. Скорее, говорят они, стратегия сводится к тому, чтобы убедить умеренных арабов и палестинцев в том, что “либо сейчас, либо почти никогда” – либо признать Израиль и открыть королю Хусейну зеленый свет для переговоров о Западном берегу и секторе Газа, либо столкнуться с перспективой фактического включения этих территорий в состав Израиля»*.

Таким образом, стратегический подход США определялся отказом от давления на Израиль и в то же время практически ультимативным требованием, обращенным к арабским государствам и палестинцам – либо принять «инициативу Рейгана», либо согласиться на аннексию Израилем оккупированных земель Западного берега и сектора Газа. Сама конкретизация адреса ультиматума – «умеренным» арабам и палестинцам – совершенно четко отражала стремление США не дать арабскому миру воссоединиться на общей платформе справедливого урегулирования ближневосточного конфликта.

Рейгановская «инициатива» также призвана была решить задачу разблокирования кэмп-дэвидского процесса. Этот процесс, как считали американские руководители, не должен был ограничиваться подписанием сепаратного египетско-израильского договора, а предусматривал достижение целой системы сепаратных договоренностей за счет последовательного втягивания в них

* New York Times. – 31.10.1982.

различных арабских государств. Однако инициаторы Кэмп-Дэвида не преуспели в этом. В таких условиях «инициатива Рейгана» призвана была гальванизировать процесс, начатый в Кэмп-Дэвиде.

В январе 1983 г. мне довелось быть в Соединенных Штатах, где представилась возможность встретиться и побеседовать с помощником государственного секретаря США Н. Велиотисом, отвечавшим за проблемы Ближнего Востока. На вопрос, обращенный к помощнику государственного секретаря, как он представляет себе конкретный механизм «плана Рейгана», Н. Велиотис ответил: нужно начать переговоры Иордании с заинтересованными сторонами, а там будет действовать сама логика этих переговоров.

Позвольте, но в каких рамках вы предполагаете вести эти переговоры? Приглашаете ли вы Иорданию сесть за тот самый стол, который уже был определен египетско-израильским договором, то есть за стол египетско-израильских переговоров по поводу создания «правительства самоуправления» палестинцев на Западном берегу и в Газе при сохранении контроля Израиля над этими территориями, или вы имеете в виду нечто другое?

Представитель академических кругов Велиотис не оставлял впечатления человека «традиционного» в госдепартаментском смысле этого слова. Он вел разговор свободно, затрагивал проблемы не иносказательно, а прямо, явно стремясь облекать сказанное в концептуальные рамки. Но этот же самый Велиотис предпочел уйти от ответа на заданный мной вопрос. Сложилось впечатление (оно укрепилось и в результате бесед с королем Хусейном), что в связи с «инициативой Рейгана» в тот момент Соединенные Штаты говорили Израилю одно, а Иордании – другое. Израилю – что они приглашают иорданцев сесть за стол переговоров, укладывающихся в рамки кэмп-дэвидского процесса, а Иордании – что переговоры будут вестись вне этих рамок.

Остался, по существу, без ответа и второй вопрос, который был поднят во время беседы с Велиотисом, – означает ли «инициатива Рейгана» призыв США рассматривать уже в нынешних условиях «конечную судьбу» оккупированных территорий, или речь идет пока лишь о переговорах по пятилетнему переходному периоду для Западного берега и сектора Газа. Правда, заместитель государственного секретаря США К. Дэм высказался по этому поводу абсолютно определенно. Выступая перед сенатской комиссией по иностранным делам 1 декабря 1982 г., он заявил: «Важно отметить, что, когда переговоры состоятся, вопросом для обсуждения будет не статус территорий, а переходная схема, которую следует установить на Западном берегу и в Газе на пятилетний период. Лишь после того как пятилетний период начнется, переговоры могут иметь место для определения окончательного статуса этих территорий»*.

Такое разъяснение имеет двойную «ценность». Во-первых, оно показывает органичную связь «инициативы Рейгана» с кэмп-дэвидским процессом. Во-вторых, даже простое обсуждение вопросов, связанных с окончательным статусом Западного берега и Газы, согласно «инициативе Рейгана», не только относится на период после претворения в жизнь кэмп-дэвидской схемы о так называемом самоуправлении, но и обуславливается принятием этой схемы, сохраняющей эти территории под израильской властью.

Наконец, не осталось незамеченным явное стремление Соединенных Штатов сразу же после выступления президента Рейгана с его «планом» подтолкнуть Египет к возобновлению переговоров с Израилем о квазисамоуправлении палестинцев на Западном берегу и в секторе Газа – эти переговоры, как известно, были прерваны египтянами после израильского нашествия на Ливан.

* Department of State Bulletin. – January 1983. – No. 2070. – P. 72.

Возобновление переговоров о «самоуправлении палестинцев», по мнению американских политиков, очевидно, создавало бы важное условие для начала незамедлительного претворения в жизнь «инициативы Рейгана». При этом речь шла не только о попытках втянуть в этот «форум» Иорданию, но, возможно, и Ливан. Обратило на себя внимание, что президент Рейган поднял вопрос о необходимости возобновить египетско-израильские переговоры на своей первой встрече 19 октября 1982 г. с только что избранным президентом Ливана А. Жмайелем.

«Инициатива Рейгана» была отвергнута Сирией, ИДРЙ, рядом других арабских стран, Организацией освобождения Палестины. Так или иначе, ни одно арабское правительство, кроме египетского, не выступило за безоговорочную поддержку «плана», обнародованного американским президентом. Вместе с тем после опубликования двух планов – общеарабского и «инициативы Рейгана» – в части западной прессы и в проамериканских кругах арабского мира начались спекуляции по поводу «возможности их сближения». На основе этой абсурдной идеи (так как эти два плана противоположны друг другу в главном – по вопросу о создании независимого палестинского государства) некоторые арабские лидеры не захотели критиковать «план Рейгана» в целом. Были даже позитивные комментарии в отношении «отдельных частей» этого плана. Это, несомненно, вдохновило американских политиков на интенсивное продолжение начатого маневра. Однако в тот момент мнения среди лиц, вырабатывающих ближневосточную политику США, – в Белом доме, Государственном департаменте, Национальном совете безопасности, ЦРУ – разделились: одни считали, что следует отдельно подойти к ситуации в Ливане, отдав ей в данный момент приоритет над вопросами непосредственного претворения в жизнь «плана Рейгана»; другие, наоборот, предлагали тесно связать американскую политику в Ливане и вокруг Ли-

вана с осуществлением этого «плана». Победила первая точка зрения, и США сосредоточились на «ливанских делах».

Непосредственной задачей американской политики стала подготовка ливано-израильского соглашения. Израиль был крайне заинтересован в заключении такого соглашения, так как Ливан становился тогда бы второй арабской страной, сепаратно подписывающей мирный договор с Израилем.

Государственный секретарь США Шульц в течение двух недель попеременно посещал Израиль и Ливан, утрясая детали соглашения. Без этой еще одной «челночной дипломатии» США соглашение вообще не увидело бы свет. Между тем 17 мая 1983 г. его удалось навязать Ливану. Оно содержало в себе ряд моментов, которые обеспечивали преимущественные интересы Израиля и наносили серьезный ущерб ливанскому суверенитету.

Характеристику ливано-израильскому соглашению дал президент Сирии Асад в беседе с автором этих строк 2 июня 1983 г. в Дамаске. «Для нас, – сказал президент Асад, – это соглашение неприемлемо, главным образом, по двум причинам. Во-первых, с учетом интересов безопасности Сирии и, во-вторых, потому что оно ограничивает суверенитет Ливана и лишает его свободы в принятии решений – свободы, которой пользуется любая независимая страна. Посудите сами, в соответствии с соглашением Ливан не имеет права иметь на всей своей территории зенитное оружие, дальность действия которого превышала бы 5 километров. Это значит, что Израиль будет безраздельно господствовать в ливанском небе. Наряду с этим по соглашению ливанские самолеты вообще не смогут пролетать над южной частью страны, которая является ливанской территорией, если израильские власти не будут заранее уведомлены об этом. Или такой унижительный пункт, который прямо противоречит суверенным правам Ливана: по соглашению любая

страна – и арабская, и неарабская, не находящаяся в дипломатических отношениях с Израилем, – не имеет права транзитного провоза любых видов вооружения через территорию, территориальные воды или воздушное пространство Ливана. Или чего стоит, например, вытекающее из соглашения положение о том, что все решения, касающиеся юга Ливана, должны приниматься совместно Ливаном и Израилем. Разве это не прямой путь к последующей аннексии Израилем южноливанской территории?»

По словам президента Асада, по этому соглашению израильские солдаты были бы на расстоянии 24 км от Дамаска, а сирийские солдаты – в 250 км от Тель-Авива. «Не ясно ли, что это диктует негативное к этому соглашению отношение Сирии, которая находится в состоянии войны с Израилем», – добавил президент.

С помощью ливано-израильского соглашения «мы стремимся восстановить ливанский суверенитет и обеспечить израильскую безопасность, – заявил заместитель государственного секретаря США К. Дэм. – Это неразделимое целое»*. Естественно, что в такой постановке абсолютно не учитывались интересы Сирии или других арабских стран. В американской трактовке и «суверенитет Ливана», и «безопасность Израиля» приобретали особый смысл. Во всяком случае, в понятие «суверенитета», судя по соглашению, не были включены права Ливана быть хозяином на своей территории. Более того, его, по сути, лишили этих прав, и именно в результате израильской агрессии, которая была осуждена всем миром. А в понятие «безопасность Израиля» была включена возможность для него после интервенции в Ливане сохранить под своей оккупацией часть захваченной территории и устанавливать там порядок по своему усмотрению.

* Department of State Bulletin. – January 1983. – No. 2070. – P. 71.

Ливан мотивировал принятие соглашения с Израилем тем, что оно предусматривало эвакуацию израильских войск. Однако эта эвакуация была оговорена предварительным выводом сирийских войск, находившихся в Ливане с 1976 г. в составе межарабских сил по поддержанию мира. Таким образом, создавался «замкнутый круг»: ливано-израильское соглашение вроде бы предусматривало вывод израильских войск, но с учетом своего реального содержания восстанавливало против себя широкие круги ливанского населения и Сирию, которая оказалась пойти на предварительный вывод своих вооруженных сил из Ливана на основе этого соглашения. Дамаск справедливо противопоставил этому свою альтернативу: готовность к выводу сирийских войск из Ливана после безоговорочного вывода израильских войск на основе соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН. Израиль, как и ожидалось, отказался от этого. Следовательно, ливано-израильское соглашение лишилось своего единственного привлекательного для Ливана элемента, одновременно сохраняя все негативные для него и для Сирии положения. Такое «урезанное» соглашение по вполне понятным причинам в еще большей степени удовлетворяло Израиль.

После того как, «выкрутив руки» Ливану, Соединенным Штатам и Израилю, удалось навязать ему «соглашение между правительством Ливанской Республики и правительством Государства Израиль», развитие событий во многом сфокусировалось на проблеме так называемого «частичного отвода израильских войск» до реки Авали. Израиль давно уже поговаривал об этом, а после подписания соглашения вплотную подошел к осуществлению этой идеи.

В своем стремлении провести передислокацию войск в Ливане Тель-Авив руководствовался несколькими мотивами. В долине Бекаа Израиль находился лицом к лицу с сирийскими войсками на широком фронте. Военные

руководители Израиля, очевидно, имели в виду сужение этого фронта при создании «ударного кулака» против Сирии. Появились высказывания о том, что при сокращении ширины фронта тыл передовых израильских частей станет более глубоким. Таким образом, с военной точки зрения передислокация израильских войск в Ливане ни при каких обстоятельствах не могла рассматриваться как разъединение войск, а, напротив, рассматривалась как концентрация сил Израиля с целью подготовки удара по сирийским войскам.

Следует особо подчеркнуть этот момент. В связи с назначением Р. Макфарлейна в июле 1983 г. специальным представителем президента США на Ближнем Востоке американская печать утверждала, что одной из его «промежуточных целей» является достижение разъединения израильских и сирийских войск в Ливане. По словам «высокопоставленного израильского представителя», США подняли вопрос о разъединении противостоящих сил в районе Бекаа в ходе переговоров тогдашнего министра иностранных дел Израиля Шамира в Нью-Йорке, и Израиль в принципе «согласился» на разъединение сил в восточной части Ливана. Такие сообщения призваны были представить передислокацию израильских войск как меру по разрядке напряженности, между тем она решала совершенно иную военную задачу.

Другой мотив, которым руководствовался Тель-Авив, готовя передислокацию своих войск в Ливане, это стремление уйти из районов, где оккупанты несли наибольшие потери, – из предместьев Бейрута и горного района Шуф. Именно здесь особенно активно действовали ливанские патриотические силы и палестинцы.

Повседневные потери в Ливане явно усиливали антиправительственные настроения в самом Израиле. Израильские руководители рассчитывали на то, что после ухода палестинцев из Бейрута и окончания «активной фазы» войны в Ливане общественное мнение в Израиле

успокоится. Однако продолжающиеся чувствительные удары по интервентам, в результате которых масштабы потерь в живой силе в израильской оккупационной армии были весьма существенны, подстегивали протесты против политики израильского правительства в Ливане. Эти протесты осуществлялись в виде манифестаций и митингов, движения неповиновения, отказов служить в израильской армии на территории Ливана, создания ряда общественных организаций, требующих полного вывода войск из Ливана, которые завоевали широкую поддержку в стране, статей в газетах, содержащих резкую критику политики Бегина – Шамира*.

Приняв решение о передислокации войск, которой нарочито придавалось символическое значение, израильское руководство, конечно, хотело остудить антиправительственные «страсти», стабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в стране, тем более что с критикой израильской политики в Ливане (главным образом по конъюнктурным мотивам) выступила оппозиционная Партия труда во главе с Пересом.

Намереваясь осуществить передислокацию своих войск, Израиль хотел также сбить волну протестов мировой общественности против израильского нашествия в Ливан, кровавых преступлений израильской военщины в этой стране. Намерение передислоцировать свои войска в таких условиях преподносилось израильянами чуть ли не как миролюбивая акция со стороны Израиля, как его стремление «подготовить последующие шаги» по эвакуации своих войск.

Однако, может быть, самая главная причина решения о передислокации израильских войск заключалась в том, что Тель-Авив стремился создать лучшие условия для продолжения оккупации юга Ливана, для перевода этой

* В октябре 1983 года Шамир сменил Бегина на посту премьер-министра Израиля.

оккупации на постоянную основу. Израильские войска концентрировались главным образом в южной части многострадального Ливана – той территории, в отношении которой Израилем вынашивались планы, аналогичные тем, что ставили задачу «постепенной аннексии» Западного берега реки Иордан и сектора Газа.

Почему мы так подробно останавливаемся на этом?

Не только для того, чтобы продемонстрировать истинный смысл израильских действий в Ливане, но и для того, чтобы опять показать реальную позицию США и их истинную роль в этой стране.

В своих контактах с ливанским президентом А. Жмайелем Соединенные Штаты вынуждены были учитывать его резко отрицательное отношение к намерению Израиля лишь частично отвести свои войска до реки Авали, не выводя их полностью из Ливана. Жмайель не без основания считал, что это может усилить «привыкание» всех сторон, в том числе и международной общественности, к тому, что Израиль продолжает оккупировать территорию Ливана. В таких условиях Соединенные Штаты на всех уровнях расточали посулы и обещания ливанцам, что они используют свои возможности, чтобы убедить Израиль не предпринимать передислокации войск. А на самом деле США, судя по всему, так и не сделали ничего, чтобы воспрепятствовать осуществлению такой акции со стороны Израиля, которая явно вела к стабилизации оккупации юга Ливана, и в результате Израиль 5 сентября 1983 г. завершил отвод своих войск до реки Авали.

Вооруженные формирования друзов и шиитов воспрепятствовали вступлению ливанской армии в контролируемые ими районы, не без основания полагая, что она еще не стала «надконфессиональной» силой. Собственно, новые вспышки братоубийственной войны в Ливане были запрограммированы и тоже стали одним из мотивов решения об отводе израильских войск из района Шуф и окрестностей Бейрута.

После ожесточенных боев в Ливане удалось договориться о встрече руководителей всех политических сил страны в Женеве. В работе конференции по национальному примирению в Ливане, начавшей свою работу 31 октября 1983 г. под председательством президента А. Жмайеля, приняли участие руководители созданного тогда Фронта национального спасения В. Джумблат, С. Франжье, Р. Караме, лидер шиитского движения «Амаль» Н. Берри, председатель Национально-либеральной партии К. Шамун, лидер партии «Катаиб» П. Жмайель, бывший премьер-министр С. Салям, бывший председатель парламента А. Осейран. В качестве наблюдателей присутствовали заместитель председателя совета министров и министр иностранных дел Сирии А.Х. Хаддам и государственный министр Саудовской Аравии М.И. Масуд. После трудных переговоров конференция привела к соглашению о прекращении огня. Основой такого прекращения было, по сути дела, всеобщее в той или другой степени осуждение ливано-израильского соглашения. Стало ясно, что надежное прекращение внутриливанских столкновений возможно только на основе отказа от сепаратного ливано-израильского соглашения. На этом, как уже говорилось, настаивала и Сирия, а также некоторые другие арабские страны.

А. Жмайель получил мандат от совещания в Женеве на соответствующие переговоры с Соединенными Штатами. В это время американские представители различных рангов создавали у ливанских лидеров иллюзию возможности «модернизации» ливано-израильского соглашения. Однако когда Жмайель прибыл в Соединенные Штаты, то ему было сказано абсолютно категорично: соглашение не будет изменено ни на йоту, так как этого не хочет Израиль. Таким образом, согласие, достигнутое с таким трудом в Женеве, которое реально открывало путь к созданию общенационального правительства и к постепенной стабилизации обстановки в

Ливане, оказалось снова нереализованным из-за позиции Вашингтона.

Значению, которое придавалось в политике США и Израиля решению задач, связанных с ливано-израильским соглашением от 17 мая 1983 г., соответствовали и те крайние методы, на которые пошла американская администрация в Ливане. Американская морская пехота, находящаяся в Ливане под «крышей» так называемых многонациональных сил и подкреплённая боевой мощью военно-морской армады США, в том числе авианосцев со многими сотнями самолетов на борту, была активизирована для непосредственного участия в гражданской войне. Было объявлено, что морские пехотинцы США якобы лишь отвечают на обстрелы их позиций в районе бейрутского международного аэропорта. Однако вряд ли можно предположить сколько-нибудь обоснованно, что за действие орудий большого калибра линкора «Нью-Джерси», шквальные огневые налеты по районам, населённым шиитами и друзами, могли быть только «репрессиями» за жертвы среди американских морских пехотинцев. Речь, очевидно, шла о широкой акции с целью подавить сопротивление национально-патриотических сил Ливана, с тем чтобы дать возможность правохристианским формированиям взять под свой контроль центр и западную часть страны.

Одновременно американцы стали совершать бомбардировки сирийских позиций. Официально это опять-таки обосновывалось тем, что сирийские средства ПВО обстреливают американские разведывательные самолёты, пролетающие над сирийскими позициями в районе Бекаа, а США, мол, хотят во что бы то ни стало сохранить для себя открытое небо над всем Ливаном. На самом деле, Соединённые Штаты такими обстрелами и бомбардировками, в том числе массовой в декабре 1983 г. с участием 28 самолетов, поднявшихся с американских авианосцев, стремились запугать Сирию.

Характерно, что при этом США не хотели сжигать и «политические мосты» с Сирией – в Дамаск наведалься специальный представитель американского президента, «рабочие контакты» с Сирией продолжались. Более того, после массированной бомбардировки сирийских позиций в районе Бекаа в начале декабря США по всем доступным им каналам дали понять сирийцам, что не намерены прибегать к эскалации своих вооруженных действий против Сирии. Напрашивается вывод – собственно, его сделали многие в Дамаске, в чем я мог убедиться, находясь там сразу же после упомянутой бомбардировки, – что Соединенные Штаты избрали тактику политических контактов с Сирией при постоянном военном давлении на нее с целью ослабить сопротивление Дамаска американско-израильским планам.

Сирийское руководство не поддалось давлению. Дав отпор Соединенным Штатам и сбив два американских самолета, участвовавших в налете в декабре 1983 г., Сирия не отошла от своих позиций ни по одному принципиальному вопросу.

В Ливане совершил вооруженное вмешательство и французский контингент так называемых многонациональных сил. Французские самолеты также подвергали бомбардировке мирные объекты на территории Ливана.

Повседневно осуществлялись обстрелы ливанских городов и сел израильскими интервентами, которые ставили своей целью ни в коем случае не дать стабилизироваться обстановке в стране на основе соглашения между различными внутривнутриполитическими силами.

Развитие событий все более явственно показывало несоответствие мотивов ввода американской морской пехоты в Ливан, объявленных американским руководством, с осуществляемой Соединенными Штатами практикой. Задним числом оправдывая «длительность» нахождения морских пехотинцев США в Ливане, высшие американские дипломатические и военные представители

объясняли это тем, что «администрация Рейгана самым серьезным образом переоценила быстроту, с которой ливанская армия может превратиться в эффективную силу». Американская печать сетовала на то, что помощник государственного секретаря США Н. Велиотис, выступая перед членами комиссии по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США 29 сентября 1982 г., то есть в тот самый день, когда в Ливане вторично высадились морские пехотинцы, нарисовал «радужную картину», показав численность ливанской армии в 21 тысячу человек. Между тем 15 ноября того же года американский генерал-майор Барнет, специальный уполномоченный для инспекции ливанской армии, доложил, что она насчитывает в 2 раза меньше солдат. Сообщая об этом, газета «International Herald Tribune» подчеркнула, что ей не удалось получить разъяснения на сей счет от Велиотиса, который, увы, уже находился далеко, будучи американским послом в Каире*.

В явном противоречии с действительностью находились попытки представить, будто «низкая эффективность ливанской армии» была главным мотивом принятия решения Вашингтоном о высадке своих морских пехотинцев в Ливане. Абсолютно не соответствовало реальности и «объяснение» длительной задержки морской пехоты США в этой стране (иными словами, нарушения всех прежних обещаний администрации Рейгана о скором ее выводе из Ливана) дезинформацией Вашингтона о численности и боеспособности ливанской армии в момент ввода в эту страну американских морских пехотинцев. Совершенно ясно, что Соединенные Штаты принимали это решение, исходя из своего глобального стратегического планирования. Еще задолго до того, как последовал приказ американским морским пехотинцам высадиться в Ливане, и, само собой разумеется, до того,

* International Herald Tribune. – 24.01.1984.

как эти пехотинцы оказались под обстрелом в этой стране, Соединенные Штаты стянули к берегам Ливана огромную военно-морскую армаду.

Уже позже, после вынужденного вывода американских морских пехотинцев из Ливана, в Соединенных Штатах обострилась дискуссия на тему о том, можно ли было считать Ливан полем «жизненных интересов США», как об этом прямо заявил Рейган. Многие из крупных американских специалистов-ближневосточников говорили мне в мае 1984 г. в Вашингтоне о том, что такое заявление президента США было абсолютно беспочвенным, надуманным, безответственным, с чем, естественно, трудно было не согласиться. Такие оценки фактически подтверждали тот факт, что Рейган вопреки национальным интересам США – рассматриваемым именно как национальные, а не как корпоративные интересы социальной группы или интересы личности – подчинил политику в Ливане глобальным целям и задачам возглавляемой им администрации. Когда он говорил о том, что Ливан занимает «центральное положение как показатель реальных способностей США, проявляемых в глобальных масштабах», то это была не просто спекуляция, но и результат той линии «универсализации» противоборства с СССР, которую взяли на вооружение США при Рейгане и о которой говорилось выше.

Другим мотивом ввода морских пехотинцев США в Ливан было стремление во что бы то ни стало навязать ему сепаратный мирный договор с Израилем. Американская печать не скрывала, что государственный секретарь США Шульц полностью «ассоциировал себя с этим договором» и готов был пойти на самые крайние меры для осуществления своей идеи. В конце апреля 1983 г. Шульц провел в Каире региональное совещание американских послов. Один из участников этого совещания заявил позже: «Мы говорили ему, что предлагаемый ливано-израильский договор никогда не сможет действовать.

Мы советовали Шульцу не связывать с ним своего престижа. Шульц отказался»*.

Конечно, наивно предполагать, что идею еще одного сепаратного договора арабской страны с Израилем, ставящего под удар суверенитет Ливана и обеспечивающего интересы израильского экспансионизма, Шульц отстаивал в американском руководстве единолично. Несмотря на возможные расхождения во взглядах – во всяком случае, они не стали определяющими, – линия на заключение сепаратного ливано-израильского договора стала линией администрации США, самого президента Рейгана. Курс администрации США и лично президента Рейгана включил в себя также и использование американских морских пехотинцев для защиты ливанских сторонников сепаратного договора с Израилем и подавления или ослабления сопротивления этому договору со стороны всех других политических сил в этой стране, представляющих большинство ее населения.

Не случайно, что второй и «самый основательный» ввод американской морской пехоты в Ливан был осуществлен без какой-либо предварительной консультации с различными политическими силами страны. Соединенные Штаты ограничились лишь уведомлением правохристианского руководства, между тем они не могли не понимать, что это руководство не представляет всего Ливана. «В своем стремлении разместить морских пехотинцев Соединенные Штаты не проконсультировались с большинством лидеров ливанских религиозных общин, не обсудили с ними цели миссии морских пехотинцев и не обратили внимания на проявленное ими беспокойство»**, – писала газета «International Herald Tribune».

Бывший заместитель государственного секретаря США Дж. Болл пишет, что внутривнутриполитическая борьба в

* International Herald Tribune. – 24.01.1984.

** Там же.

Ливане не угрожала интересам США на Ближнем Востоке. В целом Ливан ни с политической, ни с военной, ни с экономической точек зрения не представляет важности для Соединенных Штатов. «Почему же, – задает вопрос Дж. Болл, – мы так глубоко были вовлечены в ливанские события? Ответ простой. Определяя свою ближневосточную политику, Соединенные Штаты бездумно подлаживаются под политику, решение и акции израильского правительства»*.

Что касается «общей концепции» американской политики в Ливане, то США исходили из возможности нескольких вариантов решения «ливанской проблемы». Конечно, если бы Вашингтону удалось установить и стабилизировать контроль над всем Ливаном с помощью Израиля и правохристианских сил, то в таком случае нет сомнения, что США выступили бы за единый Ливан. Однако в реальных условиях, когда решение этой задачи оказалось им не под силу, на поверхность вновь выплыл вариант «фрагментации» Ливана, иными словами, практического раздела страны. При этом варианте юг Ливана отдавался Израилю. Такой вариант в наибольшей степени устраивал израильское руководство. В печати стали появляться сообщения и о том, что Израиль пытается заигрывать с некоторыми общинами в Ливане, стремясь создать своеобразный кордон из различных конфессиональных образований с целью «оградить юг Ливана от инфильтрации» палестинских и ливанских патриотических сил.

Однако – в который уже раз в мировой практике – сказалась недооценка Соединенными Штатами возможных масштабов сопротивления их имперской политике. Главным образом в результате больших потерь, понесенных в Ливане, и выявившейся полной бесперспек-

* United States Policy in the Middle East / Georgetown University, Center for Contemporary Arab Studies. – Washington, 1984. – P. 2.

тивности осуществляемой американской операцией Соединенные Штаты были вынуждены вывести морских пехотинцев из этой страны. Осознав историческую ответственность за судьбы своей страны и народа, президент А. Жмайель объявил в марте 1984 г. о расторжении ливано-израильского соглашения.

Как только А. Жмайель денонсировал ливано-израильское соглашение от 17 мая 1983 г., Израиль, при молчаливом согласии США, не только встал на путь запугивания президента Ливана, не только подтвердил свое намерение сохранить в той или иной форме оккупацию юга этой страны, но и приступил к практическим мерам с целью ограничения власти, а возможно, и свержения Жмайеля. Генеральный директор израильского МИДа Д. Кимхи на встрече с группой редакторов и репортеров «The Washington Post» 30 апреля 1984 г. заявил им, что если Жмайель не сохранится в качестве «партнера» Израиля для достижения договоренности, то вместо этого будут «возрождены в полном объеме старые связи Израиля с нерегулярной христианской милицией [иными словами, с фалангистами и, судя по всему, особенно с теми отрядами и лицами, которые, находясь в тесных отношениях с Израилем, стали активными участниками кровавого преступления в палестинских лагерях Сабра и Шатила. – *Е.П.*]. Это означало бы де-факто раздел Ливана с непрямым контролем Израиля над югом»*.

Находясь в Ливане и в 1982 и в 1983 гг., я много раз слышал, в том числе и из непосредственного окружения президента Жмайеля, о том, что любая его акция, которая могла быть интерпретирована как сближение с Сирией или попытка создания на общенациональной основе механизма контроля над развитием обстановки в Ливане, главным образом армии, вызывала серьезные трения между ним и руководством «фалангистской ми-

* The Washington Post. – 1.05.1984.

лиции», даже угрозы ее лидеров в адрес президента. Все это происходило, очевидно, не без прямого участия израильтян. Теперь ими была сделана прямая ставка на использование этого рычага.

Одновременно министр обороны Израиля Аренс пытался договориться с лидерами мусульманских нерегулярных сил о разделе Ливана на кантоны. Однако израильское руководство потерпело в этом полное фиаско. Несмотря на это, Аренс продолжал надеяться, что «в течение года Израиль будет в состоянии вновь войти в стратегические районы и установить контроль над территориями – и мусульманскими, и христианскими, – которые в результате захотят создать независимые кантоны. До этого времени Израиль намерен упорно сохранять свои нынешние позиции в Ливане»*.

Между тем вслед за расторжением ливано-израильского соглашения удалось при конструктивной роли Сирии вновь созвать представителей ливанских сил на конференцию по национальному примирению в Лозанне (Швейцария). После сложных и тяжелых обсуждений конференция приняла решение о создании нескольких комиссий. Одна из них – по наблюдению за перемирием в Ливане, другая была призвана провести детальное обсуждение вопроса о будущей конституции Ливана, которая могла бы удовлетворить все население этой страны. Тот факт, что в самой Лозанне не были приняты радикальные меры, расценивался западной прессой и западными наблюдателями чуть ли не как провал усилий сирийской стороны по стабилизации обстановки в Ливане. На самом же деле трудно было ожидать, что эта конференция сразу может привести к драматическим сдвигам после девяти лет кровавой борьбы в Ливане, накопившего недоверия между сторонами, участвующими в кон-

* *Franks L. Israel after Lebanon // The New York Times Magazine. – 1984. – March 25. – P. 3.*

фликте, наконец, самой инерции этих кровавых лет. Вместе с тем та роль, которую играла Сирия – в силу и своих исторических связей с Ливаном, и реальной военно-политической ситуации в районе, – продолжала оказывать стабилизирующее влияние на положение в стране.

В апреле 1984 г. Президент Ливана А. Жмайель назначил премьер-министром страны Р. Караме, который вскоре объявил о создании правительства национального единства Ливана.

Соединенные Штаты потерпели серьезное военное и политическое поражение в Ливане. Очевидно, что круги от него выходят за пределы этой арабской страны. Многие наблюдатели, например, считают американское поражение в Ливане катализатором тех процессов, которые нашли отражение в заявлении короля Иордании Хусейна о том, что Соединенные Штаты, полностью связав себя с израильским экспансионизмом, не могут играть роль посредника в ближневосточном урегулировании. Это заявление расценивалось многими как колокольный звон на похоронах «инициативы Рейгана», рассчитанной на новый тур американско-израильской игры – отдельные переговоры теперь уже Иордании с Израилем. В условиях демонстративного отказа президента Рейгана, озабоченного перипетиями предвыборной борьбы в США, от ранее данного обещания продать современное вооружение Иордании и Саудовской Аравии, крайне неловко почувствовали себя и те в зоне Персидского залива, кто ждал, что Соединенные Штаты наконец-то начнут учитывать интересы хотя бы консервативных арабских режимов.

По словам ряда американских дипломатов, в результате провала США в Ливане, а также открытой израильской позиции администрации Рейгана и блокирования американским Конгрессом поставок вооружений США в некоторые арабские страны, эти страны отказы-

ваются не только осуществлять, но даже участвовать в планировании совместных акций с Соединенными Штатами*. Другой «официальный представитель США» сказал: «После Ливана появилось много сомнений в нашей боеспособности. Может быть, со временем положение изменится, но сейчас никто в этом районе не хочет, чтобы его видели слишком близко от нас»**. Все это проявилось с определенностью в сдержанной и, даже более того, негативной реакции арабских государств зоны Персидского залива на американское обращение в мае 1984 г. о предоставлении «условий» (баз, портов, наземных служб и других объектов военного назначения) для осуществления миссии США по «конвоированию» танкеров, подвергавшихся опасности вследствие эскалации ирано-иракской войны.

Было бы наивным рассчитывать, однако, на то, что Соединенные Штаты учли уроки событий в Ливане и их резонанс в других арабских странах. «Мы не ставим точку в Ливане, – заявил на пресс-конференции 20 марта 1984 г. в Вашингтоне государственный секретарь США Дж. Шульц. – Мы остаемся там... Я бы сказал, что мы поставили там запятую или, может быть, точку с запятой». Такое «обнадеживающее» признание со всей определенностью может трактоваться как продолжение линии на навязывание Ливану сепаратной сделки с Израилем. На ливанского президента продолжает оказываться давление как со стороны израильских интервенционистских сил, так и американских политиков.

Вашингтон не вынес уроков из своих провалов и в других частях арабского мира, связанных с поражением в Ливане. В американской печати приводятся ссылки на мнение официальных лиц о том, что после «вынужденной паузы» во время года президентских выборов

* The Washington Post. – 25.04.1984.

** The Washington Post. – 1.05.1984.

Вашингтон с новой энергией «начнет выкручивать руки арабским странам», вновь пытаясь навязать им американско-израильское решение ближневосточного кризиса.

Трагические события в Ливане, являющиеся следствием израильской интервенции, после прямого военного вмешательства США и некоторых других членов НАТО, отразились и на положении в палестинском движении сопротивления. Конечно, уход палестинцев из Бейрута не был разгромом ПДС, как широковещательно заявили об этом израильские руководство и печать. ООП не была ликвидирована – ни физически, ни морально. Палестинские бойцы покидали Бейрут с высоко поднятой головой после значительного по длительности и силе сопротивления, оказанного ими израильской армии. В результате героического противодействия израильским оккупантам ООП во многом укрепила свое влияние. Это нашло отражение в том, что в Фесе общееарабское совещание в верхах вновь подтвердило свое признание ООП в качестве единственного законного представителя палестинского народа. Это нашло отражение и в том, что авторитет ООП стал одним из главных факторов выработки единой арабской конструктивной позиции по урегулированию ближневосточного конфликта.

Однако одновременно проявились разногласия в палестинском движении сопротивления, многие из которых существовали и раньше. Масштабность этих разногласий была связана с тем, что они возникли не только между различными организациями, входящими в ООП, но и в крупнейшей палестинской организации – ФАТХ.

Можно много говорить о причинах этих разногласий, катализатором которых послужили события в Ливане. Очевидно, следует иметь в виду, что они имеют многослойный характер. Это внутripалестинские расхождения и арабо-палестинские, выходящие за рамки внутренних отношений в ПДС. Оппозиционно настроенные палестинцы выступали с критикой того, что председа-

тель исполкома ООП Ясир Арафат на единоличной основе принимал отдельные решения, которые имели далеко идущий политический характер. В то же время некоторые представители оппозиции Арафату выдвигали лозунги, которые начисто отрицали возможности политической и дипломатической борьбы с целью поисков урегулирования палестинской проблемы мирными способами.

Острую дискуссию вызвали переговоры Арафата с королем Хусейном, начатые вскоре после ухода палестинцев из Бейрута. Во время этих переговоров речь шла о возможности создания конфедерации между Западным берегом реки Иордан и сектором Газа и Иорданией. Переговоры были в тот момент прерваны, так как обсуждаемая формула не нашла поддержки ни руководства ФАТХ, ни исполкома ООП.

Нужно сказать, что США, очевидно, рассчитывали на то, что разногласия в ООП расширятся в результате появления на свет «инициативы Рейгана». Однако весьма осведомленный в ближневосточных делах исследователь и журналист П. Сил, ссылаясь на слова одного из советников по иностранным делам исполкома ООП, так описывает реакцию палестинцев на «инициативу», получившую имя американского президента: согласившись на нее, «мы были бы кем-то наподобие жителей Сабры и Шатилы, которые поверили в американские гарантии. США хотят, чтобы мы высунули свои шеи, с тем чтобы удушить нас»^{*}.

Одновременно проявились разногласия между руководством Арафата и Сирией.

В ноябре–декабре 1983 г. между некоторыми палестинскими организациями произошли серьезные столкновения в Триполи, в результате которых Арафат с 4 ты-

^{*} *Seale P.* PLO Strategies: Algiers and After // *The World Today*. – April 1983. – P. 142.

сячами бойцов покинул Северный Ливан. Особенно много нареканий и резкой критики в палестинском движении и арабском мире в целом вызвала его последующая поездка в Египет и встреча с президентом Мубараком в Каире «несмотря на то, что Египет не отошел от кэмп-дэвидских соглашений».

Летом 1983 г., уже после того как обострились разногласия в ООП, мне довелось встречаться с Арафатом – сначала в Дамаске, затем в Триполи, а потом в Праге во время международной конференции «За мир и жизнь, против ядерной войны». Арафат подчеркивал, что он по-прежнему отвергает кэмп-дэвидские соглашения, «инициативу Рейгана», но намерен «активизировать политические действия», с тем чтобы, как он сказал, «не дать времени работать против интересов палестинского народа». Арафат при этом говорил о продолжающемся заселении израильянами Западного берега и сектора Газа, что, по его словам, может сделать «антипалестинскую» ситуацию необратимой.

Через несколько месяцев после этого мне довелось в Дамаске встретиться с одним из руководителей Народного фронта освобождения Палестины (главное командование) – организации, которая резко выступила против Арафата. Он говорил о том, что для многих палестинцев насущной задачей является демократизация обстановки, создание такой ситуации, при которой председатель исполкома не сможет единолично, без предварительного одобрения большинством, решать насущные политические вопросы движения. По словам моего собеседника, такая, как он сказал, «недемократичная обстановка» может фактически привести к расколу ООП.

Конечно, любой серьезный раскол в этой организации мог бы нанести непоправимый ущерб борьбе палестинского народа за обеспечение его законных прав. Очевидно, на данном этапе развития палестинской борьбы резкая дифференциация палестинского движения, нарушающая

единый фронт различных политических сил, – собственно, такой фронт и представляет собой ООП – была бы крайне нежелательной. Именно сочетание различных политических сил и идеологических взглядов в ООП позволили сделать эту организацию общеприемлемой для арабских стран с различными режимами, которые единодушно признали ее единственным законным представителем палестинского народа. Раскол, несомненно, помешал бы и росту международного престижа палестинской организации.

Когда по вопросу о разногласиях в ООП мне доводилось беседовать с сирийцами, то они тоже подчеркивали, что выступают против раскола ООП, так как это, несомненно, ослабит палестинское движение. Но при этом высказывалась резкая критика в адрес Арафата – собственно, это не являлось секретом, потому что такая критика присутствовала и во многих публичных выступлениях сирийских руководителей.

Из бесед по поводу происходившего в палестинском движении, знакомства с материалами можно, как представляется, сделать и такой вывод. Здоровые силы в палестинском движении, а они, безусловно, превалируют, понимают необходимость сохранения единства ООП на основе антиимпериалистического национально-патриотического курса. Выполнение этой задачи требует отпора капитулянтским тенденциям, замыслам, направленным на изменение антиимпериалистической ориентации ООП, попыткам подрыва ее статуса как единственного представителя палестинского народа. С целью достижения такого единства работали все истинные друзья палестинцев. Против этого, естественно, выступал Израиль, а также его покровители, используя все имеющиеся у них средства. Империалистический Запад пытался играть на противоречиях внутри палестинского движения, разжигать их, усиливать те расхождения, которые имеются между отдельными группами в ООП и различными

арабскими странами. Совершенно ясно, что такая ситуация наиболее благоприятна для осуществления антиарабской линии Соединенных Штатов на Ближнем Востоке, а также экспансионистской политики Израиля.

Следует, очевидно, отметить еще один момент: разногласия в палестинском движении ни в коей мере не должны использоваться в качестве предлога для отказа от решения палестинской проблемы.

В целом, если попытаться резюмировать итоги израильского вторжения в Ливан и оккупации той страны, то можно прийти к выводу, что Израилю и его покровителям не удалось добиться всех тех целей, которые легли в основу агрессии против Ливана.

Значительных масштабов достигла изоляция Израиля в мире. Никогда раньше столь громко не звучали голоса осуждения экспансионистского курса правительства Израиля в самой этой стране, никогда еще такой глубины не достигал раскол израильского общества, причем произошедший тогда, когда Израиль вел войну в Ливане, – раньше во время аналогичных событий израильской верхушке удавалось, как правило, широко раздувать шовинистические настроения и шовинистическую психологию в стране. Стыд за содеянное Бегинном и Шароном, прозрение сотен тысяч людей, еще недавно находившихся в полном плену официальной израильской пропаганды, выплеснувшееся на поверхность недовольство кровавым курсом, который осуществляет Израиль в отношении палестинцев, – все это затронуло различные слои израильского общества, в том числе и армию. Разве не является показателем этого отказ командира мотомеханизированной бригады полковника Эли Гева, который характеризовался в израильской печати как один из «блестящих» молодых военных в этой стране, выполнить приказ наступать на Бейрут?

Конечно, все это еще не означает коренного отказа всех недовольных, а подчас и возмущенных политикой

Бегина – Шарона, от территориальных вождедений или безоговорочного признания ими справедливого дела палестинских борцов. Шовинизм в отношении арабов все еще преобладает в Израиле, но, судя по всему, можно прийти к выводу, что в результате кровавой интервенции Израиля в Ливане произошел определенный надлом в сознании израильтян.

Израильская агрессия в Ливане принесла неисчислимые бедствия палестинскому и ливанскому народам.

Трагедия Ливана, порожденная израильским нашествием, черной страницей вошла в историю человечества.

И к этой трагедии привел кэмп-дэвидский сговор.

Есть ли выход из создавшегося положения в Ливане? Есть, и он совершенно очевиден: продолжение диалога между различными ливанскими политическими силами с целью выработки формулы, которая может удовлетворить интересы всего ливанского населения. Единый, независимый, суверенный, демократический Ливан может стать гарантом безопасности для его населения и сыграть положительную роль в урегулировании ближневосточного кризиса, в стабилизации обстановки в этом взрывоопасном районе.

За это и выступает Советский Союз. Характеризуя имевшие место контакты с ливанским руководством, К.Н. Брутенц писал в газете «Правда»: «Во всех беседах с политическими и общественными деятелями Ливана излагается неизменная советская позиция: Советский Союз стоит за урегулирование внутривосточных противоречий мирным путем, через конструктивный национальный диалог всех сторон на базе общей заинтересованности в сохранении независимости, суверенитета и территориального единства. Он поддерживает усилия, направленные на укрепление и расширение общеливанской базы борьбы за коренные интересы страны»*.

* Брутенц К. Кто препятствует миру в Ливане // Правда. – 1984. – 4 февраля.

К моменту, когда эта книга была закончена, в Ливане существовали лишь предпосылки к урегулированию. Уже функционировало национальное правительство во главе с Р. Караме, уже работал парламент. Проходили встречи и обсуждения проблем различными политическими силами, в том числе теми, которые с момента начала гражданской войны в Ливане в 1975 г. встречались только на поле боя в качестве непримиримых врагов. В то же время периодически вспыхивали перестрелки. Продолжалась израильская оккупация, обернувшаяся разгонами демонстрантов с применением оружия, арестами, пытками, убийствами на юге и «кинжальными ударами», бомбардировками, обстрелами мирного населения в палестинских лагерях, шиитских и других поселениях, повсюду в стране. До мира на многострадальной ливанской земле в таких условиях все еще было далеко.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Результаты политики, осуществляемой Соединенными Штатами на Ближнем и Среднем Востоке, особенно в течение 70-х – начала 80-х годов, доступны для обозрения. Израиль, продолжающий решать свои экспансионистские задачи, бросать наглые вызовы арабским странам, категорически отвергать право палестинского народа на самоопределение, повседневно приближаться к аннексии Западного берега реки Иордан и сектора Газа – все это первое и, очевидно, основное последствие активной линии США на Ближнем Востоке в последние годы. Если к этому добавить еще и участие самих Соединенных Штатов в обстрелах и бомбардировках ливанских сел, кварталов Бейрута, позиций сирийских войск, находящихся по общearабскому мандату в Ливане, да и «тихую дипломатию» США, призванную разделить арабский мир, не дать ему выступить единым целым в борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии 1967 г., то картина результатов американской политики на Ближнем Востоке будет выглядеть еще более контрастно.

Два так называемых достижения американской политики на Ближнем Востоке в 70–80-е годы в наибольшей степени превозносились и использовались американскими политическими руководителями – одним словом, размножались в пропаганде и в политических акциях, призванных возвеличить людей, стоящих у власти в Соединенных Штатах. Первым из таких «достижений» назывался египетско-израильский договор 1979 г. Вторым – ливано-израильское соглашение от 17 мая 1983 г. И одно,

и второе стало результатом сепаратной линии, которую избрали и отстаивали Соединенные Штаты, провозгласив ее в качестве единственного пути, ведущего к миру.

Сепаратный курс, однако, ни на шаг не приблизил политическое всеобъемлющее урегулирование, которое могло бы создать прочный и справедливый мир в районе. Об этом подробно говорится в книге.

Политика может давать стабильный результат лишь в том случае, если она строится на реальностях: на правильном понимании соотношения сил, его динамики, объективных потребностей и объективных национальных интересов различных обществ. Политика США на Ближнем Востоке строилась и по сей день строится на субъективной основе – стремлении оказать активную и многостороннюю поддержку Израилю в условиях, когда тот проводит откровенно экспансионистский курс в отношении арабских стран и народов.

Во время президентства Рейгана американская политика на Ближнем Востоке в еще большей, чем прежде, степени стала базироваться и на стремлении к «универсализации» борьбы против Советского Союза путем расширения ее с глобального на региональный уровень. Это усилило напряженность в мире, сделало еще более опасным развитие международной обстановки.

Отказ от учета реальной действительности и объективных потребностей ближневосточных обществ и мирового сообщества в целом завел ближневосточную политику США в тупик. Можно делать хорошую мину при плохой игре, но от этого сама игра не улучшается.

После гибели Садата следует, по-видимому, прийти к выводу, что кэмп-дэвидский сговор стал дышать на ладан. События еще раз показали, что нельзя строить политику в расчете на одно лицо. Люди смертны, а те, кто приходит на смену единоличным лидерам, далеко не обязательно, даже совсем не обязательно во всем продолжают их линию. Значительно чаще история демонстрирует обратное.

Псевдооптимизм высказываний американских лидеров не в состоянии скрыть того, что кэмп-дэвидский сговор после гибели Садата теряет ту свою часть, которую особенно усиленно навязывала Египту американская политика, – сепаратное восстановление в полном объеме многосторонних связей с Израилем. США пытались уверить мировое общественное мнение, что из подобных «кирпичей» будет сооружено здание мира на Ближнем Востоке. Но этого здания нет, а ветры все более разрушают «кирпичи», предназначенные для его строительства.

«Но как же тогда с отношениями Египта и США? – острогает вопрос советский ученый и журналист И.П. Беляев, рассказывая о своих впечатлениях от поездки в Каир в ноябре 1982 г. – Они по-прежнему имеют статус “особых” и, конечно, влияют на положение в стране. Египтяне замечают, однако, что процент, под который предоставляются американская военная помощь и американские займы, чрезвычайно высок, а поставляемые из США военная техника и оружие крайне дороги. Да и количество того и другого настолько мало (это при проволочках и нарушениях графика поставок!), что сегодня многие египтяне говорят: “США разоружают нас”. Во всяком случае, самая большая в арабском мире армия сейчас слабее, чем в 1973 году»*.

Такие настроения, судя по всему, не будут идти на убыль.

Несостоятельность американской политики, якобы направленной на поиски стабилизации и урегулирования на Ближнем Востоке, еще более наглядно продемонстрировала судьба второго «достижения» США – сепаратное ливано-израильское соглашение было целиком выброшено на свалку истории.

После войны 1967 г. на арабской стороне конфликта постепенно выкристаллизовывалась «логика урегулиро-

* Беляев И. Иные времена? // Азия и Африка сегодня. – 1983. – № 7. – С. 23.

вания»: отказ Израиля от территориальных захватов в обмен на мир. Становилось абсолютно неоспоримо, что без решения палестинской проблемы не может быть никакого прочного урегулирования. Все более контрастно проявлялось и другое: палестинцев в процессе урегулирования могла представлять только Организация освобождения Палестины. Все потуги Израиля создать противовес ООП не имели никакого успеха, а между тем, как было показано в книге, для достижения этой цели Израиль не жалел ни сил, ни средств в течение всех лет своей оккупации Западного берега и сектора Газа.

Нужно сказать, что Соединенные Штаты с самого начала открыто не выступали против некоторых из этих принципов, которые могли бы лечь в основу политического урегулирования на Ближнем Востоке. Но американская политика все больше соскальзывала на сепаратные решения, которые приходили в прямое противоречие с этими принципами.

И отнюдь не случайно к середине 80-х годов фактически весь мир, за малым исключением, пришел к выводу о том, что ближневосточный конфликт нужно решать методами, которые, кстати, предлагал Советский Союз еще в конце 60-х годов, – путем созыва всеобщей конференции, решения всех вопросов урегулирования «в пакете», участия в конференции всех сторон, вовлеченных в конфликт, естественно, и Организации освобождения Палестины. Именно к такому выводу пришла специальная конференция ООН по Палестине, созванная в августе–сентябре 1983 г. в Женеве. К такому выводу пришла и XXXVIII сессия Генеральной Ассамблеи ООН. На этой сессии за созыв мирной конференции по Ближнему Востоку был подан 101 голос при 18 против и 20 воздержавшихся.

На основе одобренной Генеральной Ассамблеей резолюции генеральный секретарь ООН начал соответствующую работу. Одновременно Соединенные Штаты

продолжали делать все для того, чтобы сорвать эту резолюцию, не дать ей развернуться в реальные практические дела. Разве не ясно из всего этого, что американская политика стала главным тормозом стабилизации положения в районе, который является одной из самых опасных точек на земном шаре.

Ближневосточная рана продолжает кровоточить. С каждым годом все труднее и труднее найти способы ее полного излечения. Между тем эта проблема многих народов, населяющих район, их повседневной жизни и судьбы, это проблема взаимоотношений между великими державами, это проблема мира и безопасности во всем мире.

Советский Союз неоднократно предлагал радикальные способы ликвидации ближневосточной трагедии. Этой задаче подчинены и предложения Советского Союза по ближневосточному урегулированию, опубликованные 30 июля 1984 г. «Опыт со всей убедительностью показывает, – говорилось в них, – бесплодность и вместе с тем опасность попыток решать ближневосточную проблему путем навязывания арабам разного рода сепаратных сделок с Израилем. Единственно правильным и эффективным путем для обеспечения кардинального решения ближневосточной проблемы является путь коллективных усилий с участием всех заинтересованных сторон, другими словами, переговоры в рамках специально созванной для этих целей международной конференции по Ближнему Востоку»*.

Советский Союз обратился с призывом ко всем сторонам в конфликте – действовать, исходя из трезвого учета законных прав и интересов друг друга, а всем другим государствам не мешать, а содействовать поискам такого урегулирования.

* Правда. – 30.07.1984.

ВОЙНА, КОТОРОЙ МОГЛО НЕ БЫТЬ

Войну в зоне Персидского залива породила агрессия против Кувейта, а затем аннексия его Ираком. Расчеты Саддама Хусейна на то, что ему удастся осуществить свои планы, оказались построенными на песке. Он недооценил масштабов противодействия во всем мире. Он явно не предвидел, что активной частью многонациональной коалиции, поставившей своей целью заставить Ирак уйти из Кувейта, будет ряд арабских государств, причем ведущих и по своему влиянию, и по своим возможностям. Наконец, он не осознал неотвратимости военного удара по Ираку в случае отказа вывести войска из Кувейта.

Кувейтский кризис оказался самым значительным после Второй мировой войны – и по числу вовлеченных в него стран, и по масштабам военных действий.

Этот кризис был вместе с тем самым серьезным испытанием для мирового сообщества, которое только что положило конец холодной войне между Западом и Востоком, но еще не встало на позиции универсального по всем «азимутам», включая Север – Юг, Юг – Юг, нового мирового порядка, призванного обеспечить справедливость и основанного на неприятии силовых приемов как средств политики. Человечество это серьезное испытание, в общем, выдержало.

Кризис в зоне Персидского залива вызвал необходимость самого активного поиска структуры надежной региональной безопасности, которая невозможна без регулирования всех существующих здесь конфликтов, в первую очередь арабо-израильского. Взрывы бомб и ракет в Багдаде, Эль-Кувейте, Эр-Рияде и Тель-Авиве высветили острую необходимость срочной стабилизации

во всем регионе, которая может быть достигнута главным образом политическими средствами.

Кризис в зоне Персидского залива, безусловно, будет иметь серьезнейшие экономические и политические последствия. Можно сказать определенно, что война уже расставила акценты, которые, несомненно, скажутся на всей «нефтяной ситуации» – и добыче, и потреблении, и ценах на нефть. Еще долго будут расходиться и политические круги от «эпицентра» – войны в зоне Персидского залива.

Главная идея этой книги – показать ту роль, которую сыграл Советский Союз во время кувейтского кризиса. При этом я стремился поделиться впечатлениями человека, которого судьба вовлекла в гущу событий. Рассчитываю и на то, что читателя могут заинтересовать некоторые оценки, идеи о посткризисном Ближнем Востоке, да и мире в целом.

Хотел бы выразить благодарность моим товарищам и коллегам, которые оказали помощь в том, чтобы эта книга появилась в свет в наикратчайшие сроки.

АЛЬТЕРНАТИВА СУЩЕСТВОВАЛА

По дороге из дома на работу утром 2 августа по радио в машине я услышал об иракском вторжении в Кувейт.

Подробностей было немного. Признаюсь, вначале мне показалось, что речь идет о пограничной стычке – пусть сильной, но все-таки не выходящей за рамки тех, которые не раз происходили между этими двумя странами. Не могу даже приблизиться к тем либо «опытнейшим», либо «ясновидящим» политикам, которые сразу же представили себе и огромные масштабы, и сложнейшее развитие, и тяжелейшие последствия начинавшегося кризиса.

Помню, в это утро ко мне на работу пришел мой товарищ по совместной учебе в Институте востоковедения – дружба с ним протянулась через многие десятилетия – наш нынешний посол в Иордании Ю.С. Грядунов. Естественно, что разговор сфокусировался на событиях в Кувейте. Мы уже обладали к этому моменту суммой информации из оперативных сводок ТАСС, других агентств. Сообщения явно настораживали. Но ни он, ни я, профессионально занимающиеся ближневосточной тематикой, не могли себе представить, насколько круто развернется дело.

Собственно, трудно было поверить в то, что Ирак может пойти на такую сумасбродную и заранее обреченную авантюру. Мы пытались найти тот предел, до которого дойдет Саддам Хусейн. Думали, что дело ограничится

«кинжальным ударом» в преддверии переговоров. Однако экспертные оценки, базирующиеся на опыте, здравом смысле, логике, оказались непригодными в отношении событий в Кувейте и вокруг него, развивавшихся с поразительной быстротой.

В то утро я был абсолютно далек от мысли и о том, что мне придется в эти события непосредственно окунуться.

Через несколько дней после того, как иракские танки ворвались на территорию Кувейта, это небольшое государство – член ООН было сначала аннексировано, а затем объявлено 19-й иракской провинцией.

Мировое сообщество в своем преобладающем большинстве было единым в требовании безоговорочного вывода интервентов из Кувейта, восстановления его суверенитета. Соответствующие резолюции Совета Безопасности ООН прошли как по маслу, без обычных в таких случаях долгих согласований, дипломатических конвульсий. Все это относилось даже к таким решениям, как те, которые вводили строжайшие экономические санкции против Ирака³⁶, отказавшегося выполнять справедливые требования большинства стран – членов ООН.

Такая реакция, выразившаяся в интенсивном и, пожалуй, беспрецедентном процессе принятия Советом Безопасности ООН менее чем за два месяца одиннадцати резолюций по одному вопросу, была, по-видимому, эмоционально оправданной. Но уже тогда стало ясно, что этот процесс давал мало с «содержательной» точки зрения. Во многих своих частях одни резолюции повторяли другие. Между тем ужесточающаяся от резолюции к резолюции линия Совета Безопасности не приводила к ожидаемым результатам. Напротив, произошла эскалация противоправных действий Ирака в отношении как Кувейта, так и представителей других государств. Скорее всего, сказались психологические особенности Саддама Хусейна. Может быть, он считал – я не исключаю этого, – что в запасе есть много времени для маневрирования,

которое следует начинать с наиболее жесткой отметки. Но серия резолюций была выпущена. И что самое главное – параллельно с их безостановочным одобрением происходила переброска войск США и некоторых других стран, в том числе арабских, в Саудовскую Аравию, которая, опасаясь стать следующей жертвой иракских вооруженных акций, обратилась за помощью к Вашингтону. В зоне Персидского залива быстро концентрировалась мощная американская группировка войск, сюда стягивались стратегические военно-морские силы США, перебрасывались воинские контингенты и других государств.

Жесткие экономические санкции и столь масштабная военная демонстрация, как это ни звучит парадоксально, создавали «простор» для политики, с тем чтобы найти мирный выход из тупика, в который вогнал ситуацию Саддам Хусейн. Выдвигались инициативы, начали осуществляться посреднические миссии. Сначала на политическую авансцену выступили арабы, что было естественно: конфликт между двумя арабскими государствами вызвал раскол арабского мира, что болезненно, а может быть, даже трагически воспринималось с точки зрения многодесятилетнего противостояния с Израилем. В Багдад зачастили высокие представители североафриканских стран, Иордании, руководители Организации освобождения Палестины.

Такой этап арабской посреднической активности можно свести к стремлению найти решение в «арабских рамках». Средством стал призыв к увязке вывода иракских войск из Кувейта с шагами в сторону политического решения палестинской проблемы. В наиболее жестком виде – опять психологическая особенность Саддама Хусейна – эта идея прозвучала в его выступлении 12 августа. Он заявил о готовности обсуждать все проблемы сразу, одновременно – и кувейтскую, и вывода израильских войск со всех оккупированных территорий, а сирийских – из Ливана.

Предложение было точно рассчитано на политико-пропагандистский эффект, обращенный вовнутрь, – в арабском мире действительно усилились симпатии к Ираку, который стал восприниматься чуть ли не как единственный реальный борец за решение палестинской проблемы. В условиях «тупиковой» арабо-израильской конфронтации даже оккупация Кувейта могла сойти в арабских массах за оправданную цену решения палестинской проблемы. Этот момент прошел мимо внимания Вашингтона и некоторых других западных столиц, где явно недооценили «внутреннюю» поддержку С. Хусейна – пусть поднявшего руку на «братскую» арабскую страну, но открыто бросившего перчатку могущественным Соединенным Штатам, Израилю. В Белом доме, как мне кажется, были загипнотизированы тем, что впервые за всю историю на американскую позицию (давайте называть вещи своими именами: там исходили из того, что позиция – именно американская, хотя и настойчиво подчеркивали ее ооновский, многонациональный характер) открыто встали правительства целого ряда арабских стран, причем таких, как Египет, Саудовская Аравия, Сирия.

Мне могут возразить – какая же это «недооценка», если во время военных действий против Ирака население других арабских стран, в том числе палестинцы, ограничилось лишь несколькими проиракскими демонстрациями или чисто символической записью добровольцев. А во всем остальном было достаточно тихо и спокойно. Все это так. Но «антикоалиционные» настроения в арабских массах в связи с военным решением кувейтского кризиса ни в коей мере нельзя списывать со счета в посткризисный период. Они так или иначе проявятся.

В Вашингтоне остался незамеченным еще один немаловажный момент: С. Хусейн, не перестававший твердить об «исторических правах» Ирака на Кувейт, о том, что «навечно» восстановлено их единство, произвольно

нарушенное английскими колонизаторами, тот самый С. Хусейн, который только что объявил о преобразовании Кувейта в иракскую провинцию, в своем заявлении от 12 августа практически не исключал возможности хотя бы при определенной увязке обсуждать проблему его ухода из Кувейта. Хусейновская увязка, как показали события, стала неприемлемой. Но «сигнал», даже если он не мигал ярко, все-таки мог бы быть принят.

Читателю может показаться беспредметным, что на нюанс, проявившийся в иракской позиции на самом начальном этапе развития кувейтского кризиса, обращается внимание тогда, когда агрессия уже успешно прекращена военным путем, справедливость восторжествовала, Кувейт свободен – стоит ли теперь писать о таких «мелочах». Думаю, что стоит. Книга ведь носит название «Война, которой могло не быть». Но при этом речь идет лишь о способе заставить Ирак уйти из Кувейта, а не о том, стоило ли заставлять его делать это или нет. Такого вопроса для Советского Союза, точно так же как для всего мирового сообщества, не было.

Что касается шансов на принятие «формулы» С. Хусейна в ее «первозданном» виде, то они были практически равны нулю. США, ряд стран Западной Европы, да и не только они, но и Саудовская Аравия, Египет, Сирия, арабские княжества зоны Персидского залива, как говорится, с порога отвергли предложение С. Хусейна, не без основания считая, что он таким путем не только уходит от ответственности за агрессию против Кувейта, но через интервенцию в соседнюю арабскую страну становится не просто героем, а лидером арабского мира. Этого не хотели в первую очередь те арабские государства, которые вошли в антисаддамовскую международную коалицию, направив – кто символически, а кто и реально – свои войска в Саудовскую Аравию.

В антисаддамовском лагере оказались за исключением Иордании как раз близко расположенные от Ирака

арабские государства. Можно говорить даже о своеобразной закономерности: жестокость антисаддамовской позиции и руководителей арабских стран находилась в обратном пропорциональной зависимости от удаленности данной страны от Ирака. Причина этого могла быть одна – опасения за свою безопасность.

Мотивы многих государств, в том числе Советского Союза, не посчитавших предложение С. Хусейна продуктивным, ведущим к урегулированию кувейтского кризиса, далеко выходили за региональные рамки. Принятие этого предложения в том виде, в котором его представил С. Хусейн, могло бы означать вознаграждение и, в конечном счете, поощрение агрессии. Мир уже отступил от холодной войны. Вместе с тем еще свежи были в памяти воспоминания о войне «горячей» – Второй мировой, путь к которой открыло «умиротворение» агрессора в Мюнхене³⁷.

Таким образом, формула, выдвинутая Хусейном 12 августа, была отвергнута. Да и было ясно, что он выдвигал ее, заранее представляя себе негативную реакцию большинства стран мирового сообщества.

Но оставался открытым двуединый вопрос – почему все-таки нельзя попытаться использовать острую заинтересованность арабов в решении палестинской проблемы с целью заставить Ирак уйти из Кувейта? И почему одновременно не сделать ставку на использование политического урегулирования возникшего кризиса как импульса для продвижения к решению другой важнейшей для безопасности района проблемы – арабо-израильской?

В августе к этой теме М.С. Горбачев возвращался не раз в беседах со своими советниками, вырабатывая вариант политических действий Советского Союза с целью мирного урегулирования ситуации вокруг кувейтского кризиса. Тогда впервые и возникла идея направить в Багдад для разговора с Саддамом Хусейном личного представителя президента СССР. Идея не была осуществлена

сразу, так как практически оказался задействован другой канал – в Москве по просьбе С. Хусейна был принят министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз. Однако сразу же проявились и недостатки такого метода общения с Ираком. Т. Азиз, так же, как и все остальные из окружения С. Хусейна, не мог самостоятельно принимать решений. Он был лишь «толкователем» иракской позиции, и то в строго очерченных рамках, и «почтальоном» для передачи посланий.

Проявилось и другое – наш МИД считал, что еще не наступило время для направления советского представителя в Багдад. Политические акции предпринимали арабы, молчание хранили американцы, которые изо всех сил заботились о том, чтобы у С. Хусейна не создавалось впечатления о размыве многонациональной коалиции, поставившей целью заставить его уйти из Кувейта. В тот момент молчала и Западная Европа. И в таких условиях МИД предпочел выжидательную позицию.

ХЕЛЬСИНКИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЩЕГО ПОДХОДА

9 сентября в Хельсинки состоялась советско-американская встреча «в верхах». Инициатором ее выступил президент США Дж. Буш. Ему было важно получить публичную поддержку со стороны СССР, продемонстрировать единство двух держав в их стремлении добиваться вывода иракских войск из Кувейта. Без всяких колебаний было принято решение согласиться с предложением Дж. Буша.

В тот момент – и нужно сказать это со всей определенностью – в Москве преобладало мнение, что дело не дойдет до войны, будет отдача от использования всего арсенала политических, экономических и военно-демонстрационных средств давления на Саддама Хусейна.

В Москве отлично понимали, что единство с теми, кто объявил своей задачей восстановление суверенитета Кувейта, было нацелено и на будущее. После окончания холодной войны начал закладываться фундамент справедливого мирового правопорядка, исключающего военный диктат, агрессию, вмешательство во внутренние дела других государств. Конечно, пока следует говорить лишь о тенденции, которая с трудом пробивает себе дорогу через дебри нагромождений периода жесткой конфронтации, идеологизации межгосударственных отношений, «экспорта» революций и контрреволюций. Но новое политическое мышление, предложенное Советским Союзом миру после апреля 1985 года, и последующее развитие событий на международной арене укреп-

ляло уверенность в том, что справедливый миропорядок – достижимая цель. А в процессе его создания особую роль призваны сыграть СССР и США, которые, продемонстрировав свою способность порвать с прошлым и выйти на новый рубеж отношений, уже тем самым взяли на себя историческую миссию пионеров в этом нелегком деле.

Следовательно, советская позиция в отношении иракских действий против Кувейта не была конъюнктурной. И естественно, такая позиция попросту была бы невозможной до 1985 года, когда практически все внешнеполитические акции просматривались и нами, и Соединенными Штатами через призму советско-американского противостояния.

Но президент Горбачев приехал в Хельсинки не только с такими «стратегическими» идеями. В затянувшейся далеко за полночь беседе с его советниками накануне встречи с Дж. Бушем внимание было вновь заострено на вопросе – не следует ли все-таки именно сейчас активизировать решение палестинской проблемы для того, чтобы политически заставить Ирак уйти из Кувейта. Иными словами, подчеркнуть безоговорочность его ухода, но сказать определенно, что это откроет путь к активному поиску урегулирования арабо-израильского конфликта. Речь, таким образом, шла не о том, чтобы принять явно неприемлемый «пакет» Саддама Хусейна от 12 августа. Но в случае, если бы Соединенные Штаты согласились на нашу постановку вопроса и склонили к согласию Израиль, Саддам Хусейн не смог бы продолжать разыгрывать «палестинскую карту» – более того, при отказе вывести войска из Кувейта он брал бы на себя тяжелую ответственность за блокирование решения палестинской проблемы.

М.С. Горбачев включил эту тему в разговор с Дж. Бушем. Она нашла свое отражение и в совместном советско-американском заявлении, где было сказано, что необходимо активно работать по урегулированию кон-

фликтов в регионе. Пожалуй, эта запись была недостаточно конкретной – США не пошли дальше расплывчатой формулировки. Однако и она, как мне кажется, открывала значительные возможности для политической активности.

Вообще в разговоре М.С. Горбачева с Дж. Бушем был сделан акцент на том, чтобы избежать военного столкновения в зоне Персидского залива. Абсолютно исключать этого было нельзя. В конечном итоге чрезвычайно многое, а некоторые считали, что даже все, зависело от Садада Хусейна. Но в высокой «цене» военных действий мы не сомневались с самого начала.

Президента СССР сопровождал в Хельсинки его советник, маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев – один из самых авторитетных военных специалистов, долгое время проработавший в Генеральном штабе и занимавший пост его начальника. В те поздние часы, которые президент провел со всеми нами в преддверии встречи с Дж. Бушем, С.Ф. Ахромеев говорил: военный исход на Ближнем Востоке принесет немалые разрушения и человеческие жертвы. Войну не удастся закончить односторонним ударом с воздуха.

Это же маршал Ахромеев повторил в Хельсинки и американцам из окружения президента Буша.

И все-таки в Хельсинки перспективы решения кувейтского кризиса мирным путем представлялись оптимистичными. У М.С. Горбачева – он говорил об этом в своем окружении – сложилось впечатление о настроенности на тот момент президента США решать проблему Кувейта политическими методами. В стремлении укрепить Дж. Буша на такой позиции М.С. Горбачев сказал ему, что переброской войск в зону Персидского залива, активной политикой в Совете Безопасности ООН уже решен целый ряд стратегических задач: иракские вооруженные действия не распространились на другие страны Аравийского полуострова; предотвращен нефтяной кри-

зис, угрожавший мировой экономике после того, как в силу обстоятельств и Кувейт, и Ирак перестали экспортировать нефть; линия против агрессии получила широчайшую международную поддержку, в том числе и на государственном уровне. Теперь после всего этого нужны дополнительные политические усилия.

Во время переговоров возникал вопрос и о сроках пребывания американских войск в зоне Персидского залива. В ходе совместной пресс-конференции эта проблема была затронута вновь. Дж. Буш подчеркнул временный характер их нахождения в этом регионе. Такая констатация тоже была очень важной.

Еще один вывод, который был сделан из бесед в Хельсинки: США рассчитывали, что неукоснительное соблюдение решений Совета Безопасности ООН по экономическим санкциям против Ирака принесет плоды. Советский Союз подтвердил свои обязательства следовать этим решениям.

После переговоров с участием членов двух делегаций и беседы президентов СССР и США один на один состоялся обед. За столом я сидел между госпожой Б. Буш и помощником президента по национальной безопасности генералом Б. Скоукрофтом. Безусловно, зная о том, что в течение многих лет я специализировался по Ближнему Востоку и лично знаком с руководителями многих арабских государств, Скоукрофт спросил, когда мне довелось в последний раз встречаться с Саддамом Хусейном. Мне показалось, что генерал хочет знать, не был ли я в Багдаде уже после начала нынешнего кризиса. «Нет, там еще не был», – с улыбкой разъяснил Скоукрофту.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Мое давнишнее знакомство с Саддамом Хусейном не было секретом.

Будучи корреспондентом «Правды» на Ближнем Востоке в 60-е годы, я писал о поездках на север Ирака, встречах и беседах с Мустафой Барзани – известным лидером курдских повстанцев.

Его отношения с нашей страной имели давнюю историю. В те годы на Западе даже говорили, что М. Барзани «наш человек». Он действительно хорошо относился к Советскому Союзу, получив здесь приют и прожив целых 12 лет. Вместе с пятьюстами своими соплеменниками в 1946 году Барзани пересек границу СССР, спасаясь от преследования после поражения Мехабадской курдской республики, созданной на территории Ирана³⁸. Курдские повстанцы в СССР сдали оружие. Их расселили по разным районам. Сам М. Барзани жил и в Азербайджане, и в Средней Азии, и в Москве.

И жил по-всякому. Было время, когда работал в совхозе – взвешивал принимаемую сельскохозяйственную продукцию. Судьба его резко переменилась после смерти Сталина. Как рассказывал Барзани, через несколько дней после этого он подошел к бюро пропусков Кремля и стал стучать кулаком в дверь. Вышедшему к нему офицеру Барзани объяснил, что стучит в двери Кремля не он, а «курдская революция».

О случившемся доложили Маленкову, который стал главой правительства после смерти Сталина. Маленков дал указание принять Барзани на учебу в партшколу,

а сотни тех курдов, которые перешли с ним границу в 1946 году, – в различные средние учебные заведения Советского Союза.

Мустафа Барзани никогда не служил в советских Вооруженных силах. Упоминаю об этом сознательно, так как на Западе широко распространилась версия, будто он был генералом Красной Армии. Генералом он действительно был, но не нашим, а курдским, в бытность военным министром Мехабадской республики. Однажды, правда, с ним случился казус – он сам впоследствии рассказывал об этом. В военторге Барзани купил форму генерала и сфотографировался в ней в Москве. Фотография попала в английскую разведку, и в результате он был «зачислен» в Советскую Армию. Вернулся Барзани в Ирак после революции 1958 года, свергнувшей монархию и английского ставленника Нури Саида. Был одно время вице-премьером у Абдель Керима Касема, а затем обстоятельства сложились так, что он ушел на север и поднял курдские племена против Багдада.

Когда я по заданию «Правды» встретился с Барзани на севере Ирака, он принял советского журналиста с распростертыми объятиями. Поездки мои повторялись периодически. Была в них и экзотика: север Ирака – одно из самых красивых мест, которые когда-либо видел, интереснейшее общение с курдами – «рыцарями Востока», как их называют издревле. Завязывались сохранившиеся надолго личные отношения. Но со многими из тех, с кем довелось поближе познакомиться, сдружиться, в последующие приезды уже не мог встретиться – погибли. Война между Багдадом и курдами была изнурительной, с большим числом жертв.

Советский Союз выступал против этой войны, исходя в первую очередь из гуманистических побуждений. Но в то же время она была явно противопоказана нашим политическим интересам: мы начинали строить разветвленные отношения с Багдадом и вместе с тем дорожили своими связями с курдами.

Позиция СССР хорошо воспринималась с двух сторон. С курдской – так как мы выступали в поддержку широких национальных прав курдов, с багдадской – так как определенно негативно относились к сепаратистам, ставящим своей целью оторвать курдские районы от Ирака. Такая принципиальная линия, следовательно, помогала обрести хорошие контакты и на «багдадском направлении».

Первый раз я встретился с Саддамом Хусейном в 1969 году, хотя слышал о нем и раньше. Совсем молодым он участвовал в покушении на премьер-министра Касема, был ранен, но ему удалось уйти от преследователей и скрыться. Вначале произносили его имя так – Саддам Хусейн Тикрити. Потом от последней части имени отказались, очевидно, не желая подчеркивать его «родовую» связь с президентом А.Х. аль-Бакром, который тоже был из Тикрита.

Но родственные связи, безусловно, очень важные, сами по себе не обеспечивали Саддаму место в баасистской руководящей иерархии. Были и другие деятели, которые с не меньшим успехом претендовали на первые роли. Саддам оказался сильнее, целеустремленнее и, если хотите, ухищреннее, хотя многие из его соперников обладали большими заслугами, опытом, да и были образованнее, чем он в то время.

Когда я встретился с Саддамом, он уже был одним из влиятельных членов иракского руководства, хотя еще не стал вторым человеком после президента аль-Бакра. Однако вскоре он завоевал это место, а многие из его соперников ушли либо в сторону, либо из жизни. Немалую роль в победе Саддама сыграл тот факт, что он с самого начала оказался причастен к созданию специальной разведывательной службы в партийной структуре «всемогущей» организации, которая помогла ему постепенно взять в руки реальную власть.

Мой интерес к Саддаму в то время был вызван вполне определенными причинами. Ему, а не кому-либо другому Советом революционного командования было поручено руководить иракской делегацией в контактах с курдами, а я участвовал в усилиях по приведению сторон к столу переговоров.

Тогда же, в 1969 году, мне довелось познакомиться достаточно близко с Тариком Азизом, который был главным редактором газеты «Ас-Саура» и уже входил в ближайшее окружение С. Хусейна. Время было неустойчивое. Только что то крыло партии Баас, в которое входили и Саддам, и Тарик, пришло к власти. Разгоралась борьба и среди тех, кто уже находился у руля управления страной, в самом руководстве. В кабинете и у одного, и у другого в углу стояли автоматы.

Еще на том этапе в глаза бросались многие черты характера С. Хусейна, которые сохранились и даже развились в последующем, когда он единолично возглавил Ирак, – жесткость, нередко перерастающая в жестокость, незаурядные волевые качества, граничащие со своевольным упрямством, готовность напролом, любой ценой идти к цели, непредсказуемость в решениях и действиях.

Приведу два таких различных эпизода. В начале 1970 года переговорный механизм с курдами уже был введен. Советский представитель в этих условиях считал своим долгом свести стороны, попытаться повлиять на них, с тем чтобы они сделали свои позиции более приемлемыми друг для друга. Наступал такой момент, когда подписание соглашения о мире можно было уже переносить в практическую плоскость. Вдруг Саддам сказал: подписать не могу – есть ли гарантии, что курды вновь не начнут войну?

Нет таких гарантий, ответил я. Но если курды нарушат соглашение при соблюдении его условий Багдадом, то тогда они начнут войну без всякой поддержки Совет-

ского Союза и многих других сил, солидаризировавшихся с ними раньше. Разве для вас это ничего не значит?

Подумав, Саддам согласился с приведенными доводами.

11 марта 1970 года соглашение было подписано. Но напряженность сохранялась, постепенно перерастая в жесткое противостояние, в конце концов вновь вылившееся в 1974 году в войну, начатую курдами.

И вот другой эпизод. В момент нового обострения обстановки на севере Ирака мне довелось, уже будучи заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, опять повидаться с М. Барзани. Он мне рассказал, как на него было предпринято покушение. Приехали в гости шейхи. Одному из них подложили взрывное устройство в магнитофон – он хотел записать беседу с курдским лидером. Шофер, находившийся вне дома, дистанционно взорвал его. Барзани не пострадал только потому, что его случайно заслонил собой человек, подававший чай. Как раз в момент взрыва тот наклонился над ним.

Это дело рук Саддама – убежденно утверждал Барзани.

Еще одна характерная черта психологического облика Саддама Хусейна – исключительная подозрительность. Этим могли пользоваться люди из его окружения, преподнося отдельные события или факты таким образом, чтобы вызывать у него вполне определенные ассоциации, предубеждения, враждебность.

5 октября 1990 года во время первой с начала кувейтского кризиса беседы с Саддамом Хусейном он рассказал, в частности, что в июне, то есть до его вторжения в Кувейт, был перехвачен телефонный разговор между королем Саудовской Аравии Фахдом и эмиром Катара шейхом Халифой бин Хамад Аль Тани. Перехват, по его словам, «не оставлял ни тени сомнения», что реальной целью является физическое уничтожение не только его

самого, но и всей семьи. Копия пленки была передана нам. Уже вернувшись в Москву, мы ее прослушали.

Разговор правителей двух стран Аравийского полуострова состоялся сразу же после арабской чрезвычайной встречи «в верхах» в Багдаде, на которой Саддам Хусейн обвинил государства Персидского залива в экономической войне против Ирака. Естественно, что эта тема наложила отпечаток на всю беседу. Конечно, проскальзывали упреки в адрес Саддама Хусейна («у них в Ираке сдали нервы», «если человек не владеет собой, то он и в выражениях не сдержан», «нам – государствам Залива – завидуют»). Однако в этом же разговоре король Фахд сказал, обращаясь к собеседнику: «Тебе надо быть рядом с Саддамом. Я и братья хотим снять с него нервное напряжение. Наши братья в Ираке сами завели себя в лабиринт».

Само по себе все это не могло свидетельствовать о том, что собеседники участвовали в заговоре с целью физической расправы с иракским лидером. Встречался я с Саддамом много раз и в 70–80-х годах, во время его приездов в Москву и моих командировок в Багдад. Мне казалось, что у нас сложились такие отношения, когда я мог говорить с этим, несомненно, весьма сложным человеком без дипломатической прилаженности. Саддам принимал такую манеру разговора, она ему даже, как мне представлялось, импонировала. Но замечу все-таки: когда дела ведутся с арабскими, вообще восточными политическими деятелями, ни в коем случае нельзя абстрагироваться от такой психологической особенности, как их обостренная чувствительность в отношении того, чтобы не уронить свои честь и достоинство.

Еще одна черта характера С. Хусейна – во всяком случае, в те годы, он был прагматиком. В 1985 году в Багдаде, куда я приехал по его приглашению в разгар войны с Ираном, Саддам говорил: когда мы выйдем из этой войны, Ирак в течение трех лет (почему-то он назвал именно

этот срок) отойдет от активного участия во всех событиях в арабском мире. Палестинская проблема и борьба с Израилем для меня не будут актуальными, я должен буду заниматься внутренними делами.

Прагматизм Саддама, очевидно, сказался и на его отношении к Советскому Союзу. Он был крайне заинтересован в советском экономическом содействии Ираку, особое значение придавал сотрудничеству с нами в военной области. Причем, когда с нашей стороны такое сотрудничество притормаживалось, он на первых порах готов был идти на многое, лишь бы его активизировать. Помню, как во время визита С. Хусейна в Москву в 1978 году в восемь утра я был приглашен в отведенную ему резиденцию на Воробьевском шоссе. Разговор состоялся непродолжительный, так как за Саддамом Хусейном вскоре должен был приехать, чтобы сопроводить его на аэродром, председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин. Саддам предложил направить в Ирак группу из СССР для ознакомления с ситуацией на месте, и сказал, что готов впустить ее даже в «святая святых» – баасистские организации армии, чтобы мы смогли убедиться в заинтересованности Ирака в укреплении обороны страны.

Не знаю, превалировали ли мотивы «обороны» в тот момент или уже тогда вынашивались планы силовых приемов против соседей. Думаю все-таки, что тогда Саддам внутренне еще не был готов к этому. Но время шло, и Саддам все больше становился другим. Продолжающаяся заинтересованность в сотрудничестве с Советским Союзом уже далеко не доминировала над всем остальным и уж, во всяком случае, не формировала его идеи и не определяла поведение. Саддам, например, пошел на жестокое преследование иракских коммунистов, зная нашу крайне негативную реакцию на это. Одновременно он начал сосредоточенно искать источники экономического содействия на Западе, а во время ирако-иранской войны резко расширил сотрудничество в области воору-

жений – и закупок, и производства на месте – с некоторыми государствами Западной Европы и Латинской Америки.

Гибкостью, маневренностью, способностью приспособиться к условиям, оценить по достоинству реальности Саддам Хусейн никогда не отличался даже при всем своем прагматическом складе ума. Мне даже кажется, что он постепенно пришел к выводу об особом предназначении судьбы, «обеспечивающем» ему успех в решении задач, которые многим казались абсолютно недостижимыми.

Очевидно, мое знакомство с Саддамом Хусейном было принято во внимание, когда президент М.С. Горбачев поручил мне выехать в Багдад в качестве своего личного представителя.

ПО ПУТИ В ИРАК

В состав делегации в Багдад был включен заместитель председателя Совета Министров И.С. Белоусов, возглавлявший после начала кувейтского кризиса межведомственную рабочую группу для решения вопросов, связанных с организацией выезда наших граждан из Кувейта и Ирака. Он сделал очень много для эвакуации советских людей, но в Ираке к этому моменту из-за позиции местных властей возникли серьезные трудности.

Перед нами были поставлены две задачи: во-первых, договориться о беспрепятственном выезде из Ирака наших специалистов, которые выразили такое пожелание, и, во-вторых, во время разговора с Саддамом Хусейном показать ему полную бесперспективность отказа подчиниться требованиям Совета Безопасности ООН и одновременно попытаться выявить, есть ли конкретные возможности для вывода иракских войск из Кувейта на основе политических решений.

В Багдад с нами вылетели помощник члена президентского совета Р.В. Маркарян, советник В.А. Артемов (они были со мной и во всех последующих поездках), сотрудники МИДа В.И. Колотуша, С.В. Кирпиченко, заместитель министра внешних экономических связей В.Ф. Мордвинов.

Сначала наш самолет приземлился в аэропорту Аммана. Это была не техническая посадка. День перед полетом в Багдад был отведен для обмена мнениями с королем Хусейном и другими иорданскими руководителями, а также лидерами Организации освобождения Па-

лестины, которые, узнав, что будем в Аммане, прибыли туда из Туниса во главе с Я. Арафатом.

Предварительные встречи в Аммане были санкционированы президентом Горбачевым. Он направил со мной послания и королю Хусейну и Я. Арафату. Главный их смысл заключался в необходимости приложить все усилия для того, чтобы изыскать политический выход продолжающейся накаляться ситуации. Амман был выбран для предварительных встреч не случайно. И король Иордании, и особенно палестинцы поддержали позицию Хусейна, считались его союзниками. Попытка использовать в первую очередь тех, кто был вместе с ним, для того чтобы подтолкнуть Ирак на путь политического урегулирования, имела смысл. По идее, это должно было облегчить разговор и с Саддамом.

Иорданские руководители четко представляли себе опаснейшую перспективу развития событий, но чувствовали себя как бы бессильными выбраться из потока, который их безудержно нес к опаснейшему водовороту. Во всяком случае, было совершенно ясно, что поле маневра для короля Хусейна чрезвычайно ограничено. Значительная часть населения Иордании – палестинцы; она граничит с Израилем и дважды воевала с ним за последние 45 лет; наконец, ее экономика тесно связана с иракской.

Давно зная иорданского короля – несомненно, одного из самых опытных и умных государственных деятелей в арабском мире, я хорошо мог представить всю тяжесть навалившейся на него (и в который уже раз!) ноши. Его резко критиковали на Западе за поддержку Ирака. Имела место даже такая версия, будто он заранее договорился с Саддамом Хусейном, с тем чтобы получить какие-то дивиденды от присоединения к Ираку Кувейта. Я не верю в это. Но мог ли король игнорировать настроения своего населения, особенно его большей палестинской части? Мог ли он абстрагироваться от того, что жизненно зависел, особенно по поставкам нефти, от Ирака?

Совершенно очевидно, что кувейтский кризис с самого же начала по всем показателям был невыгоден Иордании. Ее финансовыми донорами являлись многие из тех арабских стран, которые вошли в антисаддамовскую коалицию. Иорданский король всегда дорожил своими отношениями с США, Великобританией, другими западными государствами – без этого он не мог повседневно вести поистине тончайшую политику, балансируя на грани возможного в условиях реальной опасности для его трона, исходящей и от израильтян, и от палестинцев, да и некоторых арабских соседей. Поэтому король и осудил аннексию Кувейта, и поддержал Ирак, подвергшийся жестоким санкциям, и обещал присоединиться к ним, закрыть порт Акабу, и оставил открытой свою границу с Ираком – важный путь, по которому в эту страну все-таки могло поступать продовольствие, медикаменты, другие предметы первой необходимости.

Еще больше король опасался – и в беседе с нами он не скрывал этого – реальной перспективы перерастания кувейтского кризиса в военную фазу. При этом он особо выделил два «наиболее негативных» последствия. Во-первых, Израиль, будучи втянутым в войну, а король предполагал, что так и будет, может атаковать Ирак через иорданское воздушное и наземное пространство, а это распространит вооруженные действия на его страну. Во-вторых, с учетом «интифады»³⁹ – восстания на Западном берегу и в районе Газы, которое в таком случае обострится, – наиболее экстремистские круги в израильском руководстве могли бы взять верх и повести линию на вытеснение в Иорданию значительной части населения оккупированных в 1967 году арабских территорий.

Над головой короля Хусейна постоянно нависала угроза: для определенной части израильского руководства не была чужда идея вообще «превратить» Иорданию в палестинское государство и за счет хашимитского трона «решить» палестинскую проблему, оставив «Иудею и

Самарию» (т. е. Западный берег и район Газы) за Израилем. Король не мог не думать о том, что вовлеченность Израиля, а затем и Иордании в войну могла бы создать обстановку, благоприятную для осуществления таких планов.

В целом чувствовалось, что в связи с кувейтским кризисом король Хусейн как бы оказался между молотом и наковальней. Этим во многом определялась готовность сделать все от него зависящее, чтобы способствовать хотя бы минимальной политической гибкости иракского лидера.

Понимая это, да и зная по многим встречам с ним, что король воспримет правильно мое неожиданное предложение, сказал: может быть, полетим в Багдад вместе?

– Интересная мысль, – ответил король.

Но через два часа, ссылаясь на короля, наследный принц Хасан подчеркнул, что «оптимальным решением» все-таки является подкрепление миссии СССР «параллельными усилиями» со стороны Иордании, в том числе, предпринимаемыми совместно с другими арабскими странами.

Встреча с палестинцами по своему характеру была несколько иной. Как обычно, началась она с риторики, которая в общем была психологически объяснима: палестинцам больше, чем кому бы то ни было, хотелось, чтобы на Ближнем Востоке не возобладали двойная логика – одна в отношении Кувейта, другая – их судьбы. Но и в такой, я бы сказал, неизбежной тональности у некоторых из собеседников прозвучала настораживающая нота: если война разразится, она приведет к созданию новых условий, которые «могут благоприятствовать борьбе за справедливое решение палестинской проблемы».

Естественно, с таким акцентом мы не согласились. Пришлось напомнить беседу с рядом палестинских руководителей в Дамаске в 1970 году накануне «черного сентября» – крупномасштабного иордано-палестинского

столкновения, в которое чуть не оказались втянутыми и Сирия на стороне палестинцев, и Израиль, как только были задействованы сирийские танки. За несколько дней до начала развития событий я услышал от некоторых палестинцев все те же преисполненные оптимизма прогнозы, но сказал, что столкновение с иорданской армией со всеми вытекающими отсюда последствиями резко усложнит их положение, ослабит их позиции в стране, которая имеет жизненно важное значение для них и без которой навряд ли возможно решение палестинской проблемы. Впоследствии все это подтвердилось.

Справедливости ради нужно сказать, что после такого «экскурса в прошлое» разговор с Я. Арафатом и его коллегами перешел в другое русло. Не только со стороны Арафата, но и многих других палестинских руководителей, достаточно зрелых и сдержанных – таких, как покойный Абу Айяд, погибший от руки наемного убийцы за несколько дней до начала войны в зоне Персидского залива, Абу Мазен, Абд Раббо, проявилась нескрываемая озабоченность военным исходом кувейтского кризиса.

Дело закончилось тем, что Арафат дал указание готовить свой самолет к вылету, чтобы прибыть в Багдад раньше нас и, как он сказал, «сделать все для плодотворности» нашей встречи с Саддамом Хусейном. Я несколько не сомневаюсь, что делалось именно так, как было обещано.

Хотел бы несколько слов сказать о позиции руководителей ООП в связи с кувейтским кризисом. Они, пожалуй, больше, чем кто бы то ни было, публично продемонстрировали однозначную поддержку С. Хусейну. В этом проявились определенные закономерности: адекватное отражение тех настроений, которые господствовали в палестинских массах; большая, чем у других, заинтересованность, чтобы сработала увязка вывода иракских войск из Кувейта с выводом израильских войск

с оккупированных палестинских земель; надежда на то, что «иракский вызов» объективно изменит обстановку в арабском мире, делает ее более благоприятной для решения палестинской проблемы.

Но в такой отнюдь не сбалансированной позиции, несомненно, был заложен и серьезный риск: могла быть затронута судьба сотен тысяч палестинцев, в качестве рабочих и служащих, находящихся в Кувейте и других «заливных» государствах; эти государства, и в первую очередь Саудовская Аравия, Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты, были главными финансистами деятельности ООП; наконец, «дистанцирование» от Сирии и Египта тоже отнюдь не усиливало позиции палестинского движения. Все это создавало серьезные проблемы для ООП на будущее. Так и получилось.

Приняв бескомпромиссную линию на поддержку Ирака, некоторые палестинские руководители – впрочем, это в то время делал и сам Багдад – не ушли от искушения обвинить Советский Союз в тех многоплановых трудностях, с которыми столкнулся С. Хусейн, захвативший, а затем аннексировавший Кувейт. В наиболее концентрированном виде это прозвучало в одном из интервью члена исполкома ООП А. Хаурани: СССР, дескать, «ушел в себя», «растворился» в своих новых отношениях с Соединенными Штатами, больше нет оснований рассчитывать на его поддержку в борьбе за справедливый мир на Ближнем Востоке, и такая, мол, «перегруппировка сил» обернулась против Ирака, ведущего борьбу за свои «исторические права».

Уверен, собственно, знаю об этом из своих разговоров с палестинскими друзьями, что далеко не все в руководстве ООП разделяли эту точку зрения. Но она отражала определенную тенденцию, которая усиливалась, в том числе и по мере роста эмиграции советских евреев в Израиль. Так что единство с С. Хусейном у ряда палестин-

ских руководителей имело и такую «глобальную» окраску. У ряда, но не у всех.

Нужно сказать, что под влиянием умеренных лидеров позиция ООП в связи с кувейтским кризисом начала постепенно модифицироваться. Моя беседа с Я. Арафатом и другими, может быть, пришлось на этот момент. Кстати, когда я напомнил присутствовавшему там А. Хаурани о его взглядах, высказанных в интервью, Абу Мазен сказал: я их не только не разделяю, но осуждаю – Хаурани говорил от собственного имени.

Руководители ООП, во всяком случае, некоторые из них, вначале, очевидно, сделали ставку на то, что им удастся получить политический выигрыш от посреднических усилий. Однако вскоре стало ясно, что это не удалось. Более того, пружина начала сжиматься – перспектива войны становилась все яснее. И здесь – я уверен в этом – палестинское руководство уже не подталкивало события к критической черте. Более того, оно пыталось несколько осадить Ирак, внешне не нарушая провозглашенную полную поддержку С. Хусейну.

БАГДАДСКИЕ СТРАСТИ

4 октября мы прилетели из Аммана в Багдад. На аэродроме нас встречал Тарик Азиз. Он спросил: хочу ли сначала поговорить с ним или сразу – с Саддамом Хусейном? Ответил, что хотел бы сначала обменяться мнениями с ним.

Не буду пересказывать весь разговор, длившийся несколько часов, – очевидно, самый нелегкий из всех, что имел раньше с Т. Азизом, да и вообще с иракскими представителями. Он полностью сконцентрировался (собственно, как и за месяц до этого в Москве) на доказательствах «исторической, политической и экономической принадлежности Кувейта Ираку». Назывались даты, цифры, события, люди. Подчеркивалось, что любой режим, включая Нури Саида, никогда не признавал Кувейт в качестве самостоятельного государства. В общем, односторонне преподносилась история с целью показать правомерность и правомочность ввода иракских войск в Кувейт.

Другой его темой стали межарабские отношения, вернее, рассказ о позиции некоторых арабских государств, которые «целенаправленно» вели к тому, чтобы заставить Ирак действовать так, как он «вынужден» был поступить. Вспомнилось, как Тарик Азиз, приехавший в Москву в 1980 году, через несколько дней после начала ирано-иракской войны, точно так же доказывал при встрече со мной, что это не Ирак, а Иран начал военные действия, что если Ирак и нанес какие-то удары, то только с целью обороны от готовившейся против него агрессии.

В монологе Азиза остро прозвучала тема недовольства, неудовлетворенности советской позицией, политиков Советского Союза, который «должен был вести себя по-иному, имея соответствующий договор с Ираком». Но когда ему был задан вопрос, почему другая договорная сторона хотя бы не поставила в известность Москву, замышляя, а затем осуществив интервенцию в Кувейт, он ушел от ответа.

И.С. Белоусов и я в первый же день и на первой же встрече с Т. Азизом очень остро говорили о необходимости предоставить возможность всем советским гражданам, кто того желает, выехать из Ирака домой. В это время на всей территории Ирака работали около пяти тысяч советских специалистов. Некоторые из них все еще были с женами, хотя большая часть членов семей уже была вывезена в Союз.

Находились в Ираке и около полутора сотен советских военных специалистов, которые прибыли сюда еще до начала кувейтского кризиса для ремонта проданной нами военной техники. Вопрос о наших военных специалистах в Ираке широко муссировали на Западе. Некоторые их называли «военными советниками», «разработчиками боевых операций». Поднималась эта проблема и в Хельсинки во время встречи президентов СССР и США, но Дж. Буш и его коллеги были удовлетворены разъяснениями, из которых явствовало, что советские военные специалисты приехали в страну значительно раньше того, как Советский Союз проголосовал за резолюции Совета Безопасности ООН по санкциям против Ирака и принял решение о полном прекращении поставок военной техники и запчастей в Ирак. Пребывание там советских военных специалистов ограничивалось временем контракта, в аналогичном положении находились специалисты из некоторых других стран.

Но главную проблему для нас в тот момент создавали не претензии, высказываемые некоторыми на Западе.

К моменту нашего приезда в Багдад накопилось множество безрезультатных демаршей с целью обеспечить выезд из Ирака не только военных специалистов, у которых заканчивался контрактный срок, но и всех других граждан СССР, работавших здесь на строительстве различных объектов, соорудившихся при нашем техническом содействии. Иракская сторона прямо не отказывала, но и не решала вопроса. Дело дошло до того, что не состоялось несколько рейсовых полетов самолетов Аэрофлота в Багдад, так как в Москву они могли возвратиться пустыми.

Тарик Азиз всецело увлекся апологетикой политики Саддама Хусейна и не давал никаких конкретных ответов на задаваемые ему вопросы. А вечером в клубе, куда мы были приглашены, или в его машине, где шофер и охранник, очевидно, не понимали по-английски, Тарик становился прежним.

Это проявилось и в связи с моим вопросом об иностранных заложниках. К этому времени Ирак уже бросил вызов всем и вся, задержав большую группу иностранцев – американцев, европейцев, японцев, и нарочито демонстративно разместил их на стратегических объектах, которые могли попасть под удар в случае начала войны. М.С. Горбачев поручил поставить вопрос об этом «живом щите» обязательно. Необходимо в данном случае использовать все возможности для того, чтобы сдвинуть Багдад с его антигуманной и не поддающейся никакому рациональному объяснению позиции. Какое-либо продвижение в этом направлении, сказал президент СССР, безусловно, облегчит поиск политического урегулирования.

В клубе, когда И.С. Белоусов и я заговорили на эту тему с Тариком, он промолчал. А в машине при повторном разговоре сказал мне: я не удовлетворен сложившейся ситуацией.

Беседа с Саддамом Хусейном состоялась 5 октября. На ней присутствовал с нашей стороны и посол СССР в Ира-

ке В.В. Посувалюк. С иракской – Тарик Азиз и первый заместитель премьер-министра – Таха Ясин Рамадан. Беседа проходила в президентском дворце, где С. Хусейн обычно встречался с иностранцами. Один из иракцев подчеркнул, что мы были первыми, кого после 2 августа он принял на прежнем месте.

ПРЯМОЙ РАЗГОВОР

Углубившись в чтение переданного ему послания президента Горбачева (перевод на арабский язык был сделан в МИДе СССР заблаговременно), С. Хусейн прямо не отреагировал на достаточно жесткие фразы о необходимости незамедлительного ухода из Кувейта и восстановления суверенитета этого государства. Но обстановка в начале беседы была натянутой.

После того как Саддам Хусейн повторил о Кувейте все уже слышанное нами от Тарика Азиза, мы с И.С. Белоусовым в острой форме поставили вопрос о наших специалистах. Чувствовалось, что С. Хусейн был подготовлен к этому, незамедлительно и однозначно отреагировав: все, кто хочет, могут выехать, но в предстоящие два месяца ограничимся одной тысячей человек, чтобы не мешать осуществлению работ, не останавливать проекты.

– Не надо соглашаться, – тихо произнес сидевший рядом со мной И.С. Белоусов.

Зная, что в наше посольство поступило примерно полторы тысячи заявлений о выезде, я предложил составить график на полторы тысячи специалистов в течение одного месяца. В конце концов, С. Хусейн сказал: пусть будет по-вашему.

Механизм, однако, прокручивался со скрипом – то ли подчиненные иракского президента хотели быть «большими роялистами, чем сам король», то ли велась своеобразная игра с участием самого Хусейна. И.С. Белоусов встретился с министром нефти Ирака (большинство из наших специалистов, подавших заявление о выезде, на-

ходились на юге страны – на нефтепромыслах или строительстве газопровода), но тот сделал вид, будто не в курсе состоявшейся договоренности, и предложил определять сроки и число выезжающих, исходя из «экономической целесообразности для Ирака». Ясно, что это опять замораживало бы выезды.

А потом, когда мы уже находились в посольстве, раздался тревожный звонок по телефону И.С. Белоусова, встречавшегося с Тариком Азизом, который, в свою очередь, утверждал, будто С. Хусейн вернулся к квоте – одна тысяча человек в течение двух месяцев. Потребовался дополнительный телефонный разговор с Т. Азизом: очевидно, прочувствовав бескомпромиссную настойчивость, он сказал, что «сверится со своими записями беседы президента». Через 10–15 минут последовало подтверждение: 1500 человек в течение одного месяца.

Но вернемся к беседе с Саддамом Хусейном. Пройдя «дежурную» фазу разговора, посвященную «принадлежности» Кувейта Ираку, Саддам перешел к другим темам. По его словам, как только Ирак одержал военный успех над Ираном, он стал объектом «многостороннего заговора» – ни США, ни Израиль, конечно же, не могли допустить существования накачавшего военные мускулы Ирака. В этом «заговоре», как сказал Хусейн, приняли участие Саудовская Аравия и некоторые эмираты зоны Персидского залива.

По его словам, против Ирака в ход пустили и экономические рычаги. Саудовская Аравия, Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты нарушили квоты экспорта нефти, установленные ОПЕК для каждой страны, и в результате цены снизились с 21 до 11 долларов за баррель, что «предвещало экономический крах для Ирака».

Не хочу касаться сути выдвинутых им обвинений – что-то соответствовало правде, что-то было надумано, являлось плодом воспаленного подозрительностью во-

ображения. Но могу сказать: он, по моей оценке, был действительно убежден в этом.

– Не кажется ли вам, что у вас, как у израильтян, развился комплекс Масады? – спросил я Саддама, имея виду судьбу последней крепости, павшей во время иудейской войны. Ее защитники, понимая безнадежность своего положения, объявили о готовности умереть, но не сдаться.

Саддам утвердительно кивнул головой.

– Но ведь тогда ваши действия будут во многом определяться логикой обреченного?

Мне показалось, что Саддам согласился и с этим. Во всяком случае, он промолчал в ответ.

Перешли к обсуждению возможных последствий отказа вывести иракские войска из Кувейта и реакции в мире на кувейтский кризис. Я специально хотел коснуться этих двух тем, так как понимал, что Саддам, возможно, не обладает всей суммой информации. Несомненно, ему в первую очередь докладывали то, что вызывало положительные эмоции: например, о поддержке Ирака в арабском мире, об антивоенных выступлениях на Западе, о первых «ростках» расхождений между союзниками по антииракской коалиции. Ну а за плохие новости можно было поплатиться. Никто из окружения Саддама не был застрахован если не от наказания, то, во всяком случае, от «охлаждения» к себе со стороны лидера.

Саддам услышал от нас о характере той войны, которая его ждет, если он не уйдет из Кувейта. Во время боевых действий с Ираном Ирак, как известно, обладал господством в воздухе, большим техническим преимуществом на суше. Теперь в случае столкновения с международной коалицией, основное ядро которой составляют вооруженные силы США, все будет наоборот. Превосходство в воздухе коалиции совершенно очевидно – так же, как ее общее военно-техническое преимущество над Ираком. Конечно, особое значение имели в этом плане

разъяснения И.С. Белоусова – крупного специалиста в области военной техники.

Саддаму было сказано и о том, насколько интервенция в Кувейте изолировала Ирак в мировом сообществе. Об этом свидетельствовала хотя бы общая обстановка на Генеральной Ассамблее ООН, заседания которой проходили в те дни.

Я попросил Хусейна провести заключительную часть беседы один на один. На вопрос Саддама ответил, что не против, чтобы остался Тарик Азиз. С нашей стороны был прекрасный знаток арабского языка и вообще один из лучших специалистов-арабистов молодого поколения С.В. Кирпиченко. Он переводил беседу.

Если вы не выведете свои войска из Кувейта – это была первая моя фраза, – то неизбежно станете объектом удара. Вы должны чувствовать всю ответственность за войну, которая обрушится на регион. Вы понимаете, конечно, что целью моего приезда не является запугивание. Наверное, выхода из ситуации, кроме эвакуации иракских войск, – нет.

Саддам Хусейн отреагировал двояко. Он сказал, что при военной развязке применит все имеющиеся в его распоряжении средства и, безусловно, распространит огонь войны на другие страны, особенно на Израиль. Если передо мной стоит только такая дилемма – либо встать на колени, капитулировать, либо воевать, выберу второе.

Вместе с тем Хусейн заметил (здесь я хочу передать то, что было сказано им, почти со стенографической точностью): как реалист я представляю себе, что при определенных обстоятельствах можно пойти на вывод войск. Но я не могу пойти на это, если такой уход не будет обусловлен решением других проблем региона. Идею эту я уже высказал 12 августа. Однако, добавил Хусейн, хочу уточнить: когда должен начаться реальный процесс решений палестинской проблемы, каково содержание и в

каких формах должен происходить этот процесс – все это подлежит обсуждению на переговорах. Без определенности в этих вопросах нельзя решать кувейтскую проблему.

Саддам затронул тему вывода своих войск и косвенно, как бы говоря о другом.

– Вы понимаете, – сказал он, – что, после того как отказался от всех результатов восьмилетней войны с Ираном и вернул прежнее положение, которое было до начала, иракский народ мне не простит безоговорочного вывода войск из Кувейта. Как быть с выходом к морю, спросят меня.

– Если иракский народ безоговорочно принял то, что просто так отданы все результаты кровопролитной войны с Ираном, то он согласится и с вашими решениями по Кувейту, – парировал я.

Как известно, многие на Западе, да и в Советском Союзе впоследствии, в том числе уже после начала войны в зоне Персидского залива, утверждали, что Хусейн никогда и никому не говорил о возможности вывода своих войск из Кувейта. Такие утверждения неточны. Другое дело, что С. Хусейн, затрагивая тему вывода, – это было сделано еще определеннее во время второй встречи с ним 28 октября – обуславливал его целым рядом моментов. Но развитие его позиции все-таки происходило: даже на этой первой встрече он чуть-чуть отошел от «железобетонной» линии 12 августа, подчеркнув, что речь уже идет не об одновременности решения кувейтской проблемы с палестинской. Из его слов явствовало также, что формы увязки могут рассматриваться значительно «эластичнее» тех, которые были провозглашены 12 августа. Конечно, все это говорилось не публично, а на публике Саддам провозглашал «незыблемые принципы».

Почему я пишу об этом подробно? Во-первых, для того чтобы показать, что хотя и со скрипом, да еще каким скрипом, но позиции С. Хусейна не обошла определен-

ная эволюция. Во-вторых, я рассказывал об этой эволюции саддамовской позиции – хотя и не полной, хотя и не закончившейся на тот период однозначным «да» по поводу вывода иракских войск из Кувейта – руководителям США, Франции, Италии, Великобритании, Египта, Сирии, Саудовской Аравии и Кувейта. И меня внимательно выслушивали.

Но это, так сказать, комментарий. Возвратимся к беседе с С. Хусейном. Сказал ему прямо, что так называемый «живой щит» из иностранных заложников, насильственно удерживаемых на военных и других стратегических объектах, не предотвратит американского удара в случае отказа вывести войска из Кувейта. Подчеркнул, что такими своими действиями он окончательно настроил против себя весь мир.

Саддам промолчал в ответ, но промолчал, задумавшись...

В октябре началась «либерализация» политики в отношении некоторых групп иностранных заложников. Эта тема получила конкретные очертания во время нашей второй встречи 28 октября, о чем будет рассказано позже.

А в ноябре – начале декабря он разрешил всем иностранцам беспрепятственно покинуть территорию Ирака и Кувейта.

Ночью в кабинете советского посла мы обменивались мнениями по поводу телеграммы, которую предстояло отправить по итогам разговора в Багдаде. Конечно, в первую очередь мы были рады тому, что решился вопрос с эвакуацией советских специалистов. К этому моменту на рабочем уровне с учетом дополнительных рейсов Аэрофлота в Багдад уже был на месяц вперед согласован график, который, как показали события, иракцами неукоснительно соблюдался.

Все без исключения отмечали, что удалось довести до сведения Саддама целый ряд фактов, аргументов, обра-

тить его внимание на те стороны событий, о которых он мог не быть информирован.

Единодушие проявилось и в том выводе, что появляются проблески, позволяющие как-то надеяться на политическое решение.

Такие результаты первой поездки в Багдад опровергли точку зрения тех, кто, руководствуясь различными соображениями и поддаваясь различным влияниям, считал, что контакты с С. Хусейном противопоказаны, контрпродуктивны, что нужно «дистанцироваться» от него. Жизнь показала, насколько она сложнее, чем прямолинейные политико-философские построения.

Утром я ехал на аэродром с Тариком Азизом в его машине. Он сказал мне: Саддам Хусейн рассчитывает на конкретные предложения. Мы ждем продолжения контактов.

– Тарик, а не повторишь ли ты все это при нашем после на аэродроме? – спросил я.

– Для чего?

– Да потому что летим все-таки самолетом, твое сообщение – важное, лучше продублировать его шифротелеграммой в Москву. Так будет надежнее.

Тарик согласился и выполнил мою просьбу.

ОТ РАЗОВОЙ ПОЕЗДКИ – К МИССИИ

Возвратившись в Москву в субботу вечером 6 октября, я уже в воскресенье подробно доложил президенту Горбачеву о встречах в Багдаде. Главные выводы: ситуация в районе Персидского залива быстро подходит к критической отметке; вместе с тем обозначились пусть небольшие, но все-таки возможности повернуть дело к политическому решению. Обнадеживало и сказанное Тариком Азизом уже на аэродроме. Было понятно, что он не мог сделать этого без прямого указания Саддама Хусейна.

Президент до этого ознакомился со всей поступившей от нас из Багдада информацией. Выслушав устное сообщение, он заметил, что в общем разделяет оценки сложившегося положения, и дал указание подготовить предложения о продолжении миссии. М.С. Горбачев считал, что эти предложения следует обговорить с президентом США Бушем и с президентами: Франции – Миттераном, Египта – Мубараком, Сирии – Асадом, королем Саудовской Аравии Фахдом, а затем вторично встретиться с Саддамом Хусейном. При обсуждении в более расширенном составе эта идея была поддержана Н.И. Рыжковым и В.А. Крючковым. Проработать предложения было поручено Э.А. Шеварднадзе и мне.

Скажу о предлагаемом подходе, если так можно выразиться, философии урегулирования подробнее, так как она, одобренная президентом Горбачевым, была доведена до сведения тех глав государств, с которыми при-

шлось через несколько дней встретиться. Речь шла о том, чтобы найти – конечно, это сделать нелегко – линию, отделяющую «вознаграждение» за агрессию от политического процесса, понятно, не однозначного, не ограничивающегося постоянно повторяемым ультиматумом, но неуклонно преследующего цель – добиться безусловного вывода войск из Кувейта и одновременно избежать военной развязки с ее негативными последствиями.

Дело представлялось следующим образом. Ирак обязан – с этого только и могло все начаться – заявить о выводе войск из Кувейта, а затем осуществить этот вывод. Но замысел заключался в том, чтобы Саддам Хусейн заранее знал о том, что последует за его уходом из Кувейта. Он должен был быть проинформирован, что после вывода его войск начнется реальный процесс, ведущий к урегулированию арабо-израильского конфликта, и в этом процессе примут активное участие члены Совета Безопасности ООН.

Мимо внимания не могла пройти и другая проблема – территориальных и экономических споров Ирака с Кувейтом. Возможно, читателям она покажется уже не актуальной. Но по двум причинам я не хотел бы ее опускать. Прежде всего, потому, что она не только существовала в «разогретом виде», но и оказывала непосредственное влияние на весь политический процесс вокруг кувейтского кризиса. Через неделю после иракского вторжения в Кувейт на арабском совещании «в верхах» в Каире было принято решение об ирако-кувейтских переговорах по всем «спорным вопросам», включая территориальный. Реальность этой проблемы признавалась практически всеми арабскими лидерами, с кем довелось встретиться во время кризиса. Вместе с тем не думаю, что проблема полностью исчезла после того, как Ирак в результате военных действий, предпринятых против него коалицией, согласился на все резолюции Совета Безопасности ООН. Конечно, навряд ли Ирак сможет в

ближайшие годы, а может быть, и десятилетия гальванизировать территориальную проблему повторными агрессивными действиями против Кувейта. Но политически она продлит свое существование и в той или иной форме будет оказывать влияние на ирако-кувейтские отношения, стабильность в регионе.

Итак, как выделась спорная «территориальная проблема» в контексте того политического процесса, который призван был привести Ирак к решению о безоговорочном выводе войск?

С самого же начала кризиса некоторые арабские посредники попытались добиться урегулирования в зоне Персидского залива за счет сохранения за Ираком двух кувейтских островов Варба и Бубиян, а также кувейтской части нефтеносного района Румейла. Я. Арафат, например, считал, что именно это может явиться главным элементом компромисса, и утверждал, что готов на этой основе договориться с С. Хусейном. Намеки о возможности урегулирования на такой основе делались даже со стороны Саудовской Аравии. С явно двусмысленным заявлением, не исключающим неполный вывод иракских войск из Кувейта – правда, по времени это было несколько позже, в октябре, – выступил министр обороны Саудовской Аравии принц Султан. Интересно, что его предпочли дезавуировать не в Эр-Рияде, а в Вашингтоне, и очень «по-семейному»: сделал это сын министра обороны – посол Саудовской Аравии в Соединенных Штатах Бандар.

Тема территориальных и экономических споров между Ираком и Кувейтом нашла свое место и в предлагаемой нами схеме политического урегулирования кризиса в зоне Персидского залива – но не так «в лоб» и не в «упаковке» частичного вывода из Кувейта. Нами предлагалось другое. Опять-таки заранее Саддам Хусейн мог бы быть уведомлен о том, что в арабских рамках будут организованы его переговоры с кувейтским руковод-

ством, однако лишь после вывода иракских войск со всей территории, находившейся до 2 августа под суверенитетом Кувейта. Кстати, руководители и Египта, и Саудовской Аравии, встречи с которыми произошли позже, понимали, что это именно та проблема, по которой может быть найдено решение.

И еще одна главная часть так называемого «невидимого пакета», с которым С. Хусейн мог быть ознакомлен до вывода его войск – полного и безусловного. Речь идет о системе безопасности, которую мировое сообщество хотело бы видеть в регионе в посткризисный период. Такая система могла бы опираться на заинтересованность в ней «двух сторон»: соседей Ирака, испытывающих опасения, и небезосновательные, так как его агрессивное поведение в последние годы опиралось на быстро увеличивающийся военный потенциал, и самого Саддама Хусейна, который был уверен, что он останется «при деле» даже в случае вывода войск из Кувейта. Расчет строился на том, чтобы сначала всем заинтересованным «внешним» действующим лицам прийти к единому мнению о контурах такой системы, опять-таки заранее проинформировать Хусейна, но претворять в жизнь ее идеи не в связи с выводом иракских войск, а уже после этого.

В создании такой системы стратегической безопасности все стороны конфликта, да и не только они, несомненно, были заинтересованы самым серьезным образом еще и потому, что именно через такой процесс могло бы начаться урегулирование арабо-израильского конфликта и, следовательно, могла бы решаться палестинская проблема. Мимо этого аргумента, безусловно, не мог бы пройти и С. Хусейн. Рассмотрение арабо-израильского конфликта в контексте создания системы безопасности в регионе, безусловно, имело свои преимущества и для израильского общественного мнения.

Таким образом, в общих чертах предлагаемый подход заключался в том, чтобы обеспечить вывод войск Ирака

из Кувейта политическими средствами, проинформировав Хусейна, что вслед за этим, а не в увязке – хочу подчеркнуть этот момент особо – должны последовать определенные действия, призванные способствовать решению спорных вопросов, стабилизации обстановки на всем Ближнем Востоке.

Когда намечался отъезд из Москвы в Париж, поступила телеграмма от нашего посла в Риме А.Л. Адамишина, который передал, что премьер-министр Дж. Андреотти, являвшийся в то время председателем Европейского сообщества, хотел бы видеть меня в Риме. Целый ряд послов, аккредитованных в Москве, запросились на беседы. Это тоже свидетельствовало о том, что политическая активность Советского Союза на Ближнем Востоке попала в центр мирового внимания.

Усилия Советского Союза, предпринятый визит в Багдад личного представителя президента СССР нашли широкое отражение в западной печати. Отклики в целом были положительными, хотя порой просматривалась и некоторая нервозность, вызванная, очевидно, опасениями, что Саддам Хусейн получит «ложный сигнал» либо о «недостаточной твердости», либо о «наличии расхождений» в сложившейся против него коалиции. В комментариях проскальзывала и такая мысль: Советский Союз, дескать, может вести некую «игру» за спиной Соединенных Штатов.

Хочу сразу же полностью отменить такие представления. Вся политическая деятельность по урегулированию кувейтского кризиса была сориентирована таким образом, чтобы ни в коей мере не нанести ущерба Соединенным Штатам и другим силам в тот момент, когда ими предпринимались политические, экономические и военно-демонстрационные усилия с целью заставить Ирак уйти из Кувейта. Именно поэтому и был четко определен маршрут следующей фазы поездки представителя пре-

зидента СССР: Западная Европа, затем США и после этого – опять Ближний Восток.

Не обошлось без разномастной, мягко говоря, реакции на предпринимаемую миссию и в нашей печати. В какой-то степени это было отражением взглядов в обществе на ситуацию в кризисной зоне. Не исключаю, что в части таких откликов проскальзывали и субъективные мотивы. А некоторые, например сообщение АПН, о котором расскажу подробнее, в лучшем случае можно отнести к безудержной погоне за сенсационностью. Бывшее агентство печати «Новости»⁴⁰ дало на весь мир сообщение со ссылкой на «лиц, сопровождавших в поездке представителя президента», что Саддаму Хусейну якобы предлагалось оставить за собой два кувейтских острова и нефтепромысел Румейла, сохранив там свои вооруженные силы. Незамедлительно последовала крайне негативная реакция Багдада, что по вполне понятным причинам не могло благоприятствовать плодотворности контактов с иракскими руководителями. Вынужден был пригласить к себе посла Ирака и просить передать в Багдад, что ни я и никто из моего окружения не имеем никакого отношения к этой дезинформации и, более того, возмущены ее появлением. Такой демарш был воспринят положительно, и все разговоры в Багдаде, порожденные сообщением АПН, прекратились.

Более сложно обстояло дело с публикациями иного рода, целенаправленно утверждавшими о «провале» миссии в Багдаде и даже фальсифицировавшими положение дел с выездом наших специалистов. Такой комментарий был помещен в «Известиях». Как мне сказал главный редактор газеты, материал прошел мимо его внимания. Поэтому, или вовсе не поэтому, официоз (а «Известия» являются именно таким органом) откомментировал итоги поездки представителя президента СССР, не попытавшись узнать о выводах и впечатлениях, как говорится, из первоисточника. Вместо этого была

сделана ссылка на западные органы печати, и только для того, чтобы показать полную невозможность и непродуктивность «иметь дело» с иракским руководством.

Комментарий, о котором я говорил, относился ко мне, но он в какой-то мере отражал определенную линию в освещении кризиса в зоне Персидского залива. На страницах «Известий» позже, уже после начала войны, появилась корреспонденция, в которой утверждалось: если Советский Союз не участвует в «победоносной коалиции» против Ирака, то он вообще лишает себя права быть вовлеченным в политические процессы урегулирования. В этой связи должен сказать со всей определенностью – никогда вопрос о посылке наших войск в зону Персидского залива не только не решался, но даже не ставился президентом на повестку дня.

Конечно же, говоря об определенных тенденциях, направленности некоторых публикаций, я ни в коей мере не имею в виду весь коллектив газеты «Известия», безусловно, глубокоуважаемой мною. Кстати, на ее страницах появились и появляются прекрасные материалы и по затронутой проблеме – Станислава Кондрашова, Константина Гейвандова, Виталия Кобыша и других. Они отличаются и глубиной анализа, и ответственностью оценок.

ТРЕВОГИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Из Рима, Парижа и Вашингтона дали быстрые ответы, подтверждающие сроки приезда, – это не могло не свидетельствовать, по меньшей мере, о заинтересованности в обмене информацией по ситуации в зоне Персидского залива.

16 октября около двух часов дня мы прибыли в аэропорт Фьюмичино. Встреча с Андреотти была назначена на 15:30, и дорога предстояла неблизкая. И тут я понял, на что способны сопровождавшие нас итальянские полицейские мотоциклисты. На большой скорости, виртуозно управляя мотоциклом, они буквально расталкивали другие машины, для того чтобы освободить путь. На крутом вираже на шоссе один из них упал, но, к счастью, тут же поднялся. Во дворец к премьер-министру прибыли вовремя.

Встреча была абсолютно неформальной. Мы встретились как старые знакомые, хотя я видел премьер-министра впервые. Андреотти сразу привлек к себе симпатии конструктивностью мышления, откровенностью и далеко не последним по значению – умением внимательно выслушать собеседника. Могу сказать, что был свидетелем того, как особенно тепло отзывался о своих встречах и телефонных разговорах с Джулио Андреотти президент Горбачев.

Итак, резиденция премьер-министра, 16 октября. Заинтересованно переспрашивая о деталях разговора с Саддамом Хусейном, Дж. Андреотти поддержал изло-

женные ему идеи урегулирования. Чувствовалось, что Италию очень беспокоит возможность военного исхода. В связи с военным вариантом могла бы обостриться ситуация и в Северной Африке, и в Средиземноморье в целом, то есть в районе особых интересов Италии. Незадолго до нашей встречи премьер-министр Италии имел контакты с руководителями североафриканских государств, которые утвердили его в таком мнении.

И что самое главное, премьер-министр Италии считал, что еще до того, как будут исчерпаны политические возможности, «объективные обстоятельства» могут подтолкнуть США и других к началу вооруженных действий. К таким обстоятельствам он отнес и погодные условия (в марте в Аравийской пустыне начинаются буйные ветры с песком, что резко затрудняет осуществление военных операций), и начинающийся в июне сезон паломничества в Мекку и Медину – туда ежегодно совершают хадж примерно до полутора миллионов мусульман из разных стран. По прогнозам Андреотти, война могла стать реальностью в ближайшее время.

Для меня эти рассуждения Андреотти представляли особый интерес. При сопоставлении аргументов «за» и «против» военного варианта я как-то упустил из виду значение надвигающегося сезона хаджа. А ведь это событие, занимающее особое место в жизни мусульман всего мира, подчас становится катализатором различных настроений. В этой связи можно вспомнить хотя бы несколько сезонов паломничества во время ирако-иранской войны. Происшедшие тогда кровопролития отражались на настроениях мусульман во многих других государствах, создавая в определенном смысле цепную политико-психологическую реакцию. А теперь речь могла идти о том, что паломничество начнется в то время, когда концентрация американских войск недалеко от святынь мусульман достигнет пика. Конечно же, те, кто

отрабатывал график военных действий против Ирака, не могли не принимать этого во внимание.

«Если в Вашингтоне согласятся с предлагаемыми вами подходами к политическому урегулированию, – однозначно заключил Андреотти, – мы это несомненно поддержим». Чувствовалось, что активизация СССР рассматривалась им как одна из немногих реальных альтернатив сползания в военную пропасть, глубину которой он представлял. Премьер-министр Италии выразил признательность за то, что президент СССР проинформировал его о своем видении ситуации и предпринимаемых усилиях.

Наш посол в Риме, с которым меня связывают давние дружеские отношения, сказал, что к нему в резиденцию хотел бы сегодня поздно вечером приехать министр иностранных дел Де Микелис, чтобы «в очень узком кругу» обсудить ситуацию в Персидском заливе.

Де Микелис сконцентрировал внимание на «посткризисном периоде», подчеркивая необходимость создать систему стратегической безопасности в регионе «по типу хельсинкского соглашения»⁴¹. Эта идея уже давно вынашивалась в Италии. В ней заложено много интересного, но, естественно (с этим согласился и Де Микелис), речь не могла идти о простом наложении «хельсинкской матрицы» на Ближний Восток – слишком уж отличаются друг от друга ситуации в этих двух регионах. Главное заключается в том, что хельсинкская система фиксировала послевоенные границы в Европе и гарантировала нерушимость, в то время как на Ближнем Востоке вопрос о нерушимости границ мог быть поставлен только после того, когда они будут определены. Основным препятствием на таком пути остается арабо-израильский конфликт. Но пограничные споры имеют место также между государствами Аравийского полуострова, на севере Африки. Может быть, в более приглушенном виде, но

эта проблема существует и в восточной части арабского мира.

Однако все это не мешает использовать опыт достижения Хельсинкского соглашения, да и отдельные его элементы на Ближнем Востоке. Мы договорились с Де Микелисом о продолжении обмена мнениями по этой проблеме.

Сразу после встречи министр иностранных дел Италии поехал выступать в телепрограмме, посвященной кувейтскому кризису. Не скрою, было приятно смотреть ночную телепередачу, где он говорил об активной и чрезвычайно полезной роли Советского Союза в этот критический момент развития обстановки на Ближнем Востоке.

Утром 17 октября мы вылетели из Рима в Париж. Во второй половине дня в Елисейском дворце состоялась встреча с президентом Франции Ф. Миттераном. Он тоже показал себя приверженцем линии, направленной на использование всех возможностей «до того, пока придется прибегнуть к крайним мерам». Но так же, как и Андреотти, французский президент не сомневался: война стоит у порога. Поддержав усилия, предпринимаемые СССР, чтобы избежать опаснейшей военной развязки, Ф. Миттеран рассказал о том, что делает в этом же направлении сама Франция. При этом он подчеркнул большую пользу от согласования линий двух держав – постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Может быть, больше, чем любой другой западный лидер, президент Миттеран ощущал необходимость продвинуть решение палестинской проблемы, в том числе и для того, чтобы урегулировать кувейтский кризис. Он разделил мнение, что это может стать сердцевиной урегулирования, но высказал сомнение в том, что такой поворот, осуществленный в любой форме, встретит поддержку в Вашингтоне.

Ф. Митгеран ждал предстоящей встречи с М.С. Горбачевым, во время которой, как он сказал, большое место займет обсуждение подходов двух стран к кризису в зоне Персидского залива, «ставшему самым серьезным испытанием для мирового сообщества в последнее десятилетие».

Беседы в Западной Европе оказались крайне полезными для выявления отношения к нашим предложениям по политическому урегулированию двух влиятельных западноевропейских государств, придерживающихся умеренных позиций по кризису в Персидском заливе. Это давало нам хорошие дополнительные аргументы и в предстоящих разговорах с американцами.

В США НЕ ВСЕ ПРОСТО

18 октября, сразу же по прибытии в Вашингтон, начались встречи с американскими руководителями. Забегая вперед, скажу, что явно проявилась истинная, а не наигранная заинтересованность в них американцев – некоторые из собеседников подчеркнуто говорили, что в «старые недобрые времена» не могло бы состояться такого откровенного обмена мнениями с советскими представителями по одному из животрепещущих вопросов, в решение которых США оказались втянутыми самым непосредственным образом. Наше стремление поделиться информацией, идеями о том, как найти выход из кризисной ситуации, расценивалось – не сомневаюсь в этом – как свидетельство высокой степени доверительности советско-американских отношений, нового духа в международных делах.

Первая встреча состоялась с государственным секретарем Дж. Бейкером. В ней принял участие начальник управления планирования Государственного департамента Д. Росс – фактически главный специалист Госдепа по Ближнему Востоку. И в этой, и во всех остальных беседах в Вашингтоне принимал активное участие наш посол в США, нынешний министр иностранных дел Советского Союза А.А. Бессмертных.

Чувствовалось, что Бейкер не придавал особенно большого значения этой первой встрече, понимая, что главный разговор будет с президентом Бушем. Но Д. Росс для подготовки этого главного разговора имел, очевидно, задачу выяснить подробности нашей позиции и с

этой целью приехал в советское посольство, где мы побеседовали несколько часов.

Что сразу бросилось в глаза? Интересуясь деталями, Росс – это было написано на его лице и отражалось в репликах – воспринимал мои разъяснения сдержанно, если не негативно. Явное неприятие с его стороны вызвала идея довести до Ирака мысль о том, что после вывода войск из Кувейта будет проявлена активность с целью решения палестинской проблемы.

– Израиль не пойдет на это, – безапелляционно заявил Росс.

Уже в разгар кувейтского кризиса Израиль осуществил жестокие карательные действия на оккупированной территории. Возможно, все началось стихийно. Но масштабы побоища в Восточном Иерусалиме, где армия стреляла в безоружных палестинцев на территории мечети, убив более 20 человек и ранив много десятков, как и тот факт, что это преступление не нашло осуждения в официальных кругах Израиля, свидетельствовали о многом. Ряд экспертов считали, что Израилю было выгодно таким путем подтолкнуть население многих арабских стран к поддержке Саддама Хусейна, чтобы укрепить его на бескомпромиссной позиции, не дать ему «сползти» к политическому решению. В регионе назревал масштабный вооруженный конфликт, в котором Израиль самостоятельно не участвовал. Но это отнюдь не снимало его острой заинтересованности в нанесении мощного удара по Ираку. Политический компромисс, опасались в Тель-Авиве, может сохранить Ирак в качестве сильного потенциального противника Израиля.

Так или иначе, но американцы переживали нелегкие времена в дипломатическом плане. Арабы требовали реакции Совета Безопасности ООН на события в Иерусалиме и принятия соответствующих мер. Соединенные Штаты не могли открыто выступить против этого – тогда была бы наглядной «двойная логика». Может быть, по-

этому появились дополнительные стимулы не раздражать Израиль «на других участках».

Д. Росс выразил неприкрытый скептицизм и в отношении возможности провести грань между «вознаграждением» Саддама и «невидимым пакетом», о котором говорилось выше, предназначенным для обеспечения ухода Ирака из Кувейта.

Мало нового внесла и последовавшая встреча с помощником президента по национальной безопасности генералом Б. Скоукрофтом. На ней присутствовали заместитель Скоукрофта Р. Гейтс и специальный помощник президента по вопросам кризиса в Персидском заливе К. Райс – в прошлом одна из блестящих аспиранток Принстонского университета⁴², она была замечена и приглашена на работу в Совет национальной безопасности, где занималась вопросами советско-американских отношений.

Может быть, Райс – во всяком случае, по предыдущим разговорам мне так показалось – понимала, что в советских предложениях есть, по меньшей мере, «полезное зерно». Но на встрече со Скоукрофтом, точно так же как и Гейтс, она безмолвствовала. А генерала Скоукрофта больше интересовало наше видение ситуации в Ираке, чем предложения по выходу из кризиса.

Встречу оживил неожиданный приход президента Буша, который, перебегая под проливным дождем из своего особняка, зашел, весь мокрый, только для того, как он сказал, чтобы пожать руку, – не мог не сделать этого, зная, что вы находитесь у Скоукрофта. Такие человеческие качества Буша очень импонируют.

– Я жду с нетерпением встречи завтра утром, – услышали мы от президента Буша, покидавшего кабинет своего помощника.

19 октября, утром, в Белом доме мы были приняты президентом Дж. Бушем. Здесь уже были Бейкер, Скоукрофт, руководитель аппарата Белого дома Дж. Сунуну и

другие ближайшие сотрудники президента. Направление в Вашингтон личного представителя М.С. Горбачева для информации о предпринимаемой нами миссии на Ближнем Востоке было подчеркнуто высоко оценено американским президентом. Он несколько раз возвращался к этой теме.

Живо интересуясь впечатлениями от разговора с Саддамом Хусейном, Дж. Буш переспросил: действительно ли можно расценить его слова о «реализме» как готовность уйти из Кувейта? Интересовался психологическими особенностями Саддама Хусейна, историей отношений с ним, задавал уточняющие вопросы, делал записи в блокноте.

Было видно, что отдельные наши наблюдения и оценки не совпадали с точкой зрения президента. Но, в общем, создавалось впечатление, что Дж. Буш все еще не принял окончательного решения об ударе по Ираку. Он не только не исключал, но фактически высказался за нашу вторую встречу с Саддамом Хусейном, делая упор на ограниченность ее цели: «проинформировать Хусейна о бескомпромиссной позиции США». Однако Буш тут же добавил: «Если появится позитивный сигнал со стороны Хусейна, то он будет услышан нами».

Двухчасовой разговор закончился словами президента Буша: «Вы рассказали много интересного. В целом ряде высказанных идей есть для меня новое. Но мне необходимо посоветоваться с помощниками. Собираетесь ли вы задержаться в Вашингтоне?»

Я сказал, что готов, если есть в этом необходимость. «Через два-три часа дам вам ответ», – закончил Буш, тепло попрощавшись с нами.

Я и тогда уже знал, а в дальнейшем при встрече с королем Фахдом и другими саудовскими руководителями убедился, что далеко не все в правящей семье были настроены так же категорично, как принц Бандар. Но ведь этот очень приятный в общении человек и интересный собеседник был послом в Соединенных Штатах!

Правда, и Бандар не отрицал политического решения и даже сказал, что лишь СССР «способен» благоприятно повлиять на иракскую позицию.

Бандар категорически не соглашался, что военный исход может привести к тяжелым последствиям. «В ваших словах явное преувеличение, – сказал он. – Я военный летчик и могу утверждать со знанием дела, что в случае удара, если, конечно, Ирак откажется выводить свои войска, все закончится за считанные часы. Не преувеличивайте возможное число жертв. Операция будет обеспечиваться самой современной электроникой и носить “хирургический” характер».

Нашему послу позвонил его коллега из Саудовской Аравии принц Бандар с предложением встретиться с нами. К этому времени из Нью-Йорка приехал наш постоянный представитель в ООН Ю.М. Воронцов. Мы с ним товарищи еще с того времени, когда были курсантами военно-морского подготовительного училища. И, естественно, я был очень рад его приезду. В беседе с Бандаром приняли участие все – и А.А. Бессмертных, и Ю.М. Воронцов, и я. Встреча с ним была очень любопытной: как бы удалось рассмотреть изнутри один из немаловажных источников информации Белого дома о развитии кризиса в зоне Залива.

Ответ пришел раньше. Как представляется, многие из окружения Дж. Буша после нашего ухода стали куда более активными, чем во время беседы. Так или иначе, но двух-трех часов не потребовалось. Через 45 минут на ленче, который устраивал Дж. Сунуну, Гейтс сказал мне: президент просил передать, что вы можете сами планировать время отъезда. Я понял, что продолжения разговора не будет.

Повидаться с нами пришли в посольство многие из американских друзей. Среди них Памела Гарриман – вдова выдающегося политического деятеля, и сама достаточно видная фигура в общественной жизни Соеди-

ненных Штатов, лишь недавно оставившая пост председателя влиятельной организации – Совета по внешним отношениям. С ней была Джудит Киппер – научный сотрудник известного Брукингского института, прекрасно понимающая ситуацию на Ближнем Востоке. Встреча с ними была важна также и потому, что отражала настроения значительной части американской интеллигенции, – сказала Гарриман. – Советский Союз ни в коем случае не должен отказываться от усилий по предотвращению военной развязки. Нам кажется, что некоторые из представителей американского «истеблишмента» находятся в «шорах», не видя, куда нас может вывести стихийный поток.

После того как отправили в Москву подробную информацию о встречах с официальными американскими лицами, Бессмертных, Воронцов и я обменялись общими впечатлениями. Вывод был единым: усилия СССР в рамках самостоятельно предпринимаемой миссии абсолютно не противоречат советско-американскому взаимодействию для достижения главной принципиальной цели – ухода Ирака из Кувейта.

С большим удовлетворением хочу отметить, что такая идея прозвучала и на пресс-конференции в Белом доме. Уже после окончания «острой фазы» кувейтского кризиса, 2 марта 1991 года, президент Дж. Буш заявил, что «никогда не был в претензии» к М.С. Горбачеву в связи с его попытками найти мирное решение кувейтского кризиса. Вместе с тем президент США ясно выразил свою убежденность в том, что без позитивной роли СССР, особенно в ООН, успешное решение кризиса в Заливе было бы невозможно. «Я хочу поддержать Советский Союз в стремлении продолжать его многосторонние дипломатические усилия, которые уже внесли значительный вклад в решение ближневосточных проблем», – заявил Дж. Буш.

На следующий день в телепрограмме «Встреча с прессой» госсекретарь США Дж. Бейкер, в свою очередь, отметил, что Советский Союз «должен продолжать играть чрезвычайно важную политическую роль» на Ближнем Востоке. «Я не думаю, – сказал Дж. Бейкер, – что мы были бы в состоянии сделать то, что мы сделали, так, как мы сделали, и в то время, в какое мы уложились, если бы Советский Союз не стоял плечом к плечу с нами...»

Все эти выводы, конечно, родились не без борьбы мнений. Руководители США отвечали на вопросы журналистов, формулировки которых во многом свидетельствовали, мягко говоря, об отсутствии единодушия в Соединенных Штатах по вопросу о роли СССР в решении кувейтского кризиса.

В этой связи вспоминаю, как 18 февраля, в самый что ни на есть разгар интенсивных политических действий Советского Союза с целью мирного урегулирования кризиса, я был приглашен принять участие в передаче «Nightline» известного американского тележурналиста Тэда Коппеля. Передача шла через спутник. Предваряя мой выход в эфир, Т. Коппель сказал, что в связи с активностью Советского Союза в Вашингтоне возникла если не паника, то, во всяком случае, нервное состояние.

– Почему, – спросил я, – неужели у вас думают, что мы совершаем что-то против Соединенных Штатов или действуем за их спиной?

– Но ведь вы перед третьей поездкой в Багдад не консультировались с Белым домом? – заметил Коппель.

– Не действовать против интересов Соединенных Штатов – не идентично тому, чтобы повторять за ними все «телодвижения», или «согласовывать» любой свой шаг, – сказал в ответ на эту реплику.

А «ЖЕЛЕЗНОЙ ЛЕДИ» ВСЕ ЯСНО

До отлета в Москву оставалось буквально несколько часов, когда маршрут пришлось изменить. От президента Горбачева пришло указание лететь сначала в Лондон, чтобы встретиться с премьер-министром М. Тэтчер, которая обратилась с соответствующей просьбой. Аналогичные обращения поступили и от правительств Японии и Канады. Но, предполагая, что предстоит вторая поездка на Ближний Восток, пришлось от полета в Канаду и Японию с сожалением отказаться.

Наш посол в Лондоне Л.М. Замятин подчеркивал, что премьер-министр редко принимает посетителей в своей загородной резиденции Чекерс. Мне все-таки кажется, что я был удостоен этой чести по простой причине – была суббота, «уик-энд», который М. Тэтчер предпочитала проводить за городом. После часа автомобильной езды, у тяжелых ворот старинного английского замка, на безукоризненно ровной дорожке, усыпанной гравием, нас встретила Маргарет Тэтчер.

Премьер приняла нас в неофициальной обстановке. Она, ее помощник Ч. Пауэлл, мы с послом и Р.В. Маркарян сидели у камина в старинных креслах. Я познакомился с премьер-министром в сентябре 1989 года в Лондоне во время сессии Межпарламентского союза. А через считанные дни мне довелось провожать и встречать ее в Москве во время пролетов английского премьер-министра в Токио и обратно. Тэтчер вспомнила мою шутку о ее «легкой руке»: в эти несколько дней между двумя ее

посещениями московского аэродрома я был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Все, казалось, предвещало мирную беседу. Ничто не настораживало. Премьер-министр внимательно выслушала всю изложенную ей информацию, не перебивая. Но зато потом добрый час не давала прервать свой монолог, в котором в наиболее неприкрытом виде выразилась линия, набиравшая все большую и большую силу: не ограничиваться выводом иракских войск из Кувейта, а нанести сокрушительный удар по Ираку, «сломать хребет» Саддаму Хусейну, ликвидировать весь военный, а возможно, и промышленный потенциал этой страны.

Тэтчер не стеснялась в выражениях. Я даже могу сказать, что все слова для характеристики этой крайней линии в отношении С. Хусейна позаимствовал из ее лексикона. Нельзя мешать решению этой задачи, сказала Тэтчер. У Саддама Хусейна не должно быть ни тени сомнения в том, что мировое сообщество не отступит и добьется своих целей. Никто не должен даже пытаться вывести его режим из-под удара.

– Значит, вы не видите ни одного другого варианта, кроме военного? – с трудом вклинился я.

– Нет, – отвечала Тэтчер.

– Когда же начнутся военные действия?

– Этого я сказать не могу, так как они должны начаться неожиданно для Ирака.

«Железная леди» оставалась самой собой и тогда, когда затронула вопросы послекризисного устройства на Ближнем Востоке. По ее словам, экономические санкции против Ирака должны быть продолжены, даже если он вынужден будет покинуть Кувейт. В случае создания системы стратегической безопасности в регионе нужно установить строжайший контроль над Ираком, чтобы и мысли не было о том, что он может иметь сильный военный потенциал.

Опять на с трудом вклинившийся вопрос – носит ли ее замечание «универсальный характер», распространяется ли оно хотя бы в некоторых положениях, скажем, на Израиль – премьер-министр отвечала в свойственной ей категоричной манере: Израиль – это совсем другое.

Хотел бы сделать небольшое отступление. Иракские угрозы ударить по Израилю, применить против его мирного населения средства массового уничтожения вызвали возмущение и гнев. Осуществление таких угроз в любых масштабах могло быть охарактеризовано лишь как преступление, которому нет никаких оправданий. Но ведь в данном случае речь с М. Тэтчер шла о создании системы, гарантирующей безопасность всем странам региона без исключения. Можно ли было уже заранее наметить контуры этой системы таким образом, чтобы Израиль пользовался особым положением, причем в таких жизненно важных для всех вопросах, как вооружение?

...Разговор с Тэтчер уже вышел за двухчасовые рамки. Почувствовав, что он приобретает все более острый характер, сказал: может быть, на этом закончим, госпожа премьер-министр? Мне было полезно побеседовать с вами. Я прояснил для себя вашу позицию. Надеюсь, что какую-то пользу разговор принес и вам.

И вдруг в одно мгновение «железная леди» вновь стала доброжелательной, любезной хозяйкой: давайте переменим обстановку, пройдем в библиотеку, немного отвлечемся от дел. Тэтчер, как мне показалось, осталась довольна тем, что я, последовав ее примеру, предпочел всем другим напиткам виски.

Провожала нас она опять до порога старинного замка Чекерс.

СНОВА НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Приехав в Москву, я доложил результаты поездки президенту Горбачеву. Главный вывод сводился к следующему: барометр ситуации явно показывал на военное решение. Сторонники масштабного военного удара по Ираку ставят перед собой цель не просто вытеснить Саддама Хусейна из Кувейта, а вообще ликвидировать его режим. Такая интерпретация задачи создавала опасность выхода за рамки резолюций Совета Безопасности ООН. При этом рассчитывают они достичь своих целей с минимальными издержками, недооценивая сопряжение с военным выбором проблемы и последствия.

Этот вывод был, конечно, не идентичен утверждению о том, что в антисаддамовской коалиции существует единство в подходах к решению кувейтского кризиса. Особенно контрастно это выглядело при сравнении позиций президента Франции Миттерана, премьер-министра Италии Андреотти – с одной стороны, и премьер-министра Великобритании Тэтчер – с другой. Специфика ситуации, однако, виделась в том, что Франция и Италия, очевидно, как и многие другие западные европейцы, тяготеющие к осмотрительной линии, все-таки понимали, что если не удастся найти политического решения, они окажутся втянутыми в военные действия.

Президент Буш, возможно, еще выжидал. Однако на него, судя по всему, шло усиливающееся давление и изнутри, и извне.

Я доложил президенту, что линия Советского Союза, направленная на поиски возможностей мирного разре-

шения кризиса, естественно, при выводе иракских войск из Кувейта, нашла широкую поддержку практически среди всех тех, кто заинтересован в нахождении альтернативы войне. Руководители стран, которые довелось посетить, высказали прямую заинтересованность в продолжении наших контактов с ними по поводу развития обстановки в зоне Персидского залива.

Выслушав все это, М.С. Горбачев дал указание – продолжить миссию и с этой целью вылететь в Каир, Дамаск, Эр-Рияд и Багдад. В столицах Египта, Сирии и Саудовской Аравии президент поручил дополнительно проговорить те или иные возможности по активизации «арабского фактора», чтобы заставить Ирак вывести войска без применения военной силы и без его «вознаграждения».

Во время предстоящей второй встречи с Саддамом Хусейном М.С. Горбачев рекомендовал обрисовать ему полную картину той ситуации, с которой придется столкнуться в случае отказа следовать требованиям мирового сообщества.

Поручалось также вернуться к вопросу об эвакуации советских специалистов из Ирака. Хотя график по выезду 1500 человек соблюдался в соответствии с предыдущей договоренностью, на горизонте появились новые осложнения. Иракские власти отказывались рассматривать вопрос о выезде на родину наших людей сверх обговоренного лимита, несмотря на заявление Саддама Хусейна 5 октября, что не будет чиниться никаких препятствий для всех тех советских граждан, которые пожелают уехать. Усложнилась ситуация и с отъездом военных специалистов, у которых заканчивался срок контрактов. Практически никому из них не разрешали покинуть Ирак. Даже тех, кому оформили документы на отъезд, сняли прямо с самолета.

М.С. Горбачев сказал, что следует в острой форме поставить вопрос и об иностранных заложниках, которые

все еще продолжали удерживаться на военных и других стратегических объектах Ирака. Одновременно он поручил использовать поездку на Ближний Восток в качестве подготовки к активизации поисков мирного решения арабо-израильского конфликта как в связи с кувейтским кризисом, так и параллельно.

Рассказывая подробно о нашей миссии, я ни в коем случае не хочу, чтобы у читателей сложилось впечатление, будто она была некоей самостоятельной ветвью или чуть ли даже не противостояла общим усилиям Советского Союза добиться политического урегулирования. Эта миссия находилась в органичном сочетании с другими переговорами, визитами, встречами, беседами, которых было много. Предпринималось все это с разных сторон – одни открыто, другие – в закрытом плане. Но, может быть, особый смысл нашей миссии заключался в том, что это был практически единственный канал прямого выхода на Саддама Хусейна.

Хочу отдельно сказать и о советских послых в тех арабских странах, которые в этот раз довелось посетить.

В.П. Поляков в Египте, Ю.С. Грядунов в Иордании, А.И. Зотов в Сирии, В.В. Посувалюк в Ираке, бывший посол в Ливане, начальник управления МИДа В.И. Колотуша – все очень разные, но все настоящие профессионалы, тонкие политики, прекрасно и не понаслышке знающие положение дел в арабском мире. Все они арабисты, свободно говорящие на арабском и делающие все для дружбы с народами тех стран, где они находятся, для обеспечения советских интересов. Всех их объединяло, – но это уже чисто мое, – что на разных этапах жизненного пути близко сотрудничал с ними. С Ю.С. Грядуновым и В.П. Поляковым учился в одной группе в институте, с А.И. Зотовым, тогда еще совсем молодым сотрудником посольства в Багдаде, в середине 60-х годов добирались на мулах в зимнюю ставку Барзани, в другой раз, уже летом, ездили на север Ирака с другим сотрудником по-

сольства в Багдаде – В.В. Посувалюком, с которым многократно встречались и в других арабских странах, с В.И. Колотушей – тогда тоже еще начинающим дипломатом – работали вместе в Каире.

Беседы с нашими послами, их содействие в организации встреч, помощь сыграли огромную роль в продвижении миссии.

24 октября мы вновь вылетели из Москвы. Самолет взял курс на Каир.

По пути с аэродрома в город завязалась беседа с государственным министром по иностранным делам Бутрусом Гали. Будучи не только высоким профессионалом во внешнеполитической сфере, он хорошо знал также и внутреннее положение в Египте, равно как и в других арабских странах, и был серьезно озабочен последствиями войны, которую предсказывал с большой степенью вероятности.

Явная озабоченность развитием обстановки появилась и со стороны моего старого приятеля – тонкого аналитика Усамы аль-База, возглавляющего политическую канцелярию президента Мубарака. Ощущение тревоги, которую я уловил во время длительной беседы с ним, породил, судя по всему, не только тот факт, что Египет имел своих солдат в составе многонациональных сил, сотни тысяч рабочих в тех странах Залива, которые могли стать театром военных действий. Аль-База заботила и посткризисная ситуация. Как серьезная расценивалась перспектива роста исламского фундаментализма, несмотря на то что «по другую сторону баррикады» от Ирака находилась Саудовская Аравия, король которой является хранителем главных мусульманских святынь.

– Вообще при крупных исторических коллизиях первопричины событий часто забываются, – размышлял Усама аль-Баз. – Так может произойти и с кризисом в зоне Персидского залива: со временем могут больше говорить о разрушительной войне против Ирака, чем о

«первопричине» – нападении Ирака на другую мусульманскую страну – Кувейт.

Я ознакомил аль-База с идеями, которые хотел высказать во время своей второй встречи с Саддамом Хусейном, и встретил полное понимание с его стороны. Он согласился, что без «невидимого пакета», призванного обеспечить вывод иракских войск из Кувейта, война практически неизбежна.

В это время возникли две «заминки». Первая из них – «техничко-организационного» плана. Президент Мубарак находился в поездке по странам Залива, был готов, по словам аль-База, сократить свое пребывание там и встретиться с нами в Каире, но лишь через день – 26-го. Вторая «заминка» была уже скорее политического характера. Аль-Баз, поддерживавший прямую связь с министром иностранных дел Саудовской Аравии Саудом аль-Фейсалом, сказал, что тот просил нас поехать раньше в Багдад и только потом в Эр-Рияд. Судя по телефонному звонку от иракского посла в Каире, в Багдаде хотели, чтобы посещение двух стран было в иной последовательности. Решили принять «саудовский вариант», так как при благоприятном развитии событий это позволило бы приехать к королю Фахду из Багдада хотя бы не совсем с пустыми руками. Рассчитывали и на то, что сможем объяснить Саддаму Хусейну: политика стоит выше престижных моментов.

25-е оставался днем свободным, и при стесненных временных обстоятельствах попросили перенести на этот день назначенную уже ранее встречу с президентом Сирии Х. Асадом. Положительный ответ пришел быстро.

На подлете к Дамаску вспомнились мои прежние посещения этого прекрасного города. И одно из первых – сразу после переворота 23 февраля 1966 года⁴³. В Каире тогда находился ныне покойный В.В. Кузнецов – в то время первый заместитель министра иностранных дел СССР. Именно в этот день он был принят Г.А. Насером,

который сказал: по поступившим сообщениям, переворот в Сирии – антиегипетский и правый. Я получил задание от редакции «Правды» постараться попасть в Дамаск. Сначала попытался это сделать через Бейрут, но ливано-сирийская граница оказалась закрытой. Тогда полетел из Бейрута на чехословацком самолете, который должен был совершить в Дамаске техническую посадку. Дамасский аэропорт был тоже закрыт, и попасть в город оказалось непросто.

А затем случилось так, что стал первым иностранцем, который был принят новым премьер-министром Сирии Юсуфом Зуэйном. После моего рассказа о реакции в Каире на события в Сирии он провел пресс-конференцию, опровергнув слухи об антиегипетских и правых настроениях тех, кто пришел в Дамаске к власти. Может быть, это расположило ко мне – 8 марта во время демонстрации, посвященной годовщине создания партии Баас, Зуэйин познакомил меня с другими новыми сирийскими руководителями. Среди них был командующий ВВС генерал Хафез Асад. Он прибыл с охраной, которая, как помню, с автоматами наперевес внимательно вглядывалась в ряды демонстрантов, проходящих мимо трибуны, – могли ожидать провокаций откуда угодно.

Через много лет напомнил президенту Асаду об этом эпизоде. Он удивленно спросил: неужели это вы были тем корреспондентом, с которым меня познакомили на площади?

Президент Асад умеет по-особому внимательно слушать собеседника, вплетая свои идеи в ткань разговора. Обладая большим политическим опытом, Асад предложил интересную «формулу»:

– А что, если созвать арабскую встречу «в верхах», с тем чтобы она обратилась к Саддаму Хусейну с призывом «в интересах всей арабской нации» вывести войска из Кувейта. В этом обращении следовало бы также сказать,

что такой вывод откроет путь, как надеются арабы, к решению палестинской проблемы.

– А удастся ли созвать такую встречу «в верхах»?

Однозначно он не ответил на этот вопрос, но сказал, что шансы существуют серьезные – слишком сильны настроения против войны в арабском мире, даже в тех странах, которые самым категорическим образом потребовали ухода Ирака из Кувейта. Если даже не удастся собрать такую встречу, продолжал Асад, то существуют и другие формы арабской инициативы, например послание Саддаму Хусейну, подписанное главами арабских государств, пусть даже и не всеми.

Х. Асад подчеркнул, что СССР в силу сложившегося положения, пожалуй, обладает уникальными возможностями, «является, может быть, даже единственным государством, которое способно в контактах с Саддамом Хусейном подготовить арабское решение».

25-го мы были вновь в Каире, где произошла встреча с президентом Египта Х. Мубараком.

И здесь акцентированно прозвучала незаинтересованность в войне. Но при этом более отчетливо проявилось опасение, как бы шаги к политическому урегулированию не создали у С. Хусейна ложного представления о противоречиях в коалиции, не были использованы им в своем неприятии требования о выводе войск. Мубарак тоже высказался в поддержку советской инициативы и, в свою очередь, обогатил ее следующим предложением: если Хусейн согласится безоговорочно и полностью вывести войска из Кувейта, то можно будет дать ему гарантии создания условий, благоприятствующих его дальнейшим переговорам с Кувейтом. На прямо поставленный вопрос Мубарак без колебаний ответил: гарантии я могу дать заранее.

– А как Саудовская Аравия?

– Могу твердо обещать, что к таким гарантиям присоединится и Саудовская Аравия.

Вместе с тем Х. Мубарак с большим, чем Х. Асад, скептицизмом отнесся к возможности созыва арабской встречи «в верхах». Не скрывал он – впрочем, это было обоюдно – своей личной неприязни, даже враждебности к иракскому лидеру. О причинах этого говорили по-разному и Х. Мубарак, и еще раньше С. Хусейн, которые до совсем еще недавнего времени были в нормальных отношениях. Разрыв произошел после телефонного разговора, накануне 2 августа, во время которого, по словам Мубарака, иракский лидер обманул его, обещав не вводить войска в Кувейт, а Саддам, рассказывая об этом же эпизоде, утверждал, будто дал обещание не вводить войска лишь на тот срок, пока идут переговоры с Кувейтом.

Президент Х. Мубарак находился в тесном контакте с американской администрацией по поводу кувейтского кризиса, чего ни он, ни аль-Баз, ни министр иностранных дел Абдель Магид, с которым мы тоже встретились, естественно, не скрывали. Тем казалось мне важнее полное совпадение наших взглядов по такому вопросу, как существование граней между «вознаграждением» Ирака за содеянное и предоставлением ему возможности достойно уйти из Кувейта.

Выйдя из президентского дворца, я сразу попал под свет юпитеров. Посыпались вопросы корреспондентов, отвечая на которые, сказал, что остаюсь «весьма умеренным оптимистом».

После встреч в Дамаске и в Каире казалось, что этот оптимизм даже чуть-чуть возрос. Хотя, конечно, ключ от успеха предпринимаемой миссии находился в Багдаде, а поездка туда вдруг была поставлена под вопрос. Тарик Азиз пригласил нашего посла В.В. Посувалюка и передал ему, что в иракском руководстве крайне негативно относятся к принятию новой резолюции Совета Безопасности ООН, требующей от Ирака внести компенсацию за нанесенный ущерб в Кувейте. По словам Азиза, эта резолюция подвешивала над Ираком дамоклов меч, и практи-

чески на неограниченный период, так как претензии могли появляться вновь и вновь и даже нарастать как снежный ком. Азиз утверждал, что Советский Союз «активно проталкивает резолюцию, работает над ужесточением ее формулировок». В такой обстановке, по его заключению, вряд ли может быть плодотворным приезд представителя президента СССР в Багдад.

Получив уведомление об этом разговоре, для прояснения общей картины мы ночью связались по телефону с Нью-Йорком – с нашим представителем в ООН Ю.М. Воронцовым. Выяснилось, что резолюция будет принята либо сегодня, в пятницу вечером (с учетом разницы во времени), либо в субботу в первой половине дня. Однако резолюция была согласована в «умеренном виде» и вобрала в себя многие элементы из предложений Йемена и Кубы.

– Есть ли необходимость в таком незамедлительном принятии еще одной резолюции Совета Безопасности?

Судя по ответу, можно было понять, что на этом настаивают представители США и Великобритании.

После этого телефонного разговора ушла телеграмма из Каира в Москву с просьбой дать указание нашему представителю в Совете Безопасности ООН провести консультацию, с тем чтобы отложить на два дня принятие резолюции.

Одновременно связался с нашим посольством в Багдаде и надиктовал для передачи Тарику Азизу текст примерно следующего содержания: вызывает, по меньшей мере, недоумение, что в тот ответственный момент, когда Москва предпринимает все от нее зависящее, чтобы найти политический выход из ситуации, иракская сторона ставит на этом пути препоны. Передал Тарику Азизу, что в таких условиях мой приезд в Багдад будет возможен только в случае получения повторного приглашения. Если до обеда следующего дня ответа из Багдада не будет, то поездка аннулируется.

Наш посол в Багдаде незамедлительно выполнил поручение, и так же незамедлительно Тарик Азиз дал ответ: в Ираке на самом высоком уровне готовы встретить представителя президента СССР.

Рассказываю об этом, казалось бы, мимолетном эпизоде достаточно подробно, так как он показывает заинтересованность Ирака в нашей миссии. Ответ, пришедший из Багдада, снял вопрос и о последовательности заездов в Багдад и Эр-Рияд.

На следующий день мы приземлились в багдадском аэропорту. Между тем наш представитель в ООН связался со своими коллегами по Совету Безопасности, в первую очередь представляющими постоянных членов Совета Безопасности, и попросил отложить на два дня принятие резолюции – то есть до того времени, пока поступят сведения о беседе в Багдаде. Столицы стран – членов Совета Безопасности ООН санкционировали такой перенос. Что же нас ожидало в Багдаде?

В БАГДАДЕ БЕЗ ИЗМЕНЕНИЙ?

Вторая встреча с Саддамом Хусейном была такой же продолжительной, как и первая, и тоже состояла из двух частей – сначала в присутствии других, затем – беседы один на один.

Характерно, что Саддам пригласил на встречу практически все иракское руководство. Все были одеты одинаково – в военную униформу. Начал беседу Саддам со слов: я специально позвал сюда коллег по руководству – пускай послушают наш разговор, среди них ведь есть «ястребы» и «голуби».

– Я бы предпочел, чтобы здесь сидели одни «голуби», – сказал Саддому.

– В таком случае здесь останется только наш президент, – быстро отреагировал Т. Рамадан.

Не исключая, что, деля руководителей Ирака на две группы, С. Хусейн умышленно хотел показать: существует определенное поле для маневрирования. Но все-таки сомневаюсь, что слова о «разнообразии мнений» в иракском руководстве отражали реальную картину. Все решал один человек. Те, которые в прошлом не соглашались с ним, были, как говорится, далече. А оставшиеся высказывали полную поддержку всем принимаемым решениям.

Субординация выдерживалась даже во внешнем плане. Когда вновь попросил разговора один на один, то каждый из иракцев, покидая комнату, подходил к лидеру, щелкал каблуками и откланивался. Может быть, «свободомыслие» выразалось главным образом в том, что не-

которые из присутствовавших на встрече с иракским руководителем особенно рьяно кивали головой, демонстративно соглашаясь с его высказываниями, другие это делали с меньшим энтузиазмом, но все-таки делали.

Вторая встреча с Саддамом Хусейном, прежде всего, представляла интерес с точки зрения ее сопоставления с первой. По мнению, которое разделили и мои коллеги, за три недели определенные изменения все-таки произошли. Если, как уже говорилось, 5 октября С. Хусейн делал главный акцент на «исторической принадлежности» Кувейта Ираку, то 28 октября этой темы он вообще не касался. Как и следовало ожидать, эту тему обошел и Т. Азиз.

28 октября Саддам Хусейн не воспринял негативно, как это было три недели назад, мои слова, что вывод войск из Кувейта должен быть осуществлен «в качестве шага, предшествующего любым другим действиям». И, более того, проявил желание говорить, хотя бы в иносказательной форме, о конкретных условиях такого вывода.

В беседе один на один (в присутствии переводившего беседу С.В. Кирпиченко) он заметил: «Могу ли я объявить о выводе войск, если не осведомлен, как будет решаться вопрос о выводе из Саудовской Аравии войск США, останутся ли в силе или будут отменены санкции Совета Безопасности ООН против Ирака, как будут обеспечены интересы моей страны в плане выхода к морю, будет ли предложена какая-то форма увязки между выводом войск Ирака из Кувейта и решением палестинской проблемы?»

Я не хотел бы представлять дело в упрощенном виде – конечно, С. Хусейн по-прежнему увязывал уход из Кувейта с целым рядом моментов. Приводя серию его вопросов, хотел бы подчеркнуть лишь одно: динамику позиции, которая, однако, еще далеко не достигла удовлетворительной отметки.

Во время этой, второй встречи – я имел на этот счет прямые инструкции президента СССР – было настойчиво сказано о необходимости окончательно отрегулировать все вопросы, связанные с выездом советских людей из Ирака. В моем присутствии Саддам Хусейн вызвал своего секретаря и поручил докладывать ему лично по каждому случаю, когда в Ираке задерживаются «вопреки его решению» советские специалисты, желающие вернуться на родину.

Указание было дано и в отношении военных специалистов – всем закончившим выполнение контрактов разрешалось незамедлительно возвращаться домой. Как подтверждение этого 2 ноября утром 36 военных специалистов прибыли в Москву самолетом Аэрофлота. Был составлен новый, дополнительный график выезда до конца ноября еще одной тысячи советских граждан. Кстати, эта цифра превышала тогда общее число заявлений, поданных нашими специалистами в советские организации в Ираке. Была достигнута договоренность о том, что число выездов не будет ограничиваться на будущее. С. Хусейн еще раз подчеркнул, что все будет поставлено в зависимость только от желания того или иного советского специалиста выехать из Ирака.

Но об одном из наших специалистов хочу рассказать особо. В течение двух с половиной лет иракские власти удерживали этого киевлянина, водителя грузового автомобиля, не разрешая ему покинуть страну. Произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого погибло несколько местных жителей. Дважды иракский суд признавал невиновным нашего водителя, находившегося в Ираке по контракту, но тем не менее его не выпускали из страны, раз за разом возвращая дело на дорасследование. Человек вконец извелся. Жил он один, уже без семьи. Находился на грани отчаяния.

По указанию М.С. Горбачева эта проблема была поставлена отдельно. Тут же последовало согласие Хусейна

на положительное решение. Буквально за одну ночь были оформлены соответствующие документы, и не помнящий себя от радости этот водитель-киевлянин улетел вместе со мной, правда, сначала в Саудовскую Аравию, затем на Кипр, а уж потом в Советский Союз. Он так, бедный, перемучился, что даже в этих странах сначала боялся выйти из самолета. Но потом все-таки понял, что ему уже больше ничего не угрожает.

Другая «подвижка» – готовность Хусейна, который уже не отмалчивался, как это было при первой встрече, говорить в достаточно конкретных категориях о решении проблемы иностранных заложников в Ираке. Он даже считал возможным огласить факт разговора со мной на эту тему. В интервью американской телекомпании CNN С. Хусейн сказал, что «только вчера изложил Примакову ряд конкретных идей, предложенных в отношении тех людей, которым не дают возможности выехать из страны».

Эти идеи сводились к следующему: он хотел, чтобы с призывом освободить заложников к нему обратились президенты СССР и Франции, подтвердив свою приверженность «политическому урегулированию кризиса в зоне Персидского залива, а также других проблем всего региона». Еще одним элементом такого обращения должно было, по мнению Хусейна, стать осуждение всякого применения силы против Ирака.

Я сказал Хусейну, что, с моей точки зрения, обращение именно с такими формулировками нереально, хотя и обещал незамедлительно проинформировать о его предложении М.С. Горбачева, находившегося в то время с визитом во Франции. Было ясно, что иракцы хотели попытаться использовать такое обращение для раскола сил, требующих вывода иракских войск из Кувейта. Такие формулировки, будь они приняты, снимали бы военномонстрационный эффект от концентрации многонациональных сил на территории Саудовской Аравии. Без

заявления о готовности уйти из Кувейта Хусейн получал бы заверение об исключении применения против него силовых приемов.

Однако интересно отметить, что в ответ на мои разъяснения по поводу неприемлемости предлагаемых формулировок Тарик Азиз сказал о готовности обсуждать и другие предложения советского и французского президентов по этому вопросу.

Хусейн продемонстрировал свой интерес к идеям арабской активности в деле урегулирования. Я пересказал ему разговоры, которые имел по этому поводу с президентами Асадом и Мубаракком. Что обратило на себя внимание? Саддам Хусейн выделял Саудовскую Аравию в качестве главного, а возможно, и единственного арабского партнера для переговоров. Подчеркнул, что готов встретиться сам или направить любого из своего окружения для встречи с соответствующими саудовскими представителями «в любое время и в любом месте».

Но по главному вопросу Саддам не сказал «да». Когда мы остались один на один, я начал разговор со слов: вы меня знаете давно и, очевидно, убедились, что стараюсь говорить вам правду. Так вот, удар, причем мощный, по Ираку неотвратим, если вы не заявите о своем выходе из Кувейта и не осуществите его.

В ответ Саддам еще раз повторил, что «просто так», не зная ответа на вопросы, упоминавшиеся мною раньше, он ничего сделать не сможет. «Это будет самоубийственно для меня, – подчеркнул Саддам. – И дело не только во мне. Если, не имея ответа на эти вопросы, я объявлю о выводе войск из Кувейта, самоубийство совершит Ирак. Именно поэтому я жду продолжения контактов».

Таким образом, хоть и с огромным скрипом, но механизм политического урегулирования мог чуть-чуть заработать. Я специально подчеркиваю – «с огромным скрипом», «чуть-чуть». Конечно же, не было основания преувеличивать возможности для развития процесса, но

в то же время – хочу сказать об этом со всей уверенностью – не было никаких оснований и их преуменьшать.

Не получив от Саддама прямого сигнала о готовности уйти из Кувейта, члены Совета Безопасности ООН в понедельник проголосовали за резолюцию, требующую компенсацию Ирака Кувейту за причиненный ущерб. Но все-таки были основания считать, что едем в Саудовскую Аравию «не совсем с пустыми руками».

В то время, когда мы летели из Багдада в Эр-Рияд, президенты СССР и Франции выступали в Париже на совместной пресс-конференции. Агентства сообщили (а более подробно мы были проинформированы уже по возвращении в Москву), что все нюансы встречи с Саддамом Хусейном подробно обсуждались М.С. Горбачевым и Ф. Миттераном. Вообще, как и следовало ожидать, тема кризиса в Персидском заливе была одной из главных и в советско-французских, и в предшествовавших им советско-испанских переговорах на высшем уровне.

С учетом состоявшегося разговора в Багдаде президент СССР заявил на пресс-конференции в Париже следующее:

«Мы считаем действия мирового сообщества в связи с аннексией Ирака оправданными. И должны сделать все, чтобы это единство было сохранено, добиваться, чтобы требования мирового сообщества выполнялись. Думаю, что, хотя американские войска, войска других стран находятся в районе Персидского залива и в Саудовской Аравии, речь тем не менее идет о политическом решении. По-моему, для всех нас неприемлем вариант военного решения проблемы. Но пусть президент Хусейн не спекулирует на этом. Мы должны шаг за шагом делать все для того, чтобы понудить руководителей этой страны понять, что они действуют вопреки здравому смыслу и подвергают опасности мир и свой народ в первую очередь. Это нельзя назвать иначе как авантюризмом. Тут надо оценивать все прямо и открыто. Действуя единым

фронтом в отношении агрессии, мы одновременно ищем способ выхода на политическое решение – оказывая давление, используя разные возможности и участвуя в политическом поиске...»

Сообщив о том, что в 5 утра он получил в Париже телеграмму из Багдада, М.С. Горбачев констатировал: «Появляются какие-то признаки, свидетельствующие о том, что руководство Ирака может, наконец, внять здравому смыслу и голосу Объединенных Наций. Да, беседы Примакова показывают, что позиция президента Хусейна уже не та, что некоторое время назад. В Багдаде, похоже, начали размышлять. Мне думается, что чем быстрее президент Ирака поймет и пойдет навстречу обращениям прежде всего со стороны арабских стран и Совета Безопасности ООН, тем быстрее и именно на политических подходах будет развязан этот опасный узел... Итак, мы за то, чтобы развязать узел политическими средствами. Но ситуация обостряется, и всем надо действовать активно. Если президент Хусейн рассчитывает, что ему удастся расколоть, разъединить, найти трещину в позиции постоянных членов Совета Безопасности ООН, то это заблуждение. А на заблуждениях нельзя строить политику».

НА ЗЕМЛЕ САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Сначала немного о прошлом. Попытки попасть в Саудовскую Аравию я предпринимал и раньше. Двадцать пять лет назад в качестве корреспондента «Правды» освещал в Йемене работу Харарской мирной конференции. Дней десять находился в йеменской Тихаме, недалеко от границы Саудовской Аравии, вдали от населенных пунктов. Впервые за три года после начала войны здесь под охраной египетских и саудовских солдат встретились представители племен, с одной стороны – поддерживавших республиканское руководство, с другой – свергнутого в течение недели после смерти короля Ахмеда имама Бафра. Связи с внешним миром не было никакой. Передавать корреспонденции никто не мог. Время коротали в беседах, в том числе с очень симпатичным парнем – как оказалось, сыном Фараона – знаменитого саудовского руководителя спецслужб.

Сам Фараон был здесь же, на месте, а главным саудовским представителем считался эмир Судейри. К нему я и обратился через сына Фараона с просьбой оказать содействие в получении визы для поездки в Саудовскую Аравию. Ответ пришел в столицу Йемена Сану телеграммой, в которой говорилось, что мне надлежит обратиться в саудовское посольство в Каире (в Сане саудовского представительства не было). Возвратившись в Каир, сразу же пошел к саудовскому послу. Тот принял меня прекрасно, пригласил на ленч, а потом сказал, что никаких указаний из Эр-Рияда не получил. На этом все и кончилось.

Вторая попытка побывать в Саудовской Аравии оказалась чуть-чуть «успешнее». Летели из Бейрута в Аден с моим близким другом, известным специалистом-арабистом, безвременно умершим Суреном Широяном. Самолет промежуточно приземлился в Джидде. Стоянка длилась несколько часов, но в город нас так и не выпустили.

Посему у меня есть все основания считать, что Саудовскую Аравию я все-таки посетил впервые.

Главная встреча в этой стране прошла в Джидде, где за прямоугольным вытянутым столом, совсем как у нас в официальных кабинетах, собрались все ведущие члены саудовской правящей семьи во главе с королем Фахдом. Здесь были и наследный принц Абдалла, и министр обороны принц Султан, и министр иностранных дел принц Сауд аль-Фейсал.

С министром иностранных дел Саудовской Аравии мы уже виделись в Москве, говорили – он предрасполагает к этому – неофициально, непринужденно. Так что в аэропорту Эр-Рияда встретились как добрые знакомые. А потом сразу в королевском самолете, в котором он сопровождал нас в Джидду, не нужно было постепенно, по ступенькам, подниматься к беседе. Кстати, рассказал ему о своей неудавшейся попытке четверть века назад побывать в Саудовской Аравии. Он, улыбаясь, ответил, что «не несет за это никакой ответственности, так как в то время не был министром иностранных дел».

Лишь недавно восстановились дипломатические отношения СССР с Саудовской Аравией, прерванные в тридцатые годы⁴⁴. Не имея опыта непосредственного политического общения с нами, саудовские руководители, конечно же, хотели знать больше, детальнее о наших подходах, общем видении обстановки.

И министру иностранных дел, и позже, уже на встрече с правящей семьей, я счел необходимым подробно изложить нашу позицию по кувейтскому кризису. Когда

сказал, что Советский Союз, не отступая ни на шаг, исходит из бесспорной необходимости вывода иракских войск и восстановления в Кувейте ситуации, существовавшей на 2 августа, но стремится использовать все для того, чтобы достичь этой цели политическими средствами, король Фахд заплодировал. Саудовцы вообще полагают к себе своей непосредственностью, естественностью. Может быть, в этом сказывается и бедуинский характер – в общем доброжелательный, мягкий.

Король и его окружение не отвергали идею «невидимого пакета» для разговора с Саддамом Хусейном. Но в то же время у них, так же как и у американцев, проглядывала серьезная озабоченность – не будет ли это воспринято Саддамом как повод для оттяжки времени в целях укрепления своих позиций в Кувейте. Саудовцев волновала линия Ирака на вытеснение коренного населения из захваченной страны. Очевидно, были в королевской семье такие, кто склонялся к немедленному переходу к военным акциям, так как время «работало» в пользу Саддама. Однако думаю, что король Фахд занимал более взвешенную позицию. Характер беседы с нами – подчеркнуто открытый, теплый – свидетельствовал не только о традиционном саудовском гостеприимстве. Король Фахд – смею утверждать – искренне надеялся, что все-таки удастся заставить Ирак уйти из Кувейта невоенными методами.

Отношения с Ираком были «больной темой». Высказывались обиды на то, что его руководство не оценило широкой помощи и поддержки, особенно в финансовой области, оказываемой Саудовской Аравией, Кувейтом, Объединенными Арабскими Эмиратами во время войны с Ираном. Для таких упреков были основания. Но отношение Эр-Рияда к Багдаду диктовалось далеко не только эмоциональными мотивами.

Ирак всегда был, а в последнее время еще больше стал «центром силы» в зоне Персидского залива, против-

стоящим не только Ирану, но и Саудовской Аравии, которая, несомненно, является лидером арабских государств Аравийского полуострова. В этой связи не могли остаться незамеченными размышления короля на тему о том, удастся ли даже при мирном урегулировании кувейтского кризиса добиться такого порядка, при котором Ирак не мог бы вновь угрожать своим соседям. Если этого не будет, нам тоже придется вооружаться «до зубов», говорил король, не только увеличивать закупки, но и самим создавать и развивать производство все более сложных систем вооружений. Мы категорически не хотим этого.

Думаю, что перспектива гонки вооружений в нашем районе не в интересах и Советского Союза.

Я полностью был согласен с этим.

Конечно, я передал королю слова Саддама Хусейна, что именно Фахд больше, чем кто-либо другой из арабских лидеров, может сыграть ведущую роль в урегулировании кувейтского кризиса, а также то, что Хусейн предлагает провести иракско-саудовскую встречу. Король ушел от прямого ответа, но напомнил, что встречи уже имели место. Приезжал в Саудовскую Аравию Т.Я. Рамадан – заместитель премьер-министра Ирака, контакты происходили и в других странах. Чувствовалось, что король не хотел принимать решение о новой саудовско-иракской встрече, что называется, «с колес». Сказывалась (да и не могло быть иначе, особенно в условиях нахождения американских войск на территории Саудовской Аравии) тесная координация между саудовцами и американским руководством.

Но Фахд четко высказался за продолжение нашей миссии. Король сказал, что высоко ценит доверительность, складывающуюся в отношениях между нашими странами, и заявил, что направит послание президенту М.С. Горбачеву с размышлениями о ситуации с учетом подробной беседы с нами.

Министр иностранных дел Сауд аль-Фейсал передал пожелание эмира Кувейта о встрече с представителем президента СССР. Во время ввода иракских войск в Кувейт эмиру удалось бежать из подвергшегося штурму дворца и перебраться в Саудовскую Аравию. Саудовцы сказали, что королевский самолет может доставить нас в Таиф, недалеко от которого в отеле «Шератон» размещалась временная резиденция эмира.

Заинтересованность саудовцев в нашей встрече с руководителем Кувейта была очевидной. Но предложение нами было принято, конечно же, не только и не столько по этой причине. С самого начала кувейтского кризиса Советский Союз незыблемо стоял на позиции восстановления суверенитета Кувейта, искренне сочувствовал горю, выпавшему на долю его народа, и никогда не забывал о том, что Кувейт был первым из нефтяных эмиратов, который установил с нами дипломатические отношения, поддерживал тесные связи.

На аэродроме в Таифе нас встретил министр иностранных дел Кувейта. В машине он рассказывал о трагической судьбе населения этой страны, в том числе его родственников, оказавшихся под оккупацией, – одни погибли, а о других он ничего не знал.

Позже посол Кувейта в СССР говорил мне с беспокойством, что после иракской оккупации не было встреч в Москве с кувейтскими руководителями.

– Думаете, что я мог посетить эмира несанкционированно, не зная о мнении советского руководства? – спросил посла.

Эмир, очевидно, это понимал и воспринял наш приезд, по его словам, как подтверждение позиции СССР, служащей восстановлению суверенитета Кувейта. Кувейтцы не забудут этого, сказал эмир. После ликвидации иракской оккупации мы, несомненно, расширим наше сотрудничество с Советским Союзом.

Обратило на себя внимание обилие телекамер в холле отеля «Шератон». «Демонстрационный» характер встречи заключался в том, что представитель президента СССР наносил визит главе государства, оккупированного Ираком, и вынужденному находиться на чужой территории. Для нас эта встреча была важна и потому, что давала возможность узнать непосредственно от кувейтского руководителя о его отношении к политической активности СССР – ведь по вполне понятным причинам Кувейт больше, чем кто бы то ни было, придерживался жесткой линии, считал необходимым применить силу против Ирака. Однако эмир, как показалось, с удовлетворением воспринял наши разъяснения и никоим образом не проявил сомнений в целесообразности попыток нащупать политический выход из лабиринта. Таким образом, встреча в отеле «Шератон» еще с одной позиции подтверждала правильность избранной линии.

В уме перебирал разговоры со всеми лидерами тех арабских стран, которые участвовали в антииракской коалиции. Конечно же, беседы были разные. Но мне почему-то казалось – и хочу сказать об этом, так как уверен, что этот «штрих» скажется в будущем, – что все они, испытывая острые антисаддамовские чувства и поставив своей целью осадить его, а возможно, и покончить с ним, в то же время не уходили от мысли: Ирак – арабская страна. И в этом плане как бы существовал «резерв» в их позициях, дававший дополнительную надежду на поворот в сторону политического, мирного урегулирования.

Конечно, такая «двойственность» проявлялась у всех в разной степени. Но у всех она обязательно проявлялась.

Мы вылетели в Москву 30 октября. Промежуточно совершили посадку на аэродроме Ларнака на Кипре.

Встречал министр иностранных дел Республики Кипр. Недалеко «под парами» стоял небольшой вертолет. Министр передал просьбу президента Кипра Василиу «подлететь к нему хотя бы на короткое время». Сердечная

беседа с ним показала, насколько широк круг стран этого региона, которые хотят активности Советского Союза в урегулировании кризиса.

– Кипр, – сказал президент Василиу, – готов предоставить свою территорию для возможных встреч, в том числе конфиденциального порядка, если они будут нужны, чтобы попытаться отодвинуть угрозу войны.

У каждой страны, пытающейся сделать все, чтобы избежать военной перспективы с ее тяжелыми последствиями, был и свой собственный «угол зрения». Греков-киприотов, например, настораживала не исключаемая ими возможность вступления в войну Турции «с последующим разделом Ирака».

ОПЯТЬ В США, НО ПО ДРУГОМУ СЛУЧАЮ

15 ноября в Нью-Йорке, в отеле «Уолдорф-Астория», состоялось вручение награды имени Дж. Кеннана. За 1990 год ее были удостоены сенатор Уильям Брэдли и я.

Выступая при вручении этой награды, я, в частности, сказал: «Подход СССР к кризису в зоне Персидского залива, порожденному интервенцией Ирака в Кувейт, был с самого начала однозначным. Советский Союз выступил против агрессии. Если принять во внимание то, что в течение многих лет существовали тесные связи между СССР и Ираком, нашу заинтересованность в развитии экономических отношений с этой страной, значительные суммы в валюте, которые мы получали за поставки вооружений в Ирак, то станет еще более ясным, что безоговорочный выбор, сделанный Советским Союзом, не был таким уж простым. Но советское политическое руководство пошло на это без колебаний. В немалой степени такое решение объяснялось стремлением не допустить того, чтобы преодоление жесткого противоборства между Востоком и Западом сменилось этапом “вседозволенности” тех, кто – теперь уже в “третьем мире” – обладает относительно большими военными возможностями, чем их соседи. Если не будет исключена подобного рода “практика”, не может быть внедрен и новый правопорядок в международные отношения. Отношения с США были и остаются, в том числе и в этом плане, приоритетными для Советского Союза».

Мой приезд в Нью-Йорк совпал по времени с началом обсуждения проекта еще одной резолюции Совета Безо-

пасности ООН – на этот раз называющей срок, после которого санкционировалось применение силы против Ирака. Поступили просьбы от телевизионных компаний, газет дать интервью. Одно из них было опубликовано 16 ноября в «The New York Times». В нем я предлагал отложить принятие этой резолюции.

Мотивы, по которым считал ее несвоевременной, казались мне достаточно вескими. Проект, но только проект, такой резолюции мог иметь значение, если сама возможность ее принятия неотвратимо нависала бы над Ираком. Это создало бы дополнительные условия для политического нажима с целью склонить его к выводу войск из Кувейта. Однако если такая резолюция становилась реальностью, тем более при определении предельного срока политического маневрирования, то тогда поле для маневра сужалось. А психологически – я твердо представлял это – принятие резолюции могло стать даже контрпродуктивным. В памяти сохранилась реакция Ирака, о которой говорилось выше, на длинную серию резолюций, выпущенных Советом Безопасности сразу же после его вторжения в Кувейт.

Мое негативное отношение к предполагаемому принятию резолюции сразу же привлекло к себе внимание прессы. Госсекретарю Дж. Бейкеру, находившемуся в то время в Европе, задали в связи с этим вопрос. Смысл его ответа заключался в том, что, по его пониманию, я говорил от своего собственного имени, впрочем, так и было сказано в интервью.

Резолюция Совета Безопасности № 678, как известно, была принята. Из постоянных членов Совета Безопасности воздержался только Китай.

До этого в Москве вновь побывал Тарик Азиз, а затем и министр иностранных дел Саудовской Аравии. Ни с одним, ни с другим я не встретился, хотя в то время был уже в Советском Союзе...

Итак, Саддаму Хусейну был поставлен резолюцией № 678 ультимативный срок. Линия Советского Союза заключалась в том, чтобы использовать и эту последнюю возможность для предотвращения войны. Выехавший в Багдад И.С. Белоусов имел задание попытаться склонить Хусейна на встречу его и американских представителей в Москве. М.С. Горбачев позвонил Дж. Бушу и сказал ему о готовности еще раз направить своего представителя в Багдад. Детализация предлагавшегося уже ранее так называемого «невидимого пакета», призванного заставить Саддама вывести войска из Кувейта без применения против него вооруженной силы, была параллельно передана в наше посольство в Вашингтоне. Буш ответил по телефону М.С. Горбачеву, что сразу же пригласит к себе посла А.А. Бессмертных.

Положительная реакция на предложения М.С. Горбачева прозвучала в выступлении Дж. Буша по радио. Но через несколько часов посол СССР был приглашен еще раз и ему сказали, что США не возражают против поездки в Багдад советского представителя, однако лишь для того, чтобы еще раз сказать С. Хусейну: «Уходи из Кувейта».

И ВСЕ-ТАКИ ВОЙНА...

В 2:45 ночи на 17 января меня разбудил телефонный звонок. М.С. Горбачев сказал: Язов, Бессмертных и Крючков уже в пути в Кремль, выезжай и ты. Потом он пояснил: только что госсекретарь США позвонил домой министру иностранных дел СССР и сообщил, что военные действия начнутся через считанные минуты. М.С. Горбачев просил срочно довести до Дж. Буша его просьбу отложить их начало хотя бы на какое-то время, чтобы еще раз попытаться добиться заявления Ирака о его готовности вывести войска из Кувейта. Дж. Бейкер ответил А.А. Бессмертных, что военные действия уже происходят.

Как и следовало ожидать, война началась с мощных ударов с воздуха. Сначала на аэродромы, радиолокаторные системы Ирака обрушились ракеты, направленные с американских кораблей, находившихся в Персидском заливе, потом пошли волны бомбардировщиков, в том числе «Стелс».

Мне кажется, что Вашингтоном была проведена широкая операция дезинформации Ирака. Накануне в успокаивающих заявлениях американских официальных лиц и генералов говорилось о том, что вооруженные силы коалиции будут полностью готовы лишь к концу января. Уже после начала военных действий мне говорили иранцы, что они получали, как оказалось позже, дезинформацию и по другим каналам: США, мол, хотят еще раз попытаться войти в политический контакт – может

быть, даже для успокоения своей общественности – и лишь после этого начать военные действия.

Так или иначе, но тактическая внезапность удара по Ираку была, по-видимому, достигнута. Представляется, что Саддам Хусейн до последнего времени все-таки исходил из того, что «многонациональные силы» не начнут военные действия. Это был еще один его просчет, может быть, фатальный.

Во время третьей поездки в Багдад, о которой речь пойдет позже, мне рассказывали, что С. Хусейн, получив предложение президента Буша обменяться визитами министров иностранных дел США и Ирака, заметил в своем окружении: я же говорил вам, что Советский Союз запугивает нас неизбежностью удара, – события идут по другому сценарию.

Но они «по другому сценарию» не шли.

В первые часы и дни войны в США и других стран коалиции началась эйфория – говорилось о полном разгроме всех электронных систем управления и связи, о выведении из строя всех аэродромов Ирака, об уничтожении на земле преобладающей части авиации и была даже сделана своеобразная оценка – в результате первых дней в зоне Персидского залива 80 процентов военного потенциала Ирака выведено из строя. Вскоре от таких оценок отказались. Ирак начал «огрызаться», появились первые потери в военно-воздушных силах США и других стран коалиции, стало ясно, что сохранился целый ряд взлетных полос, с которых поднимались в воздух иракские истребители, и, что воспринималось особенно болезненно, продолжала существовать большая часть мобильных ракетных комплексов, которые были задействованы, в том числе для ударов по Израилю и Саудовской Аравии.

Несколько слов об этих ракетах. В печати они часто фигурируют под названием «Скад», чем подчеркивается их советское происхождение. Однако это далеко не пол-

ностью соответствует действительности. СССР действительно поставил Ираку и некоторым другим арабским странам тактические ракеты Р-300, известные на Западе под названием «Скад», но по Израилю и Саудовской Аравии были выпущены не так называемые «Скады», а другие ракеты, которые с помощью ряда западноевропейских фирм были произведены в Ираке, – «Аль-Хусейн» и «Аль-Аббас». Эти ракеты в два-три раза превышают дальность полета Р-300.

Особое значение Ирак придавал ракетному обстрелу Израиля. Было ясно, что Багдад хочет втянуть его в войну и таким путем полностью изменить конфигурацию противостоящих друг другу сил. С. Хусейн, безусловно, рассчитывал на то, что арабские страны, участвующие в антииракской коалиции, будут вынуждены поменять фронт. Несомненно, ставка делалась и на то, что в случае начала вооруженных действий со стороны Израиля Ираку будет оказана поддержка даже теми арабскими странами (а возможно, и мусульманскими вообще), которые до этого момента сохраняли нейтралитет, причем некоторые из них – даже с антииракским оттенком.

В Израиле действительно поднялась волна возмущения, началось давление общественности на правительство с целью подтолкнуть его к вооруженному ответу на иракские провокации. Больших усилий стоило остановить израильское руководство. Это сделали главным образом Соединенные Штаты.

Советский Союз однозначно осудил ракетные обстрелы Израиля и Саудовской Аравии. Вместе с тем, не скрывая своей озабоченности, что война в Персидском заливе может разрастись, охватить все большее и большее число стран, он тоже довел до израильского руководства свою точку зрения о необходимости сдержанности в столь критический момент.

Война между тем эскалировала по «вертикали». Набирали интенсивность бомбардировки и ракетные об-

стрелы Ирака и группировки иракских войск в Кувейте. Основной целью были военные объекты и сооружения, промышленные предприятия, работающие на иракскую армию. Особое значение Соединенные Штаты придавали ударам по ядерным реакторам, химическим предприятиям, центрам, в которых могло разрабатываться биологическое оружие. Естественно, сразу же потребовались сведения о том, повлияет ли разрушение этих иракских объектов на близлежащие страны, к которым относится и Советский Союз. Президентом СССР были даны поручения научным и техническим службам, под круглосуточный контроль взяты южные приграничные районы Советского Союза, отстоящие от Ирака на 250–300 километров.

В это время в Москве была создана «рабочая кризисная группа». В ее состав вошли министры иностранных дел, обороны, внутренних дел, председатель КГБ, помощник президента по международным делам А.С. Черняев и я. В работе группы принимали участие помощник президента по печати В.Н. Игнатенко, заместитель министра иностранных дел А.М. Белоногов. Могу сказать с большой уверенностью – в «кризисной группе» работали люди, понимающие друг друга с полуслова.

На третий день войны – 19 января – президент СССР собрал «кризисную группу» и принял решение выступить еще с одной политической инициативой с целью прекращения войны в зоне Персидского залива. Советскому послу в Багдаде было дано указание немедленно вступить в контакт с Саддамом Хусейном либо передать ему через министра иностранных дел Тарика Азиза следующее: если мы в конфиденциальном порядке получим заверения от Ирака о его готовности безусловно и безоговорочно вывести войска из Кувейта, то обратимся к Соединенным Штатам с предложением о прекращении огня. В предварительном плане – хочу это особо подчеркнуть с учетом обвинений, выдвинутых либо теми,

кто не знал действительность, либо теми, кто ее игнорировал, будто мы действовали за спиной США, – президент Горбачев информировал американское руководство о предпринимаемых Советским Союзом усилиях.

Багдад молчал в течение двух дней, а потом дал негативный ответ, объявив по радио, что с предложениями подобного рода «следовало бы обращаться к президенту Бушу».

Между тем начали проявляться новые акценты в военных действиях. В сферу бомбардировок и ракетных обстрелов все больше попадали мирные жители Багдада и других городов. Были разрушены все электростанции страны. В результате перестали работать очистные сооружения при заборе воды, помпы, применяемые при эксплуатации канализации. Это предвещало серьезнейшие последствия, в том числе массовые эпидемии. Удары начали наноситься по объектам, которые с трудом можно было отнести к военным, таким как министерства, другие «престижные» здания.

Война в зоне Персидского залива приобрела и экологическое измерение. В водах залива появилось огромное количество нефти. До сих пор идут споры: выпустил ли всю эту нефть Ирак или хотя бы частично она попала в залив в результате американских бомбардировок. Ирак вообще отрицает свою причастность к загрязнению вод залива, хотя многие говорят об этом. Пока вопрос так и не выяснен до конца. Для меня главное не в этом, особенно сейчас. Неоспоримое в том, что именно война в зоне Персидского залива породила такую экологическую катастрофу.

Нефтяное пятно создало серьезную опасность для окружающей среды. Усиливалась угроза Ирака применить все имеющиеся в его распоряжении средства массового поражения. Саддам Хусейн расшифровал, что речь идет и о химическом, и о бактериологическом, и о ядерном оружии.

По мнению многих специалистов, Ирак ядерным оружием не обладал, но не исключалось, что могут быть использованы радиологические средства ведения войны путем распыления их над войсками, а возможно, и над мирными жителями Израиля и воюющих с Ираком арабских стран зоны Персидского залива. Это вызывало особую тревогу.

Обратили на себя внимание также «встречные» заявления, начинавшие раздаваться со стороны Соединенных Штатов, о возможности применения тактического ядерного оружия в сухопутной битве против иракской армии.

28–29 января в Вашингтоне находился министр иностранных дел СССР А.А. Бессмертных. Было принято совместное советско-американское заявление, в котором государственный секретарь Дж. Бейкер подчеркнул, что США и их партнеры по коалиции добиваются освобождения Кувейта, а не разрушения Ирака. Принимая к сведению американскую позицию, А.А. Бессмертных выразил согласие с тем, что целью международного сообщества должен оставаться вывод иракских войск из Кувейта.

Министры продолжают считать, говорилось в заявлении, что прекращение военных действий возможно, «если Ирак даст недвусмысленное обязательство уйти из Кувейта». Они также полагают, что такое обязательство должно быть сразу же подкреплено конкретными шагами, ведущими к полному выполнению резолюций Совета Безопасности ООН.

Такая констатация была чрезвычайно важна, так как она недвусмысленно сводила задачу к тому, чтобы заставить Ирак безоговорочно уйти из Кувейта. И как раз в этой части заявление подверглось острой критике в Соединенных Штатах. Вторым моментом, вызвавшим критику, было упоминание в советско-американском заявлении о том, что устранение источников конфликтов и

нестабильности в регионе невозможно без полного мирного процесса, включающего примирение между Израилем, арабскими государствами и палестинцами. Чувствовалось, что ужесточение позиции отстаивалось в США влиятельными силами.

На совещании «кризисной группы» 9 февраля М.С. Горбачев сказал, что решил незамедлительно выступить со своим заявлением о ситуации вокруг кувейтского кризиса. Необходимо еще раз вступить в прямой контакт с иракским руководством.

Одно из предложений заключалось в том, чтобы пригласить Т. Азиза в Москву.

– Нет, нужно направить нашего представителя к С. Хусейну непосредственно, – сказал президент. – У нас нет времени на «промежуточные» разговоры. Обращаясь ко мне, М.С. Горбачев сказал: вылететь нужно как можно быстрее.

В этот же день заявление президента СССР было опубликовано. В нем подчеркивалось, что события в районе Персидского залива приобретают все более тревожный и драматичный характер. Под угрозой катастрофического разрушения сначала находился Кувейт, а теперь и Ирак. Была подтверждена принципиальная линия советского руководства на поддержку резолюций Совета Безопасности ООН, но в то же время отмечено, что логика военных операций и характер военных действий создают угрозу превышения мандата, который определили в этих резолюциях.

В заявлении прямо говорилось, что в случае применения оружия массового уничтожения все мировое сообщество было бы потрясено до основания. Момент назван критическим. «Я немедленно направляю своего личного представителя для встречи с Саддамом Хусейном», – заявил М.С. Горбачев.

ВОЕННЫЙ БАГДАД: НАЧАЛО ПРОЗРЕНИЯ?

На этот раз до Багдада добраться было несравнимо труднее. Сочли, что наилучший маршрут – через Иран. При этом были приняты во внимание не только соображения, связанные с возможностью получить помощь от иранских властей в организации поездки до иракской границы. На тегеранском аэродроме предстояла встреча с заместителем министра иностранных дел, причем сразу же после того, как Иран сам выступил с мирной инициативой. За несколько дней до этого в Тегеране уже побывал заместитель министра иностранных дел СССР А.М. Белоногов, его беседы оказались очень полезными, и хотелось перед поездкой в Багдад ознакомиться с самым свежими впечатлениями и идеями иранцев насчет позиции иракского руководства. Такая встреча состоялась и оправдала ожидания.

Официальные власти Ирана дали пролет нашему самолету из Тегерана до Бахтарана (бывший Керманшах), а далее любезно предоставили автомобильный транспорт, чем мы воспользовались в четырехчасовом пути до границы.

Ехали по горной дороге «кавалкадой» с постоянной охраной, а также со сменяющимся сопровождением от района к району. Судя по всему, нас «эстафетой» передавали друг другу местные власти. Некоторые машины сопровождения были полицейскими. Другие, очевидно, принадлежали стражам исламской революции⁴⁵. Одна из них следовала с нами километров пятьдесят. На откры-

той площадке на ветру стоял почти подросток, вцепившись руками в гашетку зенитного пулемета. Было зябко даже глядеть на него, но он невозмутимо «выполнял свой долг».

Что поразило больше всего по пути – полностью разрушенные города и села. И это было практически во всей 100-километровой приграничной зоне, где прошли тяжелейшие ирако-иранские бои. Селения и города, буквально лежащие в руинах, сровненные с землей жилые поселки, остовы сгоревших танков. Признаюсь, что я никогда не думал во время войны Ирака с Ираном, что она привела к такому масштабу разрушений, к такой жуткой картине.

Кстати, уже в Багдаде, когда Тарик Азиз возмущался в связи с бомбовыми ударами по территории Ирака, я заметил: война – это всегда плохо и рассказал об увиденном на иранской территории, там, где вела бои иракская армия. Тарику Азизу было нечего ответить на это.

К границе подъехали уже в темноте. Пока оформляли документы – этим занимались тоже стражи исламской революции, которые фактически осуществляют пограничные, да и вообще все функции безопасности на территории Ирана, – мы вышли из гостевого шатра и сразу попали в гущу беженцев. Вереница чемоданов, сумок, тюков, плачущие дети, женщины со скорбными лицами, холодно – все под открытым небом. Разговорились с некоторыми. На иранскую территорию в тот момент в основном переходили иностранцы, работавшие в Ираке, – выходцы из Юго-Восточной Азии, Судана.

Вернулись в шатер, куда вскоре вошел прибывший за нами начальник протокольной службы министерства иностранных дел Ирака. Он сообщил, что нас ждут иракские машины, на которых мы пересечем две границы и нейтральную зону.

На иракской стороне нас встречали заместитель министра иностранных дел Сауд аль-Фейсал и советский

посол В.В. Посувалюк. Время было позднее, и мы двинулись на большой скорости к Багдаду. Периодически включающиеся фары то одной, то другой машины, плотно следовавших в колонне, выхватывали из кромешной тьмы дорогу. Как только через два с лишним часа достигли пригородов Багдада, колонна сразу же рассыпалась. Машины, на которых мы ехали, – я убедился, что это характерно для всех автомобилей иракского руководства, – были в маскировочных целях заляпаны грязью. Но подумалось: не выделяет ли именно грязь эти машины из числа других, не демаскирует ли она тех, кто ими пользуется?

Мы остановились в отеле «Ар-Рашид», куда прибыли в 11 вечера. Нам сказали, что это самое безопасное место в иракской столице, так как здесь живут иностранные журналисты, в частности Питер Арнетт из американской CNN. Света не было, лифты не работали, в шикарном номере горел керосиновый фонарь – я, в отличие от моих коллег, удостоился этой привилегии, – в ванной стояли чаны с припасенной водой.

Было тихо. Бомбардировки, которые обычно начинались уже в это время, запаздывали, и журналисты, потянувшиеся на «огонек», шутили: оставайтесь подольше, может, бомбежек не будет. Но, как говорится, «накликали». Через час завывла сирена воздушной тревоги, и в те две ночи, которые мы провели в Багдаде, по свидетельству многих, происходили одни из самых ожесточенных бомбардировок города.

Поздно ночью сообщили, что встреча с Тариком Азизом состоится в 11 часов утра. Он выбрал местом для этого резиденцию нашего посла. Не успели начать беседу, как посыпались обвинения в адрес Советского Союза, его политики, которая чуть ли не «зажгла зеленый свет» для «ооновской войны против Ирака».

Предложил Тарику погулять с ним немного по лужайке. Даже когда остались одни, разговор продолжал быть

острым. Возникла мысль, что со стороны Тарика это делается для того, чтобы «прощупать» по моей реакции, насколько прочно наше взаимодействие с Соединенными Штатами и другими странами коалиции, «какие резервы» существуют у Ирака в этом смысле. Идея о «зондирующей» цели разговора со мной подкрепилась и во время встречи с Саддамом Хусейном, которая началась опять с упрека в адрес СССР, но об этой встрече – потом.

Сказал Тарику Азису, что Ирак делает одну ошибку за другой, пытается сохранить несохраняемое и загоняет себя в такой тупик, из которого навряд ли сможет выбраться. Привел ему в качестве примера взбудоражившее весь мир сообщение о том, что иракские власти объявили о своем намерении в полное нарушение Женевской конвенции⁴⁶ разместить пленных американских летчиков и представителей других стран из многонациональных сил на стратегических объектах, подвергавшихся бомбардировкам.

В ответ Тарик опять возобновил свои обвинения в наш адрес. Тогда я сказал: мы приехали сюда не для того, чтобы выслушивать все это. Если такое запрограммировано и со стороны Саддама, то, может быть, мне стоит уехать уже сегодня?

Встреча с Саддамом Хусейном состоялась вечером в этот же день. Мы были готовы к тому, что нас поведут в бункер, может быть, вывезут далеко за пределы Багдада. Все было намного прозаичнее. Привезли нас в один из гостевых домов в центре города. Мы сначала думали, что то «перевалочный пункт» и отсюда начнется «поход в подземелье». Но именно в этот гостевой дом, который озарился электрическим светом, так как неожиданно для нас заработал местный движок, пришел Саддам Хусейн со всем иракским руководством. Он подсел к одной из печек-«буржук», снял шинель, расстегнул, как обычно, пояс с кобурой и положил его на пол. И тут я разглядел, как он похудел. С момента последней встречи он потерял

15–20 килограммов – не меньше. Но выглядел внешне спокойно.

Уже упомянул о том, что речь он начал с упреков в адрес Советского Союза, а также с некоторых выражений, которые можно было расценить как попытку показать «непоколебимость» занятой Ираком позиции. Из них – что и после вывода войск из Кувейта, если это произойдет, Ирак будет находиться в войне с Израилем. Тон беседы, характер заявлений С. Хусейна, скорее всего, определялся присутствием его окружения. Создавалось впечатление, что он обращался не ко мне, а к ним.

Когда остались один на один, я подчеркнул: американцы решительно настроены начать широкомасштабную сухопутную операцию, в результате которой группировка иракских войск в Кувейте будет разгромлена. Вы понимаете, будет разгромлена. Сказал, что политика – искусство возможного, и предложил ему следующее: заявить о выводе войск из Кувейта, причем в этом заявлении определить наикратчайшие сроки такого вывода. И этот вывод должен быть полным и безусловным.

И тут впервые по-настоящему произошел перелом. Саддам Хусейн стал задавать вопросы по существу, и уже этот факт свидетельствовал о том, что он отнюдь не отвергает инициативу. Вопросы сводились к следующему: можно ли быть уверенными в том, что не будут «стрелять в спину солдатам, уходящим из Кувейта» и что будут остановлены удары по Ираку после вывода войск? Будут ли в связи с выводом войск отменены санкции против Ирака, введенные резолюциями ООН после его отказа уйти из Кувейта?

Однако одновременно Саддам начал прощупывать возможности изменения характера режима в Кувейте. Ответил ему со всей определенностью: речь должна идти о восстановлении положения, существовавшего до 2 августа. Саддам Хусейн спросил: смогу ли я задержаться в Ираке – ведь ему нужно проконсультироваться с колле-

гами по руководству. Боясь затяжки с ответом, ответил, что задержаться не могу, так как должен выехать в 6 утра к иранской границе. Саддам согласился, что он действительно сможет собрать иракское руководство этой ночью, и заявил: короткий ответ привезет в советское посольство (телефонная связь также была выбита бомбардировками) через несколько часов Тарик Азиз, а личный представитель президента Ирака выедет в Москву для продолжения контактов.

Саддам молча выслушал мое замечание, что время не терпит, необходимо ужать его до предела. Внешне никак не отреагировал на призыв даже в кратком иракском ответе высказаться позитивно о безоговорочном выводе войск из Кувейта и прекратить удары по мирному населению Израиля, стран Залива, так как в таком случае не закончатся военные действия против Ирака.

Через два часа мы уже сидели на первом этаже нашего посольства. В комнате собрались большинство из тех 13 советских людей, что находились в те дни в Багдаде. Эти мужественные люди без всякой аффектации, рисовки и в то же время без жалоб переносили все тяготы багдадской жизни – без электричества, без чистой воды, в холодных, нетопленных помещениях (в Багдаде в это время года холодно, к утру лужи покрываются коркой льда). В довершение ко всему чувствовалась все большая нехватка бензина – его буквально собирали по литрам, и не для отапливания или освещения помещений, а для «движка», чтобы поддерживать связь с Москвой. Причем все эти 13 человек, добровольно оставшиеся выполнять свой долг в таких условиях, значительную часть времени проводили в металлической трубе диаметром два метра, засыпанной землей и обложенной балками. Бомбоубежищем, конечно же, эту трубу можно назвать лишь условно, но, как уверяли нас наши друзья, они надежно укрывались здесь от осколков, которые в изоби-

лии падали с неба во время обстрелов самолетов, налетающих на Багдад.

Патриотизм и самоотверженность этих людей получили высокую оценку советского руководства. После завершения военных действий в зоне Персидского залива все они указом президента СССР были награждены боевыми орденами и медалями за образцовое выполнение своего служебного долга и личную храбрость.

Настоящий лидер этого небольшого коллектива – посол Виктор Посувалюк. И дело не только в работе. В трубе-бомбоубежище мы увидели уже знакомую нам гитару. В этот вечер никто на ней не играл. Но во время предыдущей поездки в Багдад, в «хорошие мирные времена», когда эта труба еще не была сооружена, а мы все сидели в просторном холле резиденции посла, Виктор Викторович пел, аккомпанируя себе на гитаре, сочиненные им прекрасные песни. Тогда было даже своеобразное соревнование двух таких самобытных бардов. Гитара перешла от посла к Николаю Анатольевичу Савинову, который вместе с Г.А. Хабаровым и В.В. Зубковым обеспечивал нашу безопасность во всех поездках. Хотел бы сказать в их адрес самые добрые слова – не только за их высокий профессионализм, но и доброжелательность, заботу, искреннее сопереживание за наше общее дело. Как тяжело думать, что Николая Савинова – этого талантливого, умного, доброго человека – нет в живых. Его жизнь так нелепо оборвалась уже в Москве – отказало сердце. Нелегкая работа у офицеров безопасности...

Возвращаюсь к военному Багдаду. В «обжитую» нами комнату на первом этаже посольства в 2 часа ночи 13 февраля пришел Тарик Азиз. Он принес письменное заявление, в котором говорилось: иракское руководство серьезно изучает идеи, изложенные представителем президента СССР, и даст ответ в ближайшее время. Тарик Азиз сообщил, что в воскресенье он вылетает в Москву.

Когда мы, уже проделав обратную в общей сложности четырнадцатичасовую дорогу, возвратились в Москву, на аэродроме нас встречала большая группа советских и иностранных журналистов. Не зная о том, что в этот день помощник президента по печати В.Н. Игнатенко на брифинге уже процитировал слова «появились обнадеживающие признаки» из телеграммы, направленной из Багдада, я произнес эту же фразу, отвечая на вопросы корреспондентов.

О результатах поездки в Багдад телеграммами МИД СССР были проинформированы руководители целого ряда государств.

«ПЛАН ГОРБАЧЕВА»

15-го числа, то есть за два дня до приезда Тарика Азиза в Москву, багдадское радио прервало свои передачи для оглашения заявления Совета революционного командования. В заявлении говорилось о готовности Ирака действовать в связи с резолюцией 660 Совета Безопасности ООН, которая, как известно, требовала безоговорочного вывода иракских войск из Кувейта. Однако эта часть заявления была пропагандистски обставлена целым рядом традиционных лозунгов, заклинаний, обещаний «довести войну до победного конца», а также перечнем подлежащих решению проблем: палестинской, вывода американских войск, прекращения санкций, ухода Израиля с оккупированных территорий.

Я несколько не удивился, что первое заявление, с которого на практике начинался процесс политического урегулирования, было «раскрашено» таким образом, чтобы отвратить даже мысль о капитуляции Ирака. Вместе с тем было ясно, что за это ухватятся либо те, кто не хотел, чтобы Ирак «ускользнул от окончательного удара», либо – вовсе не верил Ираку. Так и произошло. Заявление было отвергнуто Соединенными Штатами и их союзниками по коалиции именно на основе того, что вывод войск из Кувейта обуславливается решением других проблем.

17-го вечером на специально направленном за ним в Тегеран советском самолете в Москву прилетел Тарик Азиз. Я был приглашен принять участие в переговорах и

у министра иностранных дел А.А. Бессмертных – в 9 утра, и у президента М.С. Горбачева – в 10:45.

Обрисовывая свою позицию, Тарик Азиз сказал, что, несмотря на жесточайший характер удара по нему, Ирак не пойдет на капитуляцию. Он в этом непреклонен. Но если есть возможность для почетного мира, то иракское руководство готово сделать все, чтобы ее использовать.

Я понял так, что президент Горбачев прежде всего хотел, чтобы иракское руководство недвусмысленно отказалось от выдвижения условий для вывода своих войск, что противоречило резолюциям Совета Безопасности ООН.

– Ваша позиция выглядит весьма непоследовательной, сказал президент. – С одной стороны, это – важный шаг в политическом урегулировании, так как вы признаете резолюцию ббо, которая, как известно, требует безоговорочного вывода. С другой – ваша позиция выглядит таким образом, что вывод обуславливается предварительно. Вы называете целый ряд важных проблем – это факт. Но если их решение будет увязываться с выводом войск, то это неприемлемо, нереально, и это будет причиной наращивания военных действий в качестве чуть ли не безальтернативного варианта.

Под прямыми вопросами Тарик Азиз был вынужден согласиться, что перечень проблем – «не условия вывода», а «как бы программа», которую следовало воплотить в жизнь в будущем.

М.С. Горбачев заметил попутно: «Почему все-таки в той части заявления, где говорится о выводе войск, не упоминается слово “Кувейт”»?

В ответ на вопрос Т. Азиза, как мы понимаем подходы к мирному процессу, который привел бы к достойному и почетному миру, президент СССР предложил иракскому руководству незамедлительно продумать такой план:

– Ирак заявляет о полном выводе своих войск из Кувейта (именно из Кувейта, а не вообще).

– В этом же заявлении определяет конкретный срок окончательного вывода, причем этот срок должен быть максимально кратким.

– Уход из Кувейта не обременяется никакими условиями, за исключением одного – гарантии, что выходящие из Кувейта войска не будут подвергнуты атакам, что им не будут «стрелять в спину».

На беседе у М.С. Горбачева вместе с Т. Азизом присутствовал и другой член иракского руководства – заместитель премьер-министра С. Хаммади, находящийся в Москве проездом в Пекин. Президент СССР сказал, обращаясь к ним: сейчас огромную роль играет фактор времени; если вы дорожите жизнями своих соотечественников, судьбой Ирака, то должны действовать незамедлительно. Т. Азиз и С. Хаммади ответили, что они представляют лишь часть иракского руководства и должны обо всем доложить Саддаму Хусейну.

Сразу после беседы с Т. Азизом и С. Хаммади президент СССР связался по телефону с президентом США и руководителями ряда западноевропейских стран. Сообщив им о характере разговора и о своих впечатлениях, М.С. Горбачев просил учесть появившиеся новые моменты в иракской позиции. Складывалось впечатление, что все это находит понимание.

Тарик Азиз немедленно отбыл на родину, опять через Иран.

Потянулись тревожные часы, складывающиеся в дни, в ожидании вестей из Багдада. В это время из официальных американских кругов просочилась информация в печать, что президент СССР просил хотя бы до окончания переговоров с Ираком не начинать крупномасштабные сухопутные действия.

20-го, вечером, из Багдада поступило сообщение о том, что в Москву направляется Тарик Азиз, который попросил прислать за ним советский самолет к 17:00 следующего дня в Бахтаран.

Между тем мир уже широко комментировал только что прозвучавшее по радио выступление Саддама Хусейна – сбивчивое, эмоциональное, с повторением всего набора обвинений и угроз. Все уже знали, что Тарик Азиз направился для нового раунда переговоров в Москву. И подобное заявление Хусейна, сделанное буквально за несколько часов до этого, по единодушному мнению комментаторов, свидетельствовало о том, что Ирак отклоняет мирный план, исходящий от Советского Союза. Я не разделял такого мнения. Мне как раз казалось, что сочетание этих двух событий – «зубодробительного» выступления Саддама и приезда Тарика в Москву – свидетельствовало о том, что Ирак согласится на коренное изменение своей позиции. При этом обратили на себя внимание слова Саддама о том, что мир в зоне Персидского залива может открыть перспективы «всеобъемлющего мира в регионе». Эта фраза намекала на возможность конструктивизма в иракской позиции. А набор пропагандистских заявлений был направлен вовнутрь Ирака и, как представлялось, с целью «расчистить путь» для принятия радикального решения.

Но предположение предположением, и все мы с огромным нетерпением ждали начала переговоров с Тариком Азизом. Несколько раз М.С. Горбачев звонил по телефону, спрашивая, есть ли сведения о том, когда прибывает Азиз. Сведений не было. Стало известно только, что он задерживается в Тегеране, где у него начались разговоры с иранским руководством.

Советский самолет в постоянной готовности к вылету ожидал Т. Азиза в тегеранском аэропорту. Однако только в 20:15 по московскому времени 21 февраля поступило сообщение, что этот самолет с ним на борту поднялся в воздух. Наступала ночь, и возникло предложение начать встречу у президента СССР утром. М.С. Горбачев отказался: время достигло критической отметки, начнем переговоры, не откладывая ни на час.

Президент не уезжал из Кремля, куда в начале первого ночи, прямо с аэродрома, прибыл Тарик Азиз и группа сопровождающих его лиц. Состоялся разговор, который длился до трех часов утра 22 февраля. Удалось «вчерне», в первом подходе рассмотреть ряд пунктов. Главным из них, естественно, было согласие Ирака принять резолюцию 660 Совета Безопасности ООН и его готовность полностью вывести свои войска из Кувейта.

Вместе с тем иракцы утверждали, что не смогут сделать этого в предельно сжатые сроки, мотивируя это тем, что предстояло вывести огромную армию в условиях, когда разбиты мосты, дороги. Называли сначала срок в 3–4 месяца, потом – «минимальный» – 6 недель.

На реплику – вводили-то войска за считанные часы – Т. Азиз ответил: вводили 2 дивизии, а за 7 месяцев сосредоточили в Кувейте около 500 тысяч человек – с тыловым обеспечением, складами, техникой. М.С. Горбачев сказал, что предлагаемые сроки могут и должны быть сокращены до предела.

Многие важные положения, таким образом, еще не были согласованы, отшлифованы, предстояло продолжить переговоры утром этого же дня. Но главное (забегая вперед, скажу, что удалось через несколько часов при продолжении переговоров кардинально улучшить и эту формулировку) заключалось в принятии Ираком требований мирового сообщества о полном выводе его войск из Кувейта.

Когда Тарик Азиз уже собрался покинуть кабинет президента СССР, ему было сказано о необходимости очень быстро освободить задержанную иракцами в Кувейте группу журналистов, в том числе из американской телекомпании CBS.

Тарик Азиз согласился с этим, но впоследствии иракцы не торопились с решением. Президент Горбачев получил обращение с просьбой повлиять на Ирак от бывшего госсекретаря Соединенных Штатов Г. Киссинджера.

Поступали и другие аналогичные обращения. Было дано указание еще раз связаться с Багдадом по этому вопросу. Руководство CBS выразило М.С. Горбачеву благодарность за усилия, которые оказались решающими, по освобождению корреспондентов.

А теперь опять о событиях этой напряженной ночи. Так как время чрезвычайно поджимало, да и весь журналистский корпус в Москве был на ногах, В.Н. Игнатенко провел брифинг в 3:30 утра. Пресс-центр был переполнен до отказа. Представители крупнейших телевизионных компаний, мировых агентств, газет, журналов терпеливо с вечера ждали появления помощника президента СССР по печати, который огласил уже рассмотренные пункты, сказав, что работа над ними будет продолжаться, и мы рассчитываем на дальнейший прогресс. Заявление В.Н. Игнатенко было встречено аплодисментами, сверхнеобычным было полное отсутствие вопросов – все буквально бросились передавать «молнии» в свои органы массовой информации.

И надежда, и оптимизм возрастали.

В четвертом часу утра М.С. Горбачев имел полутора-часовой телефонный разговор с Дж. Бушем. При этом разговоре я находился в кабинете президента СССР, Дж. Буш выразил признательность за усилия, предпринимаемые Советским Союзом. Вместе с тем он высказал сомнение в искренности Багдада. При этом Буш подчеркнул, что его особенно беспокоит судьба пленных, которые находятся в тягчайших условиях, а также невозможность «пройти мимо колоссального материального ущерба», нанесенного агрессией Ирака Кувейту. Президент США был неудовлетворен и длительностью сроков вывода иракских войск.

М.С. Горбачев сослался на заверения Т. Азиза о том, что иракское руководство приняло решение о выводе и его выполнит.

В заключение М.С. Горбачев и Дж. Буш подтвердили свою решимость и дальше работать вместе на общее дело мира. В разговоре было подчеркнуто, что курс на развитие сотрудничества СССР с США жизненно необходим для мирового сообщества. Договорились продолжать тесные контакты.

Как только М.С. Горбачев положил трубку на рычаг телефонного аппарата, он сказал нам: «Во время переговоров с иракцами, которые начнутся уже через несколько часов, обратите особое внимание на замечания Буша».

Действительно, через несколько часов – для сна времени практически уже не было – в особняке МИД на улице Алексея Толстого⁴⁷ А.А. Бессмертных, А.М. Белоголов и я встретились с Т. Азизом и сопровождавшими его лицами. Началась неимоверно трудная «притирка». Около часа заняло обсуждение одного только вопроса – нажимное с нашей стороны – в какой срок отпустить американских и других пленных. Иракцы ссылались на трудности технического порядка. В конце концов, мы все-таки настояли: три дня после прекращения военных действий.

В пункт, провозглашающий согласие Ирака выполнить резолюцию 660, были внесены слова: незамедлительно и безусловно вывести все свои войска. Мы предложили, чтобы в этом пункте было совершенно четко сказано, что войска выводятся из Кувейта. Иракцы согласились с этим.

Тяжелое обсуждение было вокруг сроков вывода войск. Иракцы настаивали на шести неделях, подчеркивая, что этот вопрос для них не политический, а технический. Имея в виду, что скоро наступит сезон ветров и бурь, во время которого военные действия в пустыне чрезвычайно затруднены, и американцы в таких условиях не без основания подозревают Ирак в затяжке времени, мы предложили отдельно определить сроки вывода

иракских войск из города Эль-Кувейта – первые четыре дня и не больше. Ведь для того чтобы сделать это, не нужны какие-то особые коммуникации. Когда предлагалось 4 дня, то имелось в виду, что США называли к тому времени этот срок для вывода иракских войск из Кувейта, а город Эль-Кувейт – это фактически вся страна. Общий срок вывода на тот момент удалось «дожать» до трех недель.

Самые большие дебаты произошли, и полная несговорчивость иракцев проявилась при обсуждении вопросов о прекращении действий всех резолюций Совета Безопасности ООН, принятых вслед за резолюцией 660, которые, как известно, предусматривали санкции против Ирака, в том числе выплату компенсаций за ущерб, причиненный Кувейту. Т. Азиз делал упор на том, что все они были одобрены, вследствие того что Ирак отказывался выполнять резолюцию 660, а теперь, мол, он согласен незамедлительно осуществить ее требования, и, таким образом, другие принятые решения не имеют юридического смысла. Мы не соглашались с такой постановкой вопроса, но Т. Азиз заявил, что по этому вопросу у него «жесткий мандат», за рамки которого он выйти не может. Мы объясняли Азизу, что это проблема, которая относится к компетенции Совета Безопасности, принимать решения может только он, а мы лишь в состоянии обсуждать свою позицию.

Но, имея в виду озабоченность Дж. Буша, мы даже по этому пункту, где иракцы проявляли абсолютную жесткость, оговорили определенную подвижку. Из «ночных» предложений было изъято положение о том, что экономические санкции прекращаются тогда, когда Ирак выводит две трети своих вооруженных сил из Кувейта. Теперь прекращение экономических санкций связывалось с уходом последнего иракского солдата из этой страны. По моему мнению, с одной стороны, это делало Ирак заинтересованным в максимально коротком сроке вывода

войск, так как было совершенно ясно, что он не мог сколько-нибудь длительный период жить в условиях экономической блокады, а с другой – снимало подозрения в том, что Ирак хочет ограничиться лишь частичным выводом войск.

В конце концов, родились шесть пунктов, первым и главным из которых был следующий: «Ирак соглашается выполнить резолюцию 660, то есть незамедлительно и безусловно вывести все свои войска из Кувейта на позиции, которые они занимали 1 августа 1990 года». Начало вывода войск предусматривалось на следующий день после прекращения огня и всех военных действий на суше, море и в воздухе. Иракцы провозглашали свое согласие на завершение вывода войск в течение 21 дня, включая уход из города Эль-Кувейта в первые четыре дня. Объявлялось, что все военнопленные будут освобождены и репатриированы в течение трех дней после прекращения огня и военных действий. Подтверждение, контроль и надзор за прекращением огня и выводом войск предполагалось осуществить наблюдателями или силами по поддержанию мира, как это будет определено Советом Безопасности ООН.

Вопреки всем нашим возражениям и уговорам Т. Азиз не снял следующего пункта: «Сразу после завершения вывода войск из Кувейта причины, по которым были приняты другие резолюции Совета Безопасности, будут исчерпаны и в силу этого указанные резолюции прекратят свое действие».

Можно ли считать, что Ирак принимает весь этот «комплекс», спросили у Тарика Азиза. Он ответил, что нуждается в подтверждении всего руководства, и в первую очередь Саддама Хусейна, однако добавил, что сам не сомневается в положительном ответе.

Но, несмотря на такую «уверенность», Азиз все-таки предложил немедленно и вместе со мной вылететь в Багдад для того, чтобы «проинформировать Хусейна». По-

нимая, что время было на пределе, мы отклонили этот вариант, считая возможным связаться с иракским руководством из Москвы.

– Но как это сделать? – спросил Т. Азиз. Телефоны не работают. После того как разбомбили радиостанцию МИД Ирака, у иракского посольства в Москве нет связи с Багдадом. В этих условиях, – пояснил Азиз, – мы посылаем телеграммы в Амман, в наше посольство в Иордании, а оттуда нарочный в течение 15–20 часов добирается до Багдада.

Предложили Азизу воспользоваться нашими передатчиками и послать телеграмму через советское посольство в Багдаде даже иракским шифром. Шесть пунктов были переданы иракскому руководству не без трудностей. Без электричества не работала машина, с помощью которой предстояло в иракском МИДе расшифровать телеграмму. Пришлось с согласия Т. Азиза переводить ее в Москве на русский, затем посылать уже нашим шифром в посольство в Багдад, там переводить на арабский. Трудности усугублялись и тем, что в Багдаде действовали электронные помехи. Иракцы считали, что это делается американцами специально – мы им говорили, что, по нашим данным, это обычный «фон», который создан американцами не сегодня, а с первых дней войны.

ПОСЛЕДНИЙ АКТ ДРАМЫ

В 19 часов по московскому времени президент Буш предъявил ультиматум Ираку с требованием вывести войска с территории Кувейта в недельный срок, в том числе из города Эль-Кувейта за 48 часов, и начать этот вывод до 12 часов дня по нью-йоркскому времени в субботу, 23 февраля. Курок был взведен.

23 февраля в 2 часа ночи по Москве (в Вашингтоне было еще 22 февраля) пришел положительный ответ от Саддама Хусейна по «шести пунктам».

23 февраля в 12 часов 05 минут Тарик Азиз встретился с журналистами в пресс-центре МИД СССР. Он огласил решение иракского руководства незамедлительно и безусловно вывести все свои войска из Кувейта, но при этом сослался на весь «комплекс, проработанный в Москве». В связи с тем, что в это время на Западе – в заявлениях государственных деятелей, по радио, телевидению, в печати – очень остро поднимался вопрос о том, что Ирак начал взрывать нефтепромыслы в Кувейте и таким образом приступил к экологической войне, Тарик Азиз, сославшись на поручение из Багдада, заявил о готовности в любое время принять делегацию наблюдателей, в том числе и ООН, для расследования этих обвинений на месте.

Азиз закончил свое выступление словами о том, что решение о безусловном и безоговорочном выводе войск из Кувейта является ответом на требование президента Буша.

Тут же Тарик Азиз отбыл из Советского Союза. Прощаясь с ним, отвел его в сторону и сказал: «Если у тебя

есть какие-то “запасные позиции” по срокам вывода войск из Кувейта и в отношении резолюций Совета Безопасности, на отмене которых ты упорно настаиваешь, задействуй эти «резервы», выложи уже сейчас все, что имеется, на стол. Разве не понятно, что иракское руководство все время опаздывает? Если бы, например, ты приехал в Москву 17 февраля уже с теми предложениями, которые привез во второй раз 21-го, или, еще лучше, если бы эти предложения были одобрены Саддамом Хусейном во время моей встречи с ним в Багдаде, то, возможно, ситуация была бы другой. Как вы не понимаете, что нынешний момент – не для торговли и маневрирования. Под удар поставлены огромные ценности, решается судьба страны...»

Сразу же после отъезда Т. Азиза началась небывалая по интенсивности политическая работа президента СССР. Сначала были направлены телеграммы лидерам всех стран, входящих в Совет Безопасности. Но М.С. Горбачев не удовлетворился этим. Состоялись его разговоры по телефону – один за другим – с премьер-министром Великобритании Дж. Мейджором, премьер-министром Италии Дж. Андреотти, президентом Франции Ф. Миттераном, президентом Египта Х. Мубараком, президентом Сирии Х. Асадом, канцлером Германии Г. Колем, премьер-министром Японии Т. Кайфу, президентом Ирана А.А. Хахеми Рафсанджани и опять – с президентом США Дж. Бушем. Во время этих разговоров, каждый из которых имел и особое содержание и свой акцент и, если хотите, свою форму, М.С. Горбачев подчеркивал:

– после согласия иракского руководства безоговорочно вывести войска из Кувейта ситуация приобрела принципиально новый характер – в такой момент не подобает не замечать, что произошел существенный сдвиг;

– достичь поворота было бы нельзя без совместных акций всего мирового сообщества, направленных в различных формах против агрессии Ирака;

– безоговорочное согласие Ирака открывает путь к переводу конфликта в зоне Персидского залива в русло политического урегулирования.

В разговорах с президентом Бушем и другими предлагалось созвать Совет Безопасности ООН и интегрировать в одно целое план, уже принятый Ираком, с требованиями Соединенных Штатов. При этом подчеркивалось, что расхождения между формулами, на которые согласился Ирак, и предложениями ряда других государств – невелики, они, как представлялось, поддаются согласованию в рамках Совета Безопасности в течение одного-двух дней. А сами различия между ними не могли рассматриваться как веская причина для перевода военных действий в еще более разрушительную стадию. Советскому представителю в ООН были даны указания по созыву чрезвычайного заседания Совета Безопасности ООН для срочного рассмотрения создавшейся ситуации.

Но шанс на мирный исход конфликта, на достижение целей резолюций Совета Безопасности ООН без дальнейших человеческих жертв и материальных разрушений до конца не был использован.

Немалое значение имел тот факт, что концентрация американских войск в зоне Персидского залива, приобретшая такие огромные масштабы, превращалась в «саморазвивающуюся систему». Логика ее развития оказывала самодовлеющее воздействие на ход событий. А за пять месяцев после начала кувейтского кризиса, к 17 января 1991 года, когда разразилась война, американская группировка в зоне Залива насчитывала 441 тысячу человек, 10 дивизий, более 2930 танков, около 1950 орудий и реактивных систем залпового огня, свыше 1700 современных боевых самолетов и 94 боевых корабля, включая 6 многоцелевых авианосцев. Как писал А.П. Чехов, если на стене висит ружье, то оно должно обязательно выстрелить.

Когда уже прошла масштабная сухопутная операция, которая не привела к большому числу жертв со стороны коалиции, иракская группировка в Кувейте была разгромлена и оккупанты быстро ушли за его пределы, многие могут задать вопрос: а стоило ли вообще использовать этот шанс? Может быть, именно военная развязка была оптимальной с точки зрения прекращения агрессии?

С таким выводом согласиться не могу, прежде всего потому, что каждый погибший человек – это трагедия, не говоря о сотнях, тысячах, десятках тысяч расставшихся с жизнью и искалеченных.

В ходе военных действий вся информация о жертвах и разрушениях подвергалась в Соединенных Штатах жесткой цензуре. Пожалуй, никогда еще таких ограничений не вводилось по требованию Пентагона. Но когда «осела пыль» от операции «Буря в пустыне» и открылась настоящая картина разрушений и потерь, то мир столкнулся с ужасающей реальностью.

Специально созданная комиссия ООН, возглавляемая М. Ахтисаари, пришла к выводу, что в результате бомбардировок, обстрелов, сражений на земле Ирак находится в состоянии, близком к «апокалипсическому», и отброшен к «доиндустриальной эпохе». 22 марта в газете «Wall Street Journal» был опубликован материал, в котором говорилось, что, по словам командующего объединенными силами коалиции в зоне Персидского залива генерала Шварцкопфа, число жертв только среди иракских военнослужащих приближается к 100 тысячам человек. Естественно, что все это, упорно скрываемое во время войны, а теперь представшее перед американским общественным мнением, вызвало замешательство в его значительной части. Это отразилось и в вопросах, которые задавали американские корреспонденты на брифингах представителям Белого дома, Пентагона.

Так что утверждения о «бескровной» войне в зоне Персидского залива далеко не бесспорны.

«Позитив» военного разгрома Ирака могут видеть в том, что «примерно наказали агрессора» за совершенные им действия, но не находят отрицательных сторон того, что не был использован политический шанс, все-таки неправомерно. И дело здесь не в пацифизме, а в попытке быть реалистом в оценках и прогнозах: военная развязка конфликта – широкомасштабная, демонстрационная, направляемая Соединенными Штатами, – как мне представляется, уже оказывает и окажет неоднородное воздействие на развитие событий.

Во всяком случае, лучшим выходом было бы невоенное решение, обеспечивающее волю мирового сообщества и гарантирующее от повторных агрессивных действий. А условия для такой гарантии были к этому моменту созданы, в том числе и военными усилиями коалиции.

Я отдаю себе отчет в том, что высказываемая точка зрения имеет тоже свои слабости, однако пусть рассудит история.

А теперь – хронологическое изложение событий.

На рассвете 24 февраля президент Соединенных Штатов заявил, что им отдан приказ о начале наступления сухопутных войск...

В 0 часов 40 минут 26 февраля в советское посольство в Багдаде пришел Тарик Азиз. Он просил срочно передать советскому руководству послание Саддама Хусейна, в котором тот заявил о начале вывода иракских войск из Кувейта, подчеркнув при этом, что эвакуация будет проведена в наикратчайшие сроки. Иракский лидер просил как можно быстрее поставить вопрос о прекращении огня.

Телеграмма от нашего посла «молнией» ушла в Москву. После того как с ней было ознакомлено советское руководство, уже ночью было поручено посольству СССР в Вашингтоне незамедлительно проинформировать администрацию США. В три часа утра поручение было испол-

нено. Одновременно соответствующие указания были даны советскому представителю в ООН Ю.М. Воронцову.

Принявший сообщение о послании С. Хусейна госсекретарь США Бейкер выслушал его без комментариев и обещал незамедлительно проинформировать президента Буша. Первая официальная реакция США была выражена пресс-секретарем М. Фицуотером, который сказал, что отвечать Белому дому «не на что» и война будет продолжаться. Затем последовало второе заявление М. Фицуотера, подчеркнувшего, что отступление боевых частей Ирака с оружием является «маневром противника». Из слов представителя Белого дома вытекало, что единственно приемлемо для США – принятие Ираком безоговорочно всех двенадцати резолюций Совета Безопасности и положений американского ультиматума. Вместе с тем выдвигалось новое условие: личное заявление об этом Саддама Хусейна Соединенным Штатам или Организации Объединенных Наций.

В ночь на 26 февраля по нью-йоркскому времени (днем 26-го по московскому) по просьбе Советского Союза было созвано официальное заседание Совета Безопасности ООН. В Москве состоялась пресс-конференция заместителя министра иностранных дел А.М. Белоногова, который назвал начало вывода иракских войск из Кувейта «принципиально новым элементом ситуации». Появилась возможность прервать военную фазу конфликта, весомых причин для продолжения военных действий уже больше нет.

В полдень было сделано заявление иракского руководства о том, что иракские войска будут выведены в течение дня. Затем состоялся брифинг помощника президента СССР по печати В.Н. Игнатенко. На вопросы западных корреспондентов – почему Ирак уже в Москве не «задействовал» все имеющиеся у него «резервы» – Игнатенко ответил: во время переговоров с Тариком Азизом его настойчиво просили «выложить на стол» все, что можно в

условиях действия американского ультиматума. Но опять, очевидно, сказалось уже привычное для Ирака – решение принимал только Саддам Хусейн.

В ночь на 27 февраля посол СССР в Багдаде был приглашен в МИД Ирака, где его ждали члены руководства – С. Хаммади и Т. Азиз. Так как у них не было никакой связи, они попросили срочно передать по советским каналам генеральному секретарю ООН и председателю Совета Безопасности ООН, что иракское правительство вновь подтверждает свое принятие резолюции 660. Полный вывод иракских войск из Кувейта будет завершён в течение нескольких часов.

Было сказано также о согласии выполнить резолюции 662 и 674. Первая требовала восстановления законной власти в Кувейте. Вторая – выплаты репараций и компенсаций за ущерб, нанесенный Ираком этой стране. Эти две резолюции как раз были «ключевыми» из серии, и Соединенные Штаты настаивали именно на их принятии Ираком.

Одновременно иракский МИД заявлял о готовности после прекращения огня немедленно освободить военнопленных и сделать это под наблюдением Международного Красного Креста.

Телеграмма была незамедлительно препровождена в Совет Безопасности, который заседал по московскому времени уже днем, а по нью-йоркскому – ночью 27 февраля. Члены Совета Безопасности попросили вновь использовать советский канал связи для доведения до Ирака, что необходимо немедленное признание этой страной всех без исключения резолюций Совета Безопасности ООН, принятых с начала кувейтского кризиса.

Через несколько часов после передачи этой телеграммы иракскому руководству оно подтвердило согласие принять все эти резолюции.

28 февраля в 2:45 Дж. Бейкер позвонил А.А. Бессмертных и сказал ему, что в ответ на согласие Ирака принять

к исполнению все резолюции Совета Безопасности ООН по кувейтскому кризису США прекратит военные действия. В 5:00 президент Буш в обращении к нации заявил о прекращении войны.

Конечно, трудно изменить события, которые уже прошли. Естественно, легко ретроспективно все расставить по своим местам. Но если бы Ирак не совершил агрессии против Кувейта, не попытался аннексировать эту страну, абсолютно не поняв, что мировое содружество в настоящее время уже не позволит ему этого осуществить, если бы иракские руководители прислушивались с самого начала к тому, что им говорилось, если бы они катастрофически не запаздывали каждый раз с пониманием и осознанием реальностей, если бы у них было больше чувства ответственности и если бы кое-кто на Западе не подталкивал военное решение и не считал миссию СССР направленной на достижение каких-то своекорыстных целей и если бы... самой войны и ее эскалации могло бы не быть.

Я уверен, что в любом случае история оценит ту роль, которую сыграл Советский Союз, добивающийся справедливости, мира и стабильности на Ближнем Востоке.

РАЗДУМЬЯ ПОСЛЕ ДОРОГИ

Закончилась война в зоне Персидского залива. Многие прогнозы в отношении ее характера, применения средств массового поражения, непосредственных итогов не оправдались. Но жертвы, разрушения, удары по окружающей природной среде – все это было. Более того, как писал Сергей Есенин, – «лицом к лицу лица не увидеть».

Этот «так счастливо» закончившийся на сегодняшний день конфликт будет иметь свои последствия:

– и в виде тех уроков, которые, смеем надеяться, не пройдут бесследно для государств и народов этого региона, тех держав, от которых в большей степени, чем от других, зависит ход событий в Организации Объединенных Наций, в мире в целом;

– и в виде новой ситуации в самом Ираке, которая может или вернуть эту страну в лоно цивилизованного сообщества, или еще какое-то время сохранить ее в изоляции, или даже поставить под удар ее целостность – последних два «или» чреваты самыми серьезными опасностями;

– и в виде новых условий, которые появляются в деле урегулирования конфликтных ситуаций на Ближнем Востоке, и в первую очередь самого старого, в наибольшей степени опасного, угрожающего миру, да и самого масштабного по числу и степени вовлеченности великих держав конфликта – арабо-израильского;

– и в виде новой «нефтяной ситуации» при изменившемся соотношении сил в картеле производителей неф-

ти – ОПЕК – после разгрома одного из наиболее активных ее членов – Ирака, разрушения Кувейта и явного усиления Саудовской Аравии;

– и в виде нового раунда борьбы за установление нового миропорядка, после того как холодная война закатывается за горизонт, но могут укрепиться воззрения, что ближайший путь к «благородной цели» – все-таки применение силы;

– и в виде пунктирной пока еще новой структуры мира, которая уже перестала быть биполярной в политическом отношении, прочно стала многополюсной в экономическом плане, но которой пророчат, особенно после войны в зоне Персидского залива, однополюсный военно-стратегический характер.

Я не думаю, что все эти идеи родились лишь после «пройденных дорог» на Ближнем Востоке. Они были в умах политиков, они витали в воздухе, они, несомненно, накладывали отпечаток на развитие кризисной обстановки, они не могли не оказывать какого-то влияния (кто считает больше, кто – меньше, но навряд ли возьмется начисто отрицать вообще) на принятие решения сначала о невиданной по масштабам военной демонстрации, затем о начале военных действий, а потом об их эскалации при переходе в сухопутную стадию операции.

Анализ истинных мотивов тех или иных решений перед и во время военных действий в зоне Залива имеет немалое значение. Но пусть о них спорят историки – кстати, им будет о чем поспорить. Меня же, после того как утихли разрывы снарядов, бомб и ракет на земле Кувейта и Ирака, интересует главным образом будущее, прогноз которого сегодня уже невозможен без учета различных последствий и результатов кувейтского кризиса. Я понимаю всю сложность такого прогноза. Однако ведь имеем мы право, пройдя нелегкий путь, остановиться и хотя бы задуматься о будущем...

Сначала о новой обстановке в арабском мире.

Один из уроков кризиса в зоне Персидского залива заключался в том, что арабский мир при всех объединяющих его параметрах – языковом, историческом, культурно-психологическом – не может в настоящее время идентифицироваться как нечто единое.

Раздел в этом мире проступал наружу уже после Второй мировой войны. Но тогда он во многом определялся «идеологическими» особенностями, как характеризующими арабские режимы, так и привносимыми борьбой двух общественно-политических систем на международной арене, а чаще всего – и тем и другим. Эта грань внутри арабского мира и тогда не была фиксированной – она изменялась, нередко разделяя однотипные по своей окраске арабские государства. Однако никогда еще одна ее часть – не отдельные и даже не несколько, а группа ведущих арабских стран – не участвовала в вооруженной борьбе в союзе и под руководством других неарабских государств против того из своих «собратьев», который позволил враждебные действия в отношении арабского соседа. Раньше все это рассматривалось в «семейном кругу» как внутреннее арабское дело.

Мы, по-видимому, являемся свидетелями все большей ненадежности этно-исторического фундамента для объединения различных стран. Образование многих арабских государств, в значительной части последовавшее после искусственного раздела общих территорий, уже создало почву для размыва арабского мира. Существование всех этих государств в течение десятилетий закрепляло этот раздел по государственным интересам. Кризис в зоне Персидского залива, возможно, показал, что этот процесс вошел в заключительную стадию.

Конечно, эмоциональная, да и материализованная в письменности, культуре, истории, объединяющая арабские страны тенденция сохраняется. Но при этом навряд ли можно ожидать повторения 1973 года, когда во время нефтяного эмбарго арабское единство проявилось в виде

не просто общей солидарности, а общих позиций и, самое главное, общих действий. Две противоположные тенденции: первая – к арабскому единству и вторая – к идентификации не по национальному, религиозному принципу, а по государственным интересам будут сосуществовать еще длительный период, но вторая из них явно берет верх. Такова новая реальность, которая во все большей степени будет сказываться в будущем.

Следующий урок кувейтского кризиса заключается в том, что в новых условиях нет автоматизма в поддержке того или иного арабского государства или группы таких государств со стороны тех или других великих держав. Ушла в прошлое жесткая конфронтация по линии Восток – Запад, перестала доминировать логика, при которой все мировые коллизии рассматривались через призму такой конфронтации. Следовательно, в выборе политической линии любая арабская страна не может, искусственно вписываясь в борьбу Восток – Запад, рассчитывать на автоматическую поддержку внешних союзников.

С этим выводом «соседствует» другой – соотношение военно-стратегических сил между арабскими странами перестает быть определяющим в деле обеспечения интересов того или иного арабского государства. Раньше, когда в условиях жесткой советско-американской конфронтации эти две сильнейшие в военном отношении державы сдерживали друг друга или попросту держали друг друга за руки, военное преимущество одной арабской страны над другой могло быть и подчас становилось решающим фактором. Сейчас ситуация кардинально изменилась. Ирак был несравненно сильнее в военном отношении не только Кувейта, но и всех «заливных» государств, вместе взятых, но не смог реализовать своего преимущества.

К АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОМУ УРЕГУЛИРОВАНИЮ: НОВЫЕ РЕАЛИИ

Уроки кувейтского кризиса могут и, очевидно, должны учитываться при поиске путей выхода из других кризисов в регионе, особенно из арабо-израильского.

Г. Киссинджер говорил в свое время, что он «любит» приступать к решению конфликтов, когда они в «подогретом состоянии». Во время кувейтского кризиса арабо-израильская конфронтация не вылилась в открытое столкновение, но все-таки оказалась «подогретой».

Кувейтский кризис, как представляется, больше, чем когда бы то ни было раньше, предрасположил арабские государства и палестинское движение к поиску арабо-израильского политического компромисса. Такой вывод, во всяком случае, на ближайшие месяцы, по-видимому, можно отнести и к тем арабским странам, которые, не гранича с Израилем, занимали раньше абсолютно негативную позицию по вопросам политического решения на сбалансировано компромиссной основе.

По идее, кувейтский кризис должен способствовать психологическим переменам и в Израиле. Впервые события с такой наглядностью продемонстрировали, что в новых условиях глубина территории в несколько десятков (да даже и в сотни!) километров не является «поясом безопасности», не может предотвратить ударов по центрам, расположенным за этим «поясом». Вместе с тем оккупация под предлогом обеспечения безопасности та-

ких территорий не только не гарантирует от угрозы ударов по густонаселенным израильским центрам, но, напротив, способствует этому.

Я уже говорил, что СССР однозначно осудил ракетные удары Ирака по израильскому населению. Но это другой срез проблемы. В данном случае подчеркивается, что безопасность для Израиля может обеспечиваться в основном политическими средствами. Сегодня Ирак, нанесший ракетные удары по Израилю, был повержен даже без применения силы самим Израилем. Но разве это полностью отрицает возможность повторения враждебных действий против Израиля с расстояния?

Причем вооружение с годами совершенствуется, становится все более опасным. СССР и США с учетом этого уже пришли к идее, что лишь политические решения, а не безудержная гонка вооружений, могут обеспечить их безопасность. Может быть, кувейтский кризис «опустит» такой вывод на региональный уровень?

По целому ряду причин кувейтский кризис должен усилить заинтересованность в арабо-израильском урегулировании и внешних сил. В Вашингтоне, например, не могут не понимать, что без серьезного продвижения в этом направлении на Ближнем Востоке получают простор антиамериканские настроения, не вырвавшиеся наружу во время войны в зоне Персидского залива. Чем дольше будет сохраняться «двойной стандарт» в подходах США к различным конфликтам на Ближнем Востоке, тем большие возможности для своего развития получают и радикализм, и фундаментализм, да и террористическая активность, во многом порождаемая безысходностью. В этой связи для закрепления тех политических позиций, которые Вашингтону удалось приобрести в ряде арабских стран во время кризиса, ему придется играть как бы на «две стороны», а это значит – напрягать во время арабо-израильских обострений свои отношения с Израилем. Судя по практике минувших лет, американ-

ская администрация пытается всеми силами избежать таких ситуаций, особенно накануне и во время президентских кампаний в США.

Кувейтский кризис, несомненно, обострил интерес к арабо-израильскому урегулированию и в Западной Европе. Лишь такое решение может привести к стабилизации обстановки на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Расшатывание ситуации в этих регионах крайне невыгодно Западной Европе еще и потому, что, как отчетливо показали события в зоне Персидского залива, в таком случае западноевропейские государства с различной степенью активности вовлекаются в военные действия.

Бесспорна заинтересованность Советского Союза в арабо-израильском урегулировании. Главным ее мотивом была, а сейчас, после кувейтского кризиса, еще больше становится стабилизация положения в регионе, находящемся в непосредственной близости от наших границ. Такая стабилизация нужна и для расширения экономического сотрудничества со странами региона, в чем СССР тоже весьма заинтересован.

С учетом общих настроений после окончания войны в зоне Персидского залива стало еще очевиднее: начало реального процесса арабо-израильского урегулирования упирается в позицию израильского руководства, вернее, в его способность сделать свою политику более гибкой и более жизненной, отказаться от ставки на аннексию оккупированных территорий или на статус-кво, с расчетом на то, что время «все перемелет».

Общая «польза» кувейтского кризиса для урегулирования арабо-израильского конфликта, по-видимому, заключается в том, что события в зоне Залива очертили тот контекст, в котором с наименьшими издержками и с наименьшим психологическим уроном для сторон может решаться арабо-израильский конфликт. Такой контекст – создание системы региональной безопасности.

Сначала – о мерах, которые должны осуществляться в рамках этой системы: определение границ между государствами, их фиксация, взятие ближневосточными государствами обязательств по ненарушению границ, демилитаризации ряда территорий, примыкающих к границам, подписание ими соответствующих соглашений, под жестким контролем не допускающих создания и развития средств массового поражения, выработка комплекса мер доверия.

В рамках системы безопасности ряд обязательств бесспорно должны на себя взять постоянные члены Совета Безопасности ООН и другие страны – члены Организации Объединенных Наций. Речь идет, в первую очередь, о согласованных и соответствующим образом оформленных ограничениях на поставку в регион вооружений и тех видов продукции и услуг, которые могут быть использованы на месте для производства средств массового поражения.

Такие «внешние» государства могли бы сыграть немалую роль и в создании, а также функционировании регионального центра по предотвращению военной опасности. Этот центр, имея свои ответвления, филиалы на местах, мог бы своевременно формулировать проблемы, обращать внимание на опасные тенденции, следить за выполнением взятых сторонами обязательств.

Конечно, предстоит столкнуться с нелегкими для решения проблемами, проистекающими из того, что многие «внешние» государства не оставляют без внимания свои интересы. Администрация США, например, обратилась в марте 1991 года в Конгресс с запросом на выделение в 1992-м финансовом году 1 миллиарда долларов в распоряжение Экспортно-импортного банка США для предоставления финансовых гарантий частному бизнесу при продаже вооружений за границу. Судя по американской прессе, многие сочли это симптомом того, что заметно понизился интерес администрации к ограниче-

нию торговли оружием. Причем это произошло как раз в то время, когда та же администрация высказалась за создание системы безопасности в субрегионе Персидского залива, подчеркивая, что одним из ее элементов призвана стать жесткая регламентация на поставки вооружений. Разве не ясно в таких условиях, что курс на ограничение поставок вооружений за границу столкнулся с желанием воспользоваться «популярностью» американской военной техники в результате ее применения в войне в зоне Персидского залива, для того чтобы укрепиться на новых рынках сбыта для своих вооружений?

Так или иначе, но тенденции существуют разные, и вопрос не такой уже простой, как он может показаться с первого взгляда.

Не углубляясь в детали, хотел бы уже здесь «от противного» определить ряд принципов создания системы региональной безопасности на Ближнем Востоке:

– Эта система не может ограничиваться межарабскими отношениями, хотя последний кризис именно этими отношениями и был вызван.

– Система безопасности не может создаваться, расширяясь географически шаг за шагом: сначала в зоне Персидского залива, а затем все шире. При таком подходе теряется острота, подталкивающая к последующим решениям.

– Система не может не быть универсальной – в нее следует включать все государства региона без исключения, в том числе и Иран. Без Израиля, входящего в эту систему, идея становится вообще бесцельной.

– Система безопасности не должна замыкаться только регионом – ее участниками и гарантами должны стать внешние силы, в первую очередь США, СССР, Западная Европа. Без этого она не только не будет эффективной, но ее попросту нельзя будет создать.

И наконец, главным в процессе создания системы безопасности на Ближнем Востоке является арабо-изра-

ильское урегулирование, которое, в свою очередь, невозможно без решения палестинского вопроса.

Судя по всему, это главное пока не нашло адекватного отражения в американском подходе после кризиса в зоне Персидского залива. Именно в этой связи настораживает тот факт, что Вашингтон усиленно акцентирует идею создания системы не региональной, а субрегиональной безопасности в зоне Залива. При такой постановке вопроса вообще разрывается связь между образованием структур безопасности и решением арабо-израильского конфликта.

Но могут возразить, что сейчас основное – это посткризисное урегулирование в самой зоне кувейтского конфликта. Начнем, дескать, с малого, а потом будем идти к большему: к системе безопасности, охватывающей весь Ближний Восток.

Посткризисное военно-политическое урегулирование в зоне Персидского залива, естественно, необходимо. Оно может и должно включать в себя и создание межарабских сил, и посылку наблюдателей, и строгое регулирование торговли оружием – но все это должно происходить одновременно с шагами по созданию системы не субрегиональной, а общерегиональной безопасности. Представляется, что субрегиональное ограничение системы вообще контрпродуктивно. Один из главных вопросов создания такой системы, безусловно, будет заключаться в том, чтобы ввести ограничения на поставки вооружений, особенно наступательных видов, Ираку. Но обеспечится ли таким образом стабильность, если ограничительные меры затронут только Ирак и не будут охватывать другие государства? Не будет ли это способствовать росту тенденций «реваншизма» со стороны Ирака на будущее? Разве у нас нет в этом плане исторического опыта?

А теперь о том, как видится сегодня, когда мир прошел кризис в Заливе, решение этого главного, арабо-из-

раильского, вопроса, что только и может создать надежную гарантию стабильности и безопасности на Ближнем Востоке.

По широко распространенному мнению, наиболее приемлемо начать работу с созыва международной конференции. Конечно, без нее не обойтись. Но, как представляется, нужно соответствующим образом подготовить ее созыв. И этот предварительный этап – весьма важный, если не ключевой, в создавшихся условиях.

Уже на этом этапе, перед созывом конференции, следовало бы провести двусторонние консультации постоянных членов Совета Безопасности ООН с заинтересованными сторонами, в первую очередь с палестинцами, Израилем, Иорданией, Сирией, Ливаном. Отнюдь не могут исключаться на этом этапе и двусторонние консультации между странами, непосредственно вовлеченными в арабо-израильский конфликт. В новых условиях это тоже неправильно было бы откладывать до начала работы конференции.

Идея предварительных переговоров, рабочих контактов для подготовки международной конференции по Ближнему Востоку не нова. Советская дипломатия выдвигала ее еще в 70-е годы. Но тогда речь шла о том, чтобы во время таких контактов определить общий формат и структуру конференции, форму представительства арабских государств, палестинцев, заранее отработать механизм конференции. Сегодня вопрос ставится по-другому. Предлагается, чтобы эти предварительные контакты осуществлялись не только, да и не столько для рассмотрения «организационных» вопросов, но и проблем по существу. Иными словами, теперь тяжесть «смысловой» работы предлагается перенести на предварительный этап, перед созывом конференции.

Казалось, это методологически совпадает с американским подходом, но на самом деле совпадает лишь формально.

Во время своего первого после окончания войны визита на Ближний Восток в марте госсекретарь США Дж. Бейкер предложил не созывать сразу международную конференцию, а начать с «параллельных» контактов Израиля с арабскими государствами и палестинцами. Логика такого предложения предусматривает, что во время контактов с Израилем арабские государства сделают шаги навстречу ему и тем самым создадут импульс теперь уже для израильских шагов в сторону палестинской позиции. Такое раскрытие «логики» показывает не параллелизм, а определенную иерархию предлагаемых действий.

Право на существование такой абстрактной «логики» очевидно. Однако в конкретном воплощении она вряд ли сработает. Не зная хотя бы в общих чертах о возможностях, которые имеются для действительного решения палестинской проблемы, арабские государства будут затруднены в своем маневре в отношении Израиля. Тем более, когда само их участие в процессе урегулирования с Израилем обуславливается, по сути дела, их согласием на то, чтобы отодвинуть решение палестинской проблемы на второй план.

Между тем следующая поездка госсекретаря США Дж. Бейкера на Ближний Восток в апреле показала, что линия, отодвигающая палестинскую проблему на второй план, получает развитие теперь уже с помощью Израиля. После переговоров с Бейкером министр иностранных дел Д. Леви заявил о согласии израильского руководства на участие в региональной конференции, во время которой Израиль намерен урегулировать свои отношения с арабскими государствами. Судя по разъяснениям, палестинский вопрос на этой конференции рассматривать не предполагается. Лишь в обмен на согласие арабских стран на проведение подобного форума Израиль, по словам Леви, будет готов вести переговоры по палестинскому вопросу, да притом на основе израильского плана,

предусматривающего ограниченную автономию для палестинцев на оккупированных территориях.

Еще четче раскрыл смысл региональной конференции министр обороны Израиля М. Аренс. По его словам, сказанным американским тележурналистам, Бейкер предложил провести одно общее заседание представителей арабских стран и Израиля, после которого начнутся непосредственные переговоры между Тель-Авивом и каждым вовлеченным в конфликт арабским государством. В прессе тут же «окрестили» предлагаемую идею «большим Кэмп-Дэвидом».

Для меня совершенно очевидно, что вынесение палестинского вопроса за скобки арабо-израильского урегулирования – это тупиковое решение, оно не приведет к серьезным развязкам. Необходимо другое – обеспечить по-настоящему параллельное продвижение в решении всех главных вопросов арабо-израильского урегулирования.

Идея такой «синхронности», «взаимообусловленной параллельности» имеет значение и при рассмотрении соотношения между политическими, экономическими и гуманитарными проблемами арабо-израильского урегулирования. Известно, что хельсинкский опыт, который, как уже говорилось выше, не является абсолютным для Ближнего Востока, но может быть полезным и здесь, содержит в себе распределение соглашений по трем так называемым «корзинам». Ряд сторонников применения хельсинкского опыта предлагает на Ближнем Востоке начать с обсуждения соглашений, относящихся к двум последним «корзинам» – экономической и гуманитарной. Таким образом, по их мнению, будет накапливаться доверие, которое позволит в дальнейшем приступить к решению самых сложных вопросов.

Представляется, что такой подход при всей важности достижения соглашений по экономическим и гуманитарным вопросам все же непродуктивен. Сторонам труд-

но будет договориться о соответствующих соглашениях без решения проблемы границ. А определение границ теснейшим образом связано с решением палестинской проблемы и политическими отношениями между Израилем и соседними арабскими странами.

Так что и в этом случае лучше дело вести одновременно.

Нет сомнения, что вопрос о самоопределении палестинцев – самый трудный. Очевидно, что результаты такого самоопределения могут выражаться в различных формах. Палестинцы, как известно, настаивают на создании национального государства. Но и оно может существовать в различных формах. Решение вопроса о палестинской государственности вместе с тем может проходить через различные стадии – пусть и непродолжительные. Обе эти проблемы – форма государства и стадий его создания – могли бы стать темой конкретных консультаций, посреднических миссий, переговоров в период подготовки конференции.

И ведь есть что обсуждать конкретно. Я вспоминаю беседу, которая у меня состоялась с одним из палестинских руководителей несколько лет назад. Разговор был откровенным, и он мне сказал, что психологически, да и политически для палестинцев чрезвычайно важно пройти через «обязательную стадию» создания независимого государства – пусть эта «стадия» будет даже и непродолжительной. В ответ на уточняющие вопросы он без всяких обиняков заметил: можно было бы даже через полчаса после провозглашения палестинского государства объявить о его конфедерации с Иорданией.

Я привожу этот пример не для того, чтобы представить дело так, будто у палестинского руководства был уже отработанный план, позволяющий пройти несколько стадий. Очевидно, нашлось бы много противников высказанной идеи. Но совершенно ясно, что она заставляет задуматься о многовариантности подходов к пале-

стинской государственности. После проработки всех вопросов, и в первую очередь палестинского, могла бы быть созвана международная конференция, на которой следовало бы уточнить позиции, собрать их в единый «пакет» и подписать его всеми участниками.

В последнее время идут споры и о том, под чьей эгидой следует проводить эту конференцию. Нынешнее израильское руководство противится эгиде ООН и хочет вообще обойти эту проблему своим согласием на региональную конференцию, которая противопоставляется международной. Предлагаемая схема, при которой значительная часть «смысловой» работы будет осуществлена в преддверии созыва международной конференции, как представляется, создает выход. Переговоры, консультации, контакты перед конференцией могли бы происходить на основе предварительно согласованных позиций между постоянными членами Совета Безопасности ООН, а сама конференция – уже после того, как будет пройдена значительная, а может быть, и наиболее трудная часть пути – будет созвана под руководством Организации Объединенных Наций.

Другая проблема – характер представительства палестинцев. Многочисленные беседы в ходе кризиса и уже после него показали, что имеют хождение «идеи», согласно которым новая расстановка политических сил после резкого ослабления Ирака позволяет создавать альтернативу ООП в палестинском движении.

Для нахождения пути решения палестинской проблемы нужно исходить не из конъюнктуры, к тому же неизбежно порождающей, если ее взять за рабочий вариант, дестабилизирующие тенденции, а из реальностей долгосрочного плана. Характер Организации освобождения Палестины может измениться, курс этой организации становится гибче или жестче, в любом случае ООП – это реальность, которая сохранит свое место в истории не только в ретроспективном плане, но и на будущее. Далеко

не случайно, например, что во время кувейтского кризиса, когда односторонняя линия на поддержку С. Хусейна, по оценкам многих экспертов, казалось бы, ослабила Организацию освобождения Палестины, социологические опросы, проведенные на Западном берегу и в районе Газа, показали, насколько стабильны позиции ООП среди палестинского населения оккупированных территорий.

Симптоматично, что даже те палестинские представители, с которыми после окончания войны в зоне Персидского залива встретился госсекретарь США Бейкер, говорили о необходимости исходить из того, что ООП является ведущей силой в палестинском движении. Эти деятели, по признанию экспертов, наиболее авторитетные фигуры на Западном берегу и в районе Газа, не умолчали о роли Организации освобождения Палестины, хотя, возможно, с отдельными аспектами ее деятельности не были согласны. Через несколько дней после встречи с Бейкером эти же палестинские деятели точно с таких же позиций разговаривали с премьер-министром Шамиром.

Такова реальность, и она в той или иной степени сохранится.

ФАКТОР НЕФТИ

Одно из главных последствий войны в зоне Персидского залива может проявиться и, безусловно, проявится в нефтяной области. Особое значение для Запада имеют два вопроса: как скажется кризис и послекризисная ситуация на динамике цен на нефть и каково будущее ОПЕК?

Эксперты соизмеряют положение, сложившееся после войны 1973 года, с тем, которое последовало за кризисом в зоне Персидского залива. С 1973 по 1982 год наблюдался устойчивый подъем цен с 3,3 доллара за баррель легкой аравийской нефти до 34 долларов, то есть более чем в 10 раз. Затем наметилась тенденция снижения цен на нефть. Но в 1989 году, то есть накануне кувейтского кризиса, они составляли 16,3 доллара за баррель. А в 1990 году, почти вся вторая половина которого уже пришлась на кризис, – 21,5 доллара за баррель.

Во время кризиса в зоне Персидского залива, несмотря на то что иракская оккупация выбила Кувейт из экспортеров нефти, а экономические санкции против Ирака исключали и его из состава экспортеров, цены на нефть не подскочили вверх, как это было после войны 1973 года и нефтяного эмбарго. Сразу после оккупации Кувейта и экономических санкций против Ирака мировой рынок нефти сократился на два миллиона баррелей ежедневно. Ситуация распространилась на весь третий квартал 1990 года. Однако уже в четвертом квартале это сокращение было перечеркнуто дополнительным предложением. Страны ОПЕК увеличили свое производство до высшей в

течение минувших десяти лет отметки – 24 миллиона баррелей в день. Главную роль сыграла Саудовская Аравия, где добыча нефти возросла с 5,6 миллиона баррелей в день в докризисный период до 8 миллионов баррелей в день. Одновременно нефть начала поступать на рынок из всевозможных запасов. В день начала бомбардировки Ирака президент Дж. Буш объявил, что будет продавать более одного миллиона баррелей в день из стратегических запасов. Именно все это взяло в тиски кривую цен на нефть и удержало ее от взлета.

Нефтяное будущее будет во многом зависеть от того, насколько сохранит свою деятельность и свое лицо ОПЕК. Этот картель производителей в течение всего периода своего существования проявил тенденцию к устойчивости, несмотря на то что постоянно находился в центре мишени многих капитанов западного бизнеса и подыгрывающих им политиков. Характерно, что уже в разгар кувейтского кризиса, когда метроном отстукивал время, оставшееся до конца срока, отпущенного Ираку резолюцией 678 Совета Безопасности ООН, в декабре произошла встреча стран ОПЕК, на которой присутствовали представители и Ирака, и Кувейта. Сессия ОПЕК постановила, что после снятия эмбарго произойдет возвращение к тем квотам по странам, которые существовали до начала кризиса и которые, как утверждал Ирак, нарушались Кувейтом.

В послекризисный период ОПЕК, судя по всему, не потеряет своей жизнеспособности, но в самой организации проявится новое соотношение сил: две страны, которые настаивали на неизменных квотах, чтобы удерживать цены, – Ирак и Иран – навряд ли смогут сыграть полноценную роль в ближайшее время. «Первую скрипку» в картеле будут играть саудовцы, которые, как писал журнал «Fortune», в политике цен, «дав толчок мировой экономике, вознаградят своих защитников – особенно Джорджа Буша, которому предстоят перевыборы в будущем году».

Насколько все пропитано нефтью! Согласно опросу, проведенному газетой «The Washington Post» и телекомпанией ABC, в самом начале кувейтского кризиса 63 процента респондентов, то есть подавляющее большинство, считали, что отправка американских войск в зону Персидского залива вызвана стремлением Дж. Буша установить контроль над крупнейшими нефтяными районами, чтобы не допустить резкого подъема цен на нефть в условиях уже начавшегося спада в американской экономике. Но и тогда, когда уже после окончания войны в США торжественно встречали часть американских солдат, прибывших с «театра военных действий», 34 процента опрошенных американцев – пусть меньше, но все-таки одна треть! – продолжали считать, что «нефтяные мотивы» превалировали в политике президента Соединенных Штатов. Если вообще говорить о «скрытых мотивах» решений Вашингтона в ходе кувейтского кризиса (хотя я и обещал «оставить» все это историкам, но не удержусь от одного «экскурса»), можно вспомнить и такой эпизод: в течение многих месяцев в американской печати очень остро обсуждается вопрос о последней, предкризисной беседе с иракским лидером американского посла Глэспи. 25 июля, во время встречи с Саддамом Хусейном, когда речь зашла о концентрации иракских войск на границе с Кувейтом, посол подчеркнула: «Нам особенно нечего сказать по поводу арабо-арабских разногласий, таких как ваши разногласия с Кувейтом по вопросу границ».

После интервенции Ирака посол Глэспи была подвергнута серьезной критике в Соединенных Штатах. Некоторые ее обвиняли даже в том, что своим замечанием она зажгла «зеленый свет» перед танками Саддама Хусейна. Была ли правильной критика лично в ее адрес? Конгрессмен Ли Гамильтон – председатель подкомитета по Европе и Ближнему Востоку Палаты представителей американского Конгресса – заявил: «Она является послом, который действует на основе полученных инструкций».

Кстати, 31 июля, то есть за два дня до агрессии против Кувейта, помощник государственного секретаря США по делам Ближнего Востока и Юго-Западной Азии Дж. Келли заявил на заседании подкомитета Конгресса: «Мы не имеем отношений, основывающихся на договорах по обороне, ни с одним из государств Залива. Исторически мы воздерживались занимать позицию по пограничным спорам или разногласиям внутри ОПЕК. Но мы самым определенным образом, как делали все другие администрации, призывали к мирному урегулированию споров и разногласий в регионе».

Многие в США считают, что Саддамом Хусейном был принят «ложный сигнал» от Соединенных Штатов. Некоторые договариваются до того, что Саддама пытались втянуть в кувейтскую авантюру с тем, чтобы с ним расправиться. При этом недвусмысленно намекают на то, что объединенная (а тенденция к этому была) позиция Ирака и Ирана по нефтяным ценам могла бы дорого обойтись Западу. Так или иначе, но послу Глэспи было запрещено Госдепартаментом публично выступать на тему о своем последнем контакте с Саддамом Хусейном.

Было бы, очевидно, неправильно выводить весь кувейтский кризис из «нефтяных мотивов», тем более утверждать, что США сами «втягивали» Ирак в Кувейт. Я, например, абсолютно твердо не придерживаюсь таких взглядов, но тот факт, что нефтяные мотивы играли определенную роль в принятии тех или иных решений США в связи с кувейтским кризисом, – вполне очевиден.

И В КОНЦЕ КОНЦОВ – СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

А теперь – об общей картине мира. Это одна из главных тем для размышлений после «пройденных дорог» во время кризиса в зоне Персидского залива.

Прежде всего, о конфигурации сегодняшнего мира, о его структуре. Еще недавно господствовала точка зрения о биполярности мира. Она базировалась на том, что он действительно был, хотя бы формально, разделен на две противостоящие друг другу общественно-политические системы. После начала перестройки в СССР, отхода от прежних идеологических и мировоззренческих догм выявилась та реальность, которую эти догмы затушевывали: органичное единство, взаимозависимость современного мира, несмотря на те многочисленные противоречия, которые его характеризуют. Так перестала существовать одна из основ вывода о биполярности.

Другая основа тоже оказалась размытой событиями, начавшими развиваться после апреля 1985 года. Вывод о биполярной структуре мира до этих событий подтверждался также фактом жесткой военно-стратегической конфронтации между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Эти два военных гиганта, имевшие в своих руках более 90 процентов ракетно-ядерных средств мира, объединяли вокруг себя ряд государств, организационно оформившихся в два противостоящих друг другу блока – НАТО и Варшавский Договор. Такой «основы»

для вывода о биполярной структуре мира сегодня тоже не существует.

В экономическом плане мир никогда не был двухполюсным. После Второй мировой войны начали развиваться процессы, которые в конце концов привели к становлению нескольких «центров экономической силы» в мире. Это – США, Япония, интегрирующаяся Западная Европа.

К таким структурным характеристикам ряда западных политологов хотелось бы добавить после кувейтского кризиса еще одну, «самую современную» – становление однополюсного в военно-политическом отношении мира. Под этим полюсом подразумеваются Соединенные Штаты, «сплотившие» вокруг себя многочисленную коалицию и выигравшие «раунд» битвы за Кувейт.

Представляется, что такие констатации примитивизируют положение. Вместе с тем они несколько напоминают идеи гегемонизма какой-либо одной державы, способной обеспечить «мировой порядок» по удобному ей сценарию и в ее интересах.

Журнал «Time» от 11 марта 1991 года, например, пишет: «Нужно срочно расшифровать идеи Джорджа Буша в отношении нового мирового порядка. До какой степени Америка готова принять на себя роль мирового полицейского? Более точно, при каких обстоятельствах США и некоторые их союзники могут опять предпринять военные действия, сравнимые с теми, что были осуществлены в Заливе? Конечно, это не может быть сделано в ответ на любое проявление агрессии где бы то ни было. Но как Вашингтон будет определять и выбирать?»

Эта цитата характерна. В ней новый мировой порядок напрямую ассоциируется с монопольной ролью США – не только в обеспечении миропорядка путем применения силы, но и в определении тех ситуаций, при которых эту силу следует применять.

Да не только цитата из «Time». Выступая 9 апреля в Вашингтоне с речью о своем видении роли Соединенных Штатов на международной арене в условиях, складывающихся после войны в зоне Персидского залива, министр обороны США Р. Чейни прямо сказал: «На мой взгляд, совершенно очевидно, что США возникают как единственно реальная сверхдержава в мире». В этой же речи он уточнил, что это происходит в условиях, когда, по его словам, со стороны как СССР, так и ряда стран «третьего мира» сохраняется военная угроза на региональном уровне.

Кстати, это заявление контрастирует с тем, что говорит президент Буш. На мой взгляд, речь идет не просто, как часто писали раньше, о «банальном разделении функций». Я думаю, что это серьезнее: наличие различных подходов в руководстве США, отражающих разные точки зрения в американском обществе. Но об этом еще раз – несколько позже.

После войны в зоне Персидского залива отмечается тенденция к «американоцентризму» и на практике. Показательно в этом отношении, например, что американско-израильская идея региональной конференции на Ближнем Востоке, о которой уже говорилось, предусматривает единоличное председательствование США при «отлучении» вообще от участия в конференции стран Западной Европы. Может быть, на такой «модели» региональной конференции настаивает Израиль, но он, безусловно, подыгрывает при этом определенным настроениям в США.

В связи с теоретическими построениями, но в еще большей степени в связи с реальным развитием обстановки во время и после кризиса в зоне Персидского залива, вновь привлечен интерес к нынешнему состоянию и к будущему советско-американских отношений.

В уже процитированной статье американского журнала «Time», где так односторонне интерпретируется

новый мировой порядок, журнал резонно обращается к такому вопросу: «К какого рода отношениям может это привести с Советским Союзом, который оказал решающую поддержку антисаддамовской коалиции, но одновременно “накоротке” дал понять в связи со своими усилиями посредничества в политическом урегулировании, что, несомненно, будет защищать свои собственные интересы?»

Вопрос этот по существу.

Конечно, характер интереса, проявляемого к отношениям между СССР и США, сейчас не тот, который был еще каких-нибудь пять-десять лет назад. Тогда эти два военных гиганта с ракетами наперевес чуть ли не запрограммированно и, во всяком случае, неуклонно приближались к той черте, у которой обычно спускают курок. Ситуация грозила уничтожением всей человеческой цивилизации. Качественно, да и количественно отношения между двумя противостоящими друг другу державами измерялись тогда, главным образом, по шкале гонки вооружений. А в связи с советско-американской конфронтацией возникли и развивались подрывающие международную стабильность региональные конфликты. Собственно, они, как правило, могли лишь именоваться региональными, так как охватывали географически отдельные регионы. Однако, по сути дела, они вписывались в противоборство между СССР и США.

Такое состояние советско-американских отношений и такое их воздействие на остальной мир стало уделом прошлого. Это доказали события, связанные с самым серьезным за последние (уже «перестроечные» в СССР) годы – кувейтским – кризисом. Ни обратного движения – к конфронтации, ни оценок кувейтского кризиса через призму американско-советского противостояния не было, не имело места.

Но процесс перехода к полному доверию между СССР и США, судя по всему, еще не завершен. И определенные

сложности этого процесса возникают из того, что отношения между СССР и США вступили в качественно новый период своего развития. Первый этап в основном покрывал нормализацию советско-американских отношений, придание им цивилизованного характера. Его суть практически была в том, что оба государства вырабатывали «правила поведения», которые могли бы быть применены и стали применяться для выхода из жесткой конфронтации. Одновременно создавалось и увеличивалось доверие СССР и США. Кувейтский кризис как бы четче показал, что в настоящее время перед двумя государствами уже стоит принципиально новая задача: совместными или параллельными усилиями с учетом разных, но в целом ряде случаев совпадающих интересов обеспечить стабильность и безопасность в мире.

Но нужно исходить из того, что на этом этапе не в пример прошлому, где основная задача сводилась к отходу от опаснейшей черты, уже в меньшей степени свойствен автоматизм в принятии тех или иных решений СССР и США.

И дело не в том, что ослабло или поставлено под сомнение доверие между лидерами двух стран. Сошлюсь на личные впечатления. Я принимал участие практически во всех встречах в верхах за последние пять лет и думаю, что никогда еще не было такой доверительности в отношениях, как та, что проявилась в Хельсинки в сентябре 1990 года между президентом М.С. Горбачевым и президентом Дж. Бушем. Это подтвердили и последующие обмены посланиями, и телефонные разговоры двух лидеров.

Но вместе с тем новый этап отмечается значительно большим числом переменных в контексте – и внутреннем в двух странах, и общемировом, – в котором развиваются советско-американские отношения.

Происходят изменения в обстановке в СССР, где все более открытым и жестким становится столкновение ин-

тересов различных социальных и национальных групп в сфере экономики, политики, государственного устройства. Если бы подобное происходило лет пять назад, в эпоху острой конфронтации между Советским Союзом и Соединенными Штатами, то все немалые трудности в СССР просматривались бы американскими политиками – в этом нет никаких сомнений – через призму «игры с нулевым результатом»: то, что плохо для Советского Союза, дескать, хорошо для Соединенных Штатов, для всего западного сообщества. Успехи же Советского Союза в преодолении своих трудностей – не в интересах Соединенных Штатов, их союзников и партнеров.

К сожалению, не все политические деятели в США и других западных странах полностью отказались от такого, казалось бы, изжившего себя подхода. В доказательство можно привести тот факт, что на Западе имеет место ряд заведомо антисоветских проявлений – в публикациях, заявлениях, да и в действиях. Их спектр довольно широк – от злой и большей частью несправедливой критики по поводу политики Москвы в отношении отдельных республик до ложных обвинений в неискренности и двусмысленности. Такие оценки выплескиваются не только на страницы печати, они фигурируют иногда в официальных заявлениях, в том числе Конгресса США.

Уже после начала войны в зоне Персидского залива был проведен сравнительный анализ содержания передач «оригинального» и на языках народов СССР вещания «Голоса Америки», Би-би-си, радиостанции «Свобода». В вещании на «свои» страны прибалтийская тематика в двадцатых числах января составляла от 10 до 20 процентов новостей, и это естественно, так как «кульминация» накала событий в Советской Прибалтике была пройдена, а кувейтский кризис стал главной темой. В то же время на языках народов СССР прибалтийская тематика составляла около 80 процентов информационного веща-

тельного времени. Была ли, как в прошлом, в той или иной форме скоординирована такая кампания, сказать трудно...

Перестройка в СССР – это тоже общеизвестно – приводит к многопартийному характеру его политической надстройки. Появились оппозиционные силы, которые ведут борьбу за власть. Есть и сепаратистские тенденции в ряде республик. В таких условиях и в США, и в некоторых других западных странах появились настроения «поиграть» с политической оппозицией в «центре» СССР или с республиками. Напрашивается вопрос: не хотят ли такими способами сделать Советский Союз более податливым на те решения, в которых не сбалансированы интересы двух сторон, а превалируют интересы Запада?

Ни для кого не секрет и то, что Советский Союз переживает серьезные экономические трудности. Некоторые из них имеют объективный характер – они свойственны переходному периоду от командно-административной системы к смешанной экономике. Другие – субъективные – порождены ошибками и недоделками уже в процессе перестройки. Так или иначе, СССР в этот переходный период больше, чем когда бы то ни было, заинтересован в получении экономической поддержки со стороны западных государств.

На Западе же проявились разные подходы к проблеме экономической поддержки СССР. Одни выражают стремление помочь советскому руководству устоять на рельсах перестройки. Другие предпочитают повременить, подождать, пока все «утрается» – и в политическом, и в экономическом плане. Активизируется и такая идея: уж если и оказывать экономическую поддержку, то не Союзу в целом, а непосредственно республикам. Конечно же, дело не в том, что республики в новых условиях не могут или не должны быть субъектами самостоятельных экономических отношений и с зарубежными государствами, и с иностранным частным бизнесом. Но речь в данном

случае идет не об этом, а о противопоставлении республик «центру». Не приходится сомневаться, что при этом имеется в виду усилить центробежные тенденции в Союзе.

Немалое значение имеет и изменяющаяся военно-стратегическая обстановка на глобальном уровне. В Москве считали, что процесс разрядки, а в дальнейшем и поступательного движения в отношениях между СССР и США в определенном плане стал возможным и базируется на военно-стратегическом паритете. Другое дело, что уровень этого паритета должен быть разумно минимальным, что его необходимо опустить как можно ниже.

Этот паритет сохраняется и в настоящее время. Ведь его смысл не в количественном равновесии, а в способности любой из сторон нанести ответный удар с неприемлемыми для другой стороны последствиями. Но сегодня уже нет той «симметрии», которую еще несколько лет назад создавали в стратегической области НАТО и Варшавский Договор. Как военная единица, как военный союз Варшавский Договор перестал существовать. Правда, выход из положения видится в том, чтобы и НАТО постепенно отходила от своей военной функции, все более и более приобретала характер политического союза. Но в данном случае я рассматриваю проблему в ракурсе военно-стратегической обстановки.

Известно, что Советский Союз отреагировал совершенно спокойно на изменения, произошедшие в восточноевропейских странах – его союзниках по Варшавскому Договору. Такая реакция была продиктована рядом причин: и тем, что мы сами отходим от командно-административной модели социализма, и тем, что критерием наших оценок перестал быть интерес противоборства с Соединенными Штатами, и тем, что моральный, нравственный фактор возобладали в нашей политике. Но остается вопрос: будет ли «зеркальным» отношение Запада к создавшейся ситуации или натовские стратеги попыта-

ются использовать ее в своих военно-стратегических интересах?

Однако одну из самых ответственных «испытательных полос» для отношений между СССР и США создают региональные конфликты – как оставшиеся в наследство от прошлого периода, так и те острые ситуации, которые подобно кувейтскому кризису возникли после окончания холодной войны. В старые недобрые времена – я уже говорил об этом – само появление таких ситуаций и тем более их развитие было практически невозможно без участия двух противостоящих друг другу держав. Это имело крайне негативную сторону, так как делало обстановку детонатором, который мог подрвать мировую стабильность. Но, как ни парадоксально, в этом была и положительная сторона: при советско-американской договоренности можно было бы не допускать «сверхкритического» развития событий, держать их под контролем.

Сейчас, как показал кувейтский кризис, так просто вопрос не решается. И тем не менее по-прежнему очень многое зависит от советско-американской солидарности, от параллельных действий или совместных политических акций, от взаимной сдержанности в том случае, если планируемые военные меры могут таить в себе риск для безопасности многих государств, народов.

Совершенно ясно – об этом многократно говорили главы государств, – что без тесного сотрудничества (даже при сохранении тактических различий в подходах) великих держав, в первую очередь США и СССР, не удалось бы в относительно «менее болезненных» формах решить кризис в зоне Персидского залива. С этой точки зрения военные методы не могут считаться «панацеей» для защиты интересов с любой стороны, как бы ни был соблазнителен противоположный вывод в связи с конкретными результатами операции «Буря в пустыне». Даже если применение военных методов становится неизбежным,

то и тогда оптимально их сочетание с политическими средствами.

В таком ракурсе следует оценивать и то значение, которое имели усилия СССР в области политического урегулирования с Ираком, осуществляемые в тот момент, когда готовилась, а затем проводилась военная операция коалиции в зоне Персидского залива. В связи с тем, что результаты были – так, во всяком случае, видится на поверхности – достигнуты чисто военными средствами, у некоторых появился соблазн говорить о «бесплодности» мер, предпринятых СССР.

С таким выводом согласиться трудно. Конечно, ретроспективно невозможно точно определить, как пошли бы события, если бы... Но два момента, как представляется, очевидны. Не будь советской миссии, с большой степенью вероятности масштабные военные действия могли бы широко распространиться на иракскую территорию, что предвещало значительный рост жертв и разрушений. Не будь советской миссии – не было бы и той тонкой нити, которая продолжала – худо ли, бедно – связывать иракское руководство с цивилизованным миром. Будь отрезана эта «пуповина» – Саддам Хусейн со всеми присутствующими ему «комплексами» почувствовал бы себя в полной изоляции, и, кто знает, не подтолкнуло бы это на применение всех имевшихся у него средств массового поражения, во всяком случае, химических средств ведения войны? Не возрос ли бы в таком случае и экологический терроризм? Эти вопросы, по меньшей мере, имеют право на существование.

Советско-американская согласованность в действиях имеет большое значение по поводу событий в зоне Залива и после прекращения войны. Не в последнюю очередь это относится к проблеме военного присутствия США. Мир приветствовал заявление Дж. Буша о незамедлительности вывода американских войск из зоны Персидского залива. Это вроде бы снимало опасения по поводу

того, что американцы и после войны могут масштабно сохранить здесь свои вооруженные силы. Правда, президент Буш упомянул о том, что выводятся сухопутные войска, а военно-морские силы США будут постоянно находиться в районе. Затем последовали дополнения и разъяснения со стороны других американских официальных лиц, показавшие, в том числе, и намерения Соединенных Штатов сосредоточить на месте немалое количество вооружений, складированных и готовых к использованию в случае переброски сюда живой силы в «экстраординарных ситуациях». Сообщалось о том, что в Бахрейне планируется разместить на постоянной основе командный пункт Объединенного центрального командования вооруженных сил США.

Такие уточнения привели к ряду новых опасений – на этот раз того, что США уже не вернуться к тем ограниченным масштабам военного присутствия, которое было здесь в довоенное время.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос об американских вооруженных силах на территории Ирака. В свое время было провозглашено, что они вошли в южные районы этой страны для того, чтобы обеспечить успех сухопутной операции в Кувейте. Позже появилось другое объяснение. В марте председатель комитета начальников штабов К. Пауэлл откровенно заявил на своей пресс-конференции, что продолжающееся нахождение американских войск на территории Ирака связано с положением внутри этой страны. При этом он подчеркнул, что вооруженные силы США останутся в Ираке до тех пор, пока их не заменят подразделения Саудовской Аравии, Кувейта и других арабских стран – членов коалиции, но это станет возможным лишь «через много месяцев».

Так была обозначена одна точка зрения, по-видимому, поддерживаемая, в том числе, и военными: использовать «всерьез и надолго» нахождение американских

войск на территории Ирака с целью свержения режима С. Хусейна. Как тут не вспомнить, что после окончания военных действий в Кувейте командующий коалиционными силами генерал Шварцкопф сетовал – дали бы еще один день, был бы оккупирован Багдад и пришел бы конец режиму. Шварцкопф прямо намекал на то, что этого дня он не получил от президента Буша.

И на этот раз Дж. Буш дал свои разъяснения по поводу нахождения американских войск на территории Ирака. По его словам, они ни при каких обстоятельствах не будут вмешиваться во внутренние события. Вскоре последовало решение об отводе этих войск в приграничную ирако-кувейтскую полосу. Представляется, что Буш, продолжающий провозглашать идею нового миропорядка на справедливой основе, не мог поступить иначе и в плане мандата, полученного от ООН совсем на другие цели, и в плане будущих отношений на международной арене с СССР. Но ему приходится сталкиваться с серьезным сопротивлением – это совершенно очевидно. И не случайно, что в США нет-нет да и звучала прямая критика в адрес президента за то, что своим невмешательством США поощряют действия иракского режима против оппозиции. Правда, при этом были и такие, кто считал, что, введя американские войска на территорию Ирака, удерживая их там уже после вывода иракских войск из Кувейта и неоднократно заявляя о необходимости свержения режима Саддама Хусейна, Соединенные Штаты практически вызвали к жизни вооруженные действия против правительства как со стороны курдов, так и со стороны шиитов. Хочу сразу же оговориться: дело не в сохранении или несоблюдении режима Саддама Хусейна. Но дело в том, что решение этой проблемы должно быть целиком внутренним делом Ирака, а не «форсироваться», в том числе и такими способами, как оккупация иностранными войсками части его территории, организация радиостанций, призывающих к восстанию, и дру-

гими. Но за всем этим ведь тоже стояли определенные силы в США.

Когда пишу об этом, вспоминаю свои беседы в Вашингтоне во время кувейтского кризиса. Многое из тогдашних впечатлений – и о заранее решенном военном исходе, и о продолжающихся вместе с тем колебаниях по этому поводу – все эти «нюансы», как мне кажется, находят свое продолжение уже после окончания кувейтского кризиса. А между тем подавление курдов иракской армией, оставшейся верной режиму, унесло огромное число человеческих жизней, обернулось сотнями тысяч беженцев-курдов, перешедших границу Турции и Ирана.

В таких условиях многие не без основания стали говорить о том, что курдская проблема вновь стала «разменной монетой», причем когда целый ряд ближневосточных государств, вне зависимости от их отношения к режиму Саддама Хусейна, готовы всячески воспрепятствовать созданию в любой форме курдского государственного образования. Видимо, не без учета их позиции, равно как и позиций СССР, Китая, Франции, Дж. Буш и Дж. Бейкер воспротивились осуществлению идеи создания специальной «зоны безопасности» для курдов на севере Ирака, что могло бы считаться, по сути, расчленением этой страны.

Но дело, как говорится, с участием кого-то или без участия сделано – возрастают потоки крови и страдания людей. Все это – еще один и немалый негативный результат того, что не были использованы все возможные невоенные средства для обеспечения безусловного и полного вывода иракских войск из Кувейта.

От СССР и США более, чем от кого бы то ни было другого, зависели раньше вопросы глобальной войны и мира. Но от этих двух стран, от их отношений во многом зависит сегодня и другой вопрос – будет ли человечество избавлено от состояния «ни войны, ни мира» и на глобальном, и на региональном уровнях, перейдет ли оно

надежно в качественно новую полосу своего развития – взаимопонимания, взаимодействия и сотрудничества.

Ставя вопрос так, я нисколько не умаляю роли всех других стран мира – Западной и Восточной Европы, Азии, Африки, Латинской Америки, Океании – государств больших и малых. Лишь при всеобщем участии, лишь при отказе от политического или военно-политического монополизма в любой его форме может стать достижимой цель стабильности в мире на прочном фундаменте справедливости.

Это – главный вывод, который можно было сделать, пройдя по нелегким дорогам во время кризиса в зоне Персидского залива.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду первая конференция с участием глав мусульманских государств, прошедшая в Рабате с 22 по 25 сентября 1969 года, на которой была основана Организация Исламская конференция (с 2011 г. – Организация исламского сотрудничества).

² Речь идет о гражданской войне в Йемене 1962–1970 годов между сторонниками свергнутого короля Мухаммеда аль-Бадра, поддержанными Саудовской Аравией, и сторонниками республиканской модели правления, поддержанными Египтом.

³ Шестидневная война – война между Израилем с одной стороны и Египтом, Сирией, Иорданией с другой, продолжавшаяся с 5 по 10 июня 1967 года.

⁴ 23 июля 1952 года в Египте произошел военный переворот, в ходе которого была устранена монархия и провозглашена республика. Переворот был осуществлен членами тайной организации «Свободные офицеры» во главе с Гамалем Абделем Насером.

⁵ «Братья-мусульмане» – международная исламистская организация, основанная в 1928 году. В 1954 году после неудачного покушения ее членов на президента Насера деятельность «Братьев-мусульман» в Египте была запрещена.

⁶ Суэцкий канал был закрыт после Шестидневной войны 1967 года.

⁷ Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Египтом подписан 27 мая 1971 года.

⁸ Резолюция Совета Безопасности ООН № 242 принята 22 ноября 1967 года, после Шестидневной войны. Резолю-

ция включала в себя требование о выводе израильских вооруженных сил с оккупированных территорий.

⁹ Октябрьская, или Четвертая арабо-израильская война между коалицией арабских стран и Израилем продолжалась с 6 по 24 октября 1973 года.

¹⁰ Соглашение о разъединении египетских и израильских войск на Синайском полуострове подписано на 101-м километре дороги Каир – Суэц 18 января 1974 года.

¹¹ Женевская мирная конференция по Ближнему Востоку, сопредседателями которой стали СССР и США, состоялась в декабре 1973 года. Ее участниками были министры иностранных дел Израиля, Египта и Иордании.

¹² В июне–сентябре 1982 года Израиль провел на территории Ливана военную операцию с целью уничтожения баз Организации освобождения Палестины.

¹³ Saudi Aramco – крупнейшая нефтяная компания мира по добыче нефти и размеру нефтяных запасов. Основана в 1933 году после заключения концессионного соглашения правительства Саудовской Аравии с американской компанией «Standard Oil of California». В 1980 году правительство получило полный контроль над компанией, став собственником 100 % ее акций.

¹⁴ В ходе Исламской революции 1978–1979 годов в Иране свергнут шах (он бежал в Египет 16 января 1979 года) и установлена новая администрация, которую возглавил аятолла Хомейни.

¹⁵ «Маарах» – политическая партия, являвшаяся союзом главных левых партий Израиля в 1965–1991 годах.

¹⁶ «Ликуд» – национал-консервативная политическая партия Израиля, возникшая в 1973 году как блок правых и либеральных партий.

¹⁷ Еврейская подпольная организация «Иргун цвай леуми», совершавшая теракты и убийства против англичан и арабов, действовала на территории Палестины в 1931–1948 годах.

¹⁸ Декларация Бальфура опубликована 2 ноября 1917 года. В ней провозглашалось намерение английского прави-

тельства создать «еврейский национальный очаг» в Палестине при условии соблюдения прав палестинцев.

¹⁹ «Мапай» («Партия рабочих Земли Израильской») – израильская политическая партия, которая относилась к рабочему сионистскому движению. Была сформирована в 1930 году. В 1968 году прекратила свое существование, объединившись с несколькими другими партиями в новую партию «Авода» (Партия труда).

²⁰ «Тройственной агрессией» здесь и далее автор называет Суэцкий кризис, начавшийся в октябре 1956 года и закончившийся в марте 1957 года. Поводом к обострению конфликта стало начало военных действий Израиля, Франции и Великобритании против Египта.

²¹ 21 февраля 1973 года истребителями израильских ВВС сбит Boeing 727 ливийской компании Libyan Arab Airlines. Жертвами катастрофы стали 104 пассажира и 4 члена экипажа.

²² Имеется в виду поправка Саймингтона, принятая Конгрессом США в 1976 году, и поправка Гленна, принятая в 1977 году.

²³ Дартмутские встречи – неофициальные двусторонние переговоры советских и американских представителей по вопросам урегулирования противостояния, проходившие в 1960–1990 годах.

²⁴ Хашимиты – потомки Хашима ибн Абд Манафа, прадеда пророка Мухаммада; современная династия иорданских королей считается хашимитской.

²⁵ Ирано-иракская война продолжалась с 22 сентября 1980 по 20 августа 1988 года.

²⁶ Нобелевская премия мира была вручена Анвару Сааду и Менахему Бегину в 1978 году.

²⁷ Ю. Сибай был убит 18 февраля 1976 года в отеле «Hilton» в Никосии во время подготовки к конференции Организации солидарности народов Азии и Африки. Перестрелка между египетскими и киприотскими спецслужбами при операции освобождения заложников в аэропорту Ларнаки произошла на следующий день, 19 февраля.

²⁸ Режим Квислинга – коллаборационистское правительство в оккупированной Норвегии с февраля 1942 по май 1945 года.

²⁹ 38-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН прошла в сентябре–декабре 1983 года.

³⁰ 16–17 сентября 1982 года, во время ливано-израильской войны 1982 года ливанские христиане-фалангисты, бывшие союзниками Израиля, провели в лагерях беженцев Сабра и Шатила военную операцию по поиску и уничтожению палестинских боевиков. В ходе резни погибло от 750 до 3000 человек.

³¹ О «деле Лавона» Е.М. Примаков подробно пишет в книге «Анатомия ближневосточного конфликта», включенной в первый том Собрания сочинений.

³² Директор израильской разведки «Моссад» Меир Амит под угрозой разрыва отношений между Израилем и Марокко помог выманить Махди Бен-Барку из Женевы в Париж, где его задержали сотрудники французской разведки и передали марокканским спецслужбам. Бен-Барка был застрелен на вилле в пригороде Парижа 2 ноября 1965 года.

³³ Указана неверная дата. В действительности Ахмед Бу-чикки был убит 21 июля 1973 года.

³⁴ Баас, или Партия арабского социалистического возрождения – политическая партия, основанная в Сирии Мишелем Афляком и Салахом ад-дин Битаром в 1947 году. Помимо Ливана, имеет отделения в Сирии, Ираке, Алжире, Бахрейне, Египте, Иордании, Кувейте, Ливии, Мавритании, Палестине, Судане, Тунисе и Йемене.

³⁵ Речь идет о войне между Великобританией и Аргентиной за контроль над Фолклендскими островами в апреле–июне 1982 года, в которой Великобритания одержала победу.

³⁶ Экономические санкции в отношении Ирака были введены Советом Безопасности ООН 6 августа 1990 года.

³⁷ Имеется в виду Мюнхенское соглашение 1938 года.

³⁸ Мехабадская республика в иранском Курдистане существовала с 22 января по 16 декабря 1946 года.

³⁹ Интифада – арабское боевое движение, направленное на освобождение оккупированных территорий Палестины.

Обычно выделяют две интифады – первую, продолжавшуюся с 1987 по 1993 годы, и вторую – с 2000 по 2005 годы.

⁴⁰ В июле 1990 года на базе АПН создано Информационное агентство «Новости». В сентябре 1991 года оно преобразовано в Российское информационное агентство «Новости» («РИА Новости»).

⁴¹ Имеется в виду Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный главами 33 государств в Хельсинки летом 1975 года.

⁴² Автором допущена фактическая ошибка: Кондолиза Райс получила образование в Денверском университете и в университете Нотр-Дам, но не была аспиранткой Принстонского университета.

⁴³ В ходе переворота, осуществленного в Сирии 21–23 февраля 1966 года под руководством Салаха Джадида, свергнут президент Амин аль-Хафез.

⁴⁴ Дипломатические отношения СССР и Саудовской Аравии, де-факто прекращенные в 1938 году, восстановлены в 1990 году.

⁴⁵ Стражи Исламской революции – иранское военно-политическое формирование, созданное в 1979 году из отрядов революционных комитетов, сторонников аятоллы Хомейни.

⁴⁶ Имеется в виду III Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными.

⁴⁷ С 1994 года – улица Спиридоновка.

ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ

Абд Раббо, Ясир (р. 1944) – член политбюро Демократического фронта освобождения Палестины в 1968–1993 годах, генеральный секретарь Палестинского демократического союза в 1993–2002 годах.

Абдалла ибн Абдул-Азиз Аль Сауд (1924–2015) – наследный принц, первый заместитель премьер-министра Саудовской Аравии в 1982–2005 годах, король Саудовской Аравии в 2005–2015 годах.

Абу Шарар, Маджид (?–1981) – палестинский писатель, руководитель информационной службы Организации освобождения Палестины, член центрального комитета ФАТХ. Убит 6 октября 1981 года в Риме.

Авинери, Шломо (р. 1933) – израильский политолог, профессор политических наук Еврейского университета в Иерусалиме.

Авнери, Ури (р. 1923) – израильский политик и журналист.

Адамишин, Анатолий Леонидович (р. 1934) – российский дипломат. Начал работу в МИД СССР в 1957 году. Заместитель министра иностранных дел СССР в 1986–1990 гг.; посол СССР / РФ в Италии в 1990–1992 гг.; первый заместитель министра иностранных дел РФ в 1992–1994 гг.; посол РФ в Великобритании в 1994–1997 гг.; министр по сотрудничеству с государствами СНГ в 1997–1998 гг., вице-президент АФК «Система» в 1998–2005 гг. С 2004 года по настоящее время – президент Ассоциации евроатлантического сотрудничества.

Адван, Камаль (?–1973) – представитель Организации освобождения Палестины. Убит во время операции «Весна

молодости», проведенной израильскими спецслужбами 9–10 апреля 1973 года.

Адхам, Камель (1929–1999) – директор Службы общей разведки Саудовской Аравии в 1965–1979 годах, советник короля Фейсала в 1964–1975 годах.

Азиз, Тарик (1936–2015) – иракский политический деятель. С 1957 года – член партии «Баас». В 1971–1979 гг. – главный редактор газеты «Аль-Тавра». В 1974–1979 гг. – министр информации, в 1983–1991 гг. – министр иностранных дел; в 1979–2003 гг. – заместитель премьер-министра Ирака. С 1977 года – член Совета революционного командования Ирака. Являлся одним из ближайших соратников президента Ирака Саддама Хусейна.

Айяд, Абу (1933–1991) – лидер террористической организации «Черный сентябрь».

Али, Исмаил Ахмед (1917–1974) – директор Службы общей разведки Египта в 1971–1972 годах, министр обороны Египта в 1973 году. Военный министр и верховный главнокомандующий египетской армии во время Октябрьской войны 1973 года.

Али, Камаль Хасан (1921–1993) – египетский военный и политический деятель. Министр обороны Египта в 1978–1980 годах, премьер-министр Египта в 1984–1985 годах.

Аллен, Ричард (р. 1936) – советник президента США по национальной безопасности в 1981–1982 годах.

Алон, Игаль (1918–1980) – израильский военный и политический деятель. Командовал рядом боевых операций во время Войны за независимость 1948 года. Министр труда в 1961–1968 гг., заместитель премьер-министра в 1968–1977 гг., министр образования и культуры в 1969–1974 гг., министр иностранных дел в 1974–1977 гг.

Аль-Араби, Набил (р. 1935) – египетский дипломат. Постоянный представитель Египта в ООН в 1991–1995 годах, министр иностранных дел Египта в 2011 году, генеральный секретарь Лиги арабских государств с 2011 года по настоящее время.

Аль-Баз, Усама (1931–2013) – египетский дипломат, старший советник президента Египта Х. Мубарака в 1981–

2011 годах. Входил в состав египетской делегации в Кэмп-Дэвиде в 1978 году.

Аль-Бакр, Ахмед Хасан (1914–1982) – иракский военный и политический деятель, президент Ирака в 1968–1979 годах.

Аль Тани, Халифа бин Хамад (р. 1932) – эмир Катара в 1972–1995 годах.

Аль-Фейсал, Сауд (1940–2015) – саудовский дипломат, министр иностранных дел Саудовской Аравии в 1975–2015 годах.

Аль-Хамшари, Махмуд (?–1972) – представитель ООП в Париже, один из организаторов теракта на мюнхенской олимпиаде. Убит 8 декабря 1972 года в Париже.

Аль-Хатиб, Рухи (1914–1994) – мэр Восточного Иерусалима в 1957–1967 годах.

Аль-Холи, Лютфи (1928–1999) – египетский писатель и журналист, редактор журнала «Ат-Талиа».

Амит, Меир (1921–2009) – израильский военный и государственный деятель, директор «Моссада» в 1963–1968 годах.

Андерсон, Джек (1922–2005) – американский журналист.

Андресян, Рубен Наполеонович (1929–1989) – советский экономист, специалист по Ближнему Востоку.

Андреотти, Джулио (1919–2003) – итальянский политик. Председатель Совета министров Италии в 1972–1973, 1976–1979 и 1989–1992 годах.

Арафат, Ясир (1929–2004) – председатель Организации освобождения Палестины в 1969–2004 гг., председатель Палестинской национальной администрации в 1994–2004 гг.

Аргов, Шломо (1929–2003) – израильский дипломат. Посол Израиля в Нидерландах в 1974–1979 годах и в Великобритании в 1979–1982 годах.

Аренс, Моше (р. 1925) – израильский дипломат и политик. Министр обороны Израиля в 1983–1984, 1990–1992 и 1999 годах, министр иностранных дел Израиля в 1988–1990 годах.

Арнетт, Питер (р. 1934) – американский журналист, корреспондент CNN в 1981–1999 годах.

Асад, Хафез (1930–2000) – сирийский военный и политический деятель. Член партии Баас с 1946 года. В 1966–1972 гг. – министр обороны, в 1971–2000 гг. – президент Сирии.

Ас-Сабах, Сабах аль-Ахмед аль-Джабер (р. 1929) – министр иностранных дел Кувейта в 1963–2003 годах, эмир Кувейта с 2006 года по настоящее время.

Ас-Сольх, Такиэддин – ливанский государственный деятель, премьер-министр Ливана в 1973–1974 и 1980 годах.

Атертон, Альфред (1921–2002) – американский дипломат. Помощник государственного секретаря США по делам Ближнего Востока и Юго-Западной Азии в 1974–1978 годах, посол США в Египте в 1979–1983 годах. Входил в состав американской делегации в Кэмп-Дэвиде в 1978 году.

Ахромеев, Сергей Федорович (1923–1991) – начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР в 1984–1988 годах, маршал Советского Союза.

Ахтисаари, Мартти (р. 1937) – финский дипломат, президент Финляндии в 1994–2000 годах. Возглавлял деятельность ООН по преодолению последствий войны в Персидском заливе 1990–1991 годов. Лауреат Нобелевской премии мира 2008 года.

Байндер, Леонард – профессор Центра ближневосточных и североафриканских исследований Мичиганского университета.

Бандар, ибн Султан (р. 1949) – посол Саудовской Аравии в США в 1983–2005 годах, генеральный директор службы общей разведки Саудовской Аравии в 2012–2014 годах.

Барзани, Мулла Мустафа (1903–1979) – курдский военный и политический деятель, лидер национально-освободительного движения в Иракском Курдистане. Председатель Курдской демократической партии в 1946–1979 годах.

Бар-Лев, Хаим (1924–1994) – израильский военный и политический деятель, начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля в 1968–1972 годах.

Бегин, Менахем (1913–1992) – премьер-министр Израиля в 1977–1983 годах.

Бейкер, Джеймс (р. 1930) – американский политик. Глава администрации президента США в 1981–1985 и 1992–1993 гг.; государственный секретарь США в 1989–1992 гг.

Белоногов, Александр Михайлович (р. 1931) – советский и российский дипломат. Посол СССР в Египте в 1984–1986 гг., постоянный представитель СССР в ООН в 1986–1990 гг., заместитель министра иностранных дел СССР в 1990–1991 гг., посол РФ в Канаде в 1992–1998 гг.

Белоусов, Игорь Сергеевич (1928–2005) – заместитель председателя Совета Министров СССР в 1988–1990 годах.

Беляев, Игорь Петрович (1923–1993) – советский журналист и востоковед.

Бен-Барка, Махди (1920–1965) – участник национально-освободительного движения в Марокко. Убит 29 октября 1965 года в Париже.

Бенвенести, Мерон (р. 1934) – израильский политолог, заместитель мэра Иерусалима в 1971–1978 годах.

Бен-Гурион, Давид (1886–1973) – израильский политический деятель, председатель Еврейского агентства в 1935–1948 годах, премьер-министр Израиля в 1948–1953 и 1955–1963 годах.

Бен-Элиссар, Элияху (1932–2000) – израильский политик и дипломат, генеральный директор бюро премьер-министра А. Садата в 1977–1980 гг., депутат кнессета в 1981–1996 гг., посол Израиля в Египте в 1980–1981 гг., в США в 1996–1998 гг. и во Франции в 1998–2000 гг.

Бергус, Дональд (1920–1998) – американский дипломат. Представитель США в Египте в 1967–1972 годах, посол США в Судане в 1977–1980 годах.

Бернадот, Фольке (1895–1948) – шведский дипломат и общественный деятель. Посредник ООН во время арабо-израильской войны 1948–1949 годов. Убит 17 сентября 1948 года членами еврейской экстремистской группировки «Лехи».

Берри, Набих (р. 1938) – глава шиитского движения «Амаль» с 1980 года, спикер парламента Ливана с 1992 года.

Берт, Ричард (р. 1947) – американский дипломат и бизнесмен. Помощник государственного секретаря США по делам Европы и Канады в 1983–1985 годах, посол США в ФРГ в 1985–1989 годах.

Бессмертных, Александр Александрович (р. 1933) – советский дипломат. Министр иностранных дел СССР в январе–августе 1991 года.

Бжезинский, Збигнев (р. 1928) – американский политолог и государственный деятель. Советник президента США по национальной безопасности в 1977–1981 гг.

Болл, Джордж (1909–1994) – американский дипломат, заместитель государственного секретаря США в 1961–1966 годах.

Борчгрейв, Арно де (1926–2015) – американский журналист, корреспондент и редактор журнала «Newsweek» в 1950–1980 годах.

Брандт, Вилли (1913–1992) – немецкий политик. Министр иностранных дел ФРГ в 1966–1969 гг., федеральный канцлер ФРГ в 1969–1974 гг., председатель Социалистического интернационала в 1976–1992 гг.

Браун, Гарольд (р. 1927) – министр обороны США в 1977–1981 годах.

Брежнев, Леонид Ильич (1906–1982) – первый секретарь ЦК КПСС в 1964–1966 годах, генеральный секретарь ЦК КПСС в 1966–1982 годах.

Брутенц, Карен Нерсесович (р. 1924) – советский журналист и общественный деятель.

Брэдли, Уильям (р. 1943) – сенатор от штата Нью-Джерси в 1979–1997 годах. До политической карьеры получил известность как баскетболист.

Будиа, Мухаммед (?–1973) – активист Фронта национального освобождения Алжира. Был убит 28 июня 1973 года в Париже.

Бутрос-Гали, Бутрос (1922–2016) – египетский дипломат, министр иностранных дел Египта в 1977–1991 годах, генеральный секретарь ООН в 1992–1996 годах.

Бучикхи, Ахмед (?–1973) – марокканский официант. Убит 21 июля 1973 года в Лиллехаммере по ошибке, в результате неудачной операции «Моссада».

Буш, Барбара (р. 1925) – первая леди США в 1989–1993 годах.

Буш, Джордж Герберт Уокер (р. 1924) – вице-президент США в 1981–1989 годах, президент США в 1989–1993 годах.

Ваззан, Шафик (1925–1999) – премьер-министр Ливана в 1980–1984 годах.

Василиу, Георгиос (р. 1931) – президент Кипра в 1988–1993 годах.

Васильев, Алексей Михайлович (р. 1939) – советский и российский ученый-африканист. Директор Института Африки РАН в 1992–2015 годах.

Вейцман, Хаим (1874–1952) – президент Всемирной сионистской организации в 1921–1931 и 1935–1946 годах, президент Израиля в 1949–1952 годах.

Велиотис, Николас (р. 1928) – американский дипломат. Посол США в Иордании в 1978–1981 гг., помощник государственного секретаря США по делам Ближнего Востока и Юго-Западной Азии в 1981–1984 гг., посол США в Египте в 1984–1986 гг.

Виноградов, Владимир Михайлович (1921–1997) – советский дипломат, посол СССР в Японии в 1962–1967 гг., в Египте в 1970–1974 гг., в Иране в 1977–1982 гг. Министр иностранных дел РСФСР в 1982–1990 годах.

Воронцов, Юлий Михайлович (1929–2007) – советский и российский дипломат. Посол СССР в Индии в 1977–1983 гг., во Франции в 1983–1986 гг. и в Афганистане в 1988–1989 гг.; посол России в США в 1994–1998 гг.

Вэнс, Сайрус (1917–2002) – государственный секретарь США в 1977–1980 годах.

Галили, Израэль (1911–1986) – израильский политик, начальник штаба «Хаганы» в 1946–1948 годах.

Гамаси, Мухаммед – военный министр Египта в 1974–1978 годах.

Гамильтон, Ли (р. 1931) – американский политик, член Палаты представителей от штата Индиана в 1967–1999 годах.

Гарриман, Памела (1920–1997) – посол США во Франции в 1993–1997 годах. Вдова американского государственного деятеля Аверелла Гарримана.

Гейвандов, Константин Ервандович (р. 1930) – советский журналист-международник.

Гейтс, Роберт (р. 1943) – директор Центральной разведки в 1991–1993 гг., министр обороны США в 2006–2011 гг.

Гелб, Лесли (р. 1937) – американский журналист, корреспондент The New York Times в 1973–1977 и 1981–1993 годах.

Гилян, Максим (1931–2005) – израильский журналист, писатель и поэт.

Гитлер, Адольф (1889–1945) – председатель НСДАП в 1921–1945 гг., рейхсканцлер Германии в 1933–1945 гг. Основатель Третьего рейха.

Глэспи, Эйприл (р. 1942) – американский дипломат, посол США в Ираке в 1988–1990 годах.

Гомаа, Шаарауи – министр внутренних дел Египта в 1966–1971 годах.

Горбачев, Михаил Сергеевич (р. 1931) – генеральный секретарь ЦК КПСС в 1985–1991 годах, президент СССР в 1990–1991 годах.

Грегги, Али – египетский экономист.

Гречко, Андрей Антонович (1903–1976) – советский военачальник, маршал Советского Союза, министр обороны СССР в 1967–1976 годах.

Громыко, Андрей Андреевич (1909–1989) – министр иностранных дел СССР в 1957–1985 годах, председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1985–1988 годах.

Грядунов, Юрий Степанович – посол СССР/РФ в Иордании в 1990–1992 годах.

Дакетт, Карл (1923–1992) – заместитель директора ЦРУ по науке и технологиям.

Даллес, Джон Фостер (1888–1959) – государственный секретарь США в 1953–1959 годах.

Даян, Моше (1915–1981) – израильский военный и государственный деятель. Министр обороны Израиля в 1967–1974 годах, министр иностранных дел Израиля в 1977–1979 годах.

Де Голь, Шарль (1890–1970) – французский военный и государственный деятель, президент Франции в 1959–1969 годах. Основатель Пятой республики.

Де Микелис, Джанни (р. 1940) – министр иностранных дел Италии в 1989–1992 годах.

Десаи, Морарджи (1896–1995) – премьер-министр Индии в 1977–1979 годах.

Дженкинс, Лорен – американский журналист, иностранный корреспондент «Newsweek» в 1970–1980 годах и «The Washington Post» в 1980–1990 годах.

Джонс, Ричард – британский журналист.

Джонсон, Линдон (1908–1973) – американский политик, сенатор от штата Техас в 1949–1961 гг., вице-президент США в 1961–1963 гг., президент США в 1963–1969 гг.

Джумблат, Валид (р. 1949) – ливанский политик, один из руководителей Фронта национального спасения в 1983–1984 годах, руководитель Прогрессивно-социалистической партии Ливана.

Диниц, Симха (1929–2003) – израильский политик, посол Израиля в США в 1973–1979 годах, председатель Еврейского агентства в 1987–1994 годах.

Добрынин, Анатолий Федорович (1919–2010) – советский дипломат. Посол СССР в США в 1962–1986 годах, секретарь ЦК КПСС в 1986–1988 годах.

Дроблес, Матитьягу (р. 1931) – глава отдела колонизации Всемирной сионистской организации в 1978–1992 гг., руководитель Центрального сионистского архива в 1998–2012 гг.

Дрори, Амир (1937–2005) – израильский военачальник.

Дудин, Мустафа – глава Лиги сельских ассоциаций Израиля в конце 1970-х – начале 1980-х годов.

Дэм, Кеннет (р. 1932) – заместитель государственного секретаря США в 1982–1985 годах.

Есенин, Сергей Александрович (1895–1925) – русский поэт.

Жаботинский, Владимир Евгеньевич (1880–1940) – русский и еврейский писатель, основатель и идеолог движения сионистов-ревизионистов, создатель Еврейского легиона, а также организаций «Иргун» и «Бейтар».

Жискар д’Эстен, Валери (р. 1926) – французский политический деятель, президент Франции в 1974–1981 годах.

Жмайель, Амин Пьер (р. 1942) – ливанский политический деятель, лидер партии «Катаиб» («партии фалангистов»), президент Ливана в 1982–1988 годах.

Жмайель, Башир (1947–1982) – ливанский политический деятель. Убит 14 сентября 1982 года в штаб-квартире партии «Катаиб».

Замволт, Элмо (1920–2000) – адмирал ВМС США.

Замятин, Леонид Митрофанович (р. 1922) – генеральный директор ТАСС в 1970–1978 гг., заведующий Отделом международной информации ЦК КПСС в 1978–1986 гг., посол СССР в Великобритании в 1986–1991 гг.

Зейра, Эли (р. 1928) – генерал-майор Армии обороны Израиля, командир управления военной разведки Израиля в 1972–1974 годах.

Зотов, Александр Иванович (р. 1941) – посол СССР / РФ в Сирии в 1988–1994 годах.

Зуайтер, Ваиль (1934–1972) – палестинский переводчик, представитель Организации освобождения Палестины в Риме. Убит израильскими спецслужбами 10 октября 1972 года в Риме.

Зумр, Аббуд – бывший полковник военной разведки египетской армии. Был приговорен к пожизненному заключению по обвинению в участии в убийстве А. Садата, но в марте 2011 года был освобожден из тюрьмы.

Зуэйин, Юсуф (1931–2016) – премьер-министр Сирии в 1965, 1966–1968 годах. После переворота 1970 г. в заключении до 1981 г. В дальнейшем – в эмиграции.

Ивлэнд, Уилбур Крейн (1918–1990) – агент ЦРУ в 1955–1962 годах, автор автобиографии «Ropes of Sand».

Игнатенко, Виталий Никитич (р. 1941) – советский журналист, главный редактор журнала «Новое время» в 1986–1990 гг., помощник и затем руководитель пресс-службы президента СССР М.С. Горбачева в 1990–1991 гг. Генеральный директор ИТАР-ТАСС в 1991–2012 годах. С 2012 года по настоящее время – член Совета Федерации РФ от Краснодарского края.

Исламбули, Халед (1955–1982) – лейтенант египетской армии, организатор убийства А. Садата. Был казнен по приговору военного суда.

Исмаил, Хафез (1919–1997) – египетский дипломат, руководитель Службы общей разведки Египта в 1970 году, советник президента Египта по вопросам национальной безопасности в 1971–1974 годах.

Йиннон, Одед (р. 1949) – израильский журналист и политолог.

Йост, Чарльз (1907–1981) – американский дипломат. Посол США в Лаосе в 1955–1956 гг., в Сирии в 1957–1958 гг., в Марокко в 1958–1961 гг. Представитель США в ООН в 1969–1971 годах.

Кавасма, Фахд (?–1984) – мэр Хеврона до 1980 года, деятель Организации освобождения Палестины. Убит 29 декабря 1984 года.

Каддуми, Фарук (р. 1931) – заведующий политического отдела исполкома ООП в конце 1970-х – начале 1990-х годов, генеральный секретарь центрального комитета ФАТХ с 2004 года (после смерти Ясира Арафата).

Кайфу, Тосики (р. 1931) – премьер-министр Японии в 1989–1991 годах.

Каллаган, Уильям – генерал-лейтенант ирландской армии, командующий Временными силами ООН в Ливане в 1980-х годах.

Камель, Мухаммед Ибрагим (1927–2001) – египетский дипломат, министр иностранных дел Египта в 1977–1978 годах.

Канафани, Гассан (1936–1972) – палестинский писатель и политический деятель, член руководства Народного фронта освобождения Палестины. Убит 30 мая 1972 года.

Капелюк, Амнон (1930–2009) – израильский журналист.

Картер, Джимми (р. 1924) – американский политик, губернатор Джорджии в 1971–1975 годах, президент США в 1977–1981 годах.

Картер, Розалин (р. 1927) – первая леди США в 1977–1981 годах.

Касем, Абдель Керим (1914–1963) – иракский государственный и военный деятель, премьер-министр и министр обороны Ирака в 1958–1963 годах.

Квандт, Уильям (р. 1941) – американский исследователь и специалист по Ближнему Востоку. Сотрудник Совета национальной безопасности США в 1972–1974 и в 1977–1979 годах, сотрудник Брукингского института в 1979–1994 годах.

Келли, Джон (1939–2001) – американский дипломат, помощник государственного секретаря США по делам Ближнего Востока и Юго-Западной Азии в 1989–1991 годах.

Кендалл, Дональд (р. 1921) – основатель компании «PepsiCo» и ее президент в 1965–1986 годах.

Кеннан, Джордж Фрост (1904–2005) – американский дипломат, политолог и историк, автор концепции «политики сдерживания» во время холодной войны.

Кимхи, Давид (1928–2010) – израильский журналист и сотрудник спецслужб, генеральный директор министерства иностранных дел Израиля в 1980–1987 годах.

Киппер, Джудит – американский эксперт по Ближнему Востоку, директор ближневосточного отдела Института Международных отношений.

Киркпатрик, Джин (1926–2006) – американский дипломат. Постоянный представитель США в ООН в 1981–1985 годах.

Кирпиченко, Сергей Вадимович (р. 1951) – советский и российский дипломат. С 1973 года работал на различных должностях в центральном аппарате МИД СССР и РФ и в дипломатических представительствах за рубежом. С 2011 года по настоящее время – посол России в Египте.

Киссинджер, Генри (р. 1923) – государственный секретарь США в 1973–1977 годах.

Кларк, Джо (р. 1939) – канадский политический деятель, премьер-министр Канады в 1979–1980 годах, государственный секретарь по иностранным делам в 1984–1991 годах.

Кларк, Рэмси (р. 1927) – министр юстиции США в 1967–1969 годах.

Клементс, Билл (1917–2011) – американский политик, заместитель министра обороны США в 1973–1977 годах, губернатор Техаса в 1979–1983 и 1987–1991 годах.

Кобьш, Виталий Иванович (1928–2007) – советский журналист-международник.

Коломбо, Эмилио (1920–2013) – итальянский политик, председатель Совета министров Италии в 1970–1972 годах, министр иностранных дел Италии в 1980–1983 и 1992–1993 годах.

Колотуша, Василий Иванович (р. 1941) – советский и российский дипломат, посол СССР в Ливане в 1986–1990 годах, посол РФ в Марокко в 1992–1999 годах.

Коль, Гельмут (р. 1930) – федеральный канцлер ФРГ в 1982–1998 годах.

Кондрашов, Станислав Николаевич (1928–2007) – советский журналист-международник.

Коппель, Тэд (р. 1940) – американский журналист, сотрудник компании «ABC» в 1963–2005 годах и ведущий программы «Nightline» в 1980–2005 годах.

Косыгин, Алексей Николаевич (1904–1980) – советский государственный деятель, председатель Совета министров СССР в 1964–1980 годах.

Крайский, Бруно (1911–1990) – федеральный канцлер Австрии в 1970–1983 годах.

Кристол, Ирвинг (1920–2009) – американский журналист, редактор журнала «The Public Interest» в 1965–2002 годах.

Кронкайт, Уолтер (1916–2009) – американский журналист, ведущий вечернего выпуска новостей телеканала CBS в 1962–1981 годах.

Крючков, Владимир Александрович (1924–2007) – начальник Первого главного управления КГБ СССР в 1974–1988 гг., председатель КГБ СССР в 1988–1991 гг.

Кубайси, Базиль (?–1973) – профессор юриспруденции Американского университета Бейрута. Сотрудничал с Народным фронтом освобождения Палестины. Убит в Париже 6 апреля 1973 года.

Кув де Мюрвиль, Морис (1907–1999) – французский дипломат и политик, министр иностранных дел Франции в 1958–1968 гг., премьер-министр Франции в 1968–1969 гг.

Кузнецов, Василий Васильевич (1901–1990) – советский государственный деятель, председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР в 1946–1950 годах, первый заместитель министра иностранных дел СССР в 1955–1977 годах, первый заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР в 1977–1986 годах.

Кэлб, Бернارد (р. 1922) – американский журналист, соавтор биографии «Киссинджер» с М. Кэлбом.

Кэлб, Марвин (р. 1930) – американский журналист, сотрудник Брукингского института, соавтор биографии «Киссинджер» с Б. Кэлбом.

Лавон, Пинхас (1904–1976) – израильский государственный деятель, генеральный секретарь профсоюза «Гистадрут» в 1949–1951 годах, министр обороны Израиля в 1954–1955 годах.

Лакер, Вальтер (р. 1921) – американский историк и политолог.

Леви, Давид (р. 1937) – израильский политик, депутат Кнессета в 1969–2006 гг., министр иностранных дел Израиля в 1990–1992, 1996–1998 и 1999–2000 гг.

Ленихен, Брайан (1930–1995) – ирландский политик, министр иностранных дел Ирландии в 1973, 1979–1981 и 1987–1990 годах.

Льюис, Сэмюэль (1930–2014) – американский дипломат, посол США в Израиле в 1977–1985 годах.

Магид, Ахмед Исмаат Абдель (1923–2013) – египетский дипломат, постоянный представитель Египта при ООН в 1972–1984 годах, министр иностранных дел Египта в

1984–1991 годах, генеральный секретарь Лиги арабских государств в 1991–2001 годах.

Мазен, Абу (также известен как Махмуд Аббас; р. 1935) – палестинский политик, председатель Организации освобождения Палестины в 2004–2015 гг., президент частично признанного Государства Палестина с 2013 года.

Макговерн, Джордж (1922–2012) – американский политик, сенатор от штата Южная Дакота в 1963–1981 годах.

Маккლოსки, Пит (р. 1927) – американский политик, член Палаты представителей от штата Калифорния в 1967–1983 годах.

Макферлейн, Роберт (р. 1938) – советник президента США по национальной безопасности в 1983–1985 годах.

Маленков, Георгий Максимиллианович (1902–1988) – секретарь ЦК ВКП(б) в 1939–1953 гг., председатель Совета министров СССР в 1953–1955 гг., заместитель председателя Совета министров в 1955–1957 гг.

Маркарян, Роберт Варганович (р. 1949) – научный сотрудник Института востоковедения АН СССР в 1980–1985 гг., научный сотрудник ИМЭМО в 1985–1989 гг., помощник Е.М. Примакова (в Президентском совете СССР, в СВР России) в 1990–1996 гг. Посол России в Сирии в 1999–2006 гг., посол России в Хорватии в 2009–2015 гг.

Маски, Эдмунд (1914–1996) – американский политик-демократ, сенатор от штата Мэн в 1959–1980 гг., государственный секретарь США в 1980–1981 гг.

Масуд, Мохаммед Ибрагим (р. 1919) – государственный министр Саудовской Аравии в 1975–1995 годах.

Медведко, Леонид Иванович (р. 1928) – советский и российский ученый-востоковед.

Меир, Голда (1898–1978) – израильский государственный деятель. Министр иностранных дел Израиля в 1956–1966 гг., премьер-министр Израиля в 1969–1974 гг.

Мейджор, Джон (р. 1943) – британский политик, премьер-министр Великобритании в 1990–1997 годах.

Мешад, Яхья (1932–1980) – египетский физик, один из создателей иракского ядерного проекта. Убит в Париже 14 июня 1980 года.

Мильсон, Менахем – профессор Еврейского университета в Иерусалиме, глава «гражданской администрации Иудеи и Самарии» в 1981–1982 годах.

Мильхем, Мухаммед – мэр Хальхуля в конце 1970-х – начале 1980-х годов.

Миرون, Дан (р. 1934) – израильский литературный критик, профессор Еврейского университета в Иерусалиме.

Митгеран, Франсуа (1916–1996) – первый секретарь Социалистической партии Франции в 1971–1981 годах, президент Франции в 1981–1995 годах.

Мондейл, Уолтер (р. 1928) – американский политик, вице-президент США в 1977–1981 годах, посол США в Японии в 1993–1996 годах.

Мордвинов, Владимир Федорович – заместитель министра внешних экономических связей СССР в 1988–1991 годах.

Мубарак, Хосни (р. 1928) – египетский военный и политический деятель. Вице-президент Египта в 1975–1981 годах, президент Египта в 1981–2011 годах.

Мурер, Томас (1912–2004) – американский адмирал, главнокомандующий ВМС США в 1967–1970 годах, председатель объединенного комитета начальников штабов в 1970–1974 годах.

Мурси, Фуад – египетский экономист и социолог.

Навон, Гад (1920–2006) – израильский генерал-майор, главный раввин Армии обороны Израиля в 1977–2000 годах.

Наджар, Мухаммед Юсуф (1931–1973) – глава военной разведки ФАТХ, один из руководителей Организации освобождения Палестины. Убит во время операции «Весна молодости», проведенной израильскими спецслужбами 9–10 апреля 1973 года.

Насер, Гамаль Абдель (1918–1970) – президент Египта в 1954–1970 годах, генеральный секретарь Движения неприсоединения в 1964–1970 годах.

Насер, Камаль (1925–1973) – палестинский журналист, представитель Организации освобождения Палестины. Убит во время операции «Весна молодости», проведенной израильскими спецслужбами 9–10 апреля 1973 года.

Никсон, Ричард (1913–1994) – сенатор от штата Калифорния в 1950–1953 годах, вице-президент США в 1953–1961 годах, президент США в 1969–1974 годах.

Осейран, Адель (1905–1998) – ливанский политик, председатель парламента Ливана в 1953–1959 годах.

Пауэлл, Колин (р. 1937) – американский военный и государственный деятель. Советник по национальной безопасности в 1987–1989 гг., председатель объединенного комитета начальников штабов в 1989–1993 гг., государственный секретарь США в 2001–2005 гг.

Пауэлл, Чарльз (р. 1941) – британский дипломат, советник премьер-министра Великобритании по внешней политике в 1980-х годах.

Пелед, Матитьягу (1923–1995) – израильский генерал, позже – профессор Тель-Авивского университета.

Перес, Шимон (р. 1923) – израильский политик. Министр иностранных дел Израиля в 1986–1988, 1992–1995 и 2001–2002 гг., министр транспорта в 1970–1974 гг., министр финансов в 1988–1990 гг., министр обороны в 1974–1977 и 1995–1996 гг., премьер-министр Израиля в 1984–1986 и 1995–1996 гг., президент Израиля в 2007–2014 гг.

Перл, Ричард (р. 1941) – американский политик и политолог, заместитель министра обороны США по вопросам политики в области международной безопасности в 1981–1987 годах.

Поляков, Владимир Порфирьевич (1931–2002) – советский и российский дипломат, начальник Управления стран Ближнего Востока МИД СССР в 1983–1990 годах, посол СССР / РФ в Египте в 1974–1983 и 1990–1995 годах.

Помпиду, Жорж (1911–1974) – французский государственный деятель, премьер-министр в 1962–1968 годах и президент Франции в 1969–1974 годах.

Посувалюк, Виктор Викторович (1940–1999) – советский и российский дипломат. Посол СССР в Омане в 1988–1990 гг., посол СССР/РФ в Ираке в 1990–1992 гг., директор Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД РФ в 1992–1994 гг., заместитель министра ино-

странных дел и специальный представитель Президента России по ближневосточному урегулированию в 1994–1999 гг.

Рабин, Ицхак (1922–1995) – премьер-министр Израиля в 1974–1977 и 1992–1995 годах. Убит ультраправым экстремистом Игалем Амиром 4 ноября 1995 года.

Равив, Дан (р. 1954) – американский автор и журналист.

Райс, Кондолиза (р. 1954) – американский политик. Директор отдела по делам СССР и Восточной Европы Совета национальной безопасности США и особый помощник президента по делам национальной безопасности в 1989–1991 годах, советник президента по национальной безопасности в 2001–2005 годах, государственный секретарь США в 2005–2009 годах.

Рамадан, Таха Ясин (1938–2007) – вице-президент Ирака в 1991–2003 годах.

Рандопуло – египетский агент ЦРУ.

Раш, Кеннет (1910–1994) – посол США в ФРГ в 1969–1972 гг., заместитель государственного секретаря в 1973–1974 гг., посол США во Франции в 1974–1977 гг.

Рашад, Юсуф – глава нелегальной египетской организации «Железная гвардия» в середине 1940-х годов.

Рейган, Рональд (1911–2004) – американский политик, губернатор штата Калифорния в 1967–1975 гг., президент США в 1981–1989 гг. До начала политической карьеры получил известность как актер и радиоведущий.

Рекорд, Джеффри – американский военный эксперт.

Рифаи, Зайд (р. 1936) – премьер-министр Иордании в 1973–1976 и 1985–1989 годах.

Рияд, Махмуд (1917–1992) – египетский дипломат, министр иностранных дел Египта в 1964–1972 годах, генеральный секретарь Лиги арабских государств в 1972–1979 годах.

Роджерс, Уильям (1913–2001) – американский государственный деятель. Министр юстиции США в 1957–1961 годах, государственный секретарь США в 1969–1973 годах.

Роджерс, Барбара – американский ядерный инженер.

Рокфеллер, Дэвид (р. 1915) – американский банкир и общественный деятель. Президент банка Чейз Манхэттен в 1961–1981 гг. С 1947 года – директор Совета по международным отношениям и в 1970–1985 годах – председатель его совета директоров.

Роммель, Эрвин (1891–1944) – немецкий генерал-фельдмаршал и командующий войсками Оси в Северной Африке.

Росс, Деннис (р. 1948) – американский дипломат, глава отдела планирования Государственного департамента США в 1989–1992 годах.

Ростоу, Юджен (1913–2002) – заместитель госсекретаря США по политическим вопросам в 1966–1969 годах.

Роуни, Эдвард (р. 1917) – американский генерал. Один из представителей США на переговорах об ограничении стратегических вооружений в 1970-х годах.

Рыжков, Николай Иванович (р. 1929) – секретарь и заведующий Экономическим отделом ЦК КПСС в 1982–1985 гг., председатель Совета министров СССР в 1985–1991 гг.

Сабри, Али (1920–1991) – египетский политический и военный деятель, председатель Исполнительного совета Объединенной Арабской Республики в 1962–1964 годах, премьер-министр ОАР в 1964–1965 годах, вице-президент ОАР в 1965–1968 годах.

Садат, Анвар (1918–1981) – египетский государственный и военный деятель, председатель Национального собрания Египта в 1960–1968 годах, президент Египта в 1970–1981 годах.

Садат, Джихан (р. 1933) – первая леди Египта в 1970–1981 годах.

Садек, Мухаммед Ахмад (1917–1991) – египетский военный и политический деятель, военный министр Египта в 1971–1972 годах.

Саид, Нури (1888–1958) – иракский политический деятель. С 1930 по 1958 год восемь раз занимал должность премьер-министра Ирака. Убит в ходе революции 14 июля 1958 года.

Саламе, Али Хасан (1940–1979) – член террористической организации «Черный сентябрь», организатор теракта на мюнхенской олимпиаде 1972 года. Убит израильскими спецслужбами 22 января 1979 года в Бейруте.

Салех, Махмуд (?–1977) – активист ООП. Убит 3 января 1977 года в Париже.

Сафват, Абу (?–1979) – активист ООП. Убит в декабре 1979 года в Никосии.

Селиктар, Офира – американский политолог, специалист по Ближнему Востоку.

Сибай, Юсеф (1917–1978) – египетский журналист. Был убит 18 февраля 1976 года в отеле «Hilton» в Никосии во время подготовки к конференции Организации солидарности народов Азии и Африки.

Сил, Патрик (1931–2014) – британский автор и журналист.

Симоне, Анри (1931–1996) – бельгийский политик, министр иностранных дел Бельгии в 1977–1980 годах.

Сиско, Джозеф (1919–2004) – американский дипломат, помощник государственного секретаря США по делам Ближнего Востока и Юго-Западной Азии в 1969–1974 годах.

Скали, Джон (1918–1995) – постоянный представитель США в ООН в 1973–1975 годах, корреспондент телекомпании ABC в 1961–1971 и 1975–1993 годах.

Скоукрофт, Брент (р. 1925) – генерал-лейтенант ВВС США, советник президента США по национальной безопасности в 1975–1977 и 1989–1993 годах.

Слоан, Гэй (1918–2008) – супруга С. Вэнса.

Сомоса Гарсиа, Анастасио (1896–1956) – президент (диктатор) Никарагуа в 1937–1947 и 1950–1956 годах.

Сондерс, Гарольд (р. 1930) – американский дипломат, помощник государственного секретаря США по делам Ближнего Востока и Юго-Западной Азии в 1978–1981 годах.

Сталин [Джугашвили], Иосиф Виссарионович (1878–1953) – генеральный секретарь ЦК ВКП(б) в 1922–1953 годах, председатель Совета народных комиссаров СССР в 1941–1946 годах, председатель Совета министров СССР в 1946–1953 годах.

Стернер, Майкл – глава египетского отдела в Госдепартаменте США, заместитель помощника государственного секретаря США по делам Ближнего Востока и Юго-Западной Азии в 1970-х – начале 1980-х годов.

Стивен, Стюарт (1935–2004) – британский автор и журналист.

Судзуки, Дзэнко (1911–2004) – японский политический деятель, премьер-министр Японии в 1980–1982 годах.

Султан ибн Абдул-Азиз (1928–2011) – министр обороны и авиации Саудовской Аравии в 1962–2011 годах.

Сунуну, Джон (р. 1939) – губернатор штата Нью-Гэмпшир в 1983–1989 годах, глава администрации президента США в 1989–1991 годах.

Тамари, Салим (р. 1945) – палестинский социолог, профессор Бир-Зейтского университета с 1971 года.

Терази, Зухди Лабиб (1924–2006) – постоянный представитель Палестины при ООН в 1974–1991 годах.

Тернер, Стэнфилд (р. 1923) – адмирал в отставке, директор Центральной разведки США в 1977–1981 годах.

Трон, Юджин – резидент ЦРУ в Каире в начале 1970-х годов.

Тукан, Самир (?–1979) – активист ООП. Убит в декабре 1979 года в Никосии.

Тухами, Хасан (1924–2009) – заместитель премьер-министра Египта в 1970-х годах.

Тэтчер, Маргарет (1925–2013) – британский государственный деятель, министр просвещения и науки в 1970–1974 годах, премьер-министр Великобритании в 1979–1990 годах.

Фавзи, Мохаммед (1915–2000) – египетский политический и военный деятель, военный министр Египта в 1968–1971 годах.

Фалаччи, Ориана (1929–2006) – итальянский журналист, писатель, публицист, в годы Второй мировой войны – участница итальянского Сопротивления.

Фараон, Рашад – советник короля Саудовской Аравии в 1940–1950-х годах.

Фарук I (1920–1965) – король Египта и Судана в 1936–1952 годах. Свергнут в ходе июльской революции в Египте.

Фахд ибн Абдул-Азиз (1921–2005) – король Саудовской Аравии в 1982–2005 годах.

Фахми, Исмаил (1922–1997) – египетский дипломат. Посол Египта в Австрии в 1968–1971 годах, министр иностранных дел Египта в 1973–1977 годах.

Фейсал ибн Абдул-Азиз (1906–1975) – министр иностранных дел в 1930–1960 и 1962–1975 годах, король Саудовской Аравии в 1962–1975 годах.

Фиорелли, Марио – генеральный директор итальянской компании «SNIA Techint» в конце 1970-х – начале 1980-х годов.

Фицуотер, Марлин (р. 1942) – пресс-секретарь президента США в 1987–1993 годах.

Форд, Джеральд (1913–2006) – американский политик, президент США в 1974–1977 годах.

Форстер, Балгазар Йоханнес (1915–1983) – министр юстиции ЮАР в 1961–1966 гг., премьер-министр в 1966–1978 гг., президент в 1978–1979 гг.

Франжье, Сулейман (1910–1992) – президент Ливана в 1970–1976 годах.

Франжье, Тони (1941–1978) – ливанский политик, полковой командир во время гражданской войны в Ливане. Убит 13 июня 1978 года.

Франсуа-Понсе, Жан (1928–2012) – французский политик, министр иностранных дел Франции в 1978–1981 годах.

Фулбрайт, Джеймс Уильям (1905–1995) – американский политик. Сенатор от штата Арканзас в 1945–1974 годах, председатель комитета Сената США по международным отношениям в 1959–1974 годах.

Хабер, Эйтан (р. 1940) – израильский журналист и публицист.

Хабиб, Филипп (1920–1992) – американский дипломат, специальный представитель президента США Р. Рейгана на Ближнем Востоке в 1981–1983 годах.

Хаддад, Саад (1936–1984) – основатель и командир Армии Южного Ливана.

Хаддам, Абдель Халим (р. 1932) – сирийский политический деятель, министр иностранных дел Сирии в 1970–1984 годах, вице-президент Сирии в 1984–2005 годах.

Хадер, Наим – представитель ООП в Брюсселе. Был убит 1 июня 1981 года.

Халаф, Керим (1935–1985) – палестинский политик, мэр Рамаллаха в 1972–1982 годах.

Хамадалл, Вахиб – мэр Акрабы в начале 1980-х годов.

Хаммади, Саадун (1930–2007) – иракский политический деятель, министр иностранных дел Ирака в 1974–1983 гг., спикер Национального собрания Ирака в 1983–1990 гг., заместитель премьер-министра в 1990–1991 гг., премьер-министр в 1991 г.

Хаммами, Саид (1941–1978) – палестинский политик и журналист, представитель ООП в Лондоне. Был убит 4 января 1978 года.

Хасан бин Талал (р. 1947) – иорданский принц.

Хаурани, Абдалла – член исполкома Организации освобождения Палестины в начале 1990-х годов.

Хашеми Рафсанджани, Али Акбар (р. 1934) – иранский государственный деятель, председатель Меджлиса Ирана в 1980–1989 годах, президент Ирана в 1989–1997 годах.

Хейг, Александр (1924–2010) – американский военачальник и государственный деятель. Верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе в 1974–1979 годах, государственный секретарь США в 1981–1982 годах.

Хейкал, Мохаммед Хасанейн (р. 1923) – египетский журналист, главный редактор газеты «Аль-Ахрам» в 1957–1974 годах. Спичрайтер президента Египта Г.А. Насера.

Хелмс, Ричард (1913–2002) – директор Центральной разведки США в 1966–1973 годах, посол США в Иране в 1973–1977 годах.

Херд, Дуглас (р. 1930) – британский политик, министр внутренних дел Великобритании в 1985–1989 годах, министр иностранных дел в 1989–1995 годах.

Хит, Эдвард (1916–2005) – британский государственный деятель, премьер-министр Великобритании в 1970–1974 годах.

Хобейка, Эли (1956–2002) – ливанский политик-фалангист и полевой командир во время гражданской войны в Ливане. Руководил резней в лагерях беженцев Сабра и Шатила на окраине Бейрута в 1982 году.

Холден, Дэвид (1924–1977) – британский автор и журналист, иностранный корреспондент «The Sunday Times» в 1965–1977 годах.

Хомейни, Рухолла Мусави (1902–1989) – иранский политический деятель, великий аятолла, лидер исламской революции 1979 года в Иране, высший руководитель Ирана в 1979–1989 годах.

Хомский, Ноам (р. 1928) – американский лингвист, политический публицист и философ.

Хофи, Ицхак (1927–2014) – израильский военный и политический деятель, генерал-майор Армии обороны Израиля, директор Моссада в 1974–1982 годах.

Хусейн ибн Талал (1935–1999) – король Иордании в 1952–1999 годах.

Хусейн, Саддам (1937–2006) – президент Ирака в 1979–2003 годах, заместитель председателя Совета революционного командования Ирака в 1968–1979 годах и его председатель в 1979–2003 годах. Казнен 30 декабря 2006 года по приговору Верховного суда Ирака.

Чейни, Ричард (р. 1941) – министр обороны США в 1989–1993 годах, вице-президент США в 2001–2009 годах.

Червенка, Зденек (р. 1932) – чешский инженер-химик и политик.

Черняев, Анатолий Сергеевич (р. 1921) – помощник генерального секретаря ЦК КПСС, затем президента СССР М.С. Горбачева по международным делам в 1985–1991 годах.

Чехов, Антон Павлович (1860–1904) – русский писатель и драматург.

Шазли, Саад (1922–2011) – египетский военный и государственный деятель. Начальник штаба египетской ар-

мии в 1971–1973 гг., посол Египта в Великобритании в 1974–1976 годах и в Португалии в 1976–1978 годах.

Шакаа, Басам (р. 1930) – мэр города Наблус в 1976–1982 годах.

Шамир, Ицхак (1915–2012) – израильский политический деятель, министр иностранных дел Израиля в 1980–1986 годах, премьер-министр Израиля в 1983–1984 и в 1986–1992 годах.

Шамун, Дани (1934–1990) – ливанский политик, сын Камиля Шамуна.

Шамун, Камиль Нимр (1900–1987) – президент Ливана в 1952–1958 годах, один из главных христианских лидеров во время гражданской войны в Ливане 1975–1990 годов.

Шапиро, Залман (р. 1920) – американский химик и изобретатель.

Шараф, Сами – руководитель администрации президента Египта в 1960-х годах.

Шарет, Моше – министр иностранных дел Израиля в 1948–1956 годах, премьер-министр Израиля в 1954–1955 годах.

Шарон, Ариэль (1928–2014) – израильский военный и политический деятель, генерал-майор армии, премьер-министр Израиля в 2001–2006 годах.

Шварцкофф, Норман (1934–2012) – американский военачальник, возглавлявший группировку многонациональных сил во время войны в Персидском заливе 1990–1991 гг.

Шеварднадзе, Эдуард Амвросиевич (1928–2014) – советский и грузинский политический деятель. Первый секретарь ЦК КП Грузии в 1972–1985 годах, министр иностранных дел СССР в 1985–1990 годах, президент Грузии в 1995–2003 годах.

Шессон, Клод (1920–2012) – французский политический деятель, министр иностранных дел Франции в 1981–1984 годах.

Широян, Сурен – заведующий отделением Агентства печати «Новости» в Ливане в 1960-х годах.

Шифф, Зеэв (1933–2007) – израильский журналист и писатель, военный корреспондент газеты «Гаарец».

Шлезингер, Джеймс (1929–2014) – американский государственный деятель, министр обороны США в 1973–1975 годах, министр энергетики США в 1977–1979 годах.

Шукри, Гали – египетский автор и журналист.

Шульц, Джордж (р. 1920) – американский государственный деятель, министр финансов США в 1972–1974 годах, государственный секретарь США в 1982–1989 годах.

Эбан, Абба (1915–2002) – израильский политик, министр иностранных дел Израиля в 1966–1974 годах.

Эйтан, Рафаэль (1929–2004) – израильский политический и военный деятель, начальник генерального штаба Армии обороны Израиля в 1978–1983 годах, заместитель премьер-министра Израиля в 1996–1999 годах.

Элазар, Давид (1925–1976) – израильский военный деятель, начальник генерального штаба Армии обороны Израиля в 1972–1974 годах.

Энглтон, Джеймс (1917–1987) – руководитель контрразведывательных операций Центрального разведывательного управления США в 1954–1975 годах.

Эшколь, Леви (1895–1969) – премьер-министр Израиля в 1963–1969 годах.

Ющук, Ростислав Васильевич (р. 1937) – советник посольства СССР в Иордании в конце 1970-х годов, генерал-лейтенант СВР РФ в 1990-х годах.

Яри, Ехуд (р. 1945) – израильский автор и журналист.

Язов, Дмитрий Тимофеевич (р. 1924) – министр обороны СССР в 1987–1991 годах, член ГКЧП в августе 1991 года.

Ярон, Амос (р. 1940) – генерал Армии обороны Израиля (уволен в запас в 1990 году), генеральный директор министерства обороны Израиля в 1998–2005 годах.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абд Раббо Я. – 304, 308, 309, 428, 566
Абдалла ибн Абдул-Азиз Аль Сауд – 482, 566
Абу Шарар М. – 308, 566
Авинери Ш. – 263, 566
Авнери У. – 333, 566
Адамишин А.Л. – 446, 566
Адван К. – 307, 566
Адхам К. – 25, 26, 36, 38, 42, 45, 57, 73, 567
Азиз Т. – 411, 419, 431–436, 438, 441, 442, 471–473, 475, 478, 489, 494, 497, 499–501, 503, 504, 506–517, 520–522, 567
Айяд А. – 428, 567
Али И.А. – 65, 76, 210, 567
Али К.Х. – 251, 567
Аллен Р. – 182, 567
Алон И. – 134, 145, 367, 567
Аль Тани, Халифа бин Хамад – 420, 568
Аль-Араби Н. – 250, 567
Аль-Баз У. – 467, 468, 471, 567
Аль-Бакр А.Х. – 418, 568
Аль-Фейсал С. – 25, 468, 482, 485, 499, 568
Аль-Хамшари М. – 307, 568
Аль-Хатиб Р. – 267, 568
Аль-Холи Л. – 61, 568
Амит М. – 306, 564, 568

Андерсон Дж. – 331, 332, 568
Андреасян Р.Н. – 173, 568
Андреотти Дж. – 446, 449–452, 464, 517, 568
Арафат Я. – 289, 290, 293, 295, 345, 353, 390–392, 425, 428, 430, 444, 568, 576
Аргов Ш. – 337, 568
Аренс М. – 189, 386, 536, 568
Арнетт П. – 500, 569
Артемов В.А. – 424
Асад Х. – 66–69, 208, 334, 372, 373, 442, 468–471, 478, 517, 569
Ас-Сабах, Сабах аль-Ахмед аль-Джабер – 313, 569
Ас-Сольх Т. – 352, 569
Атертон А. – 46, 198, 223, 239, 240, 569
Ахромеев С.Ф. – 414, 569
Ахтисаари М. – 519, 569

Б

Байндер Л. – 314, 569
Бандар, ибн Султан – 444, 457, 458, 569
Барзани М.М. – 312, 416, 417, 420, 466, 569
Бар-Лев Х. – 70, 569
Баруши А. – 302
Бегин М. – 11, 15, 17, 111, 118, 119, 121–141, 153, 154, 156–158, 194, 196–198, 204–206, 211–215,

219–223, 225–230, 232–238,
240–257, 259, 261, 263, 264,
266, 270, 273, 275, 277–279,
297–299, 301–303, 306, 307,
309, 311, 323, 331, 334–336,
338, 342, 348, 349, 355–357,
359, 361–363, 367, 376, 394,
563, 570
Бейкер Дж. – 454, 456, 460, 489,
491, 496, 521, 522, 535, 536,
539, 556, 570
Белоногов А.М. – 494, 498, 512,
521, 570
Белоусов И.С. – 424, 432, 433,
435, 436, 438, 490, 570
Беляев И.П. – 61–63, 398, 570
Бен-Барка М. – 564, 570
Бенвенести М. – 570
Бен-Гурион Д. – 124, 125, 141–
145, 213, 306, 570
Бен-Элиссар Э. – 219, 570
Бергус Д. – 39, 570
Бернадот Ф. – 266, 570
Берри Н. – 378, 571
Берт Р. – 571
Бессмертных А.А. – 454, 458,
459, 490, 491, 496, 507, 512,
522, 571
Бжезинский З. – 90, 168, 177,
179, 215, 216, 220, 229–233,
235, 239, 240, 247, 256, 261,
276, 571
Болл Дж. – 299, 383, 384, 571
Борчгрейв А. де – 36, 39, 571
Брандт В. – 289, 571
Браун Г. – 168, 177, 255, 571
Брежнев Л.И. – 53, 345, 571
Брутенц К.Н. – 394, 571
Брэдли У. – 488, 571
Будиа М. – 307, 571
Бутрос-Гали Б. – 251, 571
Бучикхи А. – 307, 564, 572
Буш Б. – 415, 572

Буш Д.Г.У. – 412–415, 432, 442,
454, 456–459, 464, 490–492,
495, 511–513, 516–518, 521, 523,
541, 542, 545, 546, 548, 553–
556, 572

В

Ваззан Ш. – 342, 343, 352, 572
Василиу Г. – 486, 487, 572
Васильев А.М. – 172
Васильев А.М. – 572
Вейцман Х. – 141, 151, 205, 227,
228, 233, 235, 236, 240, 264,
572
Велиотис Н. – 369, 370, 381, 572
Виноградов В.М. – 57, 572
Воронцов Ю.М. – 458, 459, 472,
521, 572
Вэнс С. – 77, 132, 138, 139, 179,
180, 197, 198, 218, 222, 225,
228, 229, 235, 236, 238, 241,
243, 245, 246, 254, 256, 257,
572, 585

Г

Галили И. – 70, 123, 572
Гамаси М. – 227, 228, 572
Гамильтон Л. – 542, 573
Гарриман А. – 573
Гарриман П. – 458, 459, 573
Гейвандов К.Е. – 448, 573
Гейтс Р. – 456, 458, 573
Гелб Л. – 362, 368, 573
Гилан М. – 334, 573
Гитлер А. – 32, 573
Глэспи Э. – 542, 543, 573
Голль Ш. де – 143, 574
Гомма Ш. – 24, 37, 38, 573
Горбачев М.С. – 11, 410, 413, 414,
423, 425, 433, 435, 442, 449,
452, 457, 459, 461, 464, 465,
476, 477, 479, 480, 484, 490,
491, 495, 497, 507–512, 517,
548, 573, 576, 589

Гретли А. – 106, 573
 Гречко А.А. – 54, 573
 Громько А.А. – 48, 86, 94, 95, 573
 Грэхем Дж. – 293, 573
 Грядунов Ю.С. – 405, 466, 573

Д

Дакегг К. – 150, 573
 Даллес Д.Ф. – 168, 574
 Дан У. – 204, 237, 243
 Даян М. – 29, 30, 67, 70, 139, 141, 142, 145, 146, 180, 194–205, 211, 213, 217–219, 221, 225, 233–235, 237, 238, 243, 253, 256, 257, 260, 276, 279, 332, 574
 Десаи М. – 199, 574
 Дженкинс Л. – 355, 574
 Джонс Р. – 44, 574
 Джонсон Л. – 145, 150, 574
 Джумблат В. – 378, 574
 Дики П. – 108
 Диниц С. – 82, 245, 350, 574
 Дмитриев Е. – 365
 Добрынин А.Ф. – 48, 574
 Дроблес М. – 264, 574
 Дрори А. – 358, 574
 Дудин М. – 281, 282, 574
 Дэм К. – 370, 373, 575

Е

Есенин С.А. – 524, 575

Ж

Жаботинский В.Е. – 118–122, 125, 129, 132, 133, 575
 Жискара д'Эстен В. – 291, 575
 Жмайель А.П. – 346, 353–355, 364, 371, 377, 378, 385, 387, 575
 Жмайель Б. – 334, 356, 575

З

Замволт Э. – 327, 575
 Замятин Л.М. – 461, 575

Зейра Э. – 70, 575
 Зотов А.И. – 466, 575
 Зуайтер В. – 307, 575
 Зубков В.В. – 504
 Зумр А. – 114, 575
 Зуэйн Ю. – 469, 575

И

Ивлэнд У.К. – 279, 575
 Игаль А. – 583
 Игнатенко В.Н. – 494, 505, 511, 521, 576
 Исламбули Х. – 112–114, 576
 Исмаил Х. – 42, 44, 47, 53, 58, 59, 65, 72, 83, 576

Й

Йинон О. – 328, 576
 Йост Ч. – 193, 576

К

Кавасма Ф. – 276, 576
 Каддуми Ф. – 290, 294, 576
 Кайфу Т. – 517, 576
 Каллаган У. – 363, 576
 Камель М.И. – 25, 57, 73, 227, 239, 250, 576
 Канафани Г. – 307, 576
 Капелюк А. – 287, 354, 355, 577
 Кармон И. – 280, 282
 Картер Дж. – 17, 18, 109, 111, 138, 139, 161, 169, 171, 179, 180, 184–186, 197, 210, 212, 213, 221–224, 229, 231–235, 237, 238, 240, 242–245, 248–259, 261, 276, 291, 577
 Картер Р. – 256
 Касем А.К. – 417, 418, 577
 Квант У. – 179, 198, 223, 336, 577
 Келли Дж. – 543, 577
 Кендалл Д. – 58–60, 577
 Кеннан Д.Ф. – 191–193, 488, 577

Кимхи Д. – 385, 577
Киппер Д. – 459, 577
Киркпатрик Д. – 169, 577
Кирпиченко С.В. – 424, 438, 475, 577
Киссинджер Г. – 30, 42–53, 57–59, 62, 63, 69–73, 77–80, 82–87, 91, 94–96, 109, 153, 173, 179, 326, 350, 510, 528, 578, 579
Кларк Д. – 290, 578
Клементс Б. – 92, 578
Кобьш В.И. – 448, 578
Коломбо Э. – 294, 578
Колотуша В.И. – 424, 466, 578
Коль Г. – 517, 578
Кон Х. – 149, 151
Кондрашов С.Н. – 448, 578
Коппель Т. – 460, 578
Косыгин А.Н. – 422, 578
Крайский Б. – 289, 290, 359, 578
Кристол И. – 314, 578
Кронкайт У. – 27, 211, 578
Крючков В.А. – 442, 491, 579
Кубайси Б. – 307, 579
Кув де Мюрвиль М. – 143, 579
Кудрявцев В.Д. – 38, 579
Кузнецов В.В. – 468, 579
Кэлб Б. – 71, 579
Кэлб М. – 71, 579

Л

Лавон П. – 306, 564, 579
Лакер В. – 120, 579
Леви Д. – 535, 579
Ленихен Б. – 290, 579
Лун И. – 284
Льюис С. – 194, 212, 579

М

Магид А.И.А. – 471, 579
Мазен А. – 428, 430, 580
Макговерн Дж. – 168, 580
Маккლოსки П. – 297, 580
Макферлейн Р. – 580

Маленков Г.М. – 416, 580
Маркарян Р.В. – 424, 461, 580
Маски Э. – 291, 580
Масуд М.И. – 378, 580
Медведко Л.И. – 184, 580
Меир Г. – 30, 47, 70, 82, 83, 131, 146, 195, 564, 580
Мейджор Дж. – 517, 580
Мешад Я. – 157, 158, 580
Микелис Дж. де – 451, 452, 574
Мильсон М. – 280, 282–287, 581
Мильхем М. – 276, 581
Миرون Д. – 303, 581
Миттеран Ф. – 359, 442, 452, 464, 479, 517, 581
Мондейл У. – 222, 581
Мордвинов В.Ф. – 424, 581
Мубарак Х. – 107, 117, 190, 391, 442, 467, 468, 470, 471, 478, 517, 567, 581
Мурер Т. – 92, 581
Мурси Ф. – 102, 581

Н

Навон Г. – 331, 581
Наджар М.Ю. – 307, 581
Насер Г.А. – 15, 21–26, 28, 31, 33–35, 49, 52, 53, 61, 64, 98–100, 105, 117, 225, 306, 307, 468, 561, 581, 588
Никсон Р. – 28, 37, 39, 47, 49, 58, 59, 78, 82, 104, 105, 109, 185, 202, 582
Ньюмен Б. – 149, 151

О

Осейран А. – 378, 582
Охан Ш. – 302

П

Пауэлл К. – 554, 582
Пауэлл Ч. – 461, 582
Пелед М. – 273, 582

Перес Ш. – 70, 111, 131, 134, 141,
142, 146, 198, 359, 376, 582
Перл Р. – 169, 182, 582
Поляков В.П. – 466, 582
Помпиду Ж. – 95, 582
Посувальюк В.В. – 434, 466, 467,
471, 500, 504, 582

Р

Рабин И. – 111, 131, 145, 146, 195,
583
Равив Д. – 152, 583
Радж Х. – 142
Райс К. – 456, 565, 583
Рамадан Т.Я. – 54, 434, 474, 484,
583
Рандопуло – 43, 44, 583
Раш К. – 92, 583
Рашад Ю. – 34, 583
Рейган Р. – 19, 161, 169–171, 182,
184, 185, 187, 188, 190, 324,
328, 336, 338, 346, 360, 366–
371, 381–383, 387, 390, 391,
397, 583, 587
Рекорд Д. – 183, 583
Рифаи З. – 63, 64, 583
Рияд М. – 35, 45, 46, 214, 583
Роджерс Б. – 148, 584
Роджерс У. – 35, 36, 39, 46, 47,
52, 583
Рокфеллер Д. – 73, 103, 584
Роммель Э. – 32, 584
Росс Д. – 454–456, 584
Ростоу Ю. – 169, 584
Роуни Э. – 169, 584
Рыжков Н.И. – 442, 584

С

Сабри А. – 24, 38, 584
Савалха Д. – 281
Савинов Н.А. – 504
Садат А. – 11, 15, 17, 19, 23–80,
83–86, 91, 96–98, 100, 102–
105, 108–118, 135, 137, 181, 182,

196, 197, 199–235, 237–240,
242–244, 246, 247, 249–251,
253–259, 261, 262, 299, 311,
325, 335, 397, 398, 563, 570,
575, 576, 584
Садат Д. – 23, 256, 584
Садек М.А. – 42, 54, 64, 65, 584
Саид Н. – 417, 431, 584
Саламе А.Х. – 308, 585
Салех М. – 308, 585
Сафват А. – 308, 585
Селиктар О. – 129, 585
Сибан Ю. – 237, 563, 585
Сил П. – 390, 585
Симоне А. – 290, 585
Сиско Д. – 40, 46, 585
Скали Д. – 152, 585
Скоукрофт Б. – 59, 415, 456, 585
Слоан Г. – 256, 585
Сомоса Г.А. – 156, 585
Сондерс Г. – 159, 186, 191, 241,
245, 585
Сталин И.В. – 416, 585
Стернер М. – 39, 46, 586
Стивен С. – 205, 305, 329, 586
Судейри – 481
Судзуки Д. – 295, 586
Султан ибн Абдул-Азиз – 57,
444, 482, 586
Сунуну Д. – 456, 458, 586

Т

Тамари С. – 280, 283, 586
Терази З.Л. – 366, 586
Тернер С. – 166, 586
Трон Ю. – 44, 586
Тукан С. – 308, 586
Тухами Х. – 201–204, 217, 218,
586
Тэтчер М. – 309, 461–464, 586

Ф

Фавзи М. – 24, 586
Фалаччи О. – 586

Фараон Р. – 481, 586
Фарук I – 34, 106, 587
Фахд ибн Абдул-Азиз – 208,
276, 420, 421, 442, 457, 468,
482–484, 587
Фахми И. – 85, 87, 214, 587
Фейсал ибн Абдул-Азиз – 25, 43,
468, 482, 485, 499, 587
Фиорелли М. – 158, 587
Фицуотер М. – 521, 587
Форд Дж. – 109, 185, 587
Форстер Б.Й. – 152, 587
Франжье С. – 354, 378, 587
Франжье Т. – 354, 587
Франсуа-Понсе Ж. – 290, 294,
587
Фулбрайт Д.У. – 92, 587

Х

Хабаров Г.А. – 504
Хабер Э. – 119, 125, 206, 306, 587
Хабиб Ф. – 342, 346–350, 353,
361, 587
Хаддад С. – 236, 304, 332, 355,
356, 362, 588
Хаддам А.Х. – 378, 588
Хадер Н. – 308, 588
Халаф К. – 276, 278, 588
Хамадалл В. – 278, 588
Хаммади С. – 508, 522, 588
Хаммами С. – 308, 588
Харрис С. – 43, 44
Хасан бин Талал – 588
Хаурани А. – 429, 430, 588
Хашеми Рафсанджани А.А. –
517, 588
Хейг А. – 116, 169, 170, 185, 201,
202, 303, 325, 326, 334–339,
341, 349, 588
Хейкал М.Х. – 26, 29, 33, 34, 38,
42–44, 50, 53, 54, 60, 62, 64,
73, 103, 109, 197, 588
Хелмс Р. – 150, 588

Херд Д. – 294, 588
Хит Э. – 90, 589
Хобейка Э. – 355, 589
Холден Д. – 44, 589
Хомейни Р.М. – 312, 317, 562,
565, 589
Хомский Н. – 269, 589
Хофи И. – 205, 589
Хусейн бин Талал – 190, 200,
201, 589
Хусейн С. – 63, 200, 201, 223,
228, 243, 330, 368, 369, 387,
390, 403, 405–416, 418–431,
433–436, 438–447, 449, 455,
457, 462, 464–466, 468–471,
474–480, 483, 484, 490, 492–
495, 497, 501, 502, 508, 509,
514, 516, 517, 520–522, 539,
542, 543, 553, 555, 556, 567, 589

Ц

Цион С. – 204, 237, 243

Ч

Чейни Р. – 546, 589
Червенка З. – 148, 589
Черняев А.С. – 494, 589
Чехов А.П. – 518, 589

Ш

Шазли С. – 55, 65, 75, 78, 589
Шакаа Б. – 276, 278, 590
Шалев – 71
Шамир И. – 125, 131, 134, 189,
266, 273, 275, 293, 334, 375,
376, 539, 590
Шамун Д. – 354, 590
Шамун К.Н. – 378, 590
Шапиро З. – 149, 590
Шараф С. – 24, 38, 590
Шарет М. – 332, 590
Шарон А. – 61, 62, 206, 226, 275,
277–280, 282–285, 298, 299,

303, 309, 311, 323, 325, 328,
333, 334, 337, 338, 342, 345,
349, 354, 357–359, 361–363,
367, 393, 394, 590
Шварцкопф Н. – 519, 555, 590
Шеварднадзе Э.А. – 442, 590
Шессон К. – 295, 590
Широян С. – 482, 590
Шифф З. – 206, 591
Шлезингер Д. – 185, 186, 591
Шукри Г. – 22, 23, 103, 104, 591
Шульц Д. – 190, 372, 382, 383,
388, 591

Э

Эбан А. – 71, 591
Эйтан Р. – 133, 306, 357, 359,
363, 591
Элазар Д. – 70, 591
Энглтон Д. – 148, 591
Эшколь Л. – 125, 145, 146, 591

Ю-Я

Юшук Р.В. – 63, 591
Яари Е. – 206, 591
Язов Д.Т. – 491, 591
Ярон А. – 358, 591

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абу-Рудайс – 96
Авали, река – 374, 377
Австрия – 289–291, 578, 587
Аден – 482
Азербайджан – 416
Акаба – 426
Акраба – 278, 588
Александрия – 108, 306
Амман – 292, 424, 425, 431, 515
Ангола – 167
Аравийская пустыня – 450
Аравийский полуостров – 116,
176, 321, 414, 421, 451, 484
Аргентина – 564
Асуан – 223, 224, 232
Афганистан – 167, 171, 172, 193,
572
Африканский Рог, полуостров –
170
Ашкелон – 304

Б

- Баабда – 341
Багдад – 20, 136, 158, 254, 282,
310–313, 320, 322, 403, 407,
410, 411, 415, 417, 419, 421, 423,
424, 427–429, 431, 433, 440–
442, 446, 447, 460, 465–468,
471–473, 479, 480, 483, 490,
492–495, 498–501, 503–505,
508, 511, 514–517, 520, 522, 555
Бахрейн – 554, 564

- Бахтаран (в 1979–1990 гг. –
Керманшах) – 498, 508
Бейрут – 290, 293, 297, 300, 301,
304, 307–309, 320, 327, 330,
331, 337–346, 348, 349, 351–
353, 355, 358–361, 364, 368,
375, 377, 389, 390, 393, 396,
469, 482, 579, 585, 589
Бекаа – 187, 191, 340, 348, 350,
362, 374, 375, 379, 380
Бомбей (Мумбаи) – 199
Брюссель – 201, 308, 588
Бубиян, остров – 444
Бхамдун – 341

В

- Варба, остров – 444
Вашингтон – 15, 25, 29, 31, 37,
38, 41, 47, 53, 56–58, 69, 70, 75,
77, 79, 82, 83, 91, 110, 115, 138,
139, 144, 167, 172, 175–177, 179,
182–184, 189, 210, 222, 225,
229–231, 233–237, 240, 250–
252, 255, 257, 293, 306, 322,
323, 327, 333, 334, 337–341,
347, 350, 361, 366, 379, 381,
382, 384, 388, 389, 407, 408,
444, 449, 451, 452, 454, 457,
460, 490, 491, 496, 516, 520,
529, 533, 542, 545, 546, 556
Великобритания, Англия – 27,
30, 32, 90, 128, 141, 241, 293,
294, 309, 321, 345, 426, 440,

464, 472, 517, 563, 564, 566,
568, 575, 580, 582, 586, 588–
590

Г

Габон – 40, 147
Газа, Сектор Газа – 15, 19, 89,
117, 128, 130–137, 195–198,
200, 206, 214, 216, 219, 220,
232–235, 238, 239, 241–249,
252, 253, 255, 256, 258–260,
263, 265, 269, 272–284, 286–
288, 297, 298, 328, 329, 335,
367–370, 377, 390, 391, 396,
399, 426, 427, 539

Гватемала – 156

Гиза – 42, 64

Голанские высоты – 20, 66–68,
89, 94, 95, 132, 136, 137, 189,
206, 230, 265, 268, 269, 279,
286, 323

Голландия – 141

Греция – 295

Д

Дамаск – 66, 94, 96, 208, 290,
341, 346, 348, 372–374, 380,
391, 427, 465, 468, 469, 471

Дамур – 304, 308, 309, 340

Деверсуар – 75, 76

Дейр-Ясин – 122, 123, 307

Дели – 142, 198, 199

Джанаклис – 43

Дженнин – 278

Джидда – 482

Димон – 142–147, 149

Е

Египет – 11, 15, 17–19, 21–26,
29–32, 35–45, 48–54, 56, 58,
59, 61, 62, 64, 65, 69, 70, 73–79,
81, 82, 84–87, 90, 91, 93, 94,
96–112, 114–119, 125, 133–135,
138–141, 156, 176, 182, 183, 188,

190, 194–198, 201–206, 208–
211, 213–215, 217–219, 222, 223,
227–231, 233–236, 238, 239,
241–256, 258–260, 262, 264,
265, 269, 270, 272, 277, 306,
310, 311, 319, 325–327, 329,
335, 336, 342, 364, 370, 391,
398, 408, 409, 429, 440, 442,
445, 465–467, 470, 517, 561–
564, 567, 569–573, 576, 577,
579, 581–584, 586–588, 590

Ж

Женева – 94, 204, 353, 378, 399,
564

З

Заир (с 1997 г. – Демократиче-
ская Республика Конго) – 345
Западный берег реки Иордан –
15, 19, 22, 89, 117, 128, 130–139,
179, 194, 196–198, 200, 204,
206, 214, 216, 220, 223, 224,
227, 231–235, 238, 239, 242–
249, 251–253, 255, 258–260,
263, 264, 266, 269, 271–288,
294, 297–301, 328, 329, 331,
335, 341–345, 348, 349, 351–
353, 355, 358, 360, 367–370,
377, 391, 396, 399, 426, 427,
539

И

Иерусалим – 17, 19, 21, 45, 50,
89, 95, 109, 112, 122, 128, 132,
136, 137, 181, 200, 204, 206–
213, 215–218, 222, 225–229,
231, 241, 248, 263, 265–268,
271, 272, 274, 280, 299, 303,
304, 316, 329, 346, 365, 455,
566, 568, 570, 581

Израиль – 11, 15–22, 27, 29, 30,
37, 38, 40, 45, 47–51, 53, 56, 58,
59, 62–64, 66–76, 78, 79, 81–

- 92, 94–97, 100, 103, 105, 110–112, 117–119, 121, 123–156, 158, 159, 170, 176, 180–183, 185, 189–192, 194–202, 204–206, 209, 211–222, 224–263, 265–277, 279–282, 286–289, 291–293, 295–306, 308, 310, 311, 313, 314, 316, 319–325, 327–344, 346–352, 354–365, 367–370, 372–379, 382–388, 392–394, 396–400, 407, 408, 413, 422, 425–429, 436, 438, 455, 456, 463, 492, 493, 496, 497, 502, 503, 506, 528, 529, 532, 534–537, 546, 561–564, 568–570, 572, 574, 575, 577, 579–583, 589–591
- Индийский океан – 153, 167, 172, 177, 178, 183, 193
- Индия – 198, 199, 572, 574
- Иордан, река – 15, 19, 22, 89, 117, 120, 121, 128–137, 179, 196, 200, 214, 220, 223, 224, 232, 234, 235, 238, 241, 242, 244, 246, 247, 253, 258, 264–266, 272, 275, 277, 280, 283, 285, 286, 297, 302, 328, 329, 335, 367, 377, 390, 396
- Иордания (в 1921–1946 гг. – Трансиордания) – 22, 63, 120, 131, 134, 139, 158, 182, 190, 194, 195, 198, 201, 204, 207, 213, 214, 216, 217, 224, 248, 258, 266, 271, 273, 281, 285, 301, 311, 326–330, 367, 369, 371, 387, 390, 405, 407, 409, 425–427, 466, 515, 534, 537, 561, 562, 564, 572, 573, 583, 589, 591
- Ирак – 68, 156–158, 177, 311–313, 320, 403, 405, 406, 408–411, 413, 415–422, 424–426, 429–438, 440, 443–448, 450, 455–459, 462, 464–468, 470, 471, 473–480, 483, 484, 486–489, 491–497, 499–503, 506–525, 527, 529, 533, 538, 540–543, 553–556, 564, 567, 568, 573, 577, 582–584, 588, 589
- Иран – 30, 101, 110, 167, 172, 175, 176, 183, 223, 254, 312, 313, 315, 317–320, 421, 431, 436, 437, 439, 483, 484, 498, 499, 508, 517, 532, 541, 543, 556, 562, 572, 588, 589
- Исмаилия – 222, 223, 225
- Испания – 30, 290
- Италия – 158, 294, 440, 450–452, 464, 517, 566, 568, 574, 578
- ## Й
- Йемен – 26, 472, 481, 561, 564
- ## К
- Каир – 22–25, 27, 30, 34–36, 38, 39, 41, 43, 44, 49, 52–54, 57, 60, 61, 63, 65, 76, 78, 79, 83, 84, 96, 104, 105, 108, 115, 117, 210, 212, 217–219, 222, 227–229, 232, 237, 239, 240, 251, 254, 256, 260, 306, 310, 311, 335, 381, 382, 391, 398, 443, 465, 467–472, 481, 562, 586
- Калахари, пустыня – 152
- Канада – 290, 461, 570, 571, 578
- Кибья – 279
- Кипр – 237, 308, 477, 486, 487, 572
- Китай – 161, 489, 556
- Красное море – 168, 188, 353, 522
- Куба – 167, 472
- Кувейт – 11, 12, 23, 177, 291, 313, 314, 403, 405–415, 420, 424–429, 431, 432, 435–440, 443–446, 455–457, 459, 462, 464, 465, 468–471, 475, 477–479, 483, 485, 486, 488–491, 494,

496, 497, 502, 503, 506–508,
510–514, 516, 517, 519–523, 525,
527, 540–543, 545, 554–556,
564, 569

Кэмп-Дэвид – 11, 16, 18–20, 97,
117, 181, 232, 233, 240–250,
252, 258, 259, 263, 311, 325,
327, 347, 369, 536, 568, 569

Л

Ларнака – 237, 486, 563

Ла-Сен-сюр-Мер – 157

Ливан – 20, 58, 89, 90, 117, 127,
135, 139, 178, 186, 187, 189, 191,
217, 236–238, 240, 258, 265,
278, 286, 296, 298–304, 308–
311, 319–345, 347–354, 356,
357, 361–364, 370–389, 391,
393–396, 407, 466, 534, 562,
564, 569, 571, 572, 574–576,
578, 582, 587–590

Ливия – 205, 364, 564

Лидс – 241, 242

Литани, река – 90, 236, 332,
340, 362

Лозанна – 386

Лондон – 73, 112, 198, 200, 226,
294, 296, 308, 309, 337, 354,
461, 588

М

Марокко – 111, 200, 201, 204,
217, 564, 570, 576, 578

Медина – 450

Мекка – 450

Москва – 40, 48, 49, 51, 53, 54,
56, 80, 82, 83, 85, 95, 117, 209,
292, 411, 412, 416, 417, 421, 422,
431–433, 441, 442, 446, 459,
461, 464, 467, 472, 476, 479,
482, 485, 486, 489, 490, 494,
497, 503–506, 508, 509, 511,
515–517, 520, 521, 549, 551

Н

Наблус – 276–278, 280, 285, 590

Назарет – 280

Негев, пустыня – 142

Нигер – 147

Никарагуа – 156, 585

Норвегия – 293, 307, 564

Нью-Йорк – 111, 180, 202, 366,
375, 379, 458, 472, 488, 571,
586

О

Объединенные Арабские Эми-
раты – 129, 266, 289, 344, 364,
366, 429, 436, 480, 483, 521,
524, 531, 538

Оман – 176, 177, 184, 188, 582

Ормузский пролив – 177

П

Пакистан – 170

Палестина – 19, 86, 119–121,
128–130, 133, 219, 240, 248,
260, 265, 266, 274–276, 280,
286, 288–290, 292, 295, 296,
301, 304, 305, 307, 323, 353,
365, 371, 391, 399, 407, 425,
538, 539, 562–564, 566, 568,
575, 576, 579–581, 586, 588

Париж – 143, 147, 157, 201, 202,
290, 294, 296, 304, 306–308,
446, 449, 452, 479, 480, 564,
568, 570, 571, 579, 580, 585

Пекин – 508

Персидский залив – 11, 163, 168,
170, 172, 174, 177, 178, 183, 187,
188, 192, 193, 313, 314, 387,
388, 403, 404, 407, 409, 414,
415, 421, 428, 436, 439, 442,
444, 448, 449, 451, 453, 456,
465, 467, 477, 479, 483, 488,
491–497, 504, 509, 518–520,
524–526, 529, 530, 532, 533,

539, 540, 542, 544, 546, 549,
552, 553, 557, 569, 590
Прага – 391

Р

Рабат – 202, 561
Рамаллах – 133, 276–278, 284,
588
Рас-Мохаммед – 226, 250, 253
Рафах – 220, 226
Рим – 158, 307, 308, 338, 446,
449, 451, 452, 566, 575

С

Сайда – 304, 308, 309, 340
Сальвадор – 156
Сана – 481
Саудовская Аравия – 25, 26, 57,
101, 137, 139, 158, 177, 182, 185,
188, 198, 208, 223, 235, 236,
238, 239, 254, 311, 323, 326,
350, 378, 387, 407–409, 420,
429, 436, 440, 442, 444, 445,
458, 465, 467, 468, 470, 475,
477–479, 481–485, 489, 492,
493, 525, 541, 554, 561, 562,
565–569, 580, 586, 587
Сахара, пустыня – 141
Синай, Синайский полуостров –
15, 21, 22, 25, 50, 51, 61, 66, 69,
75, 78, 79, 84, 93, 94, 97, 105,
133–137, 178, 181, 182, 186, 187,
204–206, 218–220, 226–228,
230–232, 237, 242, 244, 249,
250, 256, 260, 261, 263, 270,
279, 311, 324, 332, 335–337, 562
Сирия – 65–69, 73, 77, 87, 94–
96, 132, 139, 189, 198, 207, 216,
217, 324, 334, 338, 346, 348–
350, 361, 371–375, 378–380,
385–387, 390, 408, 409, 428,
429, 440, 442, 465, 466, 468,
469, 517, 534, 561, 564, 565,
569, 575, 576, 580, 588

Сомали – 184, 188
Средиземное море – 151, 157
СССР, Советский Союз – 11, 25,
27, 31, 37–42, 44, 47, 48, 51, 53–
58, 60–63, 69, 78, 81, 83, 84,
86–88, 90, 91, 93–96, 107, 110,
117, 132, 152, 160, 161, 163, 164,
167–171, 175, 176, 179, 181, 184,
185, 188, 190–193, 203, 207,
209, 216, 217, 295, 314, 315, 333,
344, 345, 364, 365, 382, 394,
397, 399, 400, 404, 409, 410,
412–420, 422, 427, 429, 432,
433, 435, 439, 446–448, 451,
452, 454, 458–460, 464, 466,
468, 470, 472, 473, 476, 477,
479, 482–498, 500–502, 504,
505, 507–512, 516–518, 520–
523, 529, 530, 532, 544, 546–
553, 555, 556, 561, 562, 565,
566, 569–585, 589–591
Судан – 188, 499, 564, 570, 587
Суэц – 81, 82, 184, 562
Суэцкий канал – 28, 30, 37, 38,
45, 46, 49, 51, 57, 61, 64, 67, 70,
75, 97, 100, 104, 206, 261, 561,
563
США, Соединенные Штаты – 11,
13, 17, 18, 20, 22, 25–31, 35–37,
39–41, 43–45, 47–49, 51, 52,
55–59, 62, 63, 68, 69, 71–75,
77–80, 82–86, 89–96, 98, 103–
105, 109–111, 115–118, 132, 137–
142, 144–146, 148–154, 158–
198, 203, 207, 209, 210, 212,
214–217, 219–225, 228–248,
251–256, 259, 261, 262, 269,
277, 282, 288, 290–294, 296,
299, 303, 306, 313, 314, 316,
321–328, 330–353, 355, 360–
364, 368–373, 375, 377, 379–
385, 387–390, 396–398, 407,
409, 412–415, 426, 432, 436,

437, 440, 442, 447, 450, 454,
457, 459, 460, 472, 475, 488,
490–492, 495–497, 508, 511–
513, 517, 520, 521, 523, 529–
532, 535, 539, 542, 543, 545–
556, 562, 563, 567, 569–589,
591

Т

Таиланд – 156
Таиф – 485
Тайвань – 153, 156
Тегеран – 198–200, 208, 313,
498, 506, 509
Тель-Авив – 15, 69–72, 75, 79,
83, 90, 94, 124, 140, 141, 152,
156, 212, 217, 222, 232, 252–
254, 260, 268, 269, 322, 327,
330, 373–376, 403, 455, 536,
582
Тикрит – 418
Тиранский пролив – 261
Тихама – 481
Того – 345
Токио – 461
Триполи – 390, 391
Тулон – 157
Тулькарм – 278
Тунис – 425, 564
Турция – 170, 327, 487, 556

Ф

Фес – 198, 201, 364, 366, 367,
389
Филиппины – 165
Фолклендские острова – 321,
564
Франция – 27, 123, 141–143, 146,
147, 151, 157, 158, 290, 291, 294,
295, 341, 342, 359, 440, 442,
452, 464, 477, 479, 517, 556,

563, 570, 572–575, 579, 581–
583, 587, 590

ФРГ – 146, 151, 571, 578, 583

Х

Хальхуль – 276, 277, 581
Хеврон – 276, 277, 281, 576
Хельсинки – 412–415, 432, 548,
565

Ц

Центральноафриканская Респуб-
лика – 147

Ч

Чили – 156

Ш

Шарм-эш-Шейх – 181, 230
Шатт-эль-Араб, река – 312
Швейцария – 141, 386

Э

Эйлат – 181
Элон-Море – 130
Эль-Ариш – 226, 250, 253
Эль-Бира – 277
Эль-Кувейт – 403, 513, 514, 516
Эр-Рияд – 223, 290, 403, 444,
465, 468, 473, 479, 481–483
Эфиопия – 167

Ю

ЮАР – 146, 151–153, 156, 587
Южная Корея – 148, 151–153,
165, 166, 580

Я

Япония – 95, 161, 165, 172, 174,
175, 288, 295, 296, 321, 324,
461, 517, 545, 572, 576, 581, 586

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АПН – Агентство печати «Новости»
АРЕ – Арабская Республика Египет
АСС – Арабский социалистический союз
ВВС – военно-воздушные силы
ВМС – военно-морские силы
Госдепартамент; Госдеп – Государственный департамент
США
ЭЭС – Европейское экономическое сообщество
ИВС – израильские вооруженные силы
исполком – исполнительный комитет
ИЦД – «Иргун цвай леуми»
км – километр
КНР – Китайская Народная Республика
МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии
МИД – министерство иностранных дел
млн – миллион
НАТО – Организация Североатлантического договора
(англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)
НДРЙ – Национальная Демократическая Республика Йе-
мен
ОАР – Объединенная Арабская Республика
ООН – Организация Объединенных Наций
ООП – Организация освобождения Палестины
ОПЕК – Организация стран – экспортеров нефти (англ. Or-
ganization of the Petroleum Exporting Countries, ОПЕК)
ПВО – противовоздушная оборона
ПДС – палестинское движение сопротивления
СИПРИ – Стокгольмский институт исследования проблем
мира (англ. Stockholm International Peace Research Insti-
tute, SIPRI)

Социнтерн – Социалистический интернационал
США – Соединенные Штаты Америки
ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза
ТНК – транснациональная корпорация
ФРГ – Федеративная Республика Германия
ЦК – центральный комитет
ЦРУ – Центральное разведывательное управление США
ЮАР – Южно-Африканская Республика
AFP – Agence France-Presse
AWACS – Airborne Warning and Control System
CENTCOM – United States Central Command
CNIM – Constructions industrielles de la Méditerranée
NUMEC – Nuclear Materials and Equipment Corporation

**АЛФАВИТНЫЙ
УКАЗАТЕЛЬ
произведений,
вошедших в собрание
сочинений
Евгения Максимовича
ПРИМАКОВА**

Анатомия ближневосточного конфликта	Том 1
Биобиблиография Е.М. Примакова	Том 10
Война, которой могло не быть	Том 2
Восемь месяцев плюс...	Том 4
Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России	Том 8
Восток после краха колониальной системы	Том 1
Годы в большой политике	Том 3
Избранные доклады, статьи, интервью, эссе	Том 9
История одного сговора	Том 2
Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами	Том 5
Минное поле политики	Том 6
Мир без России?	Том 6
Мир после 11 сентября	Том 4
Мысли вслух	Том 7
Россия. Надежды и тревоги	Том 7

Научное издание

Евгений Максимович ПРИМАКОВ

Собрание сочинений.

В 10-ти томах.

Том 2:

**История одного сговора: ближневосточная
политика США в 70-е – начале 80-х годов.
Война, которой могло не быть**

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

ISBN 591022314-3

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 05.04.2016
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 38.0
Тираж 1000 экз. Зак.